

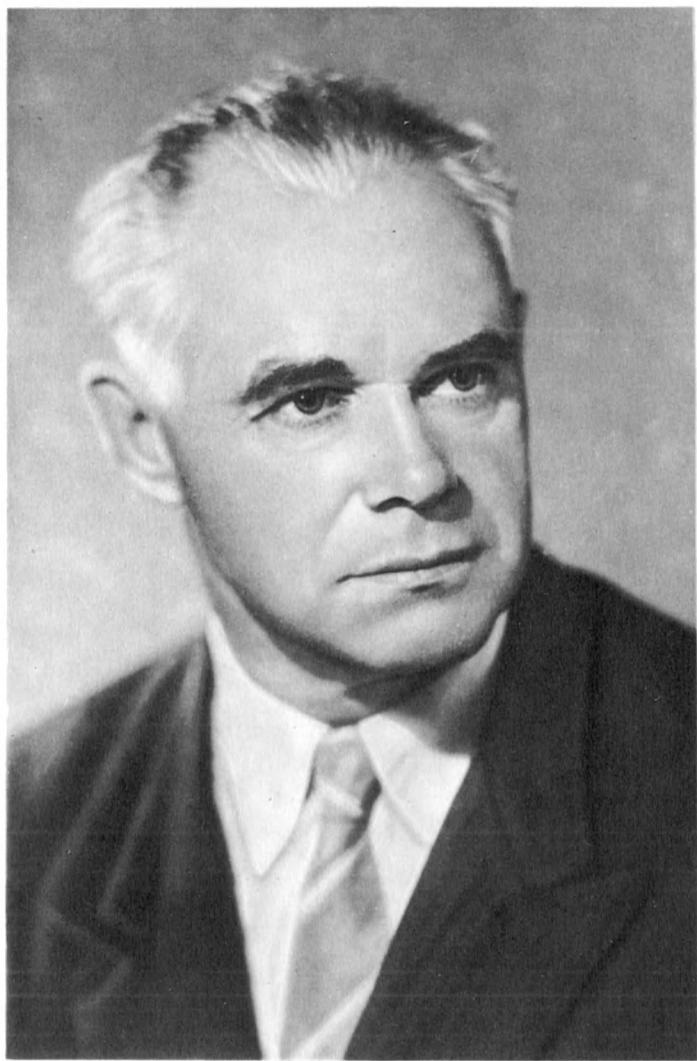
Б.А.Борисов

ШКОЛА ЖИЗНИ

^m
Eysma -

Б.А.Борисов

ШКОЛА
ЖИЗНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1971

Борисов Б. А.

Б 82 Школа жизни. М., Политиздат, 1971.

367 с. с илл. (О жизни и о себе).

Читателю известны книги Б. А. Борисова «Подвиг Севастополя», «Записки секретаря горкома» и некоторые другие. Их автор — бывший первый секретарь горкома партии в Севастополе, председатель комитета обороны города в 1941—1942 годах, впоследствии секретарь горкома в Иванове, Владивостоке, Владимире, награжденный орденом Ленина и орденом Красного Знамени, многими медалями; ныне персональный пенсионер, капитан II ранга в отставке, почетный гражданин города-героя Севастополя. В своей новой книге «Школа жизни» он воссоединяет разрозненные воспоминания, вводит новые эпизоды периода гражданской войны, 20-х и 30-х годов. Перед нами становление партийного работника от комсомольца — бойца продотряда до руководителя крупных городских партийных организаций.

*Фабричный поселок.— В стороне
стоять нельзя.— Закалка в боях с
бандитами-кулаками.— Друзья мои,
красные ткачи.— Легкая атлетика —
королева спорта.— Только на флот!*

Отец мой служил на текстильной фабрике Сакиных, под Ярославлем (сейчас фабрика «Красные ткачи»). В фабричном поселке и прошло мое детство. Насколько помню, я рос слабым, болезненным, из-за всякой мелочи плакал. Меня колотили даже девчонки. Несмотря на это, непременно участвовал в играх, которые затевали ребята. Когда я вместе с отцом ездил в город, то любил смотреть на марширующих по улицам солдат. Чаще всего играл в оловянных солдатиков, мастерил деревянные пистолеты и сабли. И позднее, в драмкружке, я, как правило, исполнял роли военных.

Откуда взялось это пристрастие, не знаю. Из моих родственников никто в царской армии не служил. Ни отец, Алексей Александрович, ни мать, Александра Ивановна, вырастившие четырех детей, никогда не поощряли такого рода наклонностей. Видимо, мне просто хотелось быть таким же живым и здоровым, как и большинство окружавших меня детей. Хотелось играть, бегать вместе с ними, а если кто заденет, то суметь дать сдачи.

Не раз я ходил с синяками, доставалось мне и от родителей. А однажды удил с мостка рыбу, и закружилась голова, я упал в воду и пошел ко дну. Старший брат Николай, тоже удивший за кустом, услышав сильный всплеск, пошел взглянуть, в чем дело. Увидел на воде круги и пузыри, плавающую

удочку и понял, что кто-то тонет. Он бросился на помощь, и каково же было его удивление, когда, вытащив утопающего, обнаружил, что пузыри пускал его родной брат!..

К самому поселку примыкали березовая и сосновая рощи. За ними начинались леса. Богатые грибами и ягодами, они тянулись на многие километры. Река Которосль, на которой стоит фабрика, изобиловала рыбой, а луга, раскинувшиеся по берегам, покрывались весной густой травой, пестрели множеством цветов. Благодатная природа скрашивала убогий быт жителей поселка, а для нас, детей, была поистине раем.

Летом мы удили рыбу, купались, собирали грибы, ягоды, играли в городки и бабки. Зимой катались на санках, на самодельных деревянных коньках, подбитых железками и подвязанных к валенкам веревками, ходили на лыжах, сделанных самими же из развалившихся бочек. Помню, как все мы с завистью смотрели на хозяйского племянника, воспитанника кадетского корпуса Мишу Ильичева, который носил шерстяной спортивный костюм и специальные ботинки. У него были шикарные лыжи с бамбуковыми палками, какие-то особенные, блестящие коньки.

За долгие годы жизни мне довелось побывать во многих местах нашей Родины. Бывал в степях Украины, в предгорьях Кавказа и Карпат, на Черном и Балтийском морях, в Сибири, в Северном Казахстане, на Дальнем Востоке, в лесах Карелии, за Полярным кругом. Но такой волнующей природы, как в центральной полосе, в наших ярославских краях, нигде не встречал. Недаром наш знаменитый земляк Николай Алексеевич Некрасов любил отдыхать в своей Карабихской усадьбе (теперь усадьба-музей Н. А. Некрасова), которая находится всего лишь в одном километре от фабричного поселка. До сих пор люблю перечитывать его строки:

Сгорело ты, гнездо моих отцов!
Мой сад заглох, мой дом бесследно сгинул,
Но я реки любимой не покинул.
Вблизи ее песчаных берегов
Я и теперь на лето укрываюсь
И, отдохнув, в столицу возвращаюсь
С запасом сил и ворохом стихов.

Мы часто бегали в некрасовский парк, спускавшийся вниз чуть ли не до самой Которосли. Здесь для игр было раздолье. Получив разрешение, можно было вдоволь побегать на лужайках парка, прятаться в густых зарослях кустарника, отды-

хоть на берегу пруда, в уютных беседках. А осенью, когда никто не видит, забраться на единственный в наших краях кедр и полакомиться его орехами.

Льноткацкая и отбельная фабрика Сакиных до революции была сравнительно небольшой. Работало на ней примерно тысяча человек. Рабочие жили в фабричных каморках или в собственных домиках. Это были бывшие крестьяне окружающих деревень — Ноготина, Ершева, Боровой, Карабиhi, Семеновского. Сюда, на фабрику, гнали их малоземелье, голод и нужда. Это о таких крестьянах, об их тяжелой и бесправной доле писал Некрасов в своей поэме «Кому на Руси жить хорошо». Помню, когда я в школе впервые услышал эти стихи, то твердо решил, что поэт имеет в виду как раз соседние деревни и села.

Я, конечно, не мог помнить, но старые рабочие в первые годы после Октябрьской революции рассказывали, что в 1905 году ткачи фабрики Сакиных не стояли в стороне от общего подъема революционного движения. Они объявили забастовку, и главным требованием было сокращение рабочего дня до 11 часов. На фабрику вызвали из Ярославля войска, но это ткачей не испугало. Они провели демонстрацию, провозглашали революционные лозунги.

Руководил забастовкой стачечный комитет, в состав которого вошли передовые рабочие фабрики. Комитет поддерживал связь с руководителями стачек на других фабриках и заводах. Большую помощь бастовавшим оказывал студент Владимир Некрасов (племянник поэта). Кстати, через много лет, уже в годы Советской власти, В. Ф. Некрасов работал в области здравоохранения и был удостоен почетного звания «Заслуженный врач РСФСР».

Стачка ткачей продолжалась более двух недель и прекратилась только после удовлетворения основных их требований.

Трехклассная начальная школа поселка помещалась в маленьком одноэтажном доме. Здесь была одна классная комната, теплый и холодный коридоры и квартира нашей учительницы Анны Александровны. Учительница была требовательной, но в то же время снисходительной к нашим шалостям. Стремилась дать нам как можно больше знаний, так как хорошо понимала, что почти никому из нас не придется продолжить образование. За это все мы, бывшие ученики Анны Александровны, вспоминаем ее с большой благодарностью.

В классной комнате стояло три ряда парт. Каждый ряд — класс. Когда одни, например, занимались вслух чтением, другие в это время выводили в тетрадах буквы или решали задачи.

Сейчас в «Красных ткачах» большая десятилетняя школа, и учится в ней не тридцать — сорок ребят, а более тысячи. Сотни юношей и девушек, окончивших школу, стали инженерами и техниками, учителями, врачами, квалифицированными рабочими и работницами, офицерами Советской Армии.

Многое из того, что я видел и слышал в пору своего детства, давно уже кануло в вечность. Сейчас, по прошествии почти шестидесяти лет, когда наши космонавты штурмуют небо, когда так широко используется электричество, химия, атомная энергия, не верится даже, что я сам был участником далеких удивительных событий. А ведь это было как будто совсем недавно.

Помню, когда мне было лет семь, отец, придя с работы под воскресенье, сказал:

— Завтра на шоссе будут автомобильные гонки.

Это было невиданным событием не только для детей. Хотя поселок стоял на оживленной дороге Москва — Ярославль, большинство его жителей еще не видело автомобилей.

— А куда они погонятся? — спросил я.

— Из Москвы в Ярославль. Гоняться будут больше иностранцы...

— А какие такие иностранцы?

— Те, что из других стран.

Гонщики должны были проехать во второй половине дня, но уже к полудню вдоль дороги собралась масса народу: «Вдруг проедут раньше».

— Едут, едут! — послышался крик со всех сторон.

Подпрыгивая на ухабах, дымя и распространяя запах бензина, пронеслась первая забрызганная грязью машина. Широко открытыми глазами смотрели мы на эту диковину. Не успели опомниться, как мимо пронеслась вторая.

— Вот это здорово!

— Как же это так, без лошадей-то?

— А паровоз-то ходит!..

Старушки крестились. Автомобили все мчались и мчались.

— А где же иностранцы?

— Смотри, вот едет, — показал кто-то.

— Такой же, как и мы.

После каждой машины мы гурьбой бросались на шоссе и находили след.

— Бензином пахнет! Бензином! — кричали мы и быстро возвращались на обочину.

— Не бензином, а резиной, — поправил кто-то.

Машины уже давно прошли, а народ не расходился. Еще много дней в поселке говорили потом об этом событии.

Сейчас по шоссе Москва — Ярославль ежедневно проходят сотни, если не тысячи, самых разнообразных машин, в том числе и ярославские — ЯЗы. То, что было для нас в диковину, стало привычным.

По этой же дороге в Ростов-Ярославский, в Троицко-Сергиевскую лавру тянулись тогда богомольцы — с посохами в руках, с котомками за плечами, в лаптях, а то и босые. Мы расспрашивали их, откуда и куда идут, а богомольцы любопытствовали, что за фабрика, где можно переночевать, далеко ли трактир.

Несколько женщин поселка, в том числе и моя мать, хотя и не была очень набожной, как-то договорились пойти на богомолье в Ростов. Это от нас верст тридцать пять. Мы, конечно, увязались за матерями. Очень хотелось посмотреть древний Ростов Великий, о котором много слышали от учительницы.

Вышли на рассвете, часов в пять, а добрались до Ростова уже вечером — измученные и голодные. Сразу же вошли за ограду стоявшей на окраине города церкви. Там сначала отвечивали поклоны, а потом заказали богослужение... Отстояв богослужение, женщины надевали на себя металлические жилеты, вешали на шею тяжелые вериги. Это железные цепи с чугунными шарами на концах, которые якобы носили причисленные к лику святых люди. Согнувшись под их тяжестью, женщины ходили вокруг церкви.

Примеру старших следовали и мы. Жилет нам был не под силу. Вериги же тащили сразу втроем-вчетвером. Старшие говорили, что за это простятся грехи. И мы старались.

На следующий день побывали в Ростовском кремле. Особенно запомнились Белые палаты с их многочисленными реликвиями. Успели также сходить на озеро Неро, откуда берет начало наша Которосль.

Только к концу третьих суток голодные, осунувшиеся, с побитыми ногами вернулись мы домой. Несколько человек после этого заболели, «зато, — утверждали богомолки, — спасли свои души».

В окружающих фабрику деревнях часто возникали пожары. То в Боровой, то в Опарине, то в Лаптеве, то в Комарове, то в Семеновском. Сколько после этих пожаров появлялось новых нищих! Особенно часто горела деревня Боровая. Жители ее сеяли хлеб, столярничали, работали на фабрике. На моей памяти эта деревня чуть не дотла выгорала несколько раз. Будто над ней висел какой-то рок! Загоралась она как-то быстро, огонь охватывал сразу несколько строений.

В 1913 году, в дни празднования трехсотлетия дома Романовых, на фабрике прошел слух, что на станцию Козьмодемьянск — это в четырех-пяти верстах от поселка — придет царский поезд. На рассвете толпы людей отправились смотреть царя. Конечно, побежал и я.

Обойдя усиленную охрану, мы вышли на другую сторону станции, за пруд. Только там разрешалось стоять. На путях увидели царский поезд. Народу собралось много. Ждали, когда выйдет царь.

И вот кто-то выглянул из окна. Все закричали «ура!». Многие начали креститься, а кое-кто запел «Боже, царя храни».

— Так это не царь. Царь маленький, рыжий... А это высокий, черный.

Из вагона вышел здоровенный казак. На руках у него был мальчик.

— Наследник! Цесаревич! — зашумели кругом.

Вскоре поезд тронулся. Опять закричали «ура!». Но из вагона никто даже не выглянул. Домой люди возвращались злые, усталые...

— Так и не показался царь народу-то!

— А больно мы ему нужны!

— Разве про божьего помазанника можно говорить такое?.. Смотри, языка лишишься...

Но в народе говорилось уже и не такое. На фабрику несколько раз приезжали стражники, а однажды и казаки. Было это в дни рабочих волнений в Ярославле, отклики которых доходили до нашего поселка.

Весной 1914 года, в одиннадцать лет, я окончил начальную школу и осенью поступил в городское училище. Находилось оно в пятнадцати километрах от нашего поселка, в большом торговом селе Великое. Лучше было, конечно, учиться в Ярославле, но родителям это оказалось не под

силу. А в селе Великом, откуда родом отец, жили наши родственники, к ним меня и пристроили.

Учился я средне. Нелегко было, когда в одной комнате проживало шестеро, я — седьмой. Из семерых двое совсем маленьких ребят. На кухне, которая отделялась от комнаты легкой занавеской, с раннего утра до позднего вечера стучали молотки, стрекотала швейная машина, слышался непрерывный говор. Там сапожничали два моих двоюродных брата, шили обувь для армии. Нередко я подсаживался к ним клеить подборы, бегал к кузнецам собирать «огрызки» гвоздей, оставшихся послековки лошадей. За спичечную коробку, наполненную этими «огрызками», мне платили копейку. И то деньги!

Семья была набожная, и я вместе со всеми каждую субботу и воскресенье ходил в церковь. Да и в училище (позднее оно стало называться «высшим начальным») много времени занимало изучение закона божьего: Ветхого и Нового завета, катехизиса, церковнославянского языка. Читать нам давали книги преимущественно из жития святых.

Большим событием для населения Великого было открытие частного кинематографа «Корсак». До этого почти никто из жителей села не имел представления о кино. Поэтому зрителей было много. Чтобы чаще смотреть кино, я вместе с товарищем подрядился у хозяина кинотеатра два раза в неделю после учебы носить для движка воду из пруда. Это метров за сто, по сорок-пятьдесят ведер в день. Мы также подметали зал и коридор. Хозяин нам денег не платил, но зато пускал бесплатно смотреть кино.

В это время уже шла первая мировая война. Мобилизация следовала за мобилизацией. Новобранцы за несколько дней до отправки в армию бросали работу, много пили, собирались большими группами, по пятьдесят и более человек, и долго, часами ходили по улицам. Под гармонь, бубен и трензель они пели, проклиная войну и Германию. Стражники держались в стороне. Сотни людей уходили на войну, и среди населения стоял сплошной стон. Не было семьи, у которой мужчины не пошли бы на фронт.

А вскоре семьи стали получать извещения о гибели отца, сына, брата. Многие солдаты пропадали без вести или возвращались калеками.

Помню, как мой уже немолодой двоюродный брат, Владимир Алексеевич Курочкин, уходя на фронт, сказал: «Недолго

продержится на своем троне Николай». Так и получилось. В феврале 1917 года самодержавие было свергнуто.

В дни Февральской революции вместе со всеми я участвовал в демонстрациях, пел «Марсельезу» и «Мы жертвою пали». Вместе со сверстниками бегал по селу за фронтовиками, которые арестовывали стражников. Один из фронтовиков попросил нас:

— Ребята, помогите расклеить листовки.

Мигом мы взялись за дело. Что было написано в листовках, к сожалению, не помню. Знаю только, что человек этот пользовался у населения доверием и, видимо, был большевик. В другой раз он поручил нам собрать жителей села на митинг. Мы с радостью выполнили и эту просьбу.

На лето я возвращался в родной поселок. В 1917 году лето было бурным. Всюду кипели революционные страсти, в которых мне нелегко было разобраться. Позднее я узнал, что до Октябрьской революции на фабрике Сакиных не было большевистской организации, но передовые рабочие собирались и обсуждали свое бесправное положение, читали нелегальную литературу, разъясняли населению лозунги большевиков против Временного правительства и капиталистов.

Октябрьскую революцию фабричные рабочие встретили с энтузиазмом. Была создана партийная ячейка, проходили многолюдные митинги и собрания. Вначале партийная организация была малочисленной, человек двадцать. Хорошо помню многих из них, поскольку пришлось работать с ними и позднее. Это были в основном пожилые, квалифицированные рабочие, испытывавшие на себе гнет самодержавия и капиталистов: столяр Андрей Андреевич Маров, слесарь Николай Николаевич Киселев, ткацкие подмастерья Павел Тимофеевич Бирюков и Зотик Иванович Дмитричев, браковщик Константин Андрианович Бахтов, развивальщица пряжи Екатерина Павловна Рвачева, конторщик Николай Иванович Лебедев, ткач Николай Дмитриевич Капустин, вскоре избранный председателем правления фабрики, ткач Григорий Иванович Талицын — первый председатель фабричного комитета профсоюза. Их организованность, инициатива, преданность делу большевистской партии, их политическая работа имели огромное влияние на население.

Коммунисты повели за собой весь фабричный коллектив. Они еще до Октября добились введения восьмичасового рабочего дня, улучшения условий труда и быта рабочих. Потом в хозяйском доме создали рабочий клуб, а при нем библио-

теку из книг, конфискованных у хозяев. При клубе стали работать кружки художественной самодеятельности, школы по ликвидации неграмотности, читались лекции. Коммунисты и многие беспартийные рабочие занимались в кружках поллитрамоты.

Весной 1918 года я закончил высшее начальное училище. По сравнению с большинством сверстников, закончивших три-четыре класса, а то и вовсе не учившихся, таким образом я был более грамотным. Как-то утром отец сказал:

— Сегодня пойдем к хозяину.

В то время фабрика еще не была национализирована. Задав мне несколько вопросов, хозяин предложил место мальчика при конторе. Отец согласился. Через несколько дней я уже был на работе. Разносил бумажки, учился вносить записи в конторские книги, печатать на пишущей машинке, — в общем, готовился стать конторщиком. Вместе со мной в конторе работал Миша Харчев, сын рабочего. Мы с ним очень дружили. Позднее он стал народным судьей, участвовал в Великой Отечественной войне. Сейчас М. А. Харчев — генерал-майор юстиции в отставке.

В стране ухудшилось положение с продовольствием. Стучался голод и в дома нашего поселка.

От приезжих мы слышали, что за Москвой, в Тамбовской губернии, с продовольствием полегче, что люди везут оттуда хлеб. Я взял отпуск и тоже собрался в путь.

— На деньги, там, наверное, ничего не купишь. Возьми лучше мануфактуру. Обменяешь, — сказала мама. — Да смотри, будь осторожен...

Мануфактуру тогда выдавали на фабрике вместо денег.

До Москвы я добрался легко, а поехать дальше никак не мог: не только в вагонах, но и на крышах было переполнено. Измученный, голодный, лишь на третьи сутки добрался я до станции Кандауровка. Неподалеку оказалась мельница. Зашел к мельнику и попросил в обмен на мануфактуру дать пшеницы. Получив два пуда зерна, закинул мешок за плечо и направился к станции.

— Ату его! — услышал чей-то крик. И не успел опомниться, как в ногу вцепилась большая собака. Я упал. Послышался смех.

— Возьми его! Возьми!..

Это мельник и его дружки потешались надо мной. Через два года здесь же, на Тамбовщине, когда я служил в продотряде и в отряде по борьбе с бандитизмом, мне пришлось

видеть немало подобных «потех», стоивших жизни продармейцам, рабочим, беднякам... Но об этом позже.

Проходивший мимо крестьянин помог мне встать.

— Это же кулачье! Чего другого ожидать от них. Оболены на рабоче-крестьянскую власть... Но ничего, скоро дождутся, придет и их черед. Кровопийцы!.. Тебе, парень, не унести мешок. Иди обменяй в деревне на что-нибудь полегче. Да не забудь зашить штаны...

Прихрамывая, я поволок мешок в деревню. Обменял пшеницу на пшено и масло. Через сутки приехал в Москву.

Измученный, дремал я в зале Ярославского вокзала. Несколько поездов ушло, но попасть на них никак не мог.

— Пойди-ка узнай, скоро ли будет поезд, — попросил сосед. — За твоими вещичками посмотрю...

Я вышел на перрон, узнал, когда пойдет очередной поезд, и вернулся в зал... Ни соседа, ни моих вещей на месте уже не было. Домой вернулся ни с чем.

— Бог с ним... Хорошо, что сам живой вернулся, — сказала мать, узнав о моих мытарствах. — Гляди-ка, что кругом делается. Кто только на Россию не лезет...

Из разговоров служащих конторы, из рассказов отца я уже знал, что страна переживает тяжелые дни. Немцы оккупировали Украину, Прибалтику, Финляндию, Белоруссию и Крым. Английские и американские интервенты захватили Мурманск и Архангельск. Во Владивостоке высадились японцы. На Средней Волге и в Сибири начался мятеж чехословацкого корпуса. В Туркестан и Баку вторглись англичане. В Сибири, Поволжье и на Урале вспыхивали кулацкие восстания...

Неспокойно было и в наших местах. На всю жизнь запомнились мне дни белогвардейско-эсеровского мятежа летом 1918 года в Ярославле.

В один из июльских дней отец направился по делам фабрики в Ярославль, но, не доехав до города, вернулся обратно:

— В Ярославле восстание. В город не пускают.

В тот же день мы слышали звуки оружейных выстрелов. Ярославль — один из древнейших и красивейших городов на Волге, с множеством исторических и культурных памятников. Когда я приезжал в Ярославль, то часами бродил по улицам города, любовался его красотой, удивительными памятниками древнерусского зодчества, великой русской рекой. С высокой набережной хорошо были видны пароходы.

Коммунисты фабрики разъясняли, что мятеж в Ярославле подняли эсеры, а к ним присоединились все недовольные Советской властью — царские офицеры, классово чуждые элементы, уголовники. Позднее стало известно, что мятежи возникли также в Москве и других городах. Мы узнали, что эсеры убили в Петрограде Володарского и Урицкого, что эсерка тяжело ранила Владимира Ильича Ленина...

В дни мятежа почти каждый вечер вместе с товарищами я ходил в Карабиху. Оттуда, с горы, мы смотрели на огромное зарево, стоявшее над Ярославлем, ловили летевшие с попутным ветром странички книг, слушали гул орудийной стрельбы. Когда мятеж был подавлен, я поехал в Ярославль. Еще дымились многие здания. Чернели своды гостиного двора, зияли пробоинами стены знаменитого Спасского монастыря, сгорел Демидовский лицей. Побывал я на могилах жертв мятежа. Сердце наполнялось ненавистью к врагам Советской власти.

Как-то в начале 1919 года, проходя мимо фабричных ворот, я увидел у доски объявлений большую группу молодежи. Сообщалось, что в клубе состоится собрание, где будет сделан доклад о первом съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи. Внизу под текстом стояло: «Докладчик А. Маров».

— Да это же наш Саша Маров, ученик столяра, — сказал кто-то.

— Да нет, его отец, Андрей Андреевич.

Подошла Катя Марова, сестра Саши. Она работала на фабрике ткачихой.

— Доклад будет делать Саша. Он работает сейчас в губкоме комсомола.

В клубе собралось свыше ста человек. Доклад Саши слушали внимательно. Рассказав о съезде, он призвал нас вступать в комсомол и создать на фабрике ячейку РКСМ.

В тот же день я решил стать комсомольцем. Отец и мать мое намерение одобрили.

Через несколько дней состоялось организационное собрание. В комсомол вступили двадцать шесть юношей и девушек фабрики. В состав комитета избрали пять человек: Катю Марову, Колю Киселева, Ваню Румянцева, Митю Бахтова и меня. Председателем комитета стала Катя Марова, я — секретарем.

Катя была значительно старше нас и серьезнее. Невысокая ростом, скромная, она пользовалась среди молодежи большим авторитетом. Вскоре Катя вступила в партию и получила

другое поручение, а председателем комитета комсомольской ячейки избрали молодого рабочего Митю Бахтова. Но и ему не пришлось долго руководить комсомольской организацией. В составе продовольственного отряда он уехал на Украину. Вскоре родители получили сообщение, что в стычке с кулацкой бандой где-то в районе Умани Митя Бахтов погиб. По комсомольской мобилизации ушел на Восточный фронт и Саша Маров. Там в бою он был убит. На фронте погиб еще один член комитета нашей ячейки — Ваня Румянцев. Тяжело переживали гибель комсомольских активистов все рабочие фабрики.

Через некоторое время, в 1920 году, Катю Марову как активистку направили в Москву на курсы. Там она с группой курсантов по гостевым билетам побывала на заседании VIII Всероссийского съезда Советов. Кате посчастливилось увидеть Владимира Ильича Ленина и услышать его выступление. Потом она рассказывала нам, как Ильич призывал быстрее восстановить народное хозяйство, наладить работу фабрик и заводов.

Сейчас Екатерина Андреевна Петрова (Марова), проработав на фабрике сорок три года и получив пенсию, по-прежнему живет в поселке фабрики «Красные ткачи», принимает участие в общественно-политической работе, выступает перед молодежью. Коля Киселев, бывший казначей нашей ячейки, стал инженером.

Как сейчас помню, первым постановлением комсомольской ячейки было просить правление фабрики и фабком предоставить шестичасовой рабочий день подросткам и четырехчасовой — малолеткам. До этого они, как и взрослые, работали по восемь часов. Наша просьба была удовлетворена, и мы воодушевились, почувствовав первые результаты своей комсомольской работы.

Ячейка вовлекала фабричных парней и девушек в кружки художественной самодеятельности, помогала рабочим и работницам ликвидировать свою неграмотность, создала школу политграмоты, добиваясь, чтобы все комсомольцы хорошо работали на производстве, правильно вели себя в быту. Почти все комсомольцы стали читателями библиотеки. Рос авторитет ячейки, росли ее ряды.

К сожалению, скоро мне пришлось покинуть поселок. Связано это было с моей болезнью. Уехал к старшему брату Николаю и устроился работать конторщиком на заводе «Красный боевик», под Тамбовом. Сейчас это город Котовск.

Рабочие завода активно участвовали в борьбе за Советскую власть на Тамбовщине, в ликвидации врагов революции. Красногвардейские отряды «Красного боевика» действовали не только в рабочем поселке, но и в самом Тамбове, участвовали в подавлении кулацко-эсеровских мятежей. Тысячи рабочих завода сражались на фронтах гражданской войны.

Во время деникинского наступления конница генерала Мамонтова прорвалась в тыл Красной Армии и подходила к Тамбову. Меня, шестнадцатилетнего комсомольца, по мобилизации направили в коммунистический отряд. В соприкосновение с войсками Мамонтова мы не вступали, но принимали участие в ликвидации кулацко-эсеровских банд. Когда же прорыв Мамонтова был ликвидирован регулярными частями Красной Армии, мы вернулись на свой завод и несли его охрану.

Вскоре наш отряд распустили. И мне, откровенно говоря, было жаль расставаться с винтовкой, красноармейской шинелью и шлемом. В те дни Красная Армия на Южном фронте начала успешное наступление.

Как-то на заводе стало известно, что приехал «всероссийский староста» Михаил Иванович Калинин. Посмотреть и послушать Михаила Ивановича собралось множество народу. Протолкался поближе к трибуне и я.

Прежде всего меня удивило, что «всероссийский староста» по виду ничем не отличается от окружающих его рабочих и крестьян. Те же сапоги, та же косоворотка. Только, может быть, подбортнее да сидит половчее.

Не повышая голоса, спокойно и откровенно говорил Михаил Иванович о том, что больше всего волновало: о разрухе, о лишениях, о том, что нужно делать каждому, чтобы справиться с этими бедами. В заключение Калинин высказал мысль, что-де всякая, даже самая небольшая, работа идет на пользу Советской власти. Он призвал каждого, кто бы чем ни занимался, относиться к своему делу старательно, вкладывать в него всю свою душу.

Крепко запомнил я эти слова и всю жизнь старался следовать им. Может, потому любил при каждом удобном случае «похвастаться» тем, что еще в юности слушал Михаила Ивановича Калинина.

В стране свирепствовал голод. Повсюду из рабочих создавались продовольственные отряды. Как-то вызвал меня к себе председатель заводского комитета комсомола.

— Комсомольская организация направляет тебя в продовольственный отряд заготавливать хлеб. Не возражаешь?

— Нет, — без колебаний ответил я.

Наш отряд в Кирсановском уезде Тамбовской губернии добывал хлеб для Красной Армии, для населения Москвы, Петрограда и рабочих своего завода. Кулаки, не желая отдавать хлеб, прятали его, гноили, бешено сопротивлялись. Из-за угла они убивали коммунистов, бедняков, продармейцев.

С помощью актива из комитетов бедноты мы находили спрятанное кулаками зерно. Охраняли склады, сопровождали обозы с хлебом на железнодорожные станции, сидели в засадах. Зима в тот год выдалась холодная и выюжная. Переезжая из села в село за десятки километров, мы, чтобы согреться, бежали за саними. Часть бойцов ходила с обмороженными лицами, руками и ногами. Но никто не жаловался на трудности.

Дорого доставался тогда хлеб. Для каждого из нас участие в заготовках было серьезным испытанием, большой практической школой. В первых рядах продармейцев шли коммунисты и комсомольцы. Помимо своих основных задач, мы выступали среди крестьян с докладами и беседами, помогали местным организациям в текущей работе, устраивали вечера художественной самодеятельности.

Командовал отрядом рабочий нашего завода коммунист Федор Шелдовицын. Это был очень энергичный и инициативный командир, его в отряде уважали и любили.

В продотряде я подружился с молодым петроградским коммунистом Ваней Бариновым. Он был на два года старше и многому научил меня. Мы жили душа в душу.

Нас часто посылали в засаду куда-нибудь за село ловить спекулянтов, которые возами закупали и перепродавали зерно, мясо, соль. Когда очередь доходила до Вани, он обычно говорил мне:

— Сегодня иду в наряд.

— И я с тобой.

Целую ночь на морозе или в дождь сидим мы за селом и внимательно следим за дорогой. Ни на минуту не смыкая глаз, крепко держим в руках заряженные винтовки, шепотом рассказываем друг другу о себе, о товарищах по отряду, о родных местах.

Особенно Ваня любил рассказывать о своем родном Питере. Он хорошо знал город, был свидетелем Октябрьской революции, и я часами готов был его слушать, мечтал:

— Вот бы побывать когда-нибудь в Петрограде!

— Обязательно побываешь, — говорил Ваня. — Только сначала надо разбить контру.

В другой раз назначают в наряд меня: нести охрану складов с зерном. Со мной идет Ваня, хотя его и не посылали. Вдвоем всегда надежнее, да и время идет быстрее.

Мы вместе становились на постой в крестьянских избах, на одной подводе переезжали из села в село, вместе отправлялись конфисковать хлеб у кулаков, отказывавшихся его сдавать.

Как-то я был ранен. Пуля, проскользнув у правого глаза, разорвала ухо. Всего несколько дней пробыл я в больнице, а Ваня Баринов навестил меня дважды, хотя больница находилась в нескольких верстах.

В отряде было много отважных, интересных бойцов. Один из них — комсомолец Володя Уваров. В девятнадцать лет он уже имел большой опыт борьбы с врагами Советской власти. Участвовал в свержении самодержавия, в создании революционных комитетов в Тамбовском уезде, в подавлении кулацко-эсеровских мятежей. Высокий, здоровый, смелый, Володя Уваров служил в продотряде пулеметчиком и неизменно проявлял отвагу и находчивость в схватках с бандитами. Он был любимцем отряда, всегда приходил на помощь товарищам, попавшим в беду.

Совсем недавно мне посчастливилось встретиться с моим старым товарищем. Сейчас Владимир Степанович Уваров живет в Москве. Он персональный пенсионер. До ухода на пенсию продолжительное время находился на ответственной работе в Министерстве химической промышленности. Я многое узнал от Уварова о сегодняшних днях Котовска, о судьбе наших общих товарищей.

— Из отряда мы, кажется, двое и остались, — с грустью сказал он.

Хорошо помню по отряду комсомольца Ваню Федорова. Ему было тогда всего семнадцать лет. Каждую свободную минуту Ваня использовал для чтения, мечтал по окончании гражданской войны поступить в институт. Но жестока судьба бойца революции. В одной из стычек с бандой, сражаясь рядом со мной, Ваня Федоров был убит. Погиб и боец отряда, коммунист Борис Фадеев. Тяжело переживали мы эти потери.

В отряде нас было семьдесят человек, из них около двадцати коммунистов и двадцать пять комсомольцев. Комсо-

мольцы, шестнадцати-, семнадцати- и восемнадцатилетние ребята, дисциплинированные, энергичные, рвались всегда на самые ответственные и опасные задания. Вася Мещеряков, веселый парень, отличный организатор, был председателем комитета нашей организации. Вскоре он выбыл из отряда, и его заменил Володя Уваров, а когда ушел на фронт Володя, председателем избрали меня.

Спать нам приходилось где попало, нередко в одном помещении с телятами и поросятами. Многие продармейцы часто болели. Как-то вечером и я почувствовал недомогание, к утру поднялась температура. Фельдшер определил: сыпняк. Ваня Баринов отвез меня за семьдесят верст в заводскую больницу.

Проболел я более месяца. Перенес один за другим два тифа: сыпной и возвратный. Когда выписался из больницы, получил на несколько дней отпуск и поехал к родным, на «Красные ткачи».

— Может, тебе уже хватит? — осторожно спросила мать, когда я стал собираться в обратный путь. — Тебе еще только шестнадцать. Да и Коля воюет. Теперь пусть другие... А то вон ты какой слабый, худой, бледный... Не отдохнул еще.

— Нет, мама, меня ждут товарищи, — обняв ее, ответил я. — Поеду... Я же комсомолец.

Смахнув слезу и поцеловав меня, мама сказала:

— Уж очень ты рано повзрослел...

Отец стоял рядом и молчал. Только в ответ на последние слова матери, обнимая меня, сказал:

— Делай так, как подсказывает тебе совесть.

Я гордился и горжусь своими родителями. Нелегкую жизнь прожили они. Особенно трудно пришлось маме. Ее мать умерла рано, и воспитывалась она у дяди, ткацкого подмастерья. Потом своя семья, голодные годы и постоянная тревога за детей, которые рано покинули родительский кров.

Отец мой был родом из крестьянской семьи. Почти всю жизнь прослужил на фабрике. Еще до революции принимал активное участие в организации потребительского общества в поселке и был членом его правления. В годы Советской власти, когда национализировали фабрику, отец был избран членом ее правления. Как и мама, он очень благожелательно относился к складывающимся у меня политическим взглядам. Родители были уверены, что их сын выбрал правильный путь, и всячески меня поддерживали. За это я им бесконечно благодарен.

Вернувшись в отряд, я не застал Вани Барина, не застал и Володи Уварова. Они оба отправились на Южный фронт. С Ваней я так больше и не встретился. Как сложилась его судьба, не знаю.

Наш отряд пополнялся новыми бойцами и продолжал выполнять ответственные задачи.

К этому времени Красная Армия продолжала успешно наступать. На востоке страны был разгромлен Колчак, на юге весной 1920 года пал последний оплот деникинской армии — Новороссийск. Кольцо фронтов, окружавшее молодое Советское государство, распалось. Но создалась новая угроза: на Украине и в Белоруссии начали наступление войска буржуазно-помещичьей Польши, а в Крыму активизировалась армия Врангеля. В ряде губерний подняли восстание эсеры, белогвардейцы, кулаки.

Все больше нагнали кулаки и в Тамбовской губернии. Бандиты стали нападать на руководителей партийных ячеек, советских органов и групп бедноты, на отдельных коммунистов, на всех, кто активно участвовал в работе волостных и сельских Советов, кто помогал продовольственным отрядам найти спрятанный кулаками хлеб.

В июле 1920 года наш отряд по тревоге был срочно переброшен в Кирсанов. В уезде начался кулацко-эсеровский мятеж. Обманным путем под лозунгом «За Советы без коммунистов» кулакам удалось повести за собой значительную часть крестьянства, недовольного продразверсткой. Возглавил мятеж А. С. Антонов, еще до революции состоявший в партии эсеров. После Октября он втерся в доверие к советским властям и работал в Кирсанове начальником милиции.

В Кирсанове наш отряд и местные коммунисты были объединены в отряд по борьбе с бандитизмом. Срочно двинулись в село Иноковка, где, как стало известно, антоновцы зверски расправлялись с местным активом.

Первая атака на село, в котором засели бандиты, не увенчалась успехом, многие наши товарищи погибли. Получив подкрепление, отряд освободил Иновку. Перед нашими глазами предстала страшная картина кулацкого изуверства.

Возле здания волисполкома лежали раздетые и изувеченные трупы. У одних были выколоты глаза, вырезаны языки, отрезаны уши, у других — распороты животы и внутрь насыпана пшеница, а на груди приколоты записки: «Продразверстка выполнена». У двух красноармейцев на спине были вырезаны звезды.

Уложив всех погибших в одно место, мы перед ними поклялись отомстить врагу, не давать бандитам пощады.

Эти жертвы я запомнил на всю жизнь. Особенно часто вспоминал о них в годы Великой Отечественной войны, они напоминали о себе даже во сне в севастопольском подzemелье. Они всегда помогали мне различать, кто друг, а кто враг, подсказывали, как вести себя в самых трудных обстоятельствах.

Позднее мы вошли в отряд Маслакова, насколько помнится, работника губчека. Базировались в большом селе Инжавино. Отсюда делали вылазки против банд Антонова, которые к этому времени уже перешли к действиям большими силами.

В одном из боев наш отряд был разбит. Тем, кто остался жив, пришлось поодиночке добираться до своих. Казалось, я уже был в безопасности, как неожиданно натолкнулся на другой отряд бандитов. Поймали они еще двух бойцов нашего отряда — Салтанюка и Дмитрюка. Нас избили, а потом в одном нижнем белье бросили в каменный сарай с цементным полом, покрытым грязной соломой. Наверное, сразу бы расстреляли, но мы выдали себя за мешочников.

Была осень, ночи стояли холодные. В течение четырех суток нам не давали есть, а воду охранники черпали для нас из луж. На пятый день охрана с издевками предупредила, что утром в село прибудет карательный отряд.

— Вот тогда мы узнаем, что вы за мешочники.

Перед моими глазами вставали растерзанные в Иноковке люди. «Такой конец ждет, вероятно, и нас».

Через маленькую щель в двери я видел яблони, с которых еще не были собраны плоды. Драчливые воробьи затевали на ветках свои бесконечные споры. Сквозь деревья проглядывал синий кусок неба. Никак не верилось, что придется погибнуть. Ведь мне тогда было всего семнадцать лет.

В сарай доставляли все новых и новых людей. Было тесно. Пришлось сидеть и лежать по очереди. Наконец, бандиты стали выводить одного за другим местных коммунистов. После страшных издевательств их расстреливали. Об этом нам, не скупясь на подробности, рассказывали охранники. Никаких надежд на спасение, казалось, не было.

На рассвете следующего дня вокруг загремели пулеметные и винтовочные выстрелы. Сначала не могли понять, в чем дело. А потом догадались: идет бой. Нервы были напряжены до предела. Чья возьмет? Но вот выстрелы затихли. У дверей

раздался громкий топот. Кто-то сбивает замок. В сарай врываются красноармейцы, и мы оказываемся в объятиях своих.

— Быстрее! Быстрее! — крикнул один из бойцов. — Задерживаться нельзя. Вот-вот нагрянет их новый отряд...

Больных, измученных, нас доставили в село Калугино, возле которого расположился отряд курсантов Саратовского артиллерийского училища. Это ему были мы обязаны своим спасением.

Врачи, обследовав состояние моего здоровья, освободили меня от службы в отряде, и вскоре, снявшись с учета в комсомольской организации и распрощавшись с заводом, с товарищами, я отправился к родителям, на фабрику «Красные ткачи».

Заканчивалась гражданская война. Надо было восстанавливать народное хозяйство. И мы, комсомольцы, принимали активное участие в субботниках и воскресниках: заготавливали для фабрики топливо, разгружали вагоны на станции Козьмодемьянск, собирали металлолом...

Я опять стал работать конторщиком. Все это время не терял надежды, что буду военным. Когда немного поправился, написал в военкомат заявление с просьбой послать меня на курсы красных командиров. Меня направили в Москву, но по состоянию здоровья на курсы не приняли.

В Ярославле я показался одному из известных тогда в городе врачей. Высокий, худой, бледный, стоял я перед ним. Внимательно выслушав и осмотрев меня, он сказал:

— Неважны ваши дела, молодой человек. Надо по-серьезному браться за восстановление здоровья.

Я хотел быть здоровым, хотел работать, быть полезным Родине, и дал себе слово, что всего этого добьюсь.

Как-то в фабричной библиотеке я рассказал знакомой библиотекарше о своих переживаниях. Та, выслушав меня, ни слова не говоря, направилась к книжным полкам. Через минуту она вернулась. В руках у нее был небольшой коричневый томик.

— Прочтите эту книгу.

Это был «Овод» Войнич. Придя домой, я, почти не отрываясь, прочел книгу. Трудно передать, какое она произвела на меня впечатление. Вот это человек! В нем я видел сочетание мужества, воли, преданности своим убеждениям. Как мне хотелось в те минуты хоть немного быть похожим на Овода!

Потом я перечитал книгу еще раз. Отдельные места выписал себе в тетрадь. С тех пор Овод стал моим любимым литературным героем. Я старался во всем подражать ему.

Позднее, во время службы на флоте, в дни обороны Севастополя, я тоже часто возвращался к «Оводу». Люблю читать эту книгу и сейчас. Люблю смотреть «Овода» на сцене и на экране. Одним словом, «Овод» стал моей настольной книгой.

Большую помощь оказала мне и взятая в фабричной библиотеке книга Мюллера «Моя система», рассказывающая о том, как стать здоровым. Следуя ей, я ежедневно ложился спать в десять, вставал в шесть утра, занимался легкой гимнастикой, обтиранием, а после завтрака, до работы, шел на прогулку. Вечером опять прогулка и гимнастика. Летом я много купался, а зимой катался на лыжах, санках и коньках. По мере улучшения здоровья нагрузку увеличивал. «Буду здоров», — постоянно внушал я себе.

Родители, наблюдая мое упорство в борьбе с болезнью, старались помочь, заботились о моем питании, хотя семья и так еле перебивалась. Ведь кроме меня были еще брат и сестра. Хлеба выдавалось по полфунта, и то не каждый день. Ели овсяный хлеб, лепешки из дуранды, да выручала еще картошка, которую выменивали у крестьян на одежду. Вместо чая заваривали цикорий, сушеную морковь. Пили же его «вприглядку», редко с ландринном или сахаринном.

— На фабрике рабочие собираются поехать за хлебом в Вологодскую губернию, — сказал мне однажды отец, когда наши запасы совсем иссякли. — Хочу съездить с ними.

— Тебе нельзя, ты болен, — ответил я.

— Тебе тоже нельзя.

Но все-таки поехал я. Получил отпуск и через несколько дней был уже в пути. В пиджаке у меня были зашиты деньги, а в котомке вместе с мешками находилась мануфактура.

До Вологды ехали поездом, потом по рекам Вологде и Сухоне спустились к Великому Устюгу. Несколько раз нам приходилось сходить с парохода и грузить дрова, чтобы можно было плыть дальше. Размещались на верхней палубе. Спасаясь от холода, сидели сбившись в круг и натянув на ноги мешки.

В деревнях по соседству с Великим Устюгом нам удалось обменять полотно на рожь и овес. Каждый из нас привез домой по восемь — десять пудов зерна. Это облегчило положение семьи, хотя я сильно простудился и несколько дней пролежал в постели.

Казалось, занятия физкультурой пошли насмарку. Но я не опустил рук. Перед моими глазами все время был Овод — бесстрашный, негибаемый, никогда не теряющий присутствия духа. Как только немного выздоровел, опять взялся за гимнастику. Благодаря спорту я чувствовал себя все лучше и лучше, а к двадцати годам вполне окреп. Теперь можно было больше уделять времени комсомолу, общественной работе. Давняя дружба связывала меня с сыном фабричного кучера Колей Бабиковым. Мы вместе работали, оба много читали и мечтали об учебе, вместе занимались спортом. Разлучились с Колей только после моего призыва во флот:

Как-то летом в выходной день вместе с товарищами я поехал в Ярославль посмотреть соревнования по легкой атлетике. Они проводились на городском бульваре. С завистью смотрел я на выступления крепких, загорелых, жизнерадостных юношей и девушек. Особенно захватило выступление гимнастов из спортивного общества «Марс».

— Давайте и у нас на фабрике создадим спортивное общество, — предложил я в комитете комсомола.

Мое предложение поддержали. Нашли помещение для занятий, сделали турник, стойки и планки для прыжков. Склепали из железа диск, сшили из старой обуви бутсы для игры в футбол, из отходов пряжи связали десятки пар тапочек. Приступили к строительству спортивной площадки.

В спортивное общество вступило свыше ста пятидесяти человек. В Ярославле нам удалось достать несколько сот мешков из-под крупчатки. Каждый спортсмен сшил себе из них форму с голубой каймой на рукавах и трусах. Свое общество мы назвали «Спартак». Среди спортсменов установилась крепкая дисциплина. Мы поставили задачу, чтобы каждый член общества был передовиком производства, хорошо учился в школе.

В течение двух лет я возглавлял общество. Почти вся молодежь фабрики занималась тогда спортом: одни — легкой атлетикой, другие — штангой и гириями, третьи — гимнастикой. А я — и тем, и другим, и третьим. Да еще играл в футбол.

Нам повезло. Уж очень хороший попался инструктор — Петр Евменьевич Мильто, которого и сейчас, по прошествии сорока с лишним лет, бывшие фабричные физкультурники вспоминают добрым словом. Он много и терпеливо с нами занимался. На первенстве Ярославля по легкой атлетике в 1923 году команда фабрики вышла на первое место. Я лично

установил губернский рекорд по метанию диска, показал хорошие результаты в беге на короткие дистанции и в толкании ядра. Мы даже выступали на сцене Ярославского драматического театра имени Волкова.

Четыре года работы в конторе фабрики дали мне возможность изучить производство, хорошо узнать людей. Директором у нас был тогда коммунист с фабрики «Красный Перекоп» Георгий Сергеевич Дерин — умный, энергичный и авторитетный руководитель. Пригласив меня как-то к себе, он предложил работу тарификатора. Я дал согласие и не пожалел. Мне много пришлось бывать на других фабриках Ярославской губернии и Костромы, знакомиться с их работой. В дальнейшем все это пригодилось, особенно в 1942—1943 годах, когда я работал секретарем Ивановского горкома партии.

Наступил новый, 1924 год. К этому времени многих комсомольцев, и меня в том числе, зачислили в часть особого назначения (ЧОН). Мы периодически проходили военную подготовку в Ярославле, несли охрану военных объектов, патрулировали по городу.

В ночь на 22 января 1924 года наша рота несла охрану боевых складов. Мороз был такой сильный, что не спасали даже тулупы и валенки, и мы менялись на постах каждые полчаса.

Сменявший меня в полночь чоновец шепнул:

— Умер Ленин...

— Что?!

— Ленин умер.

Мороз, казалось, совсем сковал ноги, и, когда разводящий направился в караульное помещение, я не мог сдвинуться с места.

— Пошли! Чего застыл?

— Это верно? ...Ленин?

— Верно, — ответил он дрогнувшим голосом. — Пошли!

Еле-еле передвигая окоченевшие ноги, я добрался до караульного помещения. Ночью мы почти не спали. Удвоив посты, бдительно несли охрану объекта.

Ленина я никогда не видел, но хорошо знал о той огромной роли, которую он сыграл в создании партии большевиков, в подготовке и победе Великой Октябрьской социалистической революции, в организации и защите первого в мире государства рабочих и крестьян, о его роли в развитии международного коммунистического движения.

В день похорон Владимира Ильича рабочие и служащие фабрики «Красные ткачи» собрались на траурный митинг. Загудели фабричные гудки. Секретарь нашей партиячки Иван Тимофеевич Горюнов зачитал Обращение Центрального Комитета РКП(б):

«Умер человек, который основал нашу стальную партию... вождь мирового коммунизма, любовь и гордость международного пролетариата, знамя угнетенного Востока, глава рабочей диктатуры в России... Ленин живет в душе каждого члена нашей партии. Каждый член нашей партии есть частичка Ленина. Вся наша коммунистическая семья есть коллективное воплощение Ленина».

Рабочие стояли без шапок. Одни были суровы, и, казалось, ни один мускул не дрогнул на их лицах. Другие утирали слезы. Несколько женщин плакали навзрыд...

Что же теперь без Ленина-то будет? Так тогда думали многие, так тогда думал и я.

Вся партия заменила Ленина. В дни ленинского призыва в ряды партии пришло более двухсот сорока тысяч новых коммунистов. Десятки передовых рабочих вступили в партию и на нашей фабрике.

Я считал, что и мое место в рядах партии. Хотел подать заявление, но знал, что прием служащих ограничен. Дело вскоре повернулось по-другому. Секретарь партийной ячейки Иван Тимофеевич Горюнов как-то позвал меня к себе и спросил:

— А почему же ты, комсомольский активист, не вступаешь в партию?

— Еще не подготовлен... Да и служащий я...

— Подготовишься, когда станешь кандидатом. А что служащий, то мы это знаем. Подавай заявление.

После беседы с Иваном Тимофеевичем я вскоре подал заявление. Рекомендации дали коммунисты фабрики, которые знали меня с детства.

Прошло еще немного времени, и я был избран освобожденным секретарем комсомольского коллектива объединенной фабрики «Красные ткачи» № 1 и № 2. Комсомольская организация насчитывала тогда уже более двухсот человек, активно участвовала в производственных делах, в воспитании молодежи. Много уделялось внимания политучебе комсомольцев, спорту, художественной самодеятельности. Быстро росли наши ряды.

Мне повезло. Несколько месяцев я работал в одной комнате с Иваном Тимофеевичем Горюновым. Для меня, тогда еще кандидата в члены партии и молодого комсомольского работника, это было очень полезно.

У Ивана Тимофеевича за плечами был большой жизненный опыт. Еще мальчишкой поступил он работать на мотальную фабрику Большой Ярославской мануфактуры. Рабочие этого предприятия (сейчас «Красный Перекоп») — самого крупного в бывшей Ярославской губернии, не раз выступали против царского самодержавия и капиталистов. Они дали стране много замечательных революционеров, сотни бойцов Красной гвардии. Они активно участвовали в подавлении эсеровского мятежа в Ярославле. Тысячи рабочих-ярославцев боролись с интервентами и белогвардейцами в годы гражданской войны. Отсюда восемнадцатилетним юношей ушел в отряд Красной гвардии и Иван Горюнов. В 1917 году вступил он в партию, вел революционную работу среди солдат, участвовал в подавлении эсеровского мятежа в Ярославле. Потом Горюнов стал председателем райкома комсомола, воевал против Колчака, был комиссаром эскадрона партизанской кавдивизии, которая ликвидировала белогвардейские банды на Алтае. Когда вернулся в Ярославль, его избрали секретарем партийной организации нашей фабрики. В это время я и познакомился с Иваном Тимофеевичем. Меня привлекали его принципиальность, классовая непримиримость и удивительная работоспособность. Казалось, он никогда не отдыхал; все время был в движении, все время среди людей. Я жадно впитывал в себя все, что было в нем лучшего.

Потом наши пути разошлись. Слышал, что в годы Великой Отечественной войны Горюнов был на Северо-Западном фронте, затем воевал с японцами. А после войны снова пришел на фабрику «Красный Перекоп» и работал здесь до пенсии.

Очень жалею, что после 1925 года мне не пришлось встретиться с Горюновым. Сейчас Ивана Тимофеевича нет в живых. Но его помнят и любят в Ярославле, на его примере воспитывается молодежь.

Осенью 1925 года проходил очередной призыв в Красную Армию. Призывался и я — мне уже было двадцать два года. После медицинской комиссии подошел к военкому. Высокий, загорелый, мускулистый, стоял я перед ним по стойке «смирно», сгорая от нетерпения узнать, куда меня направят. Конечно, я мечтал о службе в Военно-Морском Флоте, над которым

взял шефство комсомол. Считал себя к этому вполне подготовленным, как политически, так и физически.

Военком внимательно прочитал заключение медицинской комиссии и характеристики от фабричных организаций, пристально посмотрел на меня и, улыбаясь, спросил:

— Конечно, Борисов хочет на флот?

— Только на флот! — ответил я.

— Ну и правильно.

— Спасибо! — закричал я от радости, забыв, что стою перед военкомом.

Все поздравляли меня, завидовали. Кто из юношей не мечтал тогда служить на флоте!

— Меня тоже на флот, — скромно произнес Федя Богомолов, комсомолец и спортсмен с нашей фабрики.

Мы с ним были чуть ли не первыми моряками с фабрики «Красные ткачи» и очень гордились этим. В следующем году и позднее на флот с фабрики ушло еще несколько комсомольцев-спортсменов. С одним из них, Колей Муравьевым, мы встречались не только по службе, но и на стадионах Севастополя, Баку и Москвы. Только уже не как одноклубники, а как «противники», так как служили на разных флотах.

Еще до флота я мечтал об учебе. И хотя ее пришлось отложить, передо мной была не менее замечательная школа трудной, но интересной военно-морской службы.

Незадолго до призыва мне удалось побывать на экскурсии в Крыму и впервые увидеть море. В Севастополе я любовался утопающими в зелени улицами и бульварами, невысокими, сложенными из белого камня домами, круто спускающимися с холмов лестницами, многочисленными памятниками. Я долго не мог оторвать глаз от боевых кораблей, стоящих в бухте, с завистью смотрел вслед каждому краснофлотцу.

Побывал я тогда на Северной стороне, где на берегу бухты еще за пять лет до основания Севастополя, в 1778 году, Александр Васильевич Суворов со своими гренадерами в течение одной ночи возвел первые укрепления и заставил уйти из бухты мощную турецкую эскадру. Тогда же я многое узнал о великом русском флотоводце, «морском Суворове» — Федоре Федоровиче Ушакове, который водил отсюда, из Севастополя, русские корабли в победоносные походы. Был на Малаховом кургане, на бастионах, на Братском кладбище, осмотрел знаменитую панораму.

Тогда-то и зародилась у меня любовь к Севастополю, к морю, появилось желание пойти служить на флот.

И вот в Карабихском клубе собрались фабричные рабочие и служащие, крестьяне, родственники, друзья и знакомые призванных в Красную Армию и Военно-Морской Флот и, конечно, сами призывники. Нам давали наказ. От имени призывников я заверил, что честно будем служить Родине, а если понадобится, то и отдадим за нее жизнь.

На другой день рано утром на двух подводах в сопровождении представителя фабкома мы отправились в Ярославль. Еще через несколько часов поезд мчал нас в Ленинград...

— Ленинград! Ленинград! — сквозь сон услышал я возгласы товарищей. Раздвинулись широкие двери вагона, и мы с восхищением смотрели на город.

Сколько дум и чаяний связано с этим чудесным городом! Город Октябрьской революции, город Ленина, город революционных рабочих! Сколько в детстве разучивали мы стихов, посвященных городу на Неве!

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид...

Как-то не верилось, что буду служить в этом славном городе, на Балтийском флоте, сыгравшем такую важную роль в истории нашей Родины.

Выгрузившись из вагонов, мы построились и двинулись в город. Нас много, целый эшелон. Все здоровые, крепкие парни. Впереди флотский оркестр. Идем по Невскому проспекту, стараемся держать ногу. Вот знакомые по картинам Исаакий, Аничков мост, Фонтанка, широкие улицы, красивые дома. Вот и ворота Екатерингофских казарм, в которых будем находиться...

Обмундировали нас. Поначалу даже друг друга не узнавали: робы торчали дыбом. Всем хотелось поскорее посмотреть город, сфотографироваться в форме моряка, послать фото родным, товарищам, знакомой девушке.

Вначале мы долго маршировали во дворе казарм. Только через два месяца стали ходить в город на патрулирование. Потом были экскурсии в Смольный, Эрмитаж, Русский музей, в Шлиссельбургскую крепость, к памятнику Петру... Побывали и в Мариинском театре.

Учебу я продолжал в Кронштадте, в Артиллерийской школе. За занятиями время летело быстро. Как в Ленинграде, так и в Кронштадте мы часто маршировали по улицам. Обычно пели:

Ты, моряк, красивый сам собою...

В Кронштадте, как и во всей ленинградской парторганизации, проходили партийные собрания и конференции, обсуждавшие решения XIV съезда партии, который взял курс на индустриализацию страны. Из Москвы прибыла группа членов Центрального Комитета партии, выступавшая на конференциях и собраниях с разъяснением решений съезда и разоблачавшая антипартийную деятельность руководителей «новой оппозиции».

Моряки, как и вся ленинградская партийная организация, за исключением одиночек-раскольников, единодушно поддерживали решения XIV партийного съезда, дали решительный отпор оппозиционерам. Я слушал тогда пламенные речи Сергея Мироновича Кирова и Михаила Ивановича Калинина, в которых они разъясняли решения съезда, разоблачали антиленинские взгляды оппозиционеров.

В январе 1926 года на собрании кронштадтской городской партийной организации с участием моряков военно-морской базы с докладом о XIV съезде партии выступил Климент Ефремович Ворошилов. Собрание полностью присоединилось ко всем решениям и постановлениям съезда. Кронштадтские коммунисты решительно осудили попытку зиновьевцев противопоставить ленинградскую организацию большинству съезда. Они заявили, что ленинградские коммунисты не уполномочили свою делегацию выступать на съезде с содокладом по политическому отчету Центрального Комитета.

На всех предприятиях и в учреждениях, на кораблях и в частях гарнизона коммунисты и комсомольцы единодушно одобрили решения XIV съезда ВКП(б).

Для меня, тогда еще кандидата в члены партии и комсорга роты, присутствие на этих собраниях было хорошей политической школой. Вскоре я подал заявление с просьбой о приеме в члены Коммунистической партии.

Служба на Балтике была нелегкой, так как помимо учебы приходилось заниматься восстановлением кораблей. Летом 1926 года я служил на линейном корабле «Октябрьская революция», который тогда после продолжительного перерыва вводился в строй и стоял то у стенки Балтийского завода, то на рейде Кронштадта, то в Лужской губе. Мы чистили корабль и помогали рабочим в ремонте, грузили уголь, боеприпасы, продовольствие, занимались боевой учебой, ходили на шлюпках, несли вахту. День был загружен до предела.

Часто вместе с земляком и товарищем по службе Федей Богомоловым, уже в полночь, усевшись на верхней палубе

под одной из орудийных башен, мы вспоминали детство, работу на фабрике. Федя до службы жил в соседней деревне Ершово. Учились мы с ним в одной школе, состояли в одной комсомольской организации, занимались в одном спортивном обществе. После школы Федя пошел работать на нашу фабрику «Красные ткачи» учеником столяра. Службу он переносил немного труднее, чем я, — меньше был тренирован.

«Выдержим ли?» — нередко задавали мы друг другу вопрос. И тут же отвечали: «Выдержим».

Мы почувствовали себя настоящими моряками, когда наш линкор вместе с другими кораблями ушел в большой поход по Балтийскому морю. Путь проходил вдоль берегов Эстонии, Латвии, Германии, Польши, Швеции, Финляндии. Настроение краснофлотцев и командиров было боевое, праздничное. На флагманском корабле — линкоре «Марат» находился председатель Реввоенсовета, нарком обороны Климент Ефремович Ворошилов. После этого похода главные трудности флотской учебы остались позади.

Окончив Артиллерийскую школу и получив звание старшины, весной 1927 года я был направлен на Черноморский флот, в отдельный дивизион подводных лодок, который располагался в Севастополе.

Это было трудное для страны время. Великобритания порвала с нами дипломатические отношения, Китай организовывал провокации на наших границах, в Польше был убит полпред СССР П. А. Войков.

Как раз в это время в Севастополь приехал Климент Ефремович Ворошилов. Приезд наркома обороны в момент такой обостренной международной обстановки мы расценили как проявление большого внимания к военным морякам со стороны Центрального Комитета партии и Советского правительства. Климент Ефремович посетил ряд соединений и кораблей флота, побывал на Севастопольском Морском заводе, а затем выступил на общегородском митинге. Народный комиссар призвал нас, краснофлотцев и красноармейцев, быть готовыми к отражению нападения врага. Обращаясь к рабочим города, он сказал:

— Вам, пролетариям красного Севастополя, надо почаще задумываться над вопросами обороны. Без вашего участия и помощи мы не подготовимся к тяжелым испытаниям так, как нужно...

Призыв председателя Реввоенсовета был встречен нами долго не смолкаемым громовым краснофлотским «ура!».

На флоте и в городе велась интенсивная работа по укреплению южного форпоста нашей страны и повышению боевой мощи Черноморского флота. Реконструировался Севастопольский Морской завод, сооружались новые укрепления.

Боевые корабли, включая и подводные лодки, подолгу находились в море, экипажи совершенствовали свою боевую выучку. Нас часто направляли на охрану военных объектов, для несения патрульной службы по городу. Боевые тревоги следовали одна за другой.

На всю жизнь мне запомнился один случай во время учений флота. Мне и еще двум краснофлотцам-химикам поручили прикрыть дымовой завесой атаку торпедными катерами «неприятельской» эскадры. Мы находились на сторожевом катере. Проверив работу аппаратуры, состоявшей из баллонов с аммиаком и соляной кислотой, мы ждали сигнала.

Наконец сигнал принят, и катер из укрытия устремился в море. Мы быстро надели противогазы и резиновые перчатки. С мостика командира слышалась команда: «Установить завесу!» Химики стали отвертывать вентили баллонов. Один баллон с кислотой никак не открывался, и завесы не получалось.

— Завесу! Завесу! — кричали с мостика.

«Срывается учение, — мелькнуло в голове. — Что делать?» Раздумывать было некогда. Срываю противогаз, сбрасываю перчатки и изо всей силы рывками повертываю вентиль. Сперва он немного поддался, а в следующий момент его вырвало напроочь. Жгучая боль в лице отбросила меня на леера.

— Вот это завеса! Молодцы!

— Щелочи! — крикнул я, сообразив, что мое лицо и руки облиты кислотой.

— Щелочи нет...

— Плещите заборной водой... Смывайте палубу, — уже шепчу ребятам.

Кто-то отвел меня в сторону и стал обмывать. Лицо нестерпимо жгло. Несколько раз я пытался открыть глаза — ничего не получилось... Вскоре катер подошел к берегу, и меня отправили в госпиталь.

— Завеса была хорошей, — подбодрил командир. — А вот противогаз сняли напрасно.

Прошел день, два, три. Глаза мои все закрыты. На седьмой день, когда опухоль от ожога стала спадать, врач слегка приподнял мое левое веко, и я увидел дневной свет, врачей и

напряженное лицо медсестры. Через несколько дней открылся и второй глаз.

— Счастливо отделались, — сказал мне на прощание врач. — Впредь будьте осторожнее.

«Это верно, конечно, — подумал я, — но иначе ведь и дымовой завесы не получилось бы. Сорвали бы ответственную фазу учений, в которых участвовало столько кораблей, тысячи людей». За проявленную находчивость командование объявило мне благодарность, а за то, что снял противогаз, меня крепко поругали...

Время шло. Я с увлечением овладевал своей морской специальностью. Свободные часы использовал для работы над собой, для тренировок на спортивных площадках, чтения художественной литературы. Мне хотелось как можно лучше изучить историю партии, труды В. И. Ленина, добиться больших результатов в спорте. На первенстве Севастополя, Черноморского флота, Крыма, Военно-Морских Сил страны я не раз занимал по легкой атлетике первые, вторые и третьи места, установил ряд рекордов, был участником всеармейских и всесоюзных соревнований.

До сих пор вспоминаю, как уверенно и в то же время с тревогой выходил каждый раз на старт, чтобы помериться силами со своими соперниками в беге, в метании, в прыжках. Сердце всегда билось чуть ли не в два раза чаще, чем обычно. Взмах флажка судьи — и ты, разрезая воздух, бежишь, опережая ветер и своих противников. Вот уже недалек финиш, напрягая все силы и волю, делаешь рывок — и первым рвешь ленточку... Твой диск, копьё, ядро часто летят дальше, чем у других спортсменов, а в тройном прыжке твой результат самый лучший... Ты приносишь своей команде, своему соединению, городу, флоту все новые и новые очки. Тебя поздравляют товарищи, аплодируют зрители, щелкают фотоаппараты, жмет руку и обнимает инструктор-тренер...

Запомнились мне соревнования в Москве, физкультурный парад на Красной площади, участниками которого были и мы, представители Крыма. Неизгладимые впечатления оставили посещения Кремля, Мавзолея Ленина, Большого театра, музеев, выставок, просто прогулки по Москве. Ведь до этого в столице я бывал только проездом — с вокзала на вокзал.

До сих пор тепло вспоминаю своих товарищей по стадионам: Митю Красникова, Васю Ефремова, Лешу Жданова, Витю Кочетова, Володю Гайко-Белана, Степу Полянчикова и многих, многих других, впоследствии командиров флота и

руководящих работников. Все они, без исключения, в годы суровых испытаний показали себя замечательными патриотами и волевыми командирами.

Дмитрий Васильевич Красников в дни героической обороны Севастополя был командиром разведки в бригаде морской пехоты. После того как наши войска оставили город, он командовал на Кубани батальоном моряков, укомплектованным спортсменами, потом бригадой морской пехоты, или «сборной флота», как называли ее фронтовики.

Алексей Степанович Жданов в дни войны командовал подводной лодкой, потопившей немало вражеских судов. Позднее он служил на Черноморском флоте, имеет звание контр-адмирала. Владимир Трофимович Гайко-Белан, обороняя Севастополь, командовал дивизионом катеров-охотников. Виктор Кочетов сложил свою голову при обороне Севастополя. Степан Лаврентьевич Полянчиков воевал на Черном море. Василий Петрович Ефремов в дни героической обороны Севастополя был председателем исполкома городского Совета, начальником МПВО и членом городского комитета обороны. О нем я еще расскажу в следующих главах. Все эти товарищи имеют правительственные награды за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с фашистскими захватчиками.

Во время службы на флоте, в Севастополе, я много узнал о замечательной истории города и флота, о славной обороне 1854—1855 годов, о подвигах матросов Петра Кошки, Ивана Герасимова, Игната Шевченко, о Даше Севастопольской, о великом русском хирурге Н. И. Пирогове. Много раз ходили мы с товарищами по местам боев, часто бывали на бастионах, где погибли руководители обороны прославленные адмиралы Нахимов, Корнилов и Истомин. Были на четвертом бастионе, где сражался будущий великий русский писатель подпоручик Лев Николаевич Толстой. В своих знаменитых «Севастопольских рассказах» он писал: «Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости, и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...»

Особенно нас волновали памятники революционных событий 1905 года, когда матросы броненосца «Потемкин», а несколько позднее крейсера «Очаков» и других кораблей Черноморского флота подняли знамя восстания против царского самодержавия. Знакомились мы с памятниками героическим участникам революционного подполья, Октябрьской

революции, гражданской войны. Многие узнали тогда о боевых и революционных традициях моряков и жителей этого замечательного города. На этих традициях политические органы и партийные организации учили краснофлотцев верно служить Родине и партии.

Свободные часы мы проводили на пляжах Севастополя — Учкеевке и Омеге. Подолгу плавали и загорали. Вечерами же, когда спадал зной, любили бродить по Приморскому бульвару, посидеть со знакомой девушкой на берегу бухты и подолгу, не отрываясь, смотреть на вечно изменчивое море, слушать шум прибоя.

Во время походов всегда восхищала нас панорама Южного берега Крыма и Кавказского побережья, с бесчисленными санаториями и домами отдыха, с виноградниками и кипарисами, с массой людей, приветливо машущих нам руками. Неповторимое время!

К нам часто приезжали из Москвы и других крупных городов артисты, писатели, поэты. Навсегда запомнился приезд в Севастополь Владимира Маяковского. Он выступал в Доме Красной Армии и Флота.

Я с нетерпением ждал вечера, когда увижу и услышу знаменитого поэта, о творчестве которого мы все знали из книг и газет, особенно из «Комсомольской правды».

Еще задолго до начала выступления зал был переполнен. Не менее тысячи человек пришло на встречу с поэтом революции.

И вот Маяковский на сцене. Бурной овацией встретили его присутствующие. Высокий, стремительный, он энергично бросал в зал свои стихи. Особенно взволновали нас строки из поэмы «Владимир Ильич Ленин»:

Партия и Ленин —
Кто более близнецы- братья,—
Матери-истории ценен?
Мы говорим — Ленин,
подразумеваем — партия,
Мы говорим — партия,
подразумеваем — Ленин...

Воспитанные в духе высокого патриотизма и беспредельной любви к нашей Советской Родине, краснофлотцы с большим подъемом встретили слова поэта-трибуна, как будто обращенные к нам:

Но землю,
 которую
 завоевал
и полуживую
 вынянчил,
где с пулей встань,
 с винтовкой ложись,
где каплей
 льешься с массами,—
с такую
 землею
 пойдешь
 на жизнь,
на труд,
 на праздник
 и на смерть!..

Произведения Маяковского импонировали нашим настроениям, и все бурно ему аплодировали, не отпускали со сцены. Еще много дней после памятного вечера не прекращалось обсуждение творчества поэта, звучали в ушах его стихи. Он долго стоял перед моими глазами — высокий, стройный, решительный. А в клубах, красных уголках, в кубриках стихи его стали звучать все чаще и чаще.

Занимаясь боевой подготовкой, спортом, мы внимательно следили также за событиями внутренней жизни страны, за международным положением. В одном кубрике со мною находились краснофлотцы с Кубани и Украины. Как только в их селах началась коллективизация, родные стали сообщать им все новости. В кубрике обсуждали их коллективно. Известно было, что батраки, бедняки и середняки одобряют политику партии. Но приходили письма и другого характера: в некоторых селах были случаи, когда середняков причисляли к кулакам, что вызывало справедливое возмущение. Это не могло не отразиться на настроениях некоторых краснофлотцев — выходцев из середняцких семей. Партийная организация своевременно реагировала на каждое такое письмо. О конкретных случаях искривления политики партии доводилось до сведения политотдела дивизиона. А он в свою очередь сообщал об этом в крайкомы, обкомы и райкомы партии, просил проверить заявления и принять необходимые меры. Нередко после этого мы получали ответы о принятых мерах.

О нашем политотделе хочется сказать подробнее. Все его работники были чуткими и внимательными воспитателями моряков, хорошими организаторами и советчиками коммунистов и комсомольцев.

Начальником политотдела дивизиона был Николай Григорьевич Изачик. Высокий, худощавый и слегка сутулый, он скорее походил на ученого, чем на моряка. Благодаря своей общительности, уравновешенности, высокой культуре Изачик располагал к себе личный состав, пользовался большим авторитетом.

Помню, как-то вызвал он меня к себе. Расспросил, как идет служба, чем интересуюсь, каково настроение товарищей, задал даже какой-то политический вопрос.

— Будете работать политгрупповодом, — сказал он неожиданно. — Предварительно пройдете семинар, прослушаете лекции по программе, а потом уже приступите к занятиям.

Основной темой политзанятий краснофлотцев в то время были решения XVI партийной конференции. Они вызывали большой интерес среди личного состава. К занятиям мне приходилось готовиться особенно тщательно.

XVI Всесоюзная партийная конференция в апреле 1929 года приняла резолюцию о пятилетнем плане развития народного хозяйства. По этому плану намечался значительный рост производства металла, угля, нефти, электроэнергии, автомобилей, тракторов — всей тяжелой промышленности. Большие масштабы развития индустрии вызывали огромный интерес среди краснофлотцев.

— На какие же средства это можно сделать? — спрашивали они меня на политзанятиях.

— Откуда возьмем машины, квалифицированных рабочих?

Мы, политгрупповоды, коммунисты, старались ответить на каждый вопрос. А если чего не знали, обращались за советом в политотдел. Политические органы и партийные организации призывали весь личный состав кораблей усилить боевую и политическую подготовку.

Как-то к нам на политзанятия пришел инструктор политотдела. Он как будто не слушал выступающих, но все время что-то записывал. Занятие прошло неплохо. Так по крайней мере показалось мне. Краснофлотцы задавали много вопросов, толково выступали. Все же я волновался: «Что скажет проверяющий?»

Сделав несколько замечаний, он дал занятию хорошую оценку. Я облегченно вздохнул. Заметив это, инструктор спросил:

— Волновались?

— Конечно.

Вскоре я был избран членом бюро парторганизации. А через некоторое время вновь оказался в кабинете Изачика.

— Хотим вас рекомендовать секретарем партийной организации базы,— сказал он.

— Так я же, товарищ начальник политотдела, помимо выполнения обязанностей старшины, являюсь еще политгрупповодом, физруком, понемногу учусь. Да и занятия спортом, соревнования...

— Это все мне известно.

Его улыбка как бы дополнила ответ: я уверен, что вы справитесь.

Наша партийная организация, хотя и немногочисленная, вела большую воспитательную работу среди личного состава. Коммунисты были политгрупповодами и руководителями кружков партийной и комсомольской учебы, агитаторами, редакторами стенных газет... Все они являлись отличниками боевой и политической подготовки, инициаторами многих интересных начинаний. Лучшие из краснофлотцев, прошедшие школу военно-морской службы и комсомола, вовлекались в партию.

Изачик часто собирал нас, секретарей парторганизаций, информировал о международных событиях, о внутренней жизни страны, о делах на флоте и в дивизионе. Сам интересовался, как идут дела в парторганизациях кораблей, как мы учимся, как проводим время на берегу. Говорил он не торопясь, спокойно, не повышая голоса. Ему в свою очередь задавали всевозможные вопросы, на которые он всегда отвечал ясно и обстоятельно. Если и отчитывал кого-либо из нас за те или иные недостатки, то тут же советовал, как их исправить. Партийные активисты всегда уходили от него с ясным пониманием задач, без всякой обиды, с желанием еще лучше работать. Подмечали каждую его хорошую черту и старались подражать.

Позднее, через много лет, при встречах с сослуживцами по дивизиону мы всегда вспоминали своего политического руководителя добрым словом, интересовались его судьбой, радовались успехам, переживали неудачи.

Шел четвертый год службы. Все чаще и чаще возникал разговор о планах на будущее.

— Я остаюсь на сверхсрочную. Хочу стать командиром,— поделился с нами Леша Жданов.

— А я,— это Федя Громов,— пойду после флота на партийную или советскую работу и буду учиться.

Я же пока не мог сказать чего-либо определенного. Было, правда, у меня желание пойти учиться и стать инструктором или преподавателем физкультуры.

Леша действительно пошел в военно-морское училище. Сбылась и Федина мечта. У меня же жизнь сложилась иначе. Конечно, я мог остаться на сверхсрочную службу и со временем стать командиром или политработником. Мог поступить учиться — об этом мечтал уже несколько лет. Мог пойти работать на завод или на стройку. Наконец, мог вернуться на фабрику «Красные ткачи».

Передо мной, двадцатилетним молодым человеком, был широкий выбор. Но выбирать не пришлось. Примерно за месяц до демобилизации меня вместе с другими коммунистами вызвал к себе начальник политического управления флота Г. С. Окунев. Он сообщил, что Крымский обком партии просит направить на партийную работу в Крым группу демобилизованных краснофлотцев-коммунистов, и спросил, как мы к этому отнесемся.

От неожиданности я не знал, что ответить. Согласиться? Тогда придется расстаться с давнишней мечтой об учебе, о работе инструктором физкультуры. В то же время, где еще я могу принести больше пользы, как не на партийной работе? Но справлюсь ли? Ведь партийный работник должен быть теоретически подготовленным, уметь работать с людьми, любить свое дело, всецело отдаваться ему, служить примером другим... И все-таки, хорошо подумав, я дал согласие.

Провожали нас с флота тепло. Командиры дивизиона и базы, начальник политотдела, товарищи по службе на прощание желали успехов в труде и учебе, просили не терять с ними связь. Катер отошел от базы под приветственные возгласы. Уезжая из Севастополя, я, конечно, не думал, что навсегда покидаю полюбившийся мне город. Но в то же время и не предполагал, что через каких-нибудь десять — двенадцать лет Севастополь и морской флот войдут в мою жизнь как самое главное, самое трудное и самое интересное в моем служении партии и Родине.

Первые шаги на партийной работе. — Благодатный край! — Камыш-Бурун — ударная стройка второй пятилетки. — Всегда среди людей. — Готовы к защите Советской Родины

В Крымском обкоме партии встретили меня приветливо. Расспрашивали о прошлой работе, учебе, военной службе. А затем направили в распоряжение Симферопольского райкома партии. Тогда он охватывал город и прилегающую к нему территорию нынешнего Симферопольского района.

— Будете работать на железнодорожном узле агитпроп-организатором, — сказал заведующий орготделом. — Участок очень важный.

Нужно было ждать решения бюро райкома. В моем распоряжении оказалось два-три дня, которые я использовал для знакомства с историей Крыма и Симферополя.

Крым, как известно, был последним оплотом белогвардейщины. Здесь осело немало бывших коммерсантов, офицеров, чиновников, жандармов и прочих «осколков», не успевших эвакуироваться с врангелевскими войсками. В декабре 1920 года, примерно через два месяца после освобождения Крыма, на собрании актива московской партийной организации В. И. Ленин предупреждал: «...сейчас в Крыму 300 000 буржуазии. Это — источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам».

И действительно, на полуострове длительное время орудовали бандитские шайки белых, местных националистов, уголовников. Они терроризировали население, совершали

диверсии, грабили, убивали руководящих партийных и советских работников.

Националисты всячески старались подорвать авторитет партийной организации Крыма, нарушали советские законы, срывали наступление на кулачество, создавали тайные контрреволюционные организации. Только в 1928 году буржуазные националисты в Крыму были разгромлены.

Почти во всех городах и районах Крыма активно действовали троцкисты и правые уклони́сты. Они всеми силами мешали партийной организации Крыма проводить генеральную линию партии, но, как и буржуазные националисты, потерпели жестокое поражение и с позором были изгнаны из партии.

Крымская партийная организация из этой напряженной борьбы вышла еще более окрепшей и закаленной.

...Два дня я ходил по Симферополю. В центре города были довольно широкие улицы, много магазинов. Позванивая, бегали трамвайные вагончики. Всюду слышался разноязычный говор: в Симферополе насчитывалось свыше двух десятков национальностей: русские, украинцы, татары, евреи, армяне, болгары, греки, немцы, цыгане...

Особенно шумно и красочно было на городском рынке. На столах и на земле возвышались груды яблок и абрикосов, груш и персиков, слив и винограда. Меня, выросшего на севере, это богатство поражало.

Побывал и на железнодорожном узле. Вокзал небольшой, тесный. Возле депо стояли незнакомые мне локомотивы.

— Что за паровозы? — спросил одного железнодорожника.

— Бельгийские «фламы»... Остались после Врангеля, — ответил он. — Жалуются на них паровозные бригады. Не приспособлены к профилю наших дорог, особенно на Севастополь. Да и запасных частей нет... Паровозы старые, изнашивались.

На улицах тут и там бросались в глаза вывески с названиями республиканских наркоматов и ведомств. Ведь Крым тогда был автономной республикой, хотя татар среди населения насчитывалось всего двадцать шесть процентов.

Хорошее впечатление производил городской парк, по соседству с которым находились областной комитет партии и педагогический институт. В Симферополе было еще два института — медицинский и сельскохозяйственный, много техникумов...

На третий день состоялось решение бюро райкома. Меня утвердили агитпропорганизатором, и я направился на станцию. Представился секретарю партколлектива Михаилу Петровичу Королеву.

— Будем работать вместе, — сказал он. — Не женаты? Подберем хорошую невесту. Кстати, как у вас с жильем? Нет? Найдем...

Вопрос сыпался за вопросом. Мне сразу понравился этот энергичный, худощавый человек.

В тот же день мы побывали с Михаилом Петровичем в депо, на станции, в отделении дороги, в клубе... Он рассказал о работе железнодорожников. Пожаловался на те же самые бельгийские «фламы».

Краснофлотская форма, бескозырка с надписью на ленточке: «Отдельный дивизион подводных лодок ЧФ» — привлекали ко мне внимание железнодорожников. Встречали приветливо. Некоторая скованность, которую я чувствовал вначале, быстро прошла.

Ходили мы долго, до самого вечера. Только на полчаса устроили перерыв, чтобы пообедать.

— Для начала, кажется, хватит, — сказал на прощание Королев.

Так прошел первый день на партийной работе, которая стала моей профессией на всю жизнь.

На железнодорожном узле все было для меня ново: административное устройство, распорядок рабочего дня, сокращенные названия служб и должностей. Я долго ко всему этому не мог привыкнуть, многое путал, вызывая улыбки товарищей по работе.

В Симферополе находилось отделение дороги, со всеми его многочисленными службами. Я старался побывать всюду. Знакомился с людьми, с задачами каждой службы, с работой партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Хотелось как можно скорее войти в курс дела и трудиться с полной отдачей сил.

Михаил Петрович Королев, в недавнем прошлом один из лучших машинистов отделения, хорошо знал условия труда на железной дороге, партийную работу, людей. Был он энергичен и трудолюбив. Если бы не болезнь легких, он, наверное, круглые сутки не уходил бы с железнодорожного узла. На первых порах он много помогал мне.

В то время вся партия, весь советский народ боролись за претворение в жизнь первого пятилетнего плана развития

народного хозяйства. В Крыму по пятилетнему плану развивались такие отрасли промышленности, как железорудная, химическая, стройматериалов, консервная, табачная. Намечалось завершить строительство первой очереди Керченского металлургического завода, предстояла коренная реконструкция Севастопольского Морского завода, строительство близ Керчи Камышбурунского железорудного комбината. Четыре пятых всех капиталовложений в промышленность Крыма отводилось развитию тяжелой промышленности.

Перед железнодорожниками стояла задача обеспечить перевозку быстро возрастающего потока грузов и пассажиров. Для этого требовалось мобилизовать все силы, а партийной организации — решительно улучшить массово-политическую работу среди рабочих и служащих.

Прежде всего предстояло наладить работу агитаторов. Некоторые из них не справлялись со своими обязанностями, ограничивались чтками газет. Вместе с секретарями первичных партийных организаций мы пересмотрели состав агитаторов. Кое-кого из них пришлось заменить более подготовленными товарищами из числа передовиков транспорта. Наладили работу семинара агитаторов. Руководящие работники отделения подсказывали агитаторам наиболее актуальные темы бесед для каждой службы. Докладчики и лекторы райкома партии знакомили их с международным и внутренним положением страны.

Запомнился мне агитатор-коммунист Федор Тимофеевич Верзулов, один из лучших машинистов паровозного депо. Фамилию Верзулова, его портреты можно было увидеть на Доске почета, в стенной печати и даже в газете «Красный Крым». В красном уголке, а в хорошую погоду прямо возле депо он собирал рабочих паровозных бригад — машинистов, их помощников, кочегаров. Удобно всех рассадив, Федор Тимофеевич спокойно, рассудительно говорил о событиях, происшедших со времени последней встречи, зачитывал отдельные выдержки из газет. Потом рассказывал о положении дел на железнодорожном узле, в депо, в паровозных бригадах. Слушали агитатора внимательно, задавали вопросы, спорили...

Хорошо проявил себя и агитатор-коммунист Петр Кириллович Ларионов. Он, как и Верзулов, работал паровозным машинистом, был передовиком производства.

Многие агитаторы, в том числе Верзулов и Ларионов, в беседах делились опытом работы на паровозах, рассказы-

вали, как добиваются вождения поездов строго по графику, экономии топлива, безаварийной работы. Агитаторы вели подписку на газеты и заем, организовывали социалистическое соревнование.

Позднее многие из агитаторов стали работать пропагандистами, избирались членами бюро и секретарями парторганизаций. С Верзуловым и Ларионовым мне в дальнейшем не раз приходилось встречаться. В первые же месяцы войны они ушли в партизаны, храбро сражались с фашистскими захватчиками, и оба погибли героями. Их память свято чтут крымские железнодорожники.

Много мы занимались наглядной агитацией. На узле появились содержательные лозунги, диаграммы, плакаты-«молнии». Интереснее стали стенные газеты. Многие из железнодорожников являлись активными рабкорами. В железнодорожном клубе перед началом киносеансов, перед концертами стали практиковать короткие, по пятнадцать — двадцать минут, выступления-информации на международные темы, о внутреннем положении страны, рассказывали о задачах, стоящих перед железнодорожниками.

Позднее стали традиционными вечера вопросов и ответов. На этих вечерах выступали руководящие работники города, отделения, служб. Рабочим такие вечера нравились, так как они могли получить ответы на любые волнующие их вопросы.

Бюро партийного коллектива отметило улучшение агитационно-массовой работы на узле. Меня пригласили поделиться опытом постановки массово-политической работы на районном совещании. Похвалила нас и областная газета «Красный Крым».

Не скрою, я радовался этому и старался работать еще лучше. Среди железнодорожников широко развернулось социалистическое соревнование. Ускорился пробег паровозов, улучшилась дисциплина, сократились аварийность и простои, уменьшилась текучесть рабочей силы.

Как-то на заседании парткома мне предложили помимо агитации заниматься партийным просвещением. У пропагандистов возникало немало вопросов теоретического и практического порядка. Я чувствовал себя еще не подготовленным к этой работе и попросил возложить ее на меня с нового учебного года. Со мною согласились.

Я решил поступить на заочное отделение Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. Занимался по вечерам, в выходные дни, а иногда и ночью. Задания выполнял

в срок и чувствовал большое удовлетворение. Если что-либо было неясно, обращался к консультантам, в райком и обком партии. Времени для сна и отдыха оставалось совсем мало.

Однажды побывал в Севастополе, зашел к друзьям из дивизиона подводных лодок. Они расспрашивали о моей работе, я интересовался морской службой... И стало грустно. «Не лучше ли было остаться на флоте или пойти учиться?» — нет-нет да и мелькала такая мысль. Тянуло на флот, в Севастополь. Но, возвратившись в Симферополь, я с новой энергией взялся за работу. Между прочим, часто болела голова, спал плохо, отстал с выполнением заданий в университете. Врач порекомендовал мне возобновить занятия спортом, не перегружать себя умственной работой.

Но как это сделать, если вся партийная работа связана с напряженной мыслью? В конце концов я вынужден был прекратить учебу в комвузе.

Так закончилась первая попытка по-серьезному заняться теоретической подготовкой. Но я знал, что придет время, и я своего достигну. А пока слушал лекции и доклады, изучал произведения В. И. Ленина, историю партии. Начал ежедневно делать продолжительные прогулки, больше заниматься гимнастикой, по возможности соблюдал режим питания, сна и отдыха, и стал чувствовать себя лучше.

В это время полным ходом шла коллективизация сельского хозяйства. На село отправляли организаторов, пропагандистов, рабочих по ремонту сельхозмашин. На постоянную работу в колхозы Крыма выехали двести пятнадцать лучших рабочих-двадцатипятилетних.

В обкоме партии собрались представители областного и городского актива, которые направлялись на село для разъяснения постановления ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Мне тоже дали такое поручение.

— Обратите внимание, — говорили нам на совещании, — что Центральный Комитет предостерегает против «декретирования» колхозного движения сверху.

Меня направили в Зуйский куст Симферопольского района. В деревнях Нейзац и Фреденталь я помогал вовлекать в колхозы немецких колонистов. Собрания проходили бурно. Кулаки вели агитацию против колхозов, но склонить на свою сторону бедняков и середняков не смогли. Большинство крестьян записалось в колхозы.

Через два месяца нас снова собрали в обкоме. Следовало выехать в сельские районы для разъяснения статьи «Головокружение от успехов», написанной И. В. Сталиным по поручению Политбюро ЦК ВКП(б). Ошибки, аналогичные тем, о которых говорилось в статье, были допущены и в Крыму. Задача партийных активистов состояла в том, чтобы разобратся в ошибках, разъяснить политику партии и вместе с райкомами принять меры к устранению перегибов.

Классовый враг активно сопротивлялся коллективизации. Кулаки открыто выступали против колхозов, подкупая, спаивая и запугивая некоторых бедняков. Активизировались татарские националисты, спровоцировавшие антисоветские выступления в ряде населенных пунктов. Они призывали крестьян к активным действиям против Советской власти, распространяли листовки. Одна из листовок заканчивалась словами: «Да здравствует наша связь с границей!» — и подпись: «Комитет спасения Крыма».

В Байдарах действовала контрреволюционная банда. В Джанкойском районе был убит селькор Приходько. В деревне Булганак Керченского района от рук бандитов погиб сельский активист Шелкунов. В Карасубазарском районе под влиянием кулацкой агитации уничтожили много скота. Среди переселенцев-евреев под видом помощи вели подрывную работу американские сионисты, использовавшие для этой цели находящуюся в Крыму организацию «Агроджойнт».

Я выехал в Барабановку. Там большинство крестьян — беднота, батраки. В прошлом они активно боролись с помещиками, многие партизанили. Выяснилось, что во время создания колхоза под давлением уполномоченного на собрании было принято решение: тем, кто не вступил в колхоз, не отдавать землю. В итоге без земли оказались многие середняки и бедняки. Кулаки этим воспользовались и повели агитацию за выход крестьян из колхоза. Ни пахать, ни сеять никто не хотел. Разбирали скот, инвентарь...

Два дня выяснял я обстановку в деревне. Разъясняя статью «Головокружение от успехов», призывал крестьян не выходить из колхоза, немедленно начинать пахоту и сев. Кулаков предупреждал, что за агитацию против колхозов им придется отвечать.

Собрал бедноту. Все единодушно проголосовали за колхоз. Немаловажную роль сыграло сообщение, что на днях в деревню придет трактор. Многие бедняки стали помогать мне в разъяснительной работе.

Наконец, созвали общее собрание. Пришло все взрослое население. С того времени прошло уже сорок лет, но до сих пор хорошо помню это собрание. Проходило оно в небольшом помещении, до отказа набитом людьми. В воздухе стояли клубы табачного дыма.

Я зачитал статью «Головокружение от успехов», рассказал о допущенных ошибках в Барабановке, о том, как их можно исправить. В деревне было много бедноты, горой стоявшей за коллективизацию и ликвидацию кулачества, и мы предполагали, что все пройдет гладко. Но, видимо, кулаки тоже успели поработать.

Слова попросила бедно одетая женщина.

— Подкулачница, — шепнул мне на ухо один из батраков.

Женщина (я запомнил только ее имя — Мария) потребовала немедленно вернуть всем крестьянам лошадей, скот, инвентарь.

— У нас в деревне кулаков нет! — кричала она. — У нас все трудовые крестьяне... Только лодыри пойдут в колхоз...

Поднялся шум, и, к моему изумлению и возмущению, ее поддержали многие из тех крестьян, с которыми я накануне беседовал.

— Раздать имущество! Раздать скот! Хотим работать так, как раньше работали!..

Я пробовал выступить, но ничего из этого не получилось.

— Матрос! — кричала Мария. — Положи наган на стол! Угрожай, как угрожал тут один до тебя!.. А мы не хотим в колхоз! Нас силой загоняли!

Наган для самозащиты у меня действительно был. Но он находился во внутреннем кармане бушлата.

Когда шум утих, я сказал, что никому не собираюсь угрожать, что вступление в колхоз — дело добровольное, опять рассказал о преимуществах коллективного хозяйствования и напомнил, что развал колхоза будет на руку кулакам и их подголоскам.

Выступило еще несколько человек. Решения не приняли. Было сказано: кто хочет остаться в колхозе, пусть завтра выходит на работу, а кто не хочет, пусть свои заявления забирает немедленно.

Заявления забрали лишь несколько человек.

Утром в деревню пришел трактор, и большинство колхозников вышло на работу. За ними потянулись и остальные. Не вышли только кулаки, которые были потом из деревни высланы, а их имущество, скот и инвентарь — конфискованы.

После исправления допущенных ошибок коллективизация пошла успешно. Колхозы стали получать тракторы, автомашины. Партийный актив часто выезжал в села, помогал в проведении сельскохозяйственных кампаний, разъяснял решения партии и правительства.

Летом 1930 года по рекомендации райкома партии меня избрали секретарем партийного коллектива Союза потребителей Крыма. Новая должность была хорошей школой самостоятельной партийной работы. Я часто выезжал в командировки и хорошо познакомился с многими районами Крыма.

Богатый и благодатный это край! Широкие степи, обширные леса и горы, сады и виноградники... Замечательный климат, обилие солнца и воздуха привлекали и привлекают сюда сотни тысяч трудящихся. Для них приветливо раскрывались двери многочисленных санаториев и домов отдыха, расположившихся в бывших дворцах сановников, и заново построенных уже при Советской власти здравниц. Для отдыхающих здесь все — лечебницы, благоустроенные пляжи, сады и парки.

Каких только культур не производилось в сельском хозяйстве Крыма! Замечательная пшеница, хлопчатник, кукуруза, табак, эфиромасличные культуры, овощи... А сколько здесь садов и виноградников, снабжающих своими плодами, ягодами и прекрасными крымскими винами не только население нашей страны, но и многие страны мира! Если Севастополь и море стали близки мне во время флотской службы, то еще крепче и на всю жизнь я полюбил Крым, когда побывал почти во всех его уголках, во всех районах.

Долго работать в Крымсоюзе, однако, не пришлось. Вскоре на Симферопольской городской партийной конференции я был избран членом горкома партии, а затем стал инструктором горкома. Первые шаги в партийной работе многому меня научили, подготовили к овладению более сложными методами политической деятельности и в более широких масштабах.

Только что закончившийся XVI съезд партии дал директиву о всемерном развертывании индустрии и одновременно подчеркнул необходимость усилить развитие промышленности, производящей предметы широкого потребления.

В Крыму успешно шло строительство Керченского металлургического завода, реконструировался Севастопольский Морской завод, развивались легкая и пищевая промышлен-

ность. В ноябре 1930 года южнее Керчи началось строительство Камышбурунского железорудного комбината — новой металлургической базы на юге страны.

В орготделе горкома партии за мной закрепили около тридцати первичных парторганизаций. В горкоме тогда было четыре отдела: организационно-инструкторский, пропаганды, агитации и массовых кампаний, культуры и школ, а также сектор по работе среди женщин.

Секретарь горкома Иван Яковлевич Максимов сказал мне:

— Будете заниматься партийными организациями промышленных предприятий. Побывайте на местах, ознакомьтесь с предприятиями, с парторганизациями... Потом зайдете ко мне.

Я с головой ушел в работу. Большую часть времени проводил на заводах и фабриках. Новые люди, новые хлопоты, новые трудности... Это было и знакомо и незнакомо, поэтому придавало уверенность и в то же время заставляло постоянно быть в напряженном поиске. Как молодому партийному работнику, мне хорошо помогал журнал «Партийное строительство». В нем находилось много полезных советов и ответов на возникавшие вопросы.

Познакомился и с другими инструкторами горкома. Присматривался, прислушивался к беседам, обменивался мнениями. Постепенно входил в курс дела. Можно было идти к секретарю горкома.

— Ознакомились? Где побывали? — спросил он.

Я рассказал.

— С чего думаете начинать?

— Думаю, надо помочь недавно избранным, еще неопытным секретарям парторганизаций.

— Правильно.

Работа в аппарате городского комитета партии существенно отличалась от предыдущей — на железнодорожном узле и в Крымсоюзе. Здесь требовалась особая оперативность, четкость, продуманность решений, постоянная работа над собой.

Я присутствовал на заседаниях бюро горкома и знал обо всех главных событиях в городе. Видел, как решались те или иные вопросы. Участвовал в совещаниях, которые проводило руководство горкома, отдел. Нередко меня, как и других инструкторов, приглашали на совещания в обком, на собрания областного партийного актива.

Мне нравилось, как Максимов проводил заседания бюро городского комитета партии. Он требовал, чтобы докладные записки и проекты решений тщательно готовились и были краткими, конкретными. Если вопрос плохо подготовлен, он предлагал снять его с обсуждения, перенести на следующее заседание. Работа бюро не затягивалась до полуночи, как это нередко бывало в других горкомах и райкомах, выступления строго регламентировались.

Иван Яковлевич Максимов был внимателен и в то же время требователен к работникам аппарата. Он часто заходил в отделы, беседовал с заведующими и инструкторами, интересовался не только нашей работой, но и учебой, семейными делами. Спрашивал, как часто бываем в первичных организациях, каково положение дел на предприятиях и в учреждениях, проверял насколько хорошо знаем секретарей парторганизаций, директоров, актив, рядовых коммунистов. Нередко нам приходилось краснеть, когда не знали элементарных вещей.

Мы, работники горкома, откровенно говоря, его побаивались, но уважали за деловитость, принципиальность, общительность. К нему всегда можно было зайти поговорить по любому вопросу.

Стиль работы Максимова мне нравился. Я во многом старался ему подражать. Однажды Иван Яковлевич вызвал меня:

— Вы уже сколько времени в горкоме?

— Второй месяц.

— Теперь, пожалуй, вам можно дать более серьезное поручение. Неблагополучно обстоят дела на консервном заводе «Трудовой Октябрь». Вы об этом должны знать. План не выполняется, много брака, большая текучесть рабочей силы... Надо хорошенько выяснить причины, проверить работу партийной организации, наметить практические меры. Подготовьте докладную записку и проект решения бюро... Ясно?

— Вполне.

На другой же день вместе с двумя коммунистами, специалистами-консервщиками, я отправился на «Трудовой Октябрь». Дней десять мы знакомились с положением дел на заводе, тщательно готовили докладную записку и проект решения бюро, советовались с заведующим отделом, с другими товарищами. Затем пошли к Ивану Яковлевичу.

Внимательно выслушав нас, он стал задавать один вопрос за другим о состоянии дел на заводе. Спрашивал, почему ничего не сказано в записке и проекте постановления о

таких-то и таких-то фактах. В заключение предложил пойти еще раз на завод, глубже проверить некоторые стороны работы и, не дожидаясь решения бюро, немедленно принять меры к устранению выявленных недостатков.

— Проверки не затягивать, — сказал он, — на очередном заседании бюро будем обсуждать этот вопрос.

Трижды представляли мы Максимову докладную записку и проект решения, и каждый раз секретарь делал серьезные замечания. Когда представили в четвертый раз, Иван Яковлевич удовлетворенно сказал:

— С таким проектом уже можно выходить на бюро.

На заседание я шел с некоторой тревогой: как-то пройдет? Вопрос был подготовлен тщательно, и это предопределило деловой и короткий разговор.

Через день я уже снова был на заводе, чтобы доложить партийной организации о решении бюро горкома и помочь его выполнить. Дела на заводе стали улучшаться. Особенно после того, как обком партии помог обеспечить предприятие сырьем.

— Не обижаетесь, что столько раз заставлял вас переделывать докладную записку и проект решения? — как-то спросил Максимов.

Я промолчал.

— Это необходимо было не только для завода, но и для вас. Первое серьезное поручение... Теперь вы можете решать и более сложные вопросы.

Мне давали одно поручение за другим. Много вопросов я выдвигал самостоятельно. Время летело быстро. Я вошел во вкус партийной работы, она приносила удовлетворение.

Вскоре Иван Яковлевич Максимов был избран секретарем Керченского горкома партии. В партийной организации Симферополя об этом очень сожалели.

На партийном учете я состоял в парторганизации завода им. Куйбышева. Тогда был такой порядок: работники аппарата партийных органов состояли на учете в первичных парторганизациях предприятий и учреждений. Присутствовали там на партийных собраниях и заседаниях бюро, выступали с докладами, проводили инструктаж партгруппов и агитаторов, помогали секретарям парторганизаций.

Это во многом помогало и партийной организации и работнику аппарата. Все время мы держали связь с коммунистами, со всеми рабочими и инженерно-техническими работниками, лучше знали их запросы и нужды.

Прошло полтора года. Меня избрали членом бюро Симферопольского горкома партии, утвердили заведующим агитмассовым отделом. Новое назначение заставило проанализировать весь свой, хотя еще и небольшой, путь на партийной работе. Меня смущала слабая теоретическая и общеобразовательная подготовка. Надо было серьезно и обстоятельно изучать историю партии, произведения классиков марксизма-ленинизма. Я систематически слушал лекции и доклады, читал теоретические журналы, художественную и специальную литературу. Обязательным журналом кроме «Большевика» и «Партийного строительства» стал «Спутник агитатора».

Заместителем заведующего отделом был Г. П. Кувшинников, очень грамотный и исполнительный товарищ. Был еще инструктор. Мы вместе долго обсуждали планы дальнейшей работы.

Важнейшей задачей являлась тогда пропаганда успешных итогов первой пятилетки, директив по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1933—1937 годы и мобилизация рабочих и служащих на их выполнение. Мы собирали секретарей первичных парторганизаций, руководителей агитколлективов, докладчиков, пропагандистов, инструктировали их, помогали организовать изучение и разъяснение решений партии, наладить наглядную агитацию, социалистическое соревнование. Отдел руководил также массовыми и оборонными организациями, занимался подготовкой к праздникам, митингам, демонстрациям, подпиской на заем... Время летело незаметно.

Комсомольская организация Симферополя часто проводила тогда массовые военные походы, многолюдные гулянья в парках, спортивные соревнования, кроссы. Во всем этом не последнюю роль играл и агитмассовый отдел горкома партии. Мы помогали горкому комсомола, сами принимали участие в походах и массовках, а это в свою очередь помогало нам: лучше узнавали людей.

Меня тянуло к такой работе. Да это и понятно. Давно ли сам был комсомольцем? В двадцать девять лет нельзя было не чувствовать себя молодым. Мне кажется, каждому человеку, особенно когда он молод, хочется следовать чьему-то примеру, взять себе за образец жизнь такого человека, который близок по духу и складу и в то же время выше, сильнее тебя, у которого можно многому научиться. Я уже писал о том, что в юности меня вдохновлял образ Овода. А потом в жизни встретилось много людей, достойных подражания.

О некоторых из них я уже рассказывал. Это секретарь парт-организации фабрики «Красные ткачи» Иван Тимофеевич Горюнов, начальник политотдела дивизиона подводных лодок Николай Григорьевич Изачик, секретарь Симферопольского горкома партии Иван Яковлевич Максимов и, наконец, Павел Наумович Надинский.

Павел Наумович в то время был заведующим орготделом Крымского обкома партии. По натуре очень общительный, энергичный и чуткий человек. В бытность мою инструктором Павел Наумович не раз приглашал меня в обком, давал то или иное поручение.

— Мы проверяем работу Консервтреста. А вы с консервными заводами хорошо знакомы. Может, подключитесь к нашей комиссии?

Или:

— Посмотрите, пожалуйста, планы работы партийных организаций промышленных предприятий... Может, что-нибудь подскажете?

В другой раз:

— Вот план нашего отдела на три месяца. Давайте ваши замечания.

Позднее я узнал, что по разным вопросам он советовался со многими другими работниками. Документы, выходявшие из-под его пера, были продуктом коллективного творчества и всегда отвечали требованиям, которые к ним предъявлялись.

Я с удовольствием выполнял поручения Надинского, — ведь они многое давали и мне самому. По вечерам, когда приходилось работать в обкоме совместно, он непременно потчевал чаем:

— Отдохните немного... Расскажите что-нибудь о своей службе на флоте, о себе.

И я рассказывал. Засиживались иногда до полуночи. Павел Наумович не удовлетворялся общими словами, хотел знать все в деталях. Несмотря на свою болезнь (он ходил с костылем), Надинский часто выезжал в районы, постоянно бывал в первичных организациях.

С 1933 года, когда Павел Наумович работал первым секретарем Симферопольского горкома партии, а я секретарем парткома Камышбурунстроя, нам уже редко приходилось встречаться. Через некоторое время Надинский ушел на пенсию и занялся изучением истории Крыма, имел свои печатные труды.

Прошло много лет, и вот уже после войны, в конце сороковых годов, проходя по улице Гоголя в Симферополе, я вдруг услышал за спиной чей-то голос:

— Борис Алексеевич!.. Борисов!..

Я оглянулся. Поблизости — никого. Пожал плечами и пошел дальше.

— Борис Алексеевич! — слышу снова.

Гляжу по сторонам. На противоположной стороне улицы из окна первого этажа машет мне седой, большоголовый мужчина. «Кто бы это мог быть?»

— Что, не узнал?

«Ба, да это же Надинский, Павел Наумович! Как это я сразу не узнал по голосу?»

Я быстро перешел, вернее, перебежал улицу.

— Зайди, — пригласил меня Павел Наумович.

Жена Надинского Елизавета Никитична открыла дверь:

— Павел Наумович на днях заметил вас и теперь все стережет.

Надинский сидел за столом, отложив в сторону какую-то рукопись. В шкафах, на столе, на подоконнике — кругом книги, газеты.

Мы крепко обнялись и рассматривали друг друга, — ведь последний раз виделись перед войной.

— Все такой же неумный, работаешь, — сказал я. — Да и внешне не изменился.

— А как ты?

— Работаю... Часто в командировках.

Еще по довоенному знакомству с Павлом Наумовичем я знал, что с двенадцати лет он работал деревообработчиком на одном из заводов Уфы. В годы первой мировой войны был разведчиком. В гражданскую войну вступил в партию и работал в органах ЧК, перебрасывался в тыл врага. Прошло несколько лет, и у Павла Наумовича началась гангрена пальцев ног — результат ранения. Ему сделали до десятка ампутаций. Он их мужественно перенес, но... остался без ног.

Беседуя с Павлом Наумовичем, я сразу не заметил, что у него нет и рук. А когда заметил — растерялся.

— Теперь нет и рук, — подтвердил Надинский. — Вот видишь: левая отрезана выше локтя, на правой нет кисти. Сделали протез. Пишу... А всего было восемнадцать ампутаций.

Я стоял, не в силах произнести ни слова.

— Не хотите ли чаю? — пришла на помощь Елизавета Никитична.

— Но я не сдаюсь,— продолжал Надинский.— Работаю над историей Крыма. Готовлю книгу к изданию.

Нет, Павел Наумович не изменился. Был по-прежнему бодр, шутил, в глазах то и дело вспыхивали искорки. Он рассказывал, и морщины на его лице расправлялись.

«Вот как надо переносить недуг...»

— А мне некогда думать о своих болезнях,— как бы подслушав мои мысли, говорил Павел Наумович.— Книга отнимает много времени. Сейчас пишу о пребывании в Крыму Льва Николаевича Толстого и Суворова...

Проговорили мы около двух часов. Надинский рассказывал о своей работе, расспрашивал о Москве, о моих планах на будущее.

— Ну, наверное, вам обоим уже хватит,— решительно прервала нас хозяйка.

Елизавету Никитичну Рудову я тоже знал давно. До войны она работала инструктором Крымского обкома партии, а когда Павлу Наумовичу стало трудно, осталась дома. Нелегко приходилось ей. Но никто никогда не слышал, чтобы она жаловалась на свою судьбу.

На прощание Елизавета Никитична просила меня заходить к ним, пока нахожусь в Симферополе. Я тогда работал в архиве обкома партии над севастопольскими материалами.

— Видите, как он оживился. Для него это лучшее лекарство... Но долго беседовать нельзя,— как-то виновато произнесла она.

Когда бы я ни зашел к Павлу Наумовичу, у него всегда были люди. В городе его уважали, ценили. Крымский облисполком построил для Павла Наумовича в Алуште небольшой домик-дачу, куда он вместе с Елизаветой Никитичной выезжал на лето. За научные труды Надинскому была присуждена степень кандидата исторических наук. Крымские организации широко отметили его шестидесятилетие.

Последний раз я был у Надинского в 1961 году. Он только что вернулся из больницы, но уже сидел и работал.

— А мои дела совсем плохи,— сказал он, когда я стал собираться уходить.— Совершенно ясно, что у меня за болезнь...

— Ничего тебе не ясно,— возразила Елизавета Никитична, сразу же появившаяся в комнате.— Видите ли, он внушил себе, что у него рак. Вот и расстроился.

— Ты напрасно поддаешься таким мыслям,— сказал я.— Это на тебя совсем не похоже.

— Так ведь я не сдаюсь... Видишь, продолжаю работу... — пробовал улыбнуться Надинский.

Мы тепло распрощались. Провожая меня, Елизавета Никитична, утирая слезы, рассказала, что у Павла Наумовича действительно рак. Нужна была операция. Но врачи сказали, что сердце не выдержит.

Через полгода я получил от Елизаветы Никитичны телеграмму: Павел Наумович скончался... У меня есть несколько книг, подаренных Надинским. Я их бережно храню как память о сильном и мужественном человеке, которому многим обязан...

В 1933 году во многих районах страны было тяжело с продовольствием. Продукты первой необходимости выдавались по карточкам. Не хватало картофеля и овощей даже для снабжения больниц и детских учреждений, для столовых общественного питания.

Партия и правительство принимали энергичные меры для подъема сельскохозяйственного производства. Укреплялись колхозы и совхозы, строились новые заводы по производству тракторов и сельхозмашин, на село направлялись для постоянной работы тысячи коммунистов. Одновременно при заводах и учреждениях создавались пригородные и подсобные хозяйства, всячески поощрялось индивидуальное огородничество.

Секретарь горкома мне сказал:

— Есть такое мнение: вопросы рабочего снабжения, торговли и общественного питания в городе возложить на вас как на члена бюро.

— А агитмассовый отдел?

— Остается за вами. Часть работы поручите Кувшинникову.

На Кувшинникова вполне можно было положиться. Он отличался энергией, оперативностью, работать любил и умел. Говорят, что внешне мы с ним были похожи друг на друга: оба высокие, черноволосые. Нас нередко даже путали. И это обстоятельство сослужило ему в дальнейшем плохую службу. Когда Севастополь был оставлен нашими войсками и Кувшинников по не зависящим от него причинам попал в плен, предатели все время крутились возле него, полагая, что схватили меня, Борисова, секретаря горкома партии и председателя городского комитета обороны. Его не раз таскали к эсэсовцам. Только смелый побег из плена помог Кувшинникову избежать гибели.

...На очередном заседании бюро был утвержден план создания подсобных хозяйств и дальнейшего развития индивидуального огородничества в Симферополе.

Время нас торопило. Не за горами была посевная кампания, и мне почти полностью пришлось переключиться на подсобные хозяйства. Я ездил на места, где отводились земли под хозяйства и огороды, занимался подбором руководителей и рабочей силы, заглядывал на предприятия, в больницы, детсады, столовые... Создание продовольственной базы не сходило с повестки дня бюро горкома, горисполкома, партийных и профсоюзных собраний.

Подсобные хозяйства росли быстро. Обработывалась земля, возводились постройки, появились скот, куры, кролики. Приобретался инвентарь, завозились удобрения. В качестве корма использовались отходы пищевых предприятий и столовых. Нашлись и люди, которые когда-то работали на селе. Они и возглавили подсобные хозяйства, стали бригадирами, рабочими.

Первая посевная кампания прошла успешно. А вскоре в столовых и магазинах появились свежая зелень, овощи, молодой картофель. Вечерами, в выходные, а иногда и в рабочие дни, масса людей выходила на прополочные работы, на заготовку кормов.

Наступила уборочная пора. Сотни и тысячи рабочих, служащих, студентов, школьников пришли убирать урожай. За первый год подсобные хозяйства города дали тысячи тонн овощей и картофеля, сотни центнеров зерна.

Итоги были обнадеживающими. Улучшились питание в столовых и буфетах, торговля в магазинах. А в подсобных хозяйствах уже готовились к новому сельскохозяйственному году. Однако заниматься этим мне уже не пришлось: ждало новое назначение.

Первый секретарь Крымского обкома партии Борис Александрович Семенов, вызвав меня к себе, попросил рассказать о состоянии агитационно-массовой работы, о том, что мы делали для создания продовольственной базы города. Расспрашивал, часто ли я бываю на промышленных предприятиях, знаю ли передовых людей города, как работаю над собой. Его интересовало все, что касалось моей работы и меня лично... «К чему бы это?»

— Вы бывали в Керчи? — как бы ненароком спросил он.

— Бывал...

Примерно год назад я ездил в Керчь знакомиться с аги-

тационно-массовой работой на металлургическом заводе. Выдалось несколько свободных часов, и представилась возможность посмотреть строительство.

— Сейчас положение на Камышбурунстрое крайне неблагоприятное, — сказал Борис Александрович. «Очевидно, в обкоме собрались послать меня на эту стройку», — возникла догадка.

— План не выполняется. За девять месяцев ушло со строительства около четырех тысяч человек, в том числе сто специалистов...

«Значит, действительно хотят направить в Камыш-Бурун», — решил я.

— В марте мы сняли с работы секретаря парткома, — продолжал Борис Александрович, — на днях сняли его преемника... А Камышбурунстрой — самый важный объект второй пятилетки в Крыму, ударная стройка... Как смотрите, если вас будем рекомендовать туда секретарем парткома?

Я понимал, что работать секретарем парткома на такой стройке весьма почетно. В то же время это большая ответственность. Справлюсь ли? Самостоятельная работа. Тут не в горкоме, за широкую спину секретаря не спрячешься. Раз дал согласие — сумей мобилизовать партийную организацию, весь коллектив, чтобы дела на строительстве улучшались из месяца в месяц. Наделаешь ошибок, не справишься — отвечай. К тому же на стройках я никогда не работал. Да и положение на Камышбурунстрое тяжелое...

Вспомнилась первая поездка на строительство. Был холодный дождливый день. Резкий порывистый ветер, характерный для здешней поздней осени, пронизывал до костей. Ехали мы до Камыш-Буруна по разбитой, ухабистой дороге. Появилось несколько новых жилых домов, за ними тянулись приземистые, неуютные бараки и землянки. На руднике и промплощадке почти все работы велись вручную. Кругом непролазная грязь. У стоянки автобусов большая толпа рабочих. В магазинах очереди за хлебом...

Все это быстро промелькнуло в памяти, пока я обдумывал свой ответ. Секретарь обкома терпеливо ждал. Он, видимо, понимал, что творится у меня в душе.

— Так как же?

Я откровенно высказал свои сомнения.

— Разумеется, будет нелегко, но поможет Керченский горком, поможем и мы. Ну как, решились?

Я кивнул головой.

— Поедете через три-четыре дня. А пока познакомьтесь в отделах обкома с составом парторганизации, с кадрами... Почитайте решения Керченского горкома. Дела сдадите, когда будете избраны.

С чего начинать? Что главное? Документы могли дать лишь общее представление. На месте будет виднее, подскажут горком, коммунисты, рабочие... С такими мыслями поехал я в Керчь, на Камышбурунстрой.

Страна уверенно шла тогда по пути индустриализации. Досрочно, в четыре года и три месяца, был выполнен первый пятилетний план. Выросли такие гиганты, как Кузнецкий металлургический комбинат, Сталинградский и Харьковский тракторные, Горьковский, Московский и Ярославский автомобильные заводы. Были созданы новые отрасли промышленности: станкостроительная, автомобильная, химическая, авиационная.

В Крыму вошел в строй Керченский металлургический завод имени П. А. Войкова. Строительство Камышбурунского железорудного комбината началось после постановления Центрального Комитета партии, в котором говорилось: «Срочно разработать план использования керченских руд и в связи с этим строительства приазовских заводов, учитывая особую важность широкого использования фосфористых руд как для металлургии, так и для сельского хозяйства».

Керченские пылевидные руды бедны по содержанию железа и поэтому нуждаются в обогащении. Зато залегают они на малой глубине и не требуют шахтной добычи, взрывных работ. Близость металлургической базы, удобная транспортировка по морю, неглубокое залегание давали возможность получать руду чуть ли не в десять раз дешевле, чем при шахтной добыче в Криворожье.

На местной руде уже работал Керченский металлургический завод. Он давал в год сотни тысяч тонн металла, остро необходимого стране. Вот почему строительству Камышбурунского железорудного комбината придавалось столь большое значение. Нужды строительства комбината не сходили с повестки дня бюро обкома и Керченского горкома, со страниц газет «Красный Крым» и «Керченский рабочий». Сотни коммунистов и комсомольцев направлялись на Камышбурунстрой. Но дела шли там плохо, план строительных работ не выполнялся.

Ноябрьским дождливым утром 1933 года, в кожаном пальто, в хромовых сапогах с галошами, с чемоданом в руке,

сошел я с поезда на станции Керчь. В горьком идти было еще рано, и я направился в гостиницу. Оказалось, мне оставлен номер.

В девять утра я был уже у секретаря горкома Д. З. Кузнецова. Тот вкратце рассказал, как идут дела на строительстве, о работе партийной организации.

— Поезжайте, посмотрите своими глазами, а денька через два встретимся снова.

Познакомился с руководителями стройки, с работниками парткома и постройкома. Потом вместе с заместителем главного инженера И. М. Равиковичем отправились на строительные площадки.

На руднике сотни рабочих, стоя по колено в грязи, вручную грузили землю в вагонетки, грабарки и отвозили в отвалы. На строительстве агломерационной и обогатительной фабрик рыли котлованы под фундаменты. Только-только начали строить ГРЭС и порт. Но уже действовали механический и деревообрабатывающий цехи, железнодорожная ветка, готовилась к пуску временная электростанция. С того времени, как я в роли экскурсанта побывал на строительстве, выросло еще несколько новых жилых домов. Кое-где появились деревянные тротуары. Вот-вот должен был открыться клуб.

Равикович рассказывал мне об истории стройки, о нерешенных проблемах, знакомил с руководителями участков и цехов, с прорабами, бригадирами, рабочими. Где бы мы ни появлялись, рабочие останавливали нас:

- Когда будет тепло в бараках?
- Почему плохо кормят в столовых?
- Выдадут ли наконец теплую спецовку?
- Почему за хлебом очереди?
- Скоро ли наладят перевозки рабочих в город?
- Работаем много, а получаем мало. Почему?

Отвечал Равикович. А когда поехали дальше, те же бесконечные вопросы задавал ему я. Сейчас уже не помню точно где, кажется на руднике, ко мне подошел рабочий с веревкой в руках.

— Гражданин, у вас галоши-то, как я вижу, в грязи застревают, сваливаются. Возьмите вот веревочку и подвяжите... Вообще-то здесь, на стройке, в галошах несподручно. Нужны простые сапоги. Вы, наверное, у нас впервые?

— Первый раз,— я немного растерялся.

Стоящие кругом люди улыбались. Наверное, думали: «Хорошо, что один из начальников попал к нам в такую грязь. Может, где-нибудь расскажет и примут меры насчет спецобуви». Я видел, что многие из рабочих были в худых сапогах, в лаптях.

Молча привязал я галоши, поблагодарил рабочего, и мы пошли дальше. Больше я уже в галошах на участки не ходил. Стал носить простые сапоги.

Три дня с утра и до поздней ночи, пока как представитель обкома, я вникал в разнообразную жизнь стройки — беседовал с начальником строительства, с работниками парткома, постройкома и комитета комсомола, с редактором газеты «Ударная стройка», с членами партийного комитета, секретарями парторганизаций, знакомился с расстановкой коммунистов.

На Камышбурунстрое работало около семи тысяч человек. Партийная организация насчитывала в своих рядах более четырехсот коммунистов. Но из них непосредственно на производстве было занято меньше половины. А на основных, решающих участках — всего три процента к общему числу работающих. Зато много коммунистов осело в отделах управления, в подсобных цехах.

Моя записная книжка распухла от цифр, фактов, замечаний, предложений... Вести записи вошло у меня в привычку еще в Симферопольском горкоме. Записная книжка очень помогала. В этом я не раз убеждался и впоследствии. До сих пор храню записные книжки военных лет. Память всего не удержит.

И вот я снова в Керченском горкоме. Решено было на другой день провести общее партийное собрание коммунистов стройки.

— Может быть, выступите с первыми впечатлениями? — спросил секретарь горкома.

— Ни в коем случае. — Я считал совершенно неуместным новому человеку сразу же выступать со своими замечаниями. Надо глубже вникнуть в дела, немного поработать.

На другой день я был избран секретарем парткома.

На совещаниях, в разговорах, в газете «Ударная стройка» в те дни часто упоминалась фамилия десятника Пластинкина. Говорили о нем как об опытном строителе, интересном человеке.

Из учетной карточки я узнал, что Павел Васильевич Пластинкин из семьи крестьянина-середняка. В семье было две-

надцать душ. Работать он пошел еще мальчиком. Строил Волховскую и Днепровскую электростанции, Магнитку. Овладев профессией плотника, стал десятником, вступил в партию. Его неоднократно премировали то путевкой в санаторий, то деньгами. Вручали почетные грамоты.

Бригада Пластинкина на Камышбурунстрое была передовой и выступила инициатором соревнования в честь XVII съезда ВКП(б). С такими людьми нельзя не познакомиться. Вместе с секретарем парторганизации участка Карпом Пименовичем Крепцом мы отправились в бригаду Пластинкина.

День был пасмурный. Пронизывающий ветер свистел в арматуре и насквозь продувал мою кожанку. Я совсем продрог, пока добрался до строящейся аглофабрики.

— Вы секретарь парткома? — подошел к нам рабочий. Он был одет легко, совсем не по погоде.

— Да.

— Так куда же вы смотрите? Взяли мы обязательство перевыполнять планы. Вызвали на соревнование другие бригады. А что получается? То не подвезут опалубку, то не успеют подготовить арматуру, задержка с цементом... Сегодня видите какой день: наверху не то что работать — устоять трудно. Теплую спецовку обещали дать, а где она? Вот и попробуйте тут выполнить обязательства.

Голос у него был простуженный. Он буквально наступал на меня, обвинял, требовал. Я сразу догадался, что это и есть Пластинкин — худой, маленький, настырный. Именно таким его обрисовали.

— Ты что же, Павел Васильевич, еще не познакомился с товарищем Борисовым, а уже лезешь в драку, — пришел мне на выручку Крепец.

— Ничего, ничего. Продолжайте, — сказал я.

— Извините, — произнес Павел Васильевич, протягивая руку. — Нехорошо, конечно, получилось... Но как же все-таки быть-то? — не успокаивался он. — Ну, со спецовками, ладно уж, потерпим. А вот с арматурой и опалубкой никуда не годится... Нажмите, позвоните куда-нибудь, — напирал он на меня. — Я сам хотел обратиться к начальнику строительства, а тут как раз вы...

Ветер усилился. Стало еще холоднее.

— У вас тоже теплой одежды нет? — спросил я Пластинкина, которого била дрожь то ли от холода, то ли от обиды.

— У меня-то есть. Только получил не здесь — на Магнитке. Отдал одному в бригаде... Дело тут не во мне. Кадровые

рабочие потерпят. Им не привыкать. Но у меня в бригаде есть новенькие. Разбегутся... А главное — материалы.

Через минуту он уже лез по сходням наверх.

Что оставалось делать? Можно было позвонить начальнику строительства, но я прекрасно знал, что ему ежедневно звонят по этому поводу десятки людей. Решил пойти к начальнику промплощадки и вместе с ним заняться поставкой материалов.

Выяснилось: цемент не подвезли потому, что не было транспорта. Арматура через час тоже была готова, и ее доставили в бригады. Нашлось и несколько комплектов спецодежды.

С Пластинкиным мы вскоре встретились вновь. Партком, постройком и начальник строительства решили собрать передовиков стройки. На совещание пришли лучшие из лучших: бригадир землекопов Семен Максимович Дубина, бригадир каменщиков Захар Денисович Шульгин, бригадиры комсомольско-молодежных бригад Ефим Солярский и Александр Бирюков, плотник Королев, бетонщик Мухин, рабочий Даниил Трофимович Корнев, шофер Сергей Петрович Носченко, начальник механического цеха Иван Борисович Криворотов и, конечно, Павел Васильевич Пластинкин.

Были здесь также начальники стройплощадок, цехов, отделов управления, партийные, профсоюзные и комсомольские работники, представители горкома партии и городского совета профсоюзов. Помещение, где проходило совещание, было хорошо натоплено, расположились за столами, накрытыми белоснежными скатертями. На столах — чайники с горячим чаем, сахар, бутерброды.

Открыл совещание председатель постройкома Иван Тимофеевич Бодяк и предоставил слово мне. Доклада я не собирався делать, а просто рассказал о своей встрече на промплощадке с Пластинкиным и попросил присутствующих высказаться.

— Что мешает в работе? Почему не выполняем плана?

Первым взял слово Пластинкин. Он говорил о том, что строители всегда готовы хорошо трудиться. Мешает плохая организация труда, несвоевременная доставка стройматериалов, на стройке мало уделяется внимания культурному и бытовому обслуживанию людей. Как и в беседе со мной, говорил он громко, называл фамилии виновников.

— Павел Васильевич правильно сказал, что за нами дело не станет, — продолжил его мысль бригадир каменщиков

коммунист Захар Денисович Шульгин. Он, как и Пластинкин, побывал уже на многих стройках страны. — Не хватает строительных материалов, плохо работает транспорт, нет тепловой спецовки, большие очереди в магазинах и столовых, плохо развернуто социалистическое соревнование.

Бригадир землекопов Семен Максимович Дубина спрашивал, обращаясь к начальнику строительства:

— Что это такое? Вручную грузим, вручную отвозим вагонетки, многие работают на грабарках. Почему нет экскаваторов, саморазгружающихся вагонов-думпкаров? Железнодорожные пути мы уложим сами. Требуйте технику от наркомата, сроки-то подпирают! Правильно сказал Пластинкин, что за нами дело не станет. Посмотрите, какие у нас хлопцы! — он кивнул на сидящих рядом с ним здоровенных парней.

Среди строителей я работал впервые, но знал и потом лично убедился, что это народ особенный. Вначале, на новой стройке, они невзыскательны к бытовым нуждам. Понимают, что сразу нельзя создать все условия, тем более в те годы, когда страна имела очень мало средств и сил. Но когда стройка развернется вовсю, когда преодолены первые организационные трудности, строители законно требуют порядка и четкой организации работ, создания хороших условий труда.

Я видел, что они непримиримо были настроены к тем руководителям, которые относились к делу спустя рукава. Непримиримо относились и к рабочим, старающимся урвать побольше от государства для себя лично, прожить за счет других. Таких резко критиковали, просили убрать из бригад, а иногда за воровство и обман даже избивали.

Я говорю о строителях, уже прошедших школу на больших стройках. Оговорку надо сделать и потому, что Камыш-Бурун находится на юге страны и сюда двинулись не только честные рабочие, но и классово чуждые элементы, уголовники, лодыри. Ведь вербовка шла где попало, даже на вокзалах. И неудивительно, что коллектив строителей был засорен.

Совещание принесло большую пользу. Оно помогло выявить причины недостатков, наметить пути их устранения. На другой же день партком, постройком и управление строительства приступили к разрешению вопросов, поднятых рабочими и специалистами.

Прежде всего решено было навести порядок в организации труда и быта строителей, в работе автотранспорта,

столовых и магазинов, в обеспечении рабочих спецодеждой и обувью. Предусматривалось укрепить отделы управления и строительные участки более способными и энергичными руководителями, перебросить многих специалистов из управления непосредственно на производство.

Для усиления партийного влияния начали передвигать часть коммунистов из контор и подсобных цехов на решающие участки строительства, повысили ответственность коммунистов за состояние дел в отделах, на участках, в цехах и бригадах. Приняли меры к тому, чтобы улучшить массово-политическую работу. Открыли курсы повышения квалификации рабочих и подготовки эксплуатационников для будущего комбината.

Все это было сделано, конечно, не за день, не за неделю. После того как наши планы были рассмотрены в горкоме партии, мы собрали коммунистов, обсудили положение на строительстве и все намеченные нами мероприятия. Собрание затянулось за полночь. Решение было принято единодушно. С собрания все расходились с полной уверенностью, что дела на строительстве должны быстро уллучиться.

О своих планах мы доложили в обком партии. Тем более, что не все зависело от коллектива стройки. Требовалась помощь центральных и областных организаций, наркоматов. В обкоме одобрили наши начинания, обещали поддержку.

Через несколько дней обком партии и совнарком Крымской АССР направили в ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР письмо, в котором информировали о том, что заводы-поставщики еще не получили заданий на изготовление оборудования для первой очереди комбината, что строительство плохо снабжают материалами из централизованных фондов, что исследовательские работы по керченским рудам дальше лабораторных опытов не идут.

Вскоре нам стало известно, что по приказу наркома тяжелой промышленности СССР Г. К. Орджоникидзе была создана постоянная комиссия для «полного и всестороннего разрешения всех вопросов, связанных с использованием керченских руд». Это помогло ускорить строительство комбината. К нам стало поступать больше механизмов, стройматериалов, автотранспорта. В Камыш-Буруне состоялась научная конференция, посвященная использованию керченских руд, в которой приняли участие видные ученые-металлурги страны.

Хорошую инициативу проявила редакция многотиражной газеты «Ударная стройка». Как-то пришли в партком

редактор Б. Г. Толкин и его заместитель А. Я. Братковский:

— Мы хотим выступить с письмом в центральной газете «За индустриализацию». Обратимся к проектным организациям, заводам-поставщикам Наркомтяжпрома, чтобы ускорили разработку документации и изготовление оборудования...

Партком поддержал инициативу журналистов. Письмо было отправлено в Москву и одновременно напечатано в нашей газете.

Руководство стройки от имени всех строителей Камышбурнского железорудного комбината обратилось к областному совету профсоюзов и наркоматам Крымской республики с просьбой «повернуться лицом к ударной стройке». Было перечислено, в чем конкретно должна заключаться помощь строительству.

Обком партии и совнарком республики поддержали нашу просьбу. Рабочим и специалистам стали больше давать путевок в санатории и дома отдыха. К нам были посланы опытные учителя и врачи, школы и больницы получили новое оборудование. Отремонтировали дороги, идущие в Камыш-Бурун, в пригородные хозяйства увеличилось поступление сельскохозяйственных машин. Правда, все это делалось не так быстро, как хотелось бы строителям. Тем не менее люди видели, что к их замечаниям, требованиям прислушиваются и дела на строительстве улучшаются. Поэтому инициатива не угасала, строители вносили много дельных предложений по улучшению труда и быта.

Как-то у меня в кабинете проходило важное совещание, и я попросил технического секретаря никого не пускать. Совещание только началось, как из-за приоткрытой двери слышался настойчивый женский голос:

— Почему принять не может? А если срочное дело?

Дверь распахнулась, и мы увидели невысокую сердитую девушку. Перебив выступающего, она быстро стала говорить:

— Извините... Я из столовой. Мне нельзя ждать. Через три часа обед, а картофеля и овощей к нам не доставили. Говорят, нет. А как же без картофеля и овощей? Что скажут рабочие?

— Одну минутку, — попросил я девушку. — Вы из какой столовой? Как вас зовут?

— С промплощадки. Вера.

— А где заведующая?

— Разве я не имею права? — обиделась девушка. — Меня сотрудники столовой послали... Была в орсе — ничего не добились... В постройке никого нет. Так я к вам... Так дальше работать нельзя. Мы тоже хотим, чтобы стройка выполняла план. Мы тоже цех... питания.

— Хорошо, — сказал я. — Начальник орса сейчас разберется. Мы отпустим его с совещания. А потом с председателем постройкома придем к вам обедать и на месте обо всем поговорим. Не возражаете?

— Нет... Спасибо.

— Комсомолка? — спросил я девушку.

— А как же.

В столовой, куда мы вскоре приехали с Бодяком, было полно людей.

— Ну, значит, все в порядке, — обрадовался Иван Тимофеевич.

Прошли к столу, за которым сидели знакомые рабочие. К нам подошла Вера, довольная тем, что мы сдержали слово.

На первое был борщ, на второе вермишель. Приготовлено все довольно вкусно, но для людей, занимающихся физическим трудом, да в такую погоду, явно маловато. Тем более, что и хлеб строго нормировали. Рабочие говорили:

— На сотрудников столовой грех обижаться. Они не виноваты.

— Понимаем, что с продовольствием тяжело. Но почему как следует не помочь пригородному хозяйству?

— Надо установить обеденные перерывы в разное время — по участкам, чтобы очереди не было.

— Главное, вовремя подвозить продукты в столовые, — вступила в разговор Вера.

Разговор о столовых был продолжен через несколько дней на совещании, куда пригласили не только сотрудников и руководителей орса, но и работников столовых, профсоюзный актив, рабочих. Разговор шел начистоту, острый, без оглядки на лица. Особенно досталось нам, руководителям стройки, от заведующей столовой Александры Никитичны Мельниковой:

— А что делается в пригородном хозяйстве! Посадки картофеля и овощей не обрабатывались, заросли травой... Овощи гниют. А выход простой: надо только привлечь рабочих и служащих, помочь транспортом.

— На что это похоже? — возмущался другой выступающий. — Живем на берегу моря, а сидим без рыбы. Неужели

нельзя расширить рыболовецкое хозяйство? Сколько на стройке рыбаков? Пошлите их туда. Для строительства двадцать — тридцать человек погоды не сделают, а рыбой они обеспечат тысячи людей.

— Когда ликвидируются очереди в магазинах?

— Надо, чтобы в столовых было тепло...

— Помогите орсу транспортом...

Управление стройки, партком и построиком на основе этих замечаний и предложений разработали конкретные меры для улучшения питания и быта рабочих.

Работы в те дни было много. Рано утром я уже шагал на участки и в цехи. Беседовал с рабочими, руководителями. К девяти-десяти приходил в партком, решал срочные вопросы и опять — на участки, в цехи, в столовые, магазины. Вечером, если не было заседаний, шел в бараки. Проверял, тепло ли, чисто ли там, беседовал с людьми. Так, пожалуй, были загружены тогда все руководители стройки.

Требовалось еще работать над собой. Без специальных знаний нельзя было руководить партийной организацией такой ответственной стройки. И я, несмотря на загруженность, продолжал прерванную учебу. Поступил на факультет особого назначения (ФОН), целью которого было повышение квалификации и общеобразовательной подготовки руководящих работников.

Внутрипартийная и массово-политическая работа на строительстве стала более оперативной и конкретной. Заседания партийного комитета проходили бурно. Положение на строительстве все еще оставалось трудным. Отдельные работники продолжали халатно относиться к своим служебным обязанностям, не выполняли решений обкома, горкома и парткома, приказов начальника строительства. Пришлось повысить требовательность ко всем руководителям. От некоторых из них мы вынуждены были освободиться.

Особо резкой критике подвергалась работа отделов управления строительства. Отдел кадров мало обращал внимания на вербовку рабочих, пустил это дело на самотек. Один из вербовщиков Рудстроя принял тридцать восемь человек, среди которых оказалось тринадцать кулаков, скрывавшихся от высылки, двое не имели никаких документов. После проверки выяснилось, что сам вербовщик — бывший кулак.

Как-то на заседании парткома обсуждался доклад о работе партийной организации Азовводстроя. Предварительное знакомство с парторганизацией и доклад показали, что

партийное бюро и его секретарь плохо представляют свои задачи, их «заела текучка».

Мы стали приглашать секретарей и парторгов на заседания парткома, заслушивали их отчеты, чаще бывали в партийных организациях. Потом создали для секретарей парторганизаций и партгруппоргов семинар. Перед ними выступали руководящие работники стройки, работники горкома. Участники семинара обменивались опытом.

Вначале учеба отрывала секретарей от непосредственной работы на участках и в цехах. Но мы сознательно шли на это, и в дальнейшем подтвердилось, что были правы. Секретари парторганизаций и партгруппорги стали яснее представлять свои задачи, работать более целеустремленно.

Мне запомнился четырехдневный семинар секретарей и партгруппоргов. Организовали доклады о VII конгрессе Коминтерна, об агрессии итальянских империалистов против Абиссинии. Обсуждались и вопросы оргработы: как подготовить и провести партийное собрание, как составить план и организовать рабочий день секретаря, о воспитании кандидатов и сочувствующих, о руководстве комсомолом, помощи стенным газетам и т. д.

Учеба актива помогла поднять общий уровень партийной работы и роль коммунистов на производстве. Постепенно мы перевели десятки членов партии и комсомола из контор и второстепенных цехов на производство. Лучше стали работать агитаторы. Больше рабочих включилось в соревнование. На стройках появились лозунги и плакаты, «молнии», Доски почета, щиты с показателями соревнования. Усилилась тяга в партию передовых рабочих и специалистов.

Набирались опыта секретари партийных организаций. Особенно мне нравился стиль работы Карпа Пименовича Крепца. По натуре это был замкнутый, малоразговорчивый человек. Но среди людей он преображался, умел подойти к каждому, был отзывчив, внимателен.

Когда Крепец пришел на промплощадку, дела там не ладилась: план не выполнялся, то и дело менялись рабочие, нарушалась дисциплина. Вместе с начальником Промстроя и профоргом, с помощью членов бюро и всех коммунистов Крепец постепенно добивался порядка и дисциплины.

На Промстрой я заглядывал чаще, чем куда-либо, так что Крепец все время был на виду. Имея немалый опыт партийной работы, он уверенно вступал в спор, если с чем не соглашался, отстаивал свои доводы и в то же время был дисципли-

нированным, исполнительным. Никогда не стеснялся спросить о том, чего не знал или в чем сомневался.

Еще об одном коммунисте хочется рассказать — о секретаре парторганизации Рудстроя Василии Федоровиче Лапкине. Работа на руднике, пожалуй, была труднее, чем на любом другом участке. Василий Федорович днем и ночью пропадал на стройке: ходил из бригады в бригаду, что-то людям разъяснял, выслушивал их претензии. Чем ему только не приходилось заниматься: организацией труда, социалистическим соревнованием, бытом, отдыхом строителей... Трудился Василий Федорович без выходных дней, по двенадцать — шестнадцать часов в сутки. Он всей душой отдавался партийной работе, хорошо знал коммунистов, добивался, чтобы они во всем служили примером.

На Рудстрое всегда активно проходили партийные собрания, здесь придавали большое значение наглядной агитации. Много внимания коммунисты уделяли комсомольской организации.

Под стать В. Ф. Лапкину был и начальник Рудстроя М. М. Соколовский, энергичный и знающий дело руководитель. Они во всем поддерживали друг друга и в короткий срок сумели на участке создать крепкий коллектив. Неудивительно, что Рудстрой, как правило, шел в первых рядах строителей Камышбурунского железорудного комбината.

Позднее мои пути не раз пересекались с путями Василия Федоровича Лапкина. Он работал секретарем парткома, первым секретарем Ак-Мечетского (сейчас Черноморский) райкома партии в Крыму, директором совхоза. В годы Великой Отечественной войны Лапкин защищал Севастополь, был ранен. Потом сражался с фашистскими захватчиками в городах и лесах Крыма в одном из партизанских отрядов. Был опять тяжело ранен, лишился ноги. После освобождения Крыма Лапкин находился на советской и хозяйственной работе. Уйдя на пенсию, он вернулся в Камыш-Бурун и по сей день принимает активное участие в общественной работе.

Хорошими руководителями партийных организаций были коммунисты Леонтьев, Миронов и Денисов. Леонтьев впоследствии работал заведующим отделом обкома партии, заместителем министра рыбной промышленности СССР. Не оставил партийную работу и Миронов. Он был первым секретарем Ленинского райкома и Феодосийского горкома партии в Крыму. Денисов после строительства пошел учиться, служил на флоте, стал инженер-капитаном 1-го ранга.

Конечно, обо всех партийных активистах не расскажешь, но я, как сейчас, ясно вижу перед собой каждого секретаря партийной организации строительства, хотя с того времени прошло более тридцати пяти лет. Люди, с которыми работал в самые трудные периоды жизни, запоминаются надолго.

На строительстве трудились много молодежи. И партком уделял особое внимание комсомольской организации, помогал комитету комсомола. Секретарем комитета комсомола был толковый коммунист Михаил Лев. Он умело руководил молодежью. Комсомольцы были зачинателями многих интересных дел на стройке.

Мне особенно запомнилась инициатива комсомольцев в дни после XVII съезда партии. У нас на строительстве, как и повсюду в стране, развернулась большая работа по изучению и претворению в жизнь решений партийного съезда. Это был поистине съезд победителей. Наша Коммунистическая партия подвела итоги исторических побед, отметила, что в стране построен фундамент социализма. XVII съезд утвердил план второй пятилетки, основной задачей которой являлось завершение реконструкции всего народного хозяйства страны.

Как раз в эти дни пришел ко мне комсомольский вожак Миша Лев и говорит:

— Комсомольско-молодежная бригада котельщика Ефима Солярского предлагает объявить поход за выполнение решений съезда. Бригада уже приняла повышенные обязательства...

Партком, разумеется, поддержал молодежь. Бригадам, включившимся в поход, в торжественной обстановке вручались путевки с конкретными заданиями по росту выработки, повышению качества строительных работ, экономии материалов, по организации технической учебы, повышению общеобразовательной подготовки рабочих. Сюда включались и требования к администрации по поводу своевременного обеспечения рабочих строительными материалами и заготовками, улучшения бытового обслуживания.

В поход за выполнение решений XVII съезда партии, за выполнение плана строительства комбината включился весь коллектив.

Комсомольцы же совместно с застройщиком профсоюза предложили организовать конкурс на лучший барак, квартиру, комнату, койку. Мы долго беседовали о том, как организовать конкурс, что нужно сделать для того, чтобы бук-

важно все участвовали в нем. Газета «Ударная стройка» опубликовала условия конкурса. На всех площадках, в цехах, общежитиях прошли собрания. Управление строительства выделило материалы, постройком — средства на премии; комсомольцы организовывались в бригады для ремонта в нерабочее время бараков, землянок, квартир.

Везде, где было необходимо, ремонтировались полы, потолки, крыши. Девушки и женщины скоблили и мыли полы, стирали, шили занавески, что-то вышивали. Медицинские работники и активисты Красного Креста читали лекции по гигиене, помогали наводить чистоту и порядок в общежитиях и квартирах. Ребятишки приносили в бараки живые цветы. Мне кажется, не было ни одного человека, который бы не участвовал в конкурсе.

Наконец пришло время подводить итоги конкурса. По вечерам и в выходные дни авторитетные комиссии из активистов обходили один барак за другим, квартиру за квартирой, комнату за комнатой и придирчиво их осматривали. Нередко и мы, работники парткома и постройкома, присоединялись к этим комиссиям.

Радовали глаз чистота и уют. Унылые бараки, казалось, стали светлее и просторнее. В общежитиях стало больше мебели, — это постарались коммунальный отдел, руководители стройплощадок и цехов, коменданты.

Победителям конкурса были вручены премии. Но работа по благоустройству не прекращалась. Мы взялись за озеленение поселка, строительство тротуаров, наводили порядок во дворах.

Большое внимание благоустройству поселка уделял председатель постройкома Иван Тимофеевич Бодяк. Общительный, беспокойный, он всегда находил общий язык со строителями, не уклонялся от острых вопросов. Он шел к начальнику строительства, в партком, в орс, отдел коммунального хозяйства — просил, убеждал, требовал и, как правило, своего добивался.

Первое время я ходил на строительные площадки больше всего с Бодяком. Он интересовался условиями работы, не скрывал трудностей. Обещал помочь лишь тогда, когда была возможность, а если отказывал в просьбе, объяснял причину.

С Иваном Тимофеевичем мы быстро сработались. У нас четко были распределены обязанности: мы, работники парткома, старались не подменять постройком, но на своих засе-

даниях нередко критиковали профсоюзных работников, указывали на недостатки, промахи и ошибки. Приняв же решение, всегда помогали его выполнить.

Летом начальника строительства, меня и председателя постройкома вызвали в обком партии на заседание бюро, где слушался наш доклад о ходе строительства Камышбурунского железорудного комбината. Бюро обкома в своем решении отметило ряд достижений в строительстве комбината, улучшение партийно-политической работы. Но в то же время нас критиковали за то, что медленно перестраиваемся и не выполняем плана строительства.

Вернувшись в Керчь, мы рассказали о решении бюро обкома коммунистам, комсомольцам. Затем состоялся слет ударников, ряды которых к этому времени достигли уже двух тысяч человек. На слете выступил первый секретарь обкома партии Б. А. Семенов.

Передовые бригады Шульгин, Винокуров, Солярский и другие от имени своих бригад брали новые обязательства, говорили о том, что им мешает в работе. Слет принял обращение ко всем рабочим, инженерам, техникам и служащим добиться выполнения плана, вовремя построить и пустить железорудный комбинат.

Дела на строительстве стали улучшаться. А когда дела идут на лад, больше начинаешь думать о досуге людей. Вот здесь-то опять кстати была помощь комсомольцев.

В один из летних дней в партком пришли работники комитета комсомола Миша Лев, Аба Ашеров и Оля Голяева. У меня в это время находились начальник строительства и председатель постройкома.

— Можно? — спросил Миша. — У нас есть важное предложение.

— Давайте выкладывайте.

Комсомольцы изложили план строительства стадиона для строителей.

— Это очень нужно. Поднимется настроение молодежи, производительность труда, сократится текучесть... — доказывал Миша. — Только нам нужны материалы, инструменты, транспорт.

Оля Голяева, рослая звонкоголосая девушка, со сбившейся на лицо прядью золотистых волос, раскрасневшись, бросала реплики в поддержку комсомольского секретаря. Ашеров, худощавый, немногословный, только поддакивал.

СТО

«Какие они разные люди», — думал я, глядя на Олю и Абу. Забегая вперед, скажу, что прошло немного времени и они поженились.

Я уже был готов поддержать комсомольцев, но, посмотрев на начальника строительства, заметил, что тот начал что-то подсчитывать на листке бумаги.

— Ничего не выйдет, — наконец сказал он. — Не хватит леса... Вот если без трибун, только со скамейками. Ну еще ворота деревянные. Забор из камня... Да и с транспортом очень туго...

Комсомольцы запротестовали:

— Мы соберем лес. Много разбросано отходов...

— Знаю, где вы будете собирать лес, — засмеялся начальник строительства. — На складах.

Я и Бодяк поддержали молодежь. Начальник строительства в конце концов уступил. Было решено строить стадион с трибунами, привлечь для работы, конечно в добровольном порядке, всех строителей, членов их семей, школьников. Коммунисты и комсомольцы покажут пример.

И действительно, на наш призыв откликнулся весь коллектив. В первый же выходной день рабочие промплощадки в полном составе во главе с новым секретарем партийной организации Денисовым (Крепёц к этому времени был избран председателем поселкового Совета) вышли на строительство стадиона. Люди шли с топорами, пилами, рубанками, молотками.

— Вон нас сколько! — заметив меня, крикнул Пластинкин. — Сот пять. Я со своими буду строить трибуну.

Пришли рабочие Рудстроя. Их возглавляли Соколовский и Лапкин. В руках у многих были кирки, ломы, лопаты.

— Встанем на земляные работы, — заявил бригадир землекопов Дубина.

Рабочие Гражданстроя занялись строительством оград. Пришли рабочие Стройгрэс, каменоломен, механического цеха, строительства порта, сотрудники орс, служащие управления строительства. Много было школьников.

Заиграл оркестр, и работа закипела. Не отставали от всех и мы, работники парткома и постройкома. Надо было видеть, как радовались комсомольцы — Лев, Ашеров, Голяева. На их лицах было написано: «Вот какое большое дело мы организовали!.. Все вышли!»

Когда подвели итоги, то оказалось, что за день сделали столько, сколько предполагалось за неделю.

— Если так пойдут дела и дальше, то стадион будет готов быстро, — Миша Лев посмотрел на меня. — Не знаю вот только, как быть с лесом. То, что мы достали, уже израсходовано.

— Так вы же обещали собрать отходы по всей стройке?

— Верно, обещали... Но леса нет.

— Что предлагаешь?

— Надо попросить со складов. Пришел целый эшелон...

— Ну, ладно. Попробуем поговорить с начальником строительства.

— Поговорите, пожалуйста.

Начальник пошел навстречу. Позднее мы узнали, что он уже успел добиться от наркомата, чтобы строительство стадиона было включено в план.

Еще стадион не был готов, а Центральный комитет профсоюза строителей тяжелой промышленности уже решил провести в Камыш-Буруне спортивные соревнования. Приехавшие гости волновались: из-за недоделок на стадионе соревнования могли сорваться. Но когда в день открытия турнира спортсмены пришли на стадион, то все было готово: дорожки, секторы для прыжков и метаний размечены, поле укатано, трибуны расцвечены флагами. Многие сотни людей трудились в ту ночь, чтобы не ударить лицом в грязь.

В соревнованиях участвовало более двух десятков команд, представлявших строителей тяжелой промышленности союзных республик, краев и областей. Болельщиков на трибунах было полным-полно. Мы, разумеется, переживали за крымчан. И вдруг узнаем, что участник забега в эстафете из команды Крыма заболел и заменить его некем. Предстоял бег на очень трудную дистанцию — четыреста метров. Как быть? Команда, по сути, выбывает из соревнований.

Я сидел на трибуне вместе с товарищами по работе, когда к нам подошел взволнованный капитан команды:

— Что делать?

Мне показалось, что он обращался непосредственно ко мне. В соревнованиях на первенство Севастополя, флота и Крыма я был когда-то чемпионом и рекордсменом в беге на четыреста метров. Мой рекорд Крыма тогда еще держался, и капитан команды, конечно, знал об этом.

— Бегу, — сказал я. — Только быстро достаньте форму и тапки с шипами.

— Вот это здорово! — он прямо-таки просиял.

Через несколько минут по стадиону объявили, что в команде Крыма ввиду болезни одного из участников произошёл

замена, и называли мою фамилию. Строители встретили это объявление аплодисментами. Когда я бежал, они дружно под-держивали меня своими криками.

Забег мы не выиграли, но команда могла продолжать борьбу и в итоге заняла третье место — после Москвы и Ленинграда. Строители долго вспоминали эти соревнования.

С каждым месяцем хорошел наш поселок. По обе стороны улиц стояли нарядные двух- и трехэтажные дома, были устроены тротуары, посажены деревья, цветы. Разросся парк. В центре поселка появился новый клуб. По вечерам играл духовой оркестр. Для детей была построена большая школа.

И настроение людей заметно поднялось. В выходные дни отовсюду были слышны песни, переливы гармоний.

Центральный комитет профсоюза строителей тяжелой промышленности пригласил в Москву наши клубные коллективы, где они должны были выступить на смотре художественной самодеятельности строек всей страны.

Мы очень переживали за своих, ведь кружки художественной самодеятельности были созданы совсем недавно, а их «соперниками» выступали строители Москвы, Ленинграда, Украины, Урала, Донбасса. Для репетиций молодежь использовала каждый свободный от работы час. Шили и примеряли костюмы, приобретали необходимые инструменты.

Когда самодеятельные артисты уехали, все строители с нетерпением ждали от них вестей, переживали за своих посланников. В те дни, кажется, и работали лучше, как будто этим можно было помочь участникам смотра.

И вот получаем от директора клуба Гольдштейна странное письмо:

«Везде после наших концертов выступают представители треугольников, отмечая успех, сыгранность... Председатель стройкома Московского автозавода в своем выступлении заявил: «Вряд ли найдется на наших стройках лучший самодеятельный джаз. Всем строителям надо равняться на коллектив Камышбурунстроя».

Газета «Ударная стройка» опубликовала это письмо. Мы радовались успехам своих посланцев. На заключительный концерт смотра ЦК профсоюза пригласил председателя стройкома и секретаря парткома строительства. Мы с Будяком, с разрешения обкома и горкома, с удовольствием приняли приглашение.

Не подкачали наши земляки и на заключительном концерте. Многие из них были премированы. А когда участ-

ники смотра вернулись домой, то устроили в клубе несколько отчетных концертов, на которых побывали чуть ли не все строители с семьями.

Так рождались все новые и новые успехи в соревновании строителей, в массово-политической работе, в бытовом и культурном обслуживании коллектива.

Рудник уже готов был давать руду, хотя пока и в ограниченном количестве. На агломерационной и обогащательной фабриках шел монтаж оборудования, опробовались отдельные узлы. Высоко поднялось здание ГРЭС.

Как раз в те дни на строительство приехал в сопровождении первого секретаря Крымского обкома партии Б. А. Семенова легендарный полководец гражданской войны Семен Михайлович Буденный. Его везде хорошо знали и любили. И где бы Семен Михайлович ни появлялся, строители встречали его теплыми улыбками, аплодисментами, крепкими рукопожатиями.

Начальник строительства, председатель стройкома и я познакомили Семена Михайловича с положением дел на стройке, потом он осмотрел рудник, строительство агломерационной и обогащательной фабрик, электростанции, порта, гражданское строительство. Расспрашивал рабочих о производственных делах, интересовался общественной жизнью, учебой детей.

Вечером С. М. Буденный присутствовал в клубе на концерте художественной самодеятельности. Перед началом выступлений группа молодежи запела:

Мы — красные кавалеристы,
И про нас
Былинники речистые
Ведут рассказ...

Песню сразу же подхватили другие:

Про то, как в ночи ясные,
Про то, как в дни ненастные
Мы гордо,
Мы смело в бой идем.

И вот дружно, задорно поет уже весь зал:

Веди ж, Буденный, нас смелее в бой!..
Пусть гром гремит,
Пусть пожар кругом.
Мы — беззаветные герои все,
И вся-то наша жизнь есть борьба!..

Среди присутствовавших нашлись строители, которые служили в Первой Конной армии и под руководством Семена Михайловича Буденного и Климента Ефремовича Ворошилова громили белогвардейцев, интервентов и белополяков, освобождали Крым. Завязалась теплая беседа.

Потом выступали участники художественной самодеятельности. Одни пели, другие танцевали, третьи исполняли сцены из спектаклей. Концерт получился очень интересным, праздничным.

Уезжая от нас, Семен Михайлович благодарил рабочих и служащих, участников самодеятельности за теплую встречу, пожелал поскорее закончить строительство и ввести комбинат в строй действующих предприятий. Долго вспоминали строители о встрече с прославленным героем гражданской войны.

В ноябре 1935 года перед Всесоюзным совещанием стахановцев мы собрали слет строителей-стахановцев. Проходил он в клубе. Двести лучших из лучших рабочих в праздничных костюмах торжественно и смущенно сидели, как и два года назад, за накрытыми столами. Только теперь перед ними стояли уже не жестяные чайники и кружки, а вино и рюмки. Да и закуска была побогаче.

Я никогда не был сторонником «мероприятий» со спиртным, но на этот раз, скажу откровенно, сам предложил, чтобы на столах было вино. Уж очень много сделали строители за эти два года, много перенесли трудностей, славно поработали.

Слово предоставили начальнику строительства.

— За девять месяцев вместо пятнадцати миллионов рублей строители комбината освоили двадцать два миллиона, значительно перекрыв график работ,— под громкие аплодисменты заявил он.— План выполнен на сто сорок восемь процентов.

Впервые строители Камышбурунстроя поднимали бокалы за достигнутые успехи. Многим стахановцам были вручены ценные подарки. В заключение приняли обращение ко всем строителям, монтажникам и будущим эксплуатационникам комбината; участники слета призывали всех работать по-стахановски, быстрее закончить строительные и монтажные работы и пустить комбинат.

Теперь весь коллектив трудился по-ударному. Несмотря на то что наркомат значительно увеличил план строительных работ, строители с честью справились с ним. А еще через

месяц пришла радостная весть: в соревновании новостроек Наркомтяжпрома Камышбурунстрой занял одно из первых мест.

Работы на руднике, на агломерационной и обогатительной фабриках, в порту приближались к концу. Задерживалось лишь строительство электростанции. Я, как и все строители, уже мечтал о том, что останусь на железорудном комбинате. Но вскоре был вызван в обком партии. Очередным пленум Симферопольского горкома партии избрал меня секретарем горкома по кадрам.

Газета «Ударная стройка» сообщила: «...партийное собрание, освободив товарища Борисова от обязанностей секретаря парткома, пожелало ему на новом ответственном посту плодотворной деятельности». Я был благодарен коммунистам Камышбурунстроя, всем строителям и монтажникам, с которыми проработал два с лишним года, за их хорошее отношение, за теплые проводы. Перед отъездом в Симферополь обошел всю строительную площадку, попрощался с товарищами и друзьями. Как ни трудно было работать на строительстве, но с сожалением расставался с ним, с полюбившимися мне людьми. Так часто в жизни бывает: кажется, трудней и быть не может, а уезжаешь — жаль расставаться. Видимо, уж так устроен человек...

Совсем недавно мне довелось побывать на Камышбурунском железорудном комбинате имени Б. Н. Аршинцева. Это имя комбинат носит в честь генерала — бывшего командира гвардейской дивизии, погибшего при освобождении Керчи от немецко-фашистских оккупантов. Комбинат я не узнал. Огромные, оборудованные самой современной техникой корпуса агломерационной и обогатительной фабрик, обширные, с многоковшовыми экскаваторами рудники, длинные составы думпкаров. Мощная электростанция, большой современный порт, где грузится на морские суда агломерат. Богатое железнодорожное хозяйство, вспомогательные цехи.

Замечателен и поселок комбината, в котором проживает несколько тысяч человек. Здесь средние школы, детские учреждения, поликлиника, больница, Дворец культуры, стадион, парк, водная станция, пляж. Чего только тут нет! Тридцать пять лет назад мы могли об этом только мечтать.

На комбинате я встретил знакомых, с которыми когда-то вместе работал. Одни из них еще продолжают трудиться, большинство же ушло на пенсию. Мы вспомнили годы строительства, с гордостью говорили о сегодняшнем комбинате.

Сколько в него вложено труда наших советских людей! Величественный, действующий памятник труду, дающий стране ежегодно миллионы тонн агломерата. Камышбурунцы вносят достойный вклад в строительство коммунизма в нашей стране.

В начале марта 1936 года я приступил к работе в Симферопольском горкоме партии. Городская партийная организация была мне хорошо знакома, встретили радушно. С большим желанием взялся за новые дела.

Круг обязанностей секретаря не ограничивался работой с кадрами — в него входило и руководство промышленностью, транспортом, организационно-партийная работа. Почти ежедневно приходилось бывать на предприятиях и в учреждениях, помогать партийным организациям разъяснять новую Конституцию СССР, Положение о выборах в Верховный Совет СССР, решения партии. Я с головой ушел в знакомую работу и получал большое удовлетворение, когда видел ее благотворные результаты.

Но судьба партийного работника изменчива. Прошло всего полтора года, как мне предложили стать секретарем сельского райкома партии.

Хотя я никогда не работал в сельском хозяйстве и, откровенно говоря, не имел к тому особого желания и склонностей, но привык подчинять свои интересы интересам партии. Обком рекомендовал меня вторым секретарем Карасубазарского райкома (теперь Белогорский).

Район олицетворял собой все разнообразие природы Крыма: степь, предгорье, горная часть, плоскогорье. Не хватало только моря.

В районе сеяли пшеницу, хлопчатник, кукурузу, сажали табак, картофель, овощи. Здесь было много садов, разводили шелкопряда. В Яйле пасли скот, заготавливали лес, собирали дикie плоды и ягоды.

Для того чтобы руководить сельским хозяйством, да еще при таком разнообразии культур, требовалось хорошо знать дело. У меня же специальных знаний было явно мало. Так сразу и сказал первому секретарю райкома.

— Ну что ж, — ответил он, — пока будете заниматься городом и организационно-партийной работой. Дела тут непочатый край.

Положение в районе было нелегким. Две машинно-тракторные станции не могли обслужить все колхозы: не хватало механизаторов, тракторов, а колхозники своими силами не

справлялись. На помощь им приходилось посылать рабочих, служащих, учащихся из города. Выезжая в колхозы, я беседовал с коммунистами, агитаторами, помогал организовать соревнование, выступал с докладами.

Только вроде бы втянулся в сельские дела — вновь перемена. Ранней весной 1939 года меня вызвали в Керчь на военную переподготовку. Полтора месяца военной учебы остались в памяти неизгладимый след.

Многие, наверное, помнят то время. Тревога за Родину, за мирную жизнь людей жгла сердце. Жестокий, страшный лик новой войны мы уже видели: он смотрел на нас с экранов кинохроники. Фашисты расправлялись с мирным населением Абиссинии и Испании. На наших глазах большие каменные здания рассыпались словно карточные домики. Мы видели мертвых детей, погибших при бомбежке, отчаяние матерей. Мы видели, с каким хладнокровием фашистские молодчики Гитлера и Муссолини расстреливают безоружных людей.

Война уже бродила по Европе. Не ровен час, она постучится и в двери нашего дома... Надо быть готовым к этому.

Когда я, старший политрук запаса, оказался в военной форме, то вновь ожило стремление: мое место на флоте! А тут начал свою работу XVIII съезд партии. Я не отрывался от репродуктора, ловил каждое слово о съезде. Все понимали: не случайно съезд уделяет так много внимания укреплению обороноспособности страны. Это окончательно утвердило меня в решении стать кадровым военным.

Своим намерением я поделился с начальником политотдела Александром Васильевичем Минаковым. Он горячо поддержал меня, а уже через несколько дней подошел и поздравил:

— Ваша просьба, товарищ Борисов, удовлетворена.

Все устраивалось как нельзя лучше, но в этот же день в Керчь приехал первый секретарь Крымского обкома партии Владимир Семенович Булатов. Он выступил перед партийным активом города с докладом об итогах только что закончившегося XVIII съезда партии, делегатом которого он был. Неожиданно вызвал меня к себе.

— Слышал, вы решили пойти на флот? — спросил Булатов.

— Да.

— А в обкоме посоветовались?

— Нет.

— Напрасно. Вы же секретарь райкома партии. Вас избрали коммунисты. Прежде чем распорядиться собой, следовало бы не только с нами, но и с ними поговорить.

— Это мое упущение, — смутился я.

— В обкоме есть другие соображения насчет вашей дальнейшей работы.

— Но я хотел бы на флот. Мне нравится военная работа.

— Нравится? Вот и хорошо. Значит, мы подыскиали вам дело по душе. Послезавтра приезжайте в обком.

На заседании бюро обкома я был утвержден заведующим военным отделом областного комитета партии. Такие отделы создавались тогда после XVIII съезда ВКП(б).

Отдел был небольшой: два инструктора, технический секретарь и я. Зато какой можно было создать актив! Работники и активисты Осоавиахима, спортивных обществ, отставники, комсомольские работники. Я с большим воодушевлением взялся за дело.

Международная обстановка продолжала обостряться. Гитлеровцы уже захватили Чехословакию, готовились оккупировать Польшу. Японские империалисты напали на Монголию, разгорелись бои в районе Халхин-Гола. Все это заставило обком, советские органы, горкомы и райкомы уделять военным вопросам еще больше внимания.

Не успел я приступить к новой работе, как был вызван в Москву, в Центральный Комитет партии, для беседы и инструктажа. Там порекомендовали ознакомиться с работой военных отделов Московского обкома и горкома партии. Вернувшись в Симферополь, я доложил В. С. Булатову о результатах поездки. Решено было срочно собрать заведующих военными отделами горкомов и райкомов. Совещание прошло активно и целеустремленно.

Активизировали свою деятельность партийные и комсомольские организации, советские органы, добровольные общества. Крепла наша связь с командованием соединений и частей, расположенных в Крыму, с морями Черноморского флота, пограничниками.

В сравнительно короткий срок в рядах Осоавиахима были подготовлены сотни летчиков и парашютистов, тысячи водителей боевых машин, радистов, связистов, пулеметчиков, санинструкторов, санитарок... Юноши и девушки в кружках Осоавиахима и общества Красного Креста учились стрелять из винтовок, метать гранаты, оказывать первую помощь пострадавшим. Они проходили строевую подготовку, выходили

на полевые учения, на занятия в командах местной противовоздушной обороны. Учения стали проводить в условиях, максимально приближенных к боевой обстановке.

В ряды Красной Армии и Военно-Морского Флота шло грамотное, дисциплинированное и овладевшее военными специальностями пополнение. Главным для нас, да, пожалуй, и для всей партийной организации Крыма было проведение военных сборов. В них участвовали десятки тысяч военнообязанных из запаса, тысячи машин.

Как-то к нам в военный отдел зашел Алексей Васильевич Мокроусов, бывший моряк, руководитель партизанского движения в Крыму в годы гражданской войны, участник боев в Испании. Он предложил организовать поход по партизанским тропам.

— Руководство походом беру на себя. Привлечем бывших партизан. Уверен, что это будет интересно и принесет большую пользу.

Вместе с военным отделом Симферопольского горкома партии и горкомом комсомола мы начали подготовку к походу.

И вот в один из теплых летних вечеров три тысячи симферопольцев, преимущественно молодежь, с вещевыми мешками или рюкзаками, с противогазами через плечо, веселым строем, с песнями двинулись по Ялтинскому шоссе. К ночи мы уже были у Чатыр-Дага. На привалах партизаны рассказывали о боях с интервентами и белогвардейцами в годы гражданской войны, показывали места, где проходили стычки с врагом. Спали на открытом воздухе. На рассвете горнист сыграл тревогу. Были проведены боевые учения на сильно пересеченной местности. Под вечер вышли на перевал, где нас ждали грузовики. Заехали в Алушту, искупались в море и с песнями возвратились домой.

Долго симферопольцы вспоминали этот поход. В городе повысился интерес к оборонно-массовой работе. Все больше рабочих, служащих, студентов записывалось в добровольные организации.

Военизированные походы проводились по всем городам и районам Крыма. Особенно массовыми они были в Севастополе, Керчи, Евпатории, Феодосии, Джанкое, Ялте, в Красноперекопском районе. В походах участвовали десятки тысяч жителей Крыма. Многие из них через два года вступили в партизанские отряды и мужественно сражались с гитлеров-

скими захватчиками. Командовал партизанским движением в Крыму, как и в годы гражданской войны, Алексей Васильевич Мокроусов.

Новый подъем военно-патриотической работы произошел в связи с подготовкой к 22-й годовщине Красной Армии и Военно-Морского Флота. Обком партии поручил мне выступить с докладом на торжественном заседании.

Вечером 22 февраля 1940 года зал драматического театра имени А. М. Горького был переполнен. С таким докладом я выступал впервые. Готовился тщательно и очень волновался. Но когда вышел на сцену и убедился, что слушают меня внимательно, настроение поднялось и я успокоился.

Продолжался призыв в ряды Красной Армии. Военные отделы всем, чем могли, помогали военкоматам. В Крым продолжали прибывать все новые и новые части. В боевой готовности находился Черноморский флот. Обком, горкомы, райкомы, советские органы работали в те дни много и напряженно.

Нередко, засидевшись в обкоме за полночь, я оставался спать в кабинете, чтобы рано утром выехать в какой-нибудь район или город, побывать на военных учениях, встретить прибывающие в Крым войска. Работники отдела, заметив мои ночные бдения, достали одеяло, простыни, подушку. Теперь я чуть ли не каждую ночь оставался в своем кабинете. Это позволяло все время быть начеку.

То напряженное и тревожное время помнится крепко. Мы остро ощущали, что война стоит у порога нашего государства, поэтому все силы отдавали работе. Через некоторое время военный отдел обкома мне пришлось сменить на пост первого секретаря Севастопольского горкома партии. Тем более мобилизационная готовность не покидала: ведь Севастополь — военно-морской форпост на южной границе нашей Родины.

* * *

Когда-то мои родители мечтали, что со временем я стану конторщиком — таким же, как отец. Но Октябрьская революция, комсомол, борьба с бандитами в продовольственном отряде, вступление в Коммунистическую партию, служба в военно-морском флоте внесли в эти планы значительные коррективы. Я стал партийным работником.

Избранный путь не был легким. В юности я прошел хорошую школу, которая закалила и многому научила. Этой закалки хватило на всю жизнь. Она выручала меня в суровые годы Великой Отечественной войны, помогает и до сих пор честно служить Родине и Коммунистической партии.

На одной из встреч с молодежью в Севастополе после войны мне задали вопрос: как бы я пожелал прожить свою жизнь, если бы можно было ее начать сначала. Уверенно ответил: точно так же. Немного подумав, я добавил: разве только, чтобы поменьше было болезней...

Линкор и крейсера модернизировать в срок.— Крепить МПВО.— Первый из тысяч будущих налетов.— «Не перекрыв нормы, не покинем цех!»— Враг у ворот Севастополя.— Коммунисты и комсомольцы, вперед!— Глубже зарыться в землю.— Славные дочери Даши Севастопольской.

Трудно передать словами те ощущения и переживания, которые охватили меня после предложения возглавить Севастопольский горком партии. Перед глазами стоял город моей флотской юности, военноморской оплот страны на юге! Сколь велика должна быть ответственность секретаря горкома в Севастополе!

— Учтите,— говорил секретарь обкома,— вашу кандидатуру выдвигают сами севастопольцы, городской и флотский актив. Значит, вам будет обеспечена помощь и поддержка...

Ранним утром с секретарем обкома В. С. Булатовым мы приехали в Севастополь. В этот день заканчивалась городская партийная конференция. Все прошло как в тумане: совещание представителей делегаций, обсуждение кандидатур, выборы. Потом пленум горкома, на котором меня избрали первым секретарем. Пришел в себя после того, как «организационные вопросы» остались позади.

Уже поздно вечером в кабинет первого секретаря, не сговариваясь, пришли все члены бюро. Сам собой завязался непринужденный разговор, какой может быть у хороших друзей, занятых одним делом. Говорили о том, как лучше выполнить решения конференции, на что обратить внимание в первую очередь. Высказывались суждения о работе промышленных предприятий, о внутрипартийных делах, о подборе кадров.

— На Морском заводе не все благополучно,— заметил член Военного совета флота генерал-майор Анатолий Алек-

сеевич Муравьев.— Заводу сейчас следует уделять больше внимания. В самый короткий срок он должен завершить модернизацию линкора и ремонт других кораблей. Времецко уж очень беспокойное...

— А есть товарищи, которые не придают этому значения! — подхватил председатель горисполкома Василий Петрович Ефремов.— Составляем планы местной противовоздушной обороны, намечаем меры, выделяем ответственных. А придет срок, станешь проверять — и оказывается, все идет по-старому.

Так с места в карьер товарищи вводили меня в курс дел. Время летело быстро. Начало светать, когда кто-то заметил, что пора бы и по домам.

Прощаясь с Ефремовым, я попросил его сегодня же съездить со мной на Морской завод.

Утром я решил немного побродить по городу. Еще недавно сонные улицы сейчас были оживлены: народ торопился на работу. В Ссзерной бухте плавно покачивались корабли. Слышно было, как отбивают склянки. Издалека виднелась торжественная и всегда волнующая церемония поднятия флага. Посидел немного на скамейке Приморского бульвара. До чего ж хорошо дышалось здесь в этот утренний час! За ночь воздух будто настоялся на морской свежести. Потом поднялся к Панораме. И вот предо мной Севастополь.

Неужели с той поры, когда я, старшина Борисов, прощался с этим городом, прошло десять лет?

Но воспоминания воспоминаниями, а дело не ждет. Направился в горком. Начал знакомиться с работниками, договаривался об общем направлении усилий, давал первые задания. Прервал мои разговоры Ефремов: время ехать на Морской завод.

Василий Петрович — иначе не называли Ефремова в Севастополе, — председатель горисполкома, в недавнем прошлом рабочий корпусного цеха Морского завода, депутат Верховного Совета СССР, был одним из самых уважаемых людей в городе. К нему, потомственному севастопольцу с Корабельной стороны, внуку участника обороны города 1854—1855 годов, относились по-особому тепло.

Ефремову в ту пору было немногим более тридцати лет. Среднего роста, коренастый блондин, страстный рыболов и купальщик, он несколько лет назад по праву считался в Крыму одним из лучших прыгунов в воду. Наше знакомство, как знает читатель, началось еще в 1928 году, когда я прохо-

дил действительную службу. Оба мы принимали участие в соревнованиях на первенство страны и Крыма в составе одного спортивного коллектива. Я — по легкой атлетике, Ефремов — по плаванию и прыжкам в воду.

Казалось, годы не наложили на него отпечатка. И сейчас, спустя тринадцать лет, он оставался таким же бодрым и веселым здоровяком. Сразу было видно, с каким большим уважением относились к Ефремову на заводе. Почти каждый встречный радушно приветствовал его, для каждого он был своим человеком.

Замечательно, что именно Ефремов оказался моим проводником по заводу. Мы побывали в доках, на стапелях, в цехах. А закончилась наша «экскурсия» встречей с кадровыми рабочими — лучшими людьми завода. Запомнились слова, сказанные тогда Иваном Степановичем Ворониным — орденоносцем, членом Корабельного райкома партии:

— Вы здесь, товарищ Борисов, человек новый. Послушайте старика: начинайте с Морского завода. Видели, какой красавец стоит в доке? А чтоб его до дела довести, еще очень много надо! У нас не совсем ладно получается: танцуем мы около него, танцуем, а толку пока не видно...

В последующие дни я вставал рано, ехал на предприятия, знакомился с хозяйством города, с культурно-историческими памятниками, со школами и медицинскими учреждениями, беседовал с рабочими, руководящими работниками, моряками, заходил в магазины, на рынок... Свои впечатления записывал в блокнот и не мог нарадоваться на большую, какую-то ревнивую любовь севастопольцев к своему городу. Каждый дорожил его славой, свято хранил его традиции. «Не подкачай, Борисов!» — эта мысль не покидала меня.

«На Морском заводе не все благополучно. Времечко уж очень беспокойное...» Эти слова генерал-майора Муравьева, подтвержденные мнением кадровых рабочих завода, ясно подсказывали, что центр тяжести партийной работы на первое время должен быть там, на заводе. Я в этом окончательно убедился, когда на заседании бюро горкома командующий Черноморским флотом Филипп Сергеевич Октябрьский категорически заявил:

— Темпы, взятые морзаводцами, нас не устраивают. Если так будет продолжаться, то линейный корабль войдет в строй не раньше чем через год. А ведь в ремонте находится еще около двух десятков кораблей...

Спустя несколько дней в горьком собрались заместители наркомов Военно-Морского Флота и судостроительной промышленности, руководители Морского завода, секретарь Корабельного райкома партии, товарищи из штаба флота. Приехал и секретарь обкома партии Сергей Николаевич Грачев. Надо было разобраться в причинах отставания с модернизацией и ремонтом боевых кораблей.

— Линкор «Парижская коммуна» должен быть сдан точно в срок, установленный правительством, — заявил заместитель наркома Военно-Морского Флота Л. М. Галлер. — Параллельно должны вестись работы и по ремонту крейсеров «Червона Украина», «Красный Крым», эсминцев и подводных лодок. Международная обстановка медлить не позволяет...

Руководители же завода с цифрами в руках убедительно доказывали, что объем работ значительно превышает возможности: не хватает производственных мощностей, рабочей силы, ощущается недостаток металла, других материалов.

И те и другие горячились, доказывая свою правоту.

Где же выход? Находящиеся на ремонте корабли нужны флоту. И чем раньше они войдут в строй, тем лучше. Видимо, надо изыскивать и внутренние ресурсы, и добиваться помощи извне, бесперебойного снабжения материалами и инструментом. Горьком партии заверил представителей из Москвы, что севастопольская партийная организация приложит все силы к тому, чтобы правительственное задание было выполнено в срок.

Линейный корабль для меня не был в диковинку. Точно на таком же корабле — линкоре «Октябрьская революция» — я служил на Балтике. Но когда приехал в док, то стальная махина величиной с многоэтажный дом, в двести метров длиной показалась внушительнее. Линкор был вооружен двенадцатидюймовыми дальнобойными орудиями, каждый снаряд которых весил полтонны. Я наглядно представил себе весь объем работ и на какой-то момент усомнился, возможно ли в такой короткий срок их закончить. В нашем распоряжении оставалось лишь несколько месяцев.

На линкоре тогда монтировались противоминные бортовые буи. Для наших кораблей это делалось впервые. Производились и другие работы: усиливалась палуба, менялись некоторые механизмы. Водоизмещение корабля должно было увеличиться на девять тысяч тонн. Стоимость модернизации определялась примерно в тридцать миллионов рублей. Значителен был объем работ и на других кораблях. Завод не справ-

лялся с выполнением плана. С чего же начинать, чтобы добиться крутого перелома?

Надо было прежде всего выяснить, какими собственными резервами располагает завод, пересмотреть расстановку сил, на основные участки поставить наиболее квалифицированных рабочих и, конечно, всеми мерами добиваться повышения производительности труда. Для обсуждения этих вопросов мы решили провести на заводе собрания, спросить у коммунистов, у мастеров и рабочих, чем они могут способствовать успеху.

Эти собрания — партийные, комсомольские, совещание инженерно-технических работников, общее собрание рабочих — сыграли большую роль в мобилизации заводского коллектива на борьбу за своевременное проведение всех работ на кораблях; они разожгли рабочий азарт, вызвали чувство уверенности в своих силах.

Общий план «наступления» вырисовывался так: работы на всех кораблях вести одновременно, на линкоре — круглосуточно. Наркомат судостроительной промышленности и крымские организации должны нам помочь: выделить дополнительно рабочую силу, металл, инструмент, материалы.

Этот план был рассмотрен на бюро горкома, а потом вместе с представителями командования флота мы поехали в обком партии. Доложили, сколько рабочих послали на завод предприятия города, сколько специалистов-краснофлотцев направило командование флота. Рассказали также, как думаем организовать работу с людьми. Как улучшить условия труда и быта. В обкоме партии полностью одобрили наш план.

Так начался наш большой аврал (иначе и не назовешь) на Морском заводе. Через несколько дней после возвращения из обкома мне позвонил директор Морского завода Яков Яковлевич Кузнецов:

— Первые ласточки прилетели...

— Что за ласточки? — не понял я.

— Николаевцы приехали. Из Ленинграда телеграмма пришла: специалисты тоже в пути.

Каждый день на завод прибывали квалифицированные рабочие из Николаева и Ленинграда, с предприятий Крыма, а позднее даже с Дальнего Востока. Свыше тысячи краснофлотцев-специалистов горячо взялись за дело. Улучшилось положение с поставкой материалов.

Ясно было, что в этих условиях и партийно-политическая работа на заводе должна забить ключом. Горком направил туда группу товарищей из своего аппарата, из райкомов партии. Парторгом на этом важнейшем предприятии утвердили Сергея Аверьяновича Ежеля — хорошего организатора и специалиста. До окончания всех работ на линкоре закрепили там второго секретаря Корабельного райкома партии, бывшего рабочего корпусного цеха, Александра Кирилловича Литвинова.

В течение нескольких дней были окончательно «утрачены» все вопросы организации труда, график работ. На территории дока, в цехах завода, на линкоре и других кораблях успешно трудились тысячи новых рабочих. Стук клепальных молотков, рокот компрессоров, гудки буксиров, автомашин, катеров были слышны далеко за пределами завода. Ночью в небе стояло зарево от нагревательных печей и электросварки.

Директор завода, главный инженер, парторг ЦК, секретари Корабельного райкома и другие партийные работники, направленные на этот участок, буквально дневали и ночевали там, вникая в каждую мелочь. Я тоже почти ежедневно приходил на завод. Пришлось надеть спецовку — то на леса, то в машинное отделение, то на склад, то оперативное совещание. Чем только мог, содействовал быстрейшему ходу работ.

С каждым днем нарастал трудовой подъем. Бригадир сборщиков Сергей Маргосян выступил застрельщиком соревнования за ежедневное выполнение не менее двух норм. Почин Маргосяна обсуждался на заседании парткома, на цеховых собраниях. Инициатива была подхвачена всеми.

Партийная работа сосредоточилась тогда главным образом в партгруппах. Начальники участков, бригадиры, мастера ежедневно докладывали о выполнении графика, о том, кто впереди, кто отстает. Выступления были деловиты, кратки, предложения конкретны.

Преобразилась и территория дока. Красочные лозунги, плакаты, «молнии» призывали: «Берите пример с лучших стахановцев — Маргосяна, Кубатова, Гудкова!», «Равняйтесь на передовиков Кравченко и Барыкину!», «Следуйте примеру Губенко, Гусева, Федорова!»

Все это создавало праздничную приподнятость, тот душевный настрой, когда и усталость не усталость, когда сам себе кажешься богатырем, которому все по плечу.

Производительность труда на заводе резко поднималась. Бригада Маргосяна на выполнении первого же задания сэкономила шестьсот девяносто три часа, бригада Мухина закончила выполнение срочного заказа на сто восемьдесят три часа раньше срока. Обе бригады завоевали переходящие Красные знамена.

Токарю-стахановцу Аркадию Стычинскому предложили вернуться к своей старой специальности клепальщика: их на заводе не хватало.

— Раз нужно, какой может быть разговор!

Пошли работать клепальщиками инструментальщик Андрей Иванов и много других мастеров высокой квалификации.

Раньше считалось достижением, если рабочий делал пятьдесят — семьдесят заклепок в смену. Стычинский в первые же дни клепал по двести, Иванов — немногим меньше. Комсомолки Люба Бойко и Маруся Кристошевская, овладев в короткий срок профессией электросварщиц, давали ежедневно по полторы — две нормы.

Когда потребовалось много нагревательниц клепок, горком комсомола обратился к девушкам Севастополя с призывом помочь заводу. Уже на следующий день в отдел кадров явились десятки желающих.

— Вот так бы работать всегда! — встретив меня на заводе, сказал начальник корпусного цеха Александр Семенович Вильдман. — Сколько работаю здесь, а такого не помню.

Было это накануне моей поездки в Симферополь на пленум обкома партии. На завод пришел, чтобы еще раз проверить, выдерживаем ли взятый темп.

Пробыл я в Симферополе несколько дней. Едва успел возвратиться, как в горком вместе с главным строителем завода Шрайбером, с Литвиновым и Ежелем пришли командир «Парижской коммуны» капитан 1-го ранга Федор Иванович Кравченко и старпом капитан 2-го ранга Михаил Захарович Чинчарадзе.

— Плохи у нас дела, — огорошил меня командир корабля.

— Что случилось?

— Начали отставать от графика, — объяснил Шрайбер. — Людей мало.

— Что же предлагаете?

— Снять рабочих с других объектов, — вступил в разговор командир линкора.

— А каково мнение главного строителя?

— Я согласен.

— Как с крейсерами и эсминцами?

— Потом сообща навалимся на них. Правда, на первых порах переброска людей может вызвать некоторую дезорганизацию. Но постараемся не допустить ее, — уверял главный строитель.

— А вы поддерживаете? — спросил я секретаря райкома Литвинова и парторга Ежеля.

— Мы тоже считаем, что это необходимо.

— А как отнесутся в наркомате?

— Наверняка не согласятся.

Пригласив секретаря райкома Григория Алексеевича Кобрина, мы все поехали в док. Там встретили директора, главного инженера, парторга ЦК. Возле линкора приходилось кричать, настолько было шумно. Вспышки электросварки слепили глаза.

Первое впечатление было такое, что народу здесь хоть отбавляй.

— Вот здесь нет никого, здесь тоже, — будто угадав мои мысли, показывал Шрайбер. — Вовремя не кончим работу на этих участках — другие задержим...

Поговорили с руководителями работ, с мастерами. Все в один голос требовали: «Людей не хватает! Дайте людей!»

А где их взять? Ведь не простые рабочие руки нужны, а мастера высокой квалификации. Спорили, обсуждали, анализировали и в конце концов решили пойти на крайнюю меру: перевести на «Парижскую коммуну» часть специалистов с других кораблей. Исходили из необходимости быстрее закончить модернизацию и капитальный ремонт наиболее важного по огневой мощи боевого корабля.

— Вы правильно делаете, что все усилия сосредоточиваете на линкоре, — поддержали нас командующий эскадрой Л. А. Владимирский и комиссар В. И. Семин. Но предупредили: — Другие корабли тоже должны быть сданы в срок.

Уже через три дня работа на линкоре пошла по графику, а на отдельных участках даже с некоторым опережением.

Жены многих рабочих волновались, что их мужья являлись домой запоздно или совсем не ночевали дома. Нередко в кабинете начальника цеха, в парткоме или завкоме раздавался телефонный звонок.

— Как там мой-то? Уж три дня домой не является, — беспокоилась жена.

— Здоров! Работает!

Когда «виновнику» напоминали: «Ты что же про дом забыл?» — тот, вытирая рукавом пот с лица, обыкновенно отвечал:

— Да вот все другим бригадам фронта не обеспечиваю. Думал, сегодня обязательно вырвусь, но соседи снова поднажали...

И хотя никаких жалоб от женщин не поступало, мы все же посоветовали парткому и завкому провести собрание жен рабочих, инженеров и техников, работавших на линкоре, рассказать им о важности и срочности задания, выполняемого их мужьями. Просили разъяснить, что международная обстановка накаляется с каждым днем. Гитлеровские войска уже оккупировали Данию и Норвегию, вторглись на территорию Голландии, Бельгии, Люксембурга. Пожар войны разгорается. И нет гарантии, что наша страна не подвергнется нападению. Надо быть готовыми.

От работавших на линкоре требовалось величайшее напряжение всех душевных и физических сил. Люди осунулись, побледнели. Заместитель начальника механического цеха Гаврилов, бригадиры Маргосян и Федяев, главный строитель Шрайбер похудели так, что спецовки у них, казалось, с чужого плеча. На что уж здоровый, цветущий начальник участка Дмитрий Денепов, но и тот сдал: щеки втянулись, под глазами синие круги.

Конечно, постоянно так работать было нельзя. Но я, как и другие, не предполагал, что скоро, очень скоро придется работать именно так и даже напряженнее: под бомбами, на скудном пайке, на протяжении многих тяжелых месяцев. Не предполагал, хотя и готовился к этому.

Тяжелее других приходилось, конечно, главному строителю Семену Иосифовичу Шрайберу. Он немало повидал на своем веку и, само собой разумеется, не раз бывал свидетелем высокого трудового накала. И даже он при встрече говорил:

— До чего же, оказывается, много спрятано в человеке сил. Надо только уметь их расшевелить. Вы, коммунисты, это умеете.

— Почему же вы не в партии? — спросил я как-то его напрямик.

— Мне кажется, я недостойн этого высокого звания, — признался инженер.

— А вот мне кажется, что вы его заслужили.

Вскоре Семен Иосифович подал заявление и был принят кандидатом в члены партии.

Многие рабочие, инженеры и техники, работавшие на линейном корабле, как раз в те дни ударной стахановской вахты вступили в ряды партии. Среди них был и зачинатель социалистического соревнования Сергей Сергеевич Маргосян.

Как мы ни старались избежать дезорганизации работ на других кораблях, штурм на линкоре все-таки дал себя знать: большинство кораблей, стоявших у стенок и в доках, были оголены, нарушилась планомерная работа цехов. План завода затрещал по всем швам. Под угрозой невыполнения находился годовой план всей промышленности города.

Командиры крейсеров «Червона Україна» и «Красный Крым» товарищи Басистый и Зубков при каждой встрече попрекали:

— Что же это вы натворили? Вы теперь и за год не справитесь с крейсерами. На них работы не меньше, чем на линкоре.

— Скоро, скоро возьмемся и за ваши корабли,— успокаивали их.

Нервничали и руководители завода. Нагоняй за нагоняем получали они от наркомата за перерасход фондов заработной платы, за отставание с ремонтом других кораблей. Тогда за утешением они шли в горком. Но и нам доставалось ничуть не меньше.

Как-то в Севастополь приехал один из секретарей обкома, чтобы на месте ознакомиться с методами нашей работы. Они ему не понравились. На собрании партийно-хозяйственного актива крепко досталось руководителям завода, Корабельному райкому и горкому.

— Иначе, как штурмовщиной, нельзя назвать то, что вы тут затеяли,— резко говорил секретарь обкома.

— Да, штурмовщина,— соглашались мы.

— А знаете, что это осуждено партией?

— Знаем... Осуждено как система. Но в данном случае это — исключение.

— Какое же это исключение, если штурмовщина длится уже третий месяц? Работа завода дезорганизована!

— Все это мы знаем. Но другого выхода из положения не видим. Рабочие охвачены энтузиазмом. Его нужно подогреть, а не расхолаживать,— упорно отстаивали мы свои позиции.

Хорошо выступила на собрании актива председатель Корабельного райисполкома Антонина Алексеевна Сарина.

С искренней убежденностью доказывала она, что при огромном объеме работ, свалившихся на завод, при таких сжатых сроках, какие даны для выполнения заказов, работать можно только так.

— С выполнением задания партии и правительства коллектив завода непременно справится, — под одобрительные аплодисменты присутствующих закончила Сарина.

Выступление этой энергичной женщины пришлось всем по душе. Антонина Алексеевна, казалось бы, не имела прямого отношения к работам на линейном корабле, тем не менее отдавала им весь свой пыл. Часто бывала в доке, в цехах, выступала с докладами, проводила беседы, следила за работой столовых, помогала лучше организовать переправу рабочих через бухту. Не было такой мелочи, которую бы она упустила. И ей ли не знать состояние дел на заводе!

Но убедить секретаря обкома, что «штурм» на Морском заводе вынужденный, так и не удалось. Уезжая, он сказал:

— А все-таки руководите вы неправильно...

Через день в газете «Красный Крым» появилась статья «Ненужная опека», в которой горкому ставились в упрек подмена низовых организаций, принижение роли парткома, завкома, руководителей завода, участков.

Долгие и обстоятельные беседы с секретарями обкома и выступление газеты вновь заставили нас задуматься: правильно ли мы действуем? Работники горкома, руководители завода, его партийный и хозяйственный актив хорошо понимали, что так работать систематически, конечно, нельзя. Газета тоже по-своему была права, обвиняя нас в излишней опеке. Но мы понимали и другое: в тех условиях, в каких оказался завод, единственным выходом было сосредоточение всех сил и средств на направлении главного удара.

Большое значение имела поддержка командования флота. Не раз меня, руководителей завода, секретаря райкома приглашали к себе командующий флотом Филипп Сергеевич Октябрьский, член Военного совета Анатолий Алексеевич Муравьев, начальник штаба флота Николай Михайлович Харламов и начальник политического управления Петр Тихонович Бондаренко. Вместе мы обстоятельно обсуждали положение на линкоре. В свою очередь представители командования часто бывали на заводе, в горкоме. При обсуждении газетной статьи на заседании бюро горкома все сошлись на том, что это выступление отнюдь не способствует скорейшему выпол-

нению правительственного задания — увеличению боевой мощи кораблей Черноморского флота.

Вскоре нас вызвали на бюро обкома, где снова подробно, с пристрастием допытывались: хорошо ли мы изучили внутренние резервы, не упущены ли какие-то существенные звенья в организации труда, действительно ли метод, к которому мы прибегли в данном случае, единственный.

Мы в один голос повторяли: «Да. В данных конкретных условиях работать можно только так. И партийная организация города поступила правильно, взяв в свои руки организацию всей партийно-политической и организационно-хозяйственной работы на заводе».

Видимо, наша убежденность сыграла свою роль. В принятом постановлении бюро обкома партии было сказано, что Севастопольский горком и Корабельный райком поступили совершенно правильно, сосредоточив все внимание и силы на скорейшем выполнении задания, имеющего большое общеполитическое значение.

Домой мы вернулись в приподнятом настроении. И сразу, не сговариваясь, направились в док. Линкор теперь трудно было узнать. По обоим бортам, в их подводной части, появились противоминные були. Заканчивалось усиление палубы, завершались и другие работы. Многие из рабочих, инженеров и техников, самоотверженно потрудившихся на линкоре, работали уже на крейсере «Червона Україна» и на ремонте других кораблей. Туда переносился накопленный опыт и трудовой энтузиазм.

Работы на «Парижской коммуне» близились к концу. Наступил долгожданный день: линкор вывели в бухту. Начался прием топлива, воды, продовольствия, боеприпасов. Затем ходовые испытания. Линкор вступил в строй.

— Ну как? — спросил меня Булатов при встрече в обкоме. — Боялся, будем судить?

— Мы знали, что делали... Были уверены в своей правоте.

Вскоре вступил в строй и крейсер «Червона Україна». Через несколько дней после испытаний я встретился с Н. Е. Басистым.

— Как прошли испытания? Какова оценка работы Морзавода?

— Одно слово: молодцы!..

Приближалась XVIII Всесоюзная партийная конференция. К этому знаменательному событию готовилась вся страна. Готовились и мы, севастопольцы. Главным для нас было

Б. Борисов — боец продотряда (1919 год.)

Боевые друзья комсомольской юности — Володя Уваров, Ваня Баринов, Коля Кутасов

Группа комсомольцев фабрики «Красные ткачи». В центре — секретарь партячейки И. Т. Горюнов, рядом — секретарь коллектива РКСМ фабрики Б. Борисов (1925 год)

Молодые текстильщики — победители первенства профсоюзов Ярославской губернии по легкой атлетике (1924 год)

Б. Борисов, старшина отдельного дивизиона подводных лодок Черноморского флота (1928 год)

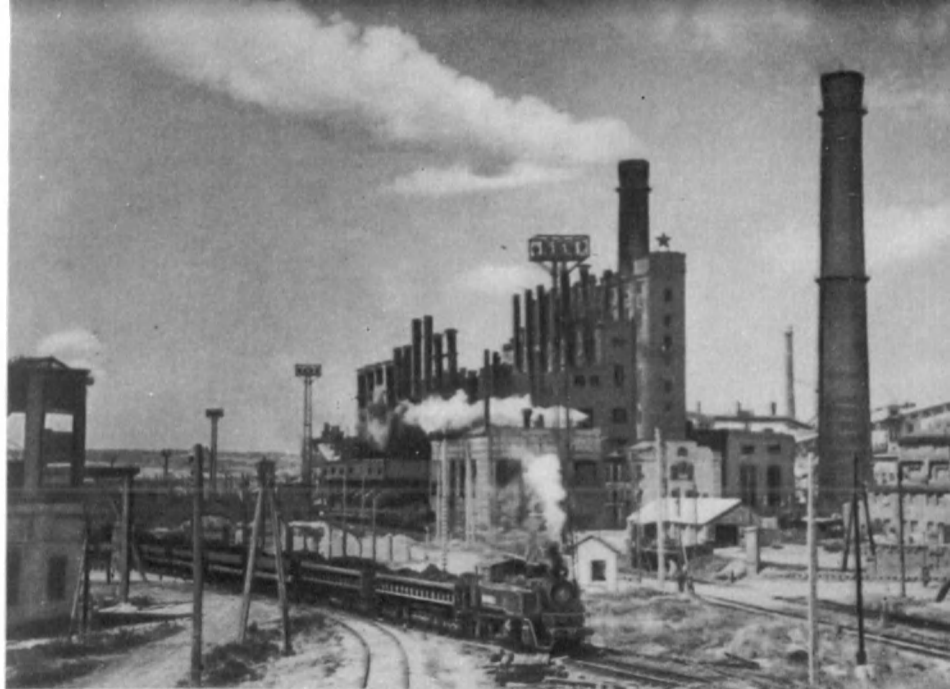
Старшина А. Жданов (1928 год), впоследствии контр-адмирал

Участники семинара секретарей парторганизаций и комсоров под-
плава и эсминцев Черноморского флота (1929 год)

Павел Наумович
Надинский

Агломерационная фабрика Камышбурунского железорудного комбината в строю

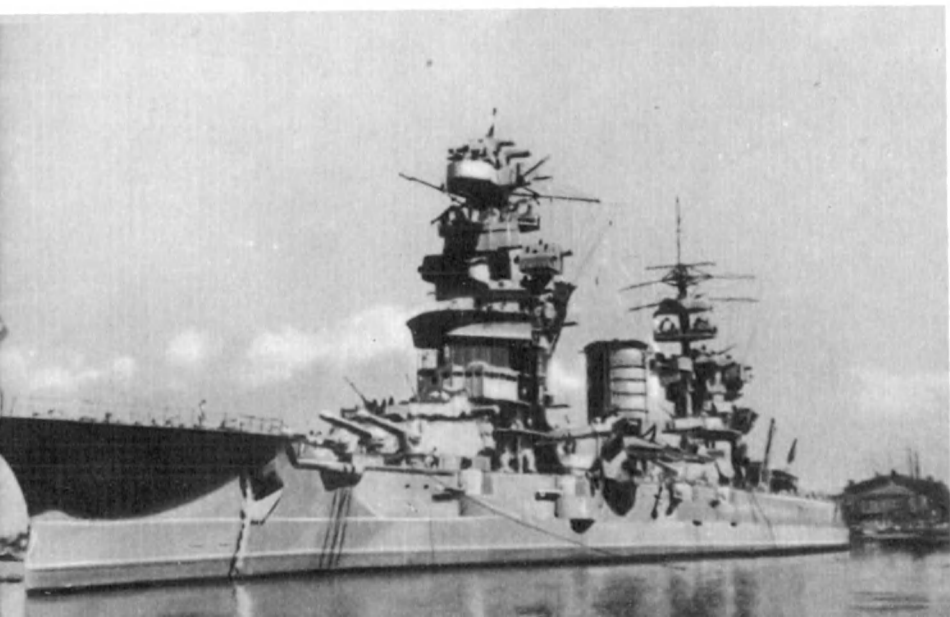
Камыш-Бурун. Первый состав с рудой

Инициатор соревнования на Севастопольском Морском заводе Сергей Маргосян (слева) со своей бригадой (1940 год)

Линейный корабль «Парижская коммуна» после модернизации

Митинг в Севастополе перед войной (1941 год)

Митинг на Севастопольском Морском заводе 22 июня 1941 года

Среди рабочих
Морского завода (1941 год)

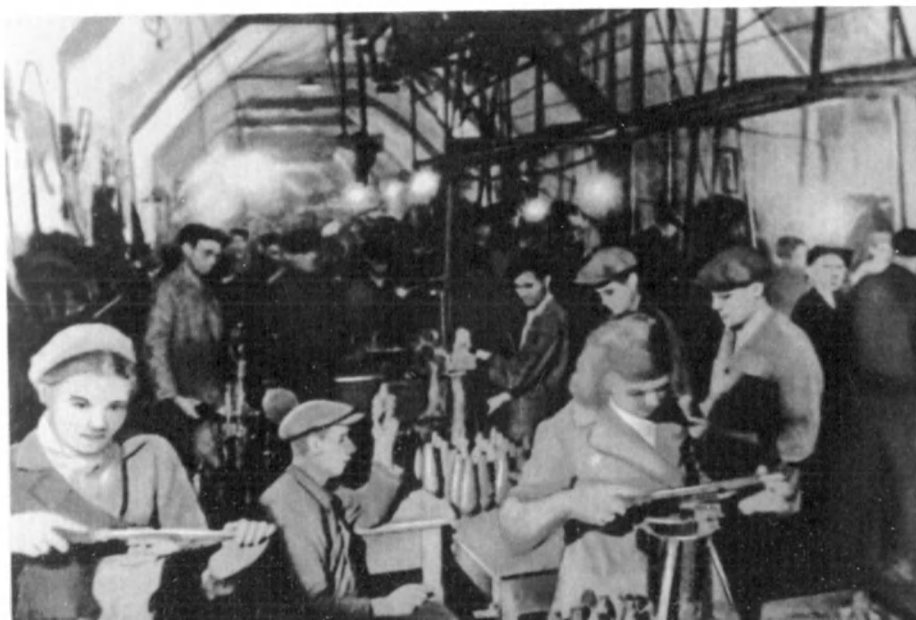
Командование Севастопольского оборонительного района. Слева
направо: Н. М. Кулаков, И. Е. Петров, П. А. Моргунов, Ф. С. Ок-
тябрьский, Н. А. Остряков

Городской комитет обороны и бюро Севастопольского горкома партии. Слева направо: В. П. Ефремов, Б. А. Борисов, К. П. Нефедов, А. А. Сарина, В. И. Кулибаба

В подземном спецкомбинате за производством оружия и боеприпасов

После вражеских налетов

Бригада помощи фронту

Мария Тимофеевна
Тимченко

Проводы подводников Черноморского флота на сухопутный фронт.
Выступает комиссар бригады подводных лодок В. И. Обидин

Возле бомбоубежища
в минуты затишья

Школа разместилась
в подвале

Командование оборонительного района и руководство Севастополя.
Слева направо (сидят): Н. М. Кулаков, И. Е. Петров, Ф. С. Октябрьский, Б. А. Борисов; (стоят) Никифоров, М. Г. Кузнецов, В. Г. Фадеев, И. Ф. Чухнов, В. П. Ефремов, П. А. Моргунов, Ермолаев

На наблюдательном пункте 8-й бригады морской пехоты. Справа налево: командир бригады П. Ф. Горпищенко, В. П. Ефремов, Александр Багрий, Б. А. Борисов, комиссар бригады П. И. Силантьев

Возле неразорвавшейся
вражеской бомбы

Среди руководящих комсомольских работников Севастополя. Слева направо (сидят): А. Багрий, Б. Борисов, Б. Домбровский; (стоят) Н. Краевая, А. Белан, А. Абрамович

Вручение знамени Севастопольского горкома партии 8-й бригаде морской пехоты

Слева направо: член Военного совета Приморской армии бригадный комиссар М. Г. Кузнецов, заместитель начальника политуправления Черноморского флота бригадный комиссар И. В. Маслов, заместитель командующего Черноморским флотом контр-адмирал Г. В. Жуков, Б. А. Борисов

Восстановление связи

выполнение Морским заводом годового производственного задания, завершение работ на остальных кораблях. Темпы ремонта не ослабевали, один за другим вступали в строй эсминцы, подводные лодки.

В это время на завод пришли новые руководители: вернулся после учебы в Промакадемии бывший работник завода Михаил Николаевич Сургучев, назначенный директором; парторгом ЦК стал Антон Максимович Городин. Был составлен новый план работ, разумеется без какой бы то ни было штурмовщины. Мы его утвердили на бюро горкома, потом обсудили на партийно-хозяйственном активе. На заводе была проведена техническая конференция с обсуждением вопросов планирования и укрепления технологической дисциплины.

Я с нетерпением ждал открытия XVIII Всесоюзной партийной конференции, так как был избран делегатом с правом решающего голоса.

В морозный февральский день мы прибыли в Москву. Два дня имели возможность побродить по столице, побывать в музеях и театрах, посмотреть достопримечательности города.

15 февраля 1941 года с волнением входил я впервые в Большой Кремлевский дворец. С любопытством рассматривал делегатов конференции, съехавшихся сюда со всех концов страны. Впервые увидел тогда И. В. Сталина и других членов Политбюро. Бросилось в глаза, как заметно изменились Михаил Иванович Калинин и Климент Ефремович Ворошилов, которых видел раньше.

Доклады и выступления делегатов были исполнены заботы о дальнейшем развитии экономики страны, укреплении ее оборонной мощи. Особое внимание обращалось на усиление партийного руководства промышленными предприятиями и транспортом, своевременное выполнение производственных планов, неустанное совершенствование и освоение новой техники, соблюдение строжайшей дисциплины.

Я старался не пропустить ни одного слова, ни одной важной мысли, особенно из тех, которые, как мне казалось, непосредственно относились к севастопольской партийной организации. Все записывал и записывал... А когда возвращался в Севастополь, у меня рождались новые и новые мысли о том, как перестроить нашу работу.

Севастополь встретил хорошими новостями. Коллектив Морского завода успешно вошел в график и выполнил план первых двух месяцев 1941 года. Справились с производствен-

ными заданиями и все другие промышленные предприятия города.

Но это не успокаивало. Чтобы выполнить решения Всесоюзной партконференции, предстояло значительно улучшить работу предприятий городской промышленности, усилить местную противовоздушную оборону, оживить деятельность массовых оборонных организаций.

Это стало нашей задачей номер один. Как-то в горком партии пришел начальник гарнизона полковник Петр Алексеевич Моргунов, вслед за ним председатель горсовета Василий Петрович Ефремов.

— В случае войны туго придется нам без налаженной местной противовоздушной обороны! — сказал Моргунов. — А до войны, пожалуй, не так уже и далеко. Не верю я в добрососедские отношения с фашистской Германией. Не зря так близко подобралась ее войска к нашей границе.

— Что правда, то правда, — поддержал его Ефремов. — Давно пора по-серьезному заняться местной противовоздушной обороной.

С первых же дней работы в горкоме у меня установился тесный контакт с начальником гарнизона. П. А. Моргунов часто заходил в горком и горисполком, старался быть полезным чем только мог. Как начальник гарнизона и командующий береговой обороной флота, он давал немало полезных советов по организации ремонта кораблей. Будучи членом горкома и депутатом городского Совета, вникал во множество самых разнообразных вопросов, связанных с наведением порядка и дисциплины в городе. Общительный, всегда уравновешенный, Петр Алексеевич удивительно располагал к себе. Его уважали, к его советам прислушивались.

И на этот раз Петр Алексеевич был прав: местной противовоздушной обороной мы занимались не так, как требовала обстановка весны 1941 года. Посоветовавшись с обкомом партии и с командованием, бюро горкома решило усилить этот участок военной подготовки населения.

Чаще стали проводиться учения МПВО. Руководящие работники города и районов тщательно проверяли состояние затемнения города: ездили на предприятия, заглядывали во дворы, забирались на вышки, на Малахов курган. Не раз в воздух поднимались военные летчики и указывали на недостатки маскировки.

На предприятиях даже выполнение срочных и важных спецзаказов с наступлением темноты разрешалось вести толь-

ко при условии соблюдения светомаскировки. Никому и никаких поблажек не давалось. Правда, некоторые хозяйственники смотрели на учения, как на прискучившую игру.

— А как же в случае войны?!

— Ну, тогда другое дело, — беззаботно отвечали они.

С беззаботностью пора было кончать. Снова и снова объявлялись учебные тревоги.

Вскоре начальник гарнизона признал состояние светомаскировки города вполне удовлетворительным. Об этом докладывали летчики, летавшие по ночам над Севастополем.

Первые итоги работы по налаживанию МПВО обсуждались на собрании городского партийного актива. На нем решили приступить к регулярной тренировке штабов, команд и служб местной противовоздушной обороны, широко привлечь население, учения проводить в обстановке, приближенной к боевой.

Во время учений представители командования давали штабам и службам МПВО специальные задания. Возникали «пожары» на пустырях и площадях: поджигали мусор, где-нибудь в тупике по-настоящему подрывали железнодорожные и трамвайные пути, временно выводили из строя водопровод, телефонную связь, электроосвещение. Посредники следили за тем, насколько быстро обнаруживались и ликвидировались пожары и повреждения.

Штабы, команды МПВО, группы самозащиты находились все время в готовности. От них требовалась хорошо налаженная служба наблюдения и связи, четкая работа пожарных и аварийно-восстановительных команд. На предприятиях, в учреждениях, при домоуправлениях и уличных комитетах возникали все новые и новые команды, посты наблюдений, группы самозащиты. К учебным тревогам стали относиться серьезнее.

Во время одного из учений раздался звонок из обкома партии:

— На вас поступила жалоба.

— На что жалуются?

— Пишут, что вы мешаете Морскому заводу выполнять оборонные заказы.

— Каким это образом?

— Не разрешаете вести электросварку.

— Ах, вот в чем дело! Правильно. Пока на заводе не научатся маскировать электросварку, до тех пор мы не разрешим вести ее во время учений. А за то, что они, прекращая

сварку, срывают выполнение оборонных заказов, будем привлекать к строгой ответственности!

На этом и закончился телефонный разговор. Звонивший быстро сообразил, в чем дело.

Город готовился к тому, что вероятный противник будет сбрасывать на Севастополь зажигательные бомбы, применит отравляющие вещества. Поэтому все гражданское население, даже дети, училось тушить зажигалки, подростки дежурили на крышах, а химические команды «осваивали» противоприятные костюмы.

На предприятиях привыкли работать в условиях светомаскировки, и их руководители уже не ссылались на то, что учения МПВО мешают выполнять план. Как только раздавался тревожный сигнал, подаваемый гудками Морского завода и по радио, его быстро подхватывали сирены на других предприятиях. Гудели также буксиры, транспорты, паровозы — и спустя несколько минут город был готов к отпору.

Население укрывалось в подвалы и щели. Возле домов и на крышах появлялись дежурные, зорко следили за воздухом представители службы наблюдения и связи. Замирало движение городского транспорта. Собранные, подтянутые дежурные милиционеры и бойцы МПВО строго наблюдали за выполнением всеми гражданами правил поведения при воздушной тревоге... И вот в небо вонзались лучи прожекторов, бухали зенитки, то тут, то там слышались взрывы, пахло дымом, мчались пожарные и санитарные машины. Быстро обнаруживались «очаги поражения», оказывалась первая помощь «раненым», «тяжело пострадавших» отправляли в больницы и госпитали.

Эти уроки доставляли всем много беспокойства, но потом, в тяжелые времена обороны города, мы не раз вспоминали их добрым словом.

Во время учебных тревог наиболее успешно действовали активисты оборонного дела в Корабельном районе. Начальником МПВО района была Антонина Алексеевна Сарина, председатель райисполкома, о которой я уже говорил. Ко всякому делу она подходила с особой хваткой. Многие работники могли поучиться у нее принципиальности, которой Сарина не изменяла ни при каких условиях. И когда, согласно решениям XVIII Всесоюзной партийной конференции, встал вопрос о секретаре горкома по промышленности, наш выбор единодушно пал на А. А. Сарину.

Одновременно надо было подобрать и заведующего промышленным отделом. Антонина Алексеевна предложила на эту должность кандидатуру молодого инженера Крымэнерго Александра Акоповича Петросяна. Невысокий, худощавый, сидел Петросян перед членами бюро и казался совсем мальчишкой.

— Как вы смотрите на то, что мы утвердим вас заведующим промышленным отделом горкома партии?

— Мне еще не приходилось быть на партийной работе, поэтому сказать ничего не могу, — неуверенно ответил Петросян.

У меня мелькнуло сомнение: коммунист он молодой, на партийной работе не был да и по характеру, видно, не очень решительный. Справится ли?

— Справится, — убеждала нас Сарина. Мы утвердили Петросяна заведующим отделом и не ошиблись. Очень быстро он освоился с партийной работой и оказался превосходным организатором, неутомимым тружеником и мужественным человеком.

В преддверии войны все крепче и крепче становилась связь горкома с командованием и политическим управлением флота, с начальником гарнизона. Они держали нас в курсе вопросов боевой подготовки флота, его нужд. Горком партии в свою очередь ставил их в известность о городских делах, о мероприятиях по оказанию помощи флоту.

В те дни большое внимание уделялось воспитанию моряков, красноармейцев, населения города, и прежде всего молодежи, на славных традициях Севастополя и Черноморского флота. Экскурсии в музеи и по историческим местам, выступления ветеранов, доклады, лекции, печать, радио подчеркивали: севастопольцы должны свято хранить революционные и боевые традиции прошлого, быть достойными славы своих отцов и дедов.

Крепла дружба трудящихся города с моряками и красноармейцами. Это благотворно сказывалось как на боевой и политической подготовке бойцов, так и на улучшении работы предприятий и учреждений, обслуживавших нужды фронта. Севастопольцы, и военные и гражданские, еще сильнее привязывались к родному городу.

Каким же нарядным и чистым был Севастополь в ту весну! Жители славно потрудились над его благоустройством. Дома ослепляли своей белизной, тротуары — будто вымытые. Особую праздничность придавали городу цветы, которые

покрывали каждый свободный клочок земли. Даже думать не хотелось, что война бродит уже где-то совсем близко...

Хотя я и работал в городе военных, в главной базе Черноморского флота, и, как все, внутренне был мобилизован, в глубине сознания искрилась надежда: «Авось обойдется, минет нас горькая чаша». Эту надежду укрепило сообщение ТАСС от 14 июня. «По данным СССР,— говорилось в этом сообщении,— Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы».

Слухи слухами, а командование флота тем не менее рекомендовало держать ухо востро. «На всякий случай»,— как всегда, дипломатично разъясняли военные.

На всех предприятиях, в учреждениях и организациях мы установили круглосуточное дежурство ответственных работников. В горкоме партии, в райкомах после рабочего дня дежурил кто-либо из секретарей или заведующих отделами, в горсовете — члены горисполкома, заведующие отделами. Круглосуточное дежурство было введено и в штабах МПВО.

В середине июня начались большие учения Черноморского флота. В этих учениях, как и ранее, принимало участие население города. Проводились учебные воздушные тревоги, в течение нескольких дней соблюдалась тщательная светомаскировка. Учения должны были проводиться до двадцатых чисел.

По традиции, как только окончатся боевые учения, решено было провести большое народное гулянье. Но 19 июня эскадра неожиданно, раньше срока, возвратилась в базу. Угрожаемое положение в городе было снято, светомаскировка отменена.

— Что случилось? — спросил я нового члена Военного совета флота дивизионного комиссара Николая Михайловича Кулакова, заменившего на этом посту Анатолия Алексеевича Муравьева.

— Пока ничего особенного. Но флот приведен в готовность,— ответил он.— Надо и вам быть готовыми ко всему.

В какой уже раз в горкоме партии и горисполкоме вместе с представителями командования обсуждали мы, что следует предпринять, если вдруг... Кажется, ничего не упустили, все предусмотрели. Но «на всякий случай» и в этот раз усилили

охрану предприятий, ввели дополнительные дежурства, кое-где притушили огни. Намеченное гулянье не отменяли. Оно было назначено на субботу, 21 июня 1941 года.

Вечером в субботу на улицах, площадях и бульварах Севастополя было оживленно и весело. Гулянье удалось на славу. Песнями, музыкой, танцами встретил город моряков. Лишь поздней ночью замолкли оркестры, потухли «юпитеры». Исчезла причудливая игра огней на волнах, лишь доносилось дыхание моря.

...Около часу ночи меня разбудил телефонный звонок. От начальника гарнизона сообщили: в главной базе объявлен большой сбор (мы называли его еще гарнизонной тревогой) и вводится боевое угрожаемое положение. За окном медленно таял зеленоватый свет ракеты. Издалека доносилась пальба из орудий. Тарелка репродуктора наполнилась сухим треском, и диктор сурово объявил о большом сборе и гарнизонной тревоге. Какое-то мгновение я не мог ничего сообразить. Неужели новые учения? Но почему тогда меня не предупредили заранее? Раздался второй звонок: дежурный горкома подтвердил услышанное.

Раздумывать было некогда. Сняв телефонную трубку, попросил своего помощника немедленно вызвать в горком членов бюро, сотрудников аппарата, первых секретарей райкомов. Заведующему военным отделом Иосифу Ионовичу Бакши поручил привести в боевую готовность местную противовоздушную оборону, дал указание электростанции выключить в городе свет.

Вновь позвонили: командующий флотом приглашал меня к себе. Наскоро одевшись, взял наган, противогаз.

— Что случилось? — остановила меня жена, Людмила Ивановна. — Почему понадобилось выключать свет прямо с электростанции? Во время учений вы никогда этого не делали...

Что я мог ей ответить?

— Пока спите спокойно. Если что — позвоню. По воздушной тревоге уходите в убежище.

— Война?..

Я пожал плечами. Больше вопросов жена не задавала. У нас с ней так было принято: о чем можно говорить — говорил, о чем нельзя — она понимала это по первому же уклончивому ответу и больше ни о чем не спрашивала.

От вице-адмирала Филиппа Сергеевича Октябрьского я узнал, что получена шифровка от наркома Военно-Морского

Флота Н. Г. Кузнецова. В ней говорилось: быть готовым к возможной провокации.

— Мною объявлен большой сбор, введено боевое угрожаемое положение, — сказал командующий.

— Война? — спросил я.

— Нападение...

Помолчав немного, он стал говорить о задачах, которые нужно немедленно решать городским организациям. Я сообщил, что нами уже предпринято.

— Действуйте. Генерал-майор Моргунов будет держать вас в курсе событий.

О шифровке и принятых мерах я тут же сообщил первому секретарю обкома партии Владимиру Степановичу Булатову.

Севастополь погрузился во тьму и был наполнен движением: спешили на свои посты военные, бойцы МПВО, руководители предприятий, проносились автомашины с замаскированными фарами. У подъездов домов вырисовывались силуэты дежурных, бойцов групп самозащиты.

В горкоме меня уже ждали. Собрались председатель горисполкома В. П. Ефремов, он же начальник МПВО города, секретари горкома партии В. И. Кулибаба, А. А. Сарина и А. С. Савицкий, секретарь горкома комсомола Саша Багрий, начальник городского отдела НКВД К. П. Нефедов, заведующие отделами горкома А. А. Петросян и Н. В. Висторовский, пропагандист П. Я. Сарин, руководители ведущих предприятий и другие. За исключением Ефремова и Кулибабы, никто не знал, в чем дело. Считали, что это очередная проверка готовности, перебрасывались шутками: «Что ж, сегодня выходной день. Выспимся...»

Коротко я изложил свой разговор с командующим. Это первое в условиях фактически начавшейся войны заседание бюро продолжалось недолго. Мы решили немедленно привести в боевую готовность всю систему МПВО, вызвать на предприятия и в учреждения всех руководителей, всех коммунистов, укрыть население, обеспечить в городе порядок.

Каждый из присутствовавших знал свои обязанности.

— Есть вопросы? — обратился я к товарищам, перед тем как закрыть заседание.

— Есть! — услышал я голос секретаря горкома комсомола Багрия. — Это война?..

— Это нападение, — ответил я словами командующего.

Заседание закрылось. Люди быстро разошлись. Началась проверка явки коммунистов и команд МПВО. В горкоме

непрерывно раздавались телефонные звонки. Райкомы, штабы МПВО, руководители предприятий сообщали о принимаемых мерах.

Быстро включилась в работу городская комсомольская организация.

Комсомольцы помогали руководству МПВО обеспечить тщательную светомаскировку, перевести женщин и детей в убежища. С помощью связных-школьников собрали всех комсомольцев по месту работы и из них создали отряды в помощь органам милиции для охраны порядка.

В начале четвертого часа ночи штаб ПВО флота сообщил: к городу приближаются самолеты противника.

Тревожные гудки Морского завода, хорошо знакомые каждому севастопольцу, оповестили о воздушной опасности, завыли сирены. Почти одновременно из репродукторов послышалось:

— Внимание! Внимание! Внимание! В главной базе объявлена воздушная тревога...

Учебные тревоги у нас проводились часто, поэтому каждый знал, что ему надо делать. Севастопольцы тщательно выполняли хорошо изученные правила поведения: где бы ни застал их условный сигнал, они быстро направлялись в команды МПВО, к которым были приписаны, укрывались в убежища, вооружившись щипцами и лопатами, занимали посты на крышах, становились на дежурство у подъездов домов.

Немедленно соединившись с Симферополем, я сообщил секретарю обкома партии о событиях в городе и вышел на балкон.

Широкий вид открывался на Южную и Северную бухты, на Корабельную сторону и Морской завод. Было еще темно, но уже брезжил рассвет. Город и корабли замаскированы хорошо: ни одной световой точки. Если даже вражеские самолеты и прорвутся на базу, вряд ли они смогут вести целеную бомбардировку.

Стрельба зенитных орудий быстро нарастала и наконец превратилась в настоящую канонаду. Десятки прожекторов обшаривали небо, словно обыскивали обрывки перистых облаков, и, прочертив светлую дугу, уходили за горизонт.

Далеко в стороне лучи нескольких прожекторов скрестились и медленно продвигались по направлению к городу. В месте скрещения лучей — крошечный светлый крестик: пойман вражеский самолет. Лучи прожекторов медленно

влекли его по темной глади поднебесья, чтобы подставить под трассирующие пули и снаряды.

От залпов корабельных орудий сотрясилось здание. Высоко в небе рвались снаряды. Со свистом летели на землю осколки. Звенели и сыпались стекла.

Непрерывно звонили товарищи. До некоторых не сразу дошло, что тревога не учебная. Спрашивают: «Почему такая стрельба?» Разъясняем, что это не учение, а налет вражеских самолетов. Указания МПВО выполнялись быстро и четко, но никому не хотелось верить, что началась война...

Позвонили от начальника гарнизона. Противник сбросил на город несколько парашютистов. Необходимо дать указание штабу МПВО и милиции, чтобы усилили охрану предприятий, меры со стороны военного командования принимаются.

Сильный взрыв потряс здание горкома. Посыпались стекла, обвалилась штукатурка, упала люстра. Уж не угодила ли вражеская бомба? Но из штаба МПВО позвонил Кулибаба: в Северной бухте, у Приморского бульвара, взорвалась мина, спущенная на парашюте. А от здания горкома до места взрыва не менее трехсот метров.

Не успел я положить трубку — второй взрыв. На этот раз на перекрестке улиц Щербака и Подгорной. Туда немедленно направили санитарную и аварийно-восстановительную команды, отряд милиции.

Опять звонок. Из Симферопольского и Евпаторийского горкомов запрашивают: что делается в Севастополе? Что означают эти непрестанно рышущие по небу лучи прожекторов, доносящаяся стрельба и зарево над городом?..

Командование флота получило шифровку Дунайской флотилии о том, что с территории Румынии по советскому берегу и кораблям флотилии открыт артиллерийский огонь.

Какой же длинной и грозной показалась нам эта ночь! Мы не уходили в убежища, оставались на рабочих местах. Ни на одну минуту не прерывалась связь с обкомом партии. Наша информация немедленно передавалась в Москву, в Центральный Комитет партии.

Стрельба наконец прекратилась. Без двадцати минут пять был дан отбой воздушной тревоги. Кончилась первая ночь войны.

Откинув маскировочные шторы на окнах, я увидел ясное, чистое утреннее небо. Искрилась роса на листьях тополей. Солнечный луч позолотил песчаную дорожку во дворе.

После отбоя снова собрались члены бюро. Горком партии и горисполком по радио обратились к населению с призывом соблюдать спокойствие и порядок, повысить бдительность.

Полная картина ночного налета на Севастополь обрисовалась позднее, во второй половине дня. Оказалось, что противник сбрасывал на парашютах электромагнитные мины большой взрывной силы. Падая на землю, они мгновенно взрывались и причиняли огромные разрушения. При падении же в воду такая мина, поддерживаемая парашютом, плавно погружалась на дно бухты и взрывалась только тогда, когда над ней проходил корабль.

Мы направились на места падения бомб, организовали расчистку завалов и помощь пострадавшим. Нужно было срочно рыть щели, оборудовать убежища, начинать эвакуацию женщин и детей в ближайшие районы Крыма.

Севастополь быстро приобрел вид военного лагеря. По городу патрулировали краснофлотцы и красноармейцы с полной боевой выкладкой, в касках. На улицах немало вооруженных в гражданском, перепоясанных ремнями, с противогАЗами на боку. Это комсомольцы. Энергичный Саша Багрий с первого дня сумел обеспечить самое активное участие комсомольцев в обороне города. Они несли боевую вахту, помогали командам МПВО в очагах поражения, рыли щели...

Гитлеровцы возлагали большие надежды на свой первый неожиданный налет. Однако им не удалось застать севастопольцев врасплох. Зенитная артиллерия и хорошая светомаскировка помешали прицельному бомбометанию, мины сбрасывались где попало. Ни один военный объект не пострадал.

В двенадцать дня все жители города слушали по радио выступление В. М. Молотова, который от имени Советского правительства сообщил о нападении на нашу страну гитлеровской Германии. И хотя для населения Севастополя это уже не было новостью, слово «война» тяжелым камнем легло на душу каждого.

Слушали повсюду — на предприятиях, в учреждениях, на улицах, на кораблях, в частях. Возникали митинги. Выступления были гневные. В них — ненависть к фашистам, нарушившим нашу мирную жизнь, готовность советских людей работать не щадя сил. Мысли всех были устремлены к Родине, к партии.

Война стала непреложным фактом. Горком партии и горисполком в своем письме призывали севастопольцев свято хранить боевые традиции нашей Советской Отчизны и род-

ного города, самоотверженно трудиться, быть бдительными и дисциплинированными, вместе со славными моряками-черноморцами громить фашистских разбойников:

«Все силы отдадим великому делу борьбы за свою любимую Родину-мать! Обеспечим своим героическим трудом крепкую базу нашему родному Черноморскому флоту!»

Военный совет флота также обратился по радио к краснофлотцам, командирам и политработникам Черноморского флота. На следующий день оба обращения были опубликованы в местной печати.

В каждом дворе, на каждом пустыре, на бульварах, площадях — всюду, где имелся свободный клочок земли, люди рыли щели. Под убежища оборудовали погреба и подвалы. Надо было обеспечить, чтобы по сигналу воздушной тревоги весь город смог уйти под землю.

По улицам двигался поток грузовых автомашин. Это мы по требованию областного комитета партии организовали срочную эвакуацию женщин с детьми. Созданный для этой цели штаб привлек большой актив домохозяйек, учителей, комсомольцев, и в первый же день войны из города было вывезено несколько тысяч человек.

Уже поздно вечером мы снова собрались в горкоме, чтобы обсудить задачи партийной организации в связи с правительственным сообщением. Прошло менее двадцати часов после ночного заседания бюро, а как изменился, насколько строже стал облик товарищей!

Применительно к условиям военного времени нам предстояло коренным образом перестроить работу партийных организаций на предприятиях и в учреждениях — так, чтобы каждый житель города все время был в курсе событий и мог активно помогать фронту. Когда в дальнейшем Севастополь оказался в кольце вражеского огня, когда бомбы, снаряды и мины выводили из строя телефон и радио, мы только потому и могли координировать действия и осуществлять руководство, что имели постоянную связь со всеми низовыми организациями и населением. Через райкомы и первичные организации, через рядовых коммунистов и наш актив протянулись крепкие нити от горкома партии ко всему населению.

Указания партии, правительственные сообщения о событиях на фронтах Великой Отечественной войны, о боевых подвигах защитников Родины, наконец, наши собственные решения через коммунистов, агитаторов оперативно передавались всем севастопольцам.

Позднее у нас вошло в систему примерно раз в неделю собирать в горкоме руководящий состав города, районов и предприятий для информации о положении на фронтах, в стране и в городе, об очередных задачах, которые стоят перед нами. Товарищи в свою очередь сообщали о нуждах предприятий, о том, что препятствует выполнению фронтовых заказов, рассказывали об инициативе рабочих, обменивались опытом.

На Морском заводе и на других предприятиях был введен такой порядок: каждый коммунист ежедневно докладывал секретарю партийной организации или парторгу, что он лично сделал для выполнения производственного плана, какие встретил неполадки, какие меры принял к их устранению. Это повысило чувство личной ответственности коммунистов, их активность и немало способствовало выполнению предприятиями обязательств перед страной, перед фронтом.

К ночи Военный совет, штаб и политическое управление Черноморского флота разместились в подземном убежище; городской комитет партии, горисполком и горком ВЛКСМ — в подвальном помещении командного пункта штаба МПВО города; районные организации — при штабах МПВО районов.

Город погрузился в темноту. Правила светомаскировки выполнялись неукоснительно. Улицы сделались непривычно тихими и малолюдными. Напряженную тишину нарушали только шаги патрулей. В темном небе плавали гигантские рыбы — аэростаты воздушного заграждения. Ночью опять ожидался налет вражеской авиации. На кораблях и в частях — полная боевая готовность. Такой же мобилизованности мы добивались на предприятиях, в учреждениях — во всем городе.

Последующие дни были до отказа заполнены хлопотами в связи с проведением мобилизации, перестройкой на военный лад работы промышленных предприятий, транспорта, всех организаций, всего нашего быта. Руководящие работники города, районов, предприятий и учреждений, сотни коммунистов и комсомольцев были переведены на казарменное положение, а их семьи эвакуированы. Эвакуировалась и моя жена с двухнедельным сыном на руках.

На фронт уходили все новые и новые бойцы. В горком позвонил секретарь Корабельного райкома партии Л. А. Сервайский и озабоченно спросил:

— На Морском заводе сотни квалифицированных рабочих подали заявления в партком и военкомат. Попросят направить их в Красную Армию. А как же с ремонтом боевых кораблей? С выполнением спецзаказов?

Патриотический порыв рабочих был понятен — каждый из нас рвался на передний край фронта. Обратились в обком партии, запросили военное командование. Ответ был один: разъяснить рабочим, что в нынешних условиях труд на производстве, тем более выполнение военных заказов не менее почетны и важны, чем служба в рядах Красной Армии. Массовый уход рабочих с завода поставит под угрозу срыва ремонт боевых кораблей.

Патриоты, пожелавшие добровольно уйти в армию, остались на заводе и с честью справлялись с выполнением заданий командования. Они вступали в ряды народного ополчения, тщательно изучали военное дело, и уже позже, в дни третьего штурма, почти все встали на защиту родного города.

Как-то по телефону передали сообщение, что за Историческим бульваром, в районе Куликова поля, противник сбросил группу парашютистов, для уничтожения которых направлен отряд бойцов. После длительных поисков стало ясно, что никаких парашютистов нет. Как и в первую ночь войны, за десант, видимо, приняли мины, сбрасываемые фашистскими летчиками на парашютах.

Между тем, слухи о парашютистах быстро распространились среди населения. Некоторые жители останавливали «подозрительных» прохожих. Непривычная одежда, прическа, любопытствующие взгляды и вопросы — все служило поводом к задержанию. В городе создалась нездоровая, нервная атмосфера. Среди задержанных оказались приехавшие в Севастополь артисты, ряд работников городских учреждений, военные и даже работники милиции.

Вместе с командованием гарнизона горком принял меры к пресечению этой «шпиономании». Созвали секретарей парт-организаций, руководителей агитколлективов и разъяснили, что огульная подозрительность не имеет ничего общего с бдительностью, что она расшатывает дисциплину, отвлекает внимание от повседневной работы и от борьбы с действительным врагом. Были приняты меры и по линии командования.

Незаконные задержания быстро прекратились.

Нелегко было в первые дни войны приучить население сразу же по сигналу тревоги укрываться в убежищах. Однаж-

ды ночью комендант общежития в районе Стрелецкой бухты по сигналу воздушной тревоги предложил жильцам немедленно укрыться. Большинство выполнило его требование, а некоторые понадеялись: авось обойдется. Но не обошлось: прямым попаданием бомбы разрушило общежитие, погибло несколько человек.

В другом районе укрывшиеся в щелях увидели, как от самолета отделилась и стала быстро спускаться прямо на них подвешенная к парашюту мина. Две женщины, не выдержав, выскочили из укрытия и бросились бежать. Раздался взрыв. Здание рухнуло, похоронив под обломками шесть человек, не пожелавших укрыться. Погибли и обе бежавшие женщины. Примерно в сорока метрах от щели их настигла взрывная волна. Укрывшиеся остались целы и невредимы.

Об этих случаях было оповещено население города. Людям предстояло твердо усвоить, насколько важно во время налетов переходить в укрытия и щели, не пренебрегать опасностью и не поддаваться панике.

Каждую ночь дежурные — взрослые и подростки — занимали свои места на крышах домов. Ребята раздобыли брезентовые фартуки, рукавицы, даже каски. Ведра с песком, лопаты и длинные шипцы составляли их вооружение в борьбе с «зажигалками». Отрядами пожарников руководили обычно комсомольцы.

Когда подбитый вражеский самолет, волоча за собой длинный шлейф дыма, падал в море, в разных концах города раздавались радостные крики, лихой свист, аплодисменты. Это дежурные на крышах выражали свое удовлетворение...

29 июня была получена директива Центрального Комитета партии и Советского правительства партийным и советским организациям прифронтовых областей. В этом документе излагалась программа отпора врагу. Предлагалось, в частности, укрепить тыл Красной Армии, в короткий срок перестроить на военный лад работу всех учреждений, организаций, предприятий, наладить массовое производство оружия и боевой техники, организовать беспощадную борьбу с дезорганизаторами тыла — шпионами, диверсантами, паникерами, трусами и дезертирами. Требовалось организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, бесперебойное снабжение фронта всем необходимым, организовать широкую помощь раненым. Задача большевиков — сплотить весь народ вокруг

Коммунистической партии, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии, для победы.

А 3 июля после выступления по радио И. В. Сталина на всех предприятиях города, в учреждениях, в командах МПВО, в домоуправлениях прошли массовые митинги. На Морском заводе сотни трудящихся записались в ополчение. В небольшом трамвайном парке, например, в ополчение вступил почти весь наличный состав.

На Морском заводе после митинга созвали членов партийного комитета, секретарей цеховых парторганизаций и начальников цехов. Все подтянуты, сосредоточены. Выступления лаконичные, деловые, решения конкретные: о перестройке работы на военный лад.

Лозунгом рабочих механического цеха завода стало: «Не окончив задания, не смеешь покидать цех!» По собственному желанию все перешли на двенадцатичасовой рабочий день, а вслед за механическим и весь завод стал работать круглосуточно в две смены. Несмотря на то что многие ушли на фронт, выпуск продукции по сравнению с довоенным временем значительно возрос.

Еще никогда производство не обогащалось таким количеством новых приспособлений и всевозможных новшеств. Из множества примеров можно привести наиболее показательный. Штамповщик Волков нашел способ усовершенствовать процесс штамповки и за одну смену вместо пятисот деталей стал давать тысячу шестьсот!

Рабочие, находившиеся в отпуске, по собственному желанию вернулись на производство. Большинство работало без выходных дней.

Кадровый рабочий Морского завода Кравец в трудные дни сутками дежурил в цехе, обучал молодежь и сам выполнял норму за четверых. Нередко после ночи, проведенной за выполнением спецзадания, с покрасневшими от бессонницы глазами, он являлся на сборный пункт ополченцев. Казалось, нет предела возможностей у человека, прошедшего пролетарскую закалку.

С фронтов поступали тяжелые вести. Враг продвигался в глубь страны. Еще, еще один город оставлен нашими войсками... Слушать это было до слез больно. О предстоящей войне мы знали, морально были готовы к ней. Почему же мы отступаем?

Этот вопрос часто задавали нам, руководителям города. Но что ответить? Говорили одно: «Наша победа несомненна. Ковать ее должен каждый».

Нельзя было поддаваться настроению. Надо, стиснув зубы, работать для победы. Горячие слова любви к Родине, клятвенные заверения ничего не пожелать для ее защиты, даже самой жизни, произносившиеся на многочисленных митингах и собраниях в те дни, не были пустыми.

...Вилю Чекмака товарищи прозвали Чекмарчиком за маленький рост. Настойчиво добивался он принятия в комсомол (ему не хватало нескольких месяцев до пятнадцати лет). Став комсомольцем, вступил в военизированный отряд по охране порядка в городе. Однажды он стоял на посту у Северного райкома партии, и винтовка случайно выстрелила. Секретарь райкома Павел Васильевич Кролевецкий хотел отобрать у парня винтовку. Но за Вилю горячо вступилась секретарь райкома комсомола Тамара Алешина.

— Виля не виноват, что ему дали неисправную винтовку. А сам Виля с глазами, полными слез, твердил:

— Я искуплю вину, я отдам жизнь за Родину, за комсомол!..

Мечтой Вили был партизанский отряд. В конце концов упорный паренек добился своего, стал партизаном. Однажды, находясь в дозоре, Виля заметил группу немцев, пытавшихся зайти отряду в тыл. С криком «За Родину!» юный партизан бросился на врага. Он погиб, но успел предупредить отряд об опасности.

Вспоминается мне и старый архивариус Антонов. Как и многие другие, он наотрез отказался эвакуироваться. Хотел защищать Родину с оружием в руках. И это в шестьдесят семь лет!.. Как быть? Решил Антонов немного схитрить. Уменьшив себе годы, он записался в истребительный батальон. В горячке никто не обратил внимания, что доброволец Антонов никак не выглядит сорокапятилетним. Бывший архивариус усердно изучал винтовку, гранату, пулемет. Но когда дело дошло до полевых учений, сердце стало сдавать.

Больших трудов стоило уговорить Антонова заняться другим, тоже нелегким делом — строительством оборонительных рубежей. Он и там старался изо всех сил, но все видели, что человек работает на износ. Какие только пороги не обивал Антонов, добиваясь «справедливого к нему отношения»!

В дни обороны, когда Севастополь был отрезан от Большой земли и переживал немалые трудности со снабжением,

нам неоднократно приходилось выслушивать слова благодарности политработников за присылаемые в части конверты и бумагу. Но мы долгое время не знали, кому переадресовать это солдатское «спасибо». Случайно выяснилось: Антонов, убедившись, что ему теперь никого не обмануть, стал клеить конверты, используя чистые страницы архивных книг. В каждый конверт вкладывал листок чистой бумаги. Десятки тысяч писем отправили бойцы своим родным и близким в конвертах старого архивариуса.

Глубоко тронул всех и такой случай. В один из первых дней обороны в Северный райком партии пришла работница одного из заводов Агафонова. Положив перед секретарем райкома Кролевецким сумку для провизии, в которой что-то звякнуло, она заговорила суровым голосом:

— Путевки я в санаторий получала? Получала. Внука моего в Артек отправляли? Отправляли. Бесплатно меня лечили? Лечили. Много еще чего я от Советской власти требовала. И все как есть получила. Так что не имеешь права отказать мне в моем желании!

— В чем отказать? — спросил удивленный Кролевецкий.

Женщина молча открыла сумку и стала выкладывать на стол:

— Колечко восемьдесят четвертой пробы, венчальное. Подстаканник серебряный, мужу на рождение подарок. Часы позолоченные, с цепочкой, именные, сыну от Осоавиахима премия. Серьги и браслет золотой с камушками, дочери к свадьбе. Поднос — то ли чистое серебро, то ли наружное — это уж твое дело разобраться...

— Да на что мне все это? — не понял секретарь.

— Не тебе, Родине! — веско ответила Агафонова.

Под угрозой разрушения и частых перебоев оказалась телефонная связь города. На помощь пришли старые связи-сты. Тимофей Матвеевич Казаков внес предложение использовать проложенные еще в 1912 году старые подземные кабели. Старший техник связи Лазарь Моисеевич Сарьянц порекомендовал все наружные коммуникационные шкафы в целях предохранения от повреждений обложить камнем на цементном растворе.

Сколько еще известных и неизвестных патриотических поступков совершили севастопольцы! И ярче всего их чувства любви к Родине проявились в стремлении защищать ее с оружием в руках.

Центральный Комитет партии потребовал от обкома ВКП(б) энергичных мер по укреплению Крымского полуострова. Обком партии многое сделал для улучшения местной противовоздушной обороны, мобилизовал трудящихся на строительство оборонительных сооружений, организовал эвакуацию населения и заводского оборудования на восток, по партийной мобилизации направил на фронт тысячи коммунистов.

По указанию обкома наш горком приступил к формированию в Севастополе дивизии народного ополчения, утвердил ее командный и политический состав. Комиссаром дивизии был назначен второй секретарь горкома Владимир Илларионович Кулибаба, начальником политотдела — пропагандист Павел Яковлевич Сарин. Укрепили также штаб МПВО города; его начальником назначили энергичного и толкового работника милиции — капитана В. И. Малого.

Через несколько дней бойцы народного ополчения начали обучаться военному делу. Разбирали и собирали винтовки, автоматы, пулеметы, учились стрельбе и метанию гранат, тактике боя. Среди ополченцев были и молодые, и пожилые, и мужчины, и женщины. Одновременно с частями народного ополчения были сформированы коммунистический и истребительный батальоны, бойцы которых находились на казарменном положении.

Каждый севастополец стремился связать свою судьбу с каким-либо военизированным подразделением. Каждый хотел держать в руках оружие.

Комсомольцы собрали по школам и кружкам Осоавиахима учебные винтовки, у которых в стволах были просверлены отверстия. Ребята изыскали способ заделывать отверстия и вернули оружию его боевое назначение. Реставрированные винтовки сослужили нам хорошую службу.

Новая задача возникла перед нами, когда по указанию обкома начался отбор людей для партизанского отряда. Трудность заключалась в том, чтобы противостоять напору множества желающих. Готовность бороться если не на фронте, то в партизанском отряде проявили не только коммунисты и комсомольцы, но и многие беспартийные, особенно молодежь. Мы отобрали людей смелых, дисциплинированных, физически выносливых. В отряд ушло восемьдесят коммунистов, около шестидесяти комсомольцев, всего до двухсот патриотов. Командиром отряда бюро горкома утвердило члена

горкома Владимира Васильевича Красникова, директора совхоза имени Софьи Перовской.

Партизанское движение на полуострове обком поручил возглавить известному руководителю крымских партизан времен гражданской войны А. В. Мокроусову. В середине сентября, приехав познакомиться с севастопольским отрядом, он без устали разъезжал по лесам и горам, где обосновались наши партизанские группы, осматривал оружие, одежду, обувь, присутствовал на учениях. А. В. Мокроусов подолгу беседовал с партизанами, делился с ними своим боевым опытом.

События с каждым днем приобретали все более грозный характер. Немцы вплотную подошли к Перекопу. Бюро горкома решило перевести на казарменное положение свыше полутора тысяч бойцов народного ополчения. Сотни коммунистов были по партийной мобилизации отправлены на фронт, под Перекоп.

Началась подготовка к уничтожению оставшихся предприятий, плавучих средств. Одновременно ускорились эвакуация детских учреждений, учебных заведений, промышленного оборудования, рабочих и специалистов с семьями, культурных ценностей. Эта ответственная работа была возложена на секретаря горкома Антонину Алексеевну Сарину. Она, как всегда, действовала умело и энергично. В короткий срок все предприятия, электростанции, доки были заминированы, на склады завезено горючее. Сариной хорошо помогал заведующий промышленным отделом горкома Александр Акопович Петросян. Они доложили мне: эвакуированы часть Морского завода, турбина с электростанции, запасы цветного металла. Вывезены также персонал, учащиеся и имущество техникумов и ремесленных училищ, Сеченовский институт, биологическая станция Академии наук, Военно-морской музей, картинная галерея, драматический театр.

— Что же будет с Панорамой? — спросил я.

Панорама обороны Севастополя 1854—1855 годов по своей художественной ценности и исторической достоверности не имела и не имеет себе равных в мире. Создатель панорамы профессор Академии художеств Рубо тщательно изучил на месте боев материалы о героической обороне Севастополя. Защитников города, проявленные ими храбрость и мужество он запечатлел не в отдельных боевых эпизодах, как предполагалось ранее, а в решающем бою за Малахов курган — ключевую позицию обороны, грозный для врага бастион. Штурм неприятельскими войсками Малахова кургана

19 июня 1855 года был наиболее ярким событием первой обороны.

Зритель, обозревавший панораму, находился как бы на вершине Малахова кургана. Он видел начало Южной бухты, Графскую пристань, Приморский бульвар и Большую Севастопольскую (Северную) бухту. За главным рейдом вырисовывались мощные укрепления Северной стороны — Константиновский и Михайловский рavelины.

Видны были корабли Черноморского флота, ведущие огонь по французам, наступающим в районе Килен-балки; перед зрителем раскрывался бой, завязавшийся на пространстве между вторым бастионом и Малаховым курганом, — русские отбивают атаку французов, штурмующих бастион. Здесь же прославленные герои обороны — адмирал Нахимов, опершись на бруствер, наблюдает за ходом боя, Даша Севастопольская принесла воду защитникам Малахова кургана.

Панорама Рубо — огромное полотно длиной 115 и высотой 14 метров. Она приобрела известность не только в нашей стране. Каждый побывавший в Севастополе считал своим долгом осмотреть Панораму. Ежегодно сотни тысяч людей оставляли восторженные отзывы после знакомства с величайшим памятником русской славы.

Судьба Панорамы волновала не только севастопольцев. Об этом задумывались в республиканских организациях, приезжали специалисты из Москвы. Все признали, что полотно истлело. Стоит тронуть его — расплзется...

Мы призадумались: что делать?

— Панорама стоит на горе. Сверху отлично видно, что никаких военных объектов вокруг нет... — включился в наш разговор Саша Багрий.

— Но разве фашисты щадили где-нибудь культурные и исторические памятники? — понял его мысль Василий Петрович Ефремов. — У нас, во Франции, в других странах... Убить самую память народа о прошлом, растоптать его культуру — это же входит в их программу.

— Да, я не подумал, — с обычной своей прямоотой признался Багрий.

— Какой же все-таки выход, Василий Петрович?

— По-моему, надо эвакуировать реквизит — фигуры, ядра, пушки. А с полотном повременить до крайнего случая. Командование того же мнения. Мы советовались с членом Военного совета Кулаковым.

Так и решили.

Большую работу вела городская комсомольская организация. Сотни комсомольцев по призыву и добровольно ушли на фронт, многие — в Черноморский флот. Среди добровольцев было немало девушек. Оставшиеся в городе комсомольцы несли охрану предприятий, строили укрепления, собирали металлолом, учились стрелять, водить автомашины и танки, овладевали специальностями радиста, медсестры, стали донорами. Все комсомольцы вступили в народное ополчение, прошли строевую и боевую подготовку. На производстве комсомольцы показывали образцы ударной работы. Лучшие из них были приняты в Коммунистическую партию.

Горком комсомола возглавлял, как уже говорилось, Александр Багрий. Сын коммуниста-моряка, Саша уже в семье прошел хорошую большевистскую школу, был беззаветно предан народу и партии. Энергичный, порывистый, он будто был рожден молодежным вожакom.

Багрий работал секретарем первичной комсомольской организации до того, как мы решили выдвинуть его секретарем горкома комсомола. Поначалу Саше приходилось нелегко. Организация была одна из крупнейших в Крыму, а руководителем ее оказался человек, который был годами моложе не только членов бюро горкома, но и многих рядовых комсомольцев. Характер Багрия не позволял ему укрываться за авторитет должности. Он завоевал этот авторитет словом и делом. Споров никогда не избегал, но спорить с ним было нелегко. Багрий много читал, жадно цеплялся за каждого интересного человека. В споре у него всегда находились веские аргументы, острое словцо.

Были у Багрия и другие качества, привлекавшие к нему молодежь: напористость в работе, прямота, приветливость и чуткость к товарищам и, несмотря на болезнь, спортивная ловкость и сила. Комсомольцы убедились, что он по праву занимает высокий пост, и дружно отвечали на каждый его призыв.

Хорошим помощником Саши была Надя Краевая — первый секретарь Северного райкома комсомола. Несколько застенчивая, Надя пользовалась уважением в городской комсомольской организации. После десятилетки она поступила на Морзавод плановиком. Вскоре ее взяли работать в горком комсомола инструктором по школьной работе, а затем на городской конференции избрали членом горкома и утвердили заведующей учетным сектором. В начале войны Краевая была избрана секретарем Северного райкома ВЛКСМ.

Невозможно перечислить все, что делали в эти дни комсомольцы Севастополя. Они были надежными помощниками партийной организации. Особенно активное участие принимала молодежь в строительстве оборонительных рубежей.

Чтобы укрепить Севастополь с суши, Военный совет флота утвердил специальный план строительных работ. В систему рубежей обороны входили противотанковые рвы и надолбы, окопы, ходы сообщения, доты и дзоты, проволочные заграждения. Общее руководство работами было возложено на инженерный отдел флота. Почти не проходило дня, чтобы работники города не побывали в штабе флота или, наоборот, работники штаба и политуправления в горкоме партии. Участие населения в строительстве укреплений, ремонт кораблей, усиление местной противовоздушной обороны — таковы были злободневные темы совместных бесед.

Трудно представить себе что-либо менее благоприятное для земляных работ, чем почва вокруг Севастополя — твердая как гранит. Тысячи севастопольцев — краснофлотцы и плечом к плечу с ними женщины, старики, подростки — находили в себе силы, чтобы под палящим солнцем шаг за шагом, с помощью лопаты, лома, кирки одолевать неподатливый, каменистый грунт. В особо трудных местах им помогали саперы.

Помню, в конце июля мы с Ефремовым приехали на участок за Куликовым полем. Был один из тех неистовых знойных дней, когда воздух, земля, камень, казалось, насквозь пронизаны тяжелым жаром солнца. Сухая, горячая пыль обжигала кожу. И ни малейшего укрытия, чтобы хоть на минуту передохнуть от палящих лучей.

Нас окликнула женщина в белой кофте. Ее голова была низко, по самые брови, повязана косынкой. На обожженное солнцем лицо падала выгоревшая прядь волос. С трудом можно было узнать Марию Сергеевну Коновалову, секретаря Центрального райисполкома. В последнее время она работала агитатором среди женщин своего района.

Что делал агитатор в Севастополе в эти дни? Был организатором труда, непосредственным участником тех мероприятий, к выполнению которых он призывал. Личный пример коммуниста-агитатора действовал убедительнее самых пламенных речей.

Коновалова повела за собой сотни женщин с Горы Матюшенко, Пироговки и Рабочего поселка. Вооружившись ломами, кирками, лопатами, ведрами для подноски воды, они

двинулись на строительство оборонительных укреплений. Мария Сергеевна, человек физически не очень сильный, сумела быстро привыкнуть к тяжелому труду и не только сама ловко управлялась с киркой и лопатой, но и помогала отстающим, вела за собой весь участок.

В короткие часы отдыха Мария Сергеевна читала женщинам газеты, помогала людям разобраться в обстановке на фронте. Яснее становилось значение их труда здесь, на небольшом участке, как часть всенародного дела.

— Вот посмотрите! — с гордостью показала Коновалова на окоп для стрелкового отделения. — Это мы за три дня отрыли.

На первый взгляд казалось, что здесь ничего особенного нет. Такой окоп четверо бойцов отрыют за несколько часов. Но стоило услышать металлический звон, издаваемый киркой при ударе о каменистую почву, как сделанное приобретало большой смысл.

Вдруг мы слышали песню:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

Песня прозвучала так неожиданно, что в первое мгновение я подумал, не установлен ли поблизости репродуктор. Оказалось, пели женщины, работавшие на соседнем участке, а им подпевали краснофлотцы. С лязгом вонзались кирки в гранитно-твердый грунт, высоко в простор рвалась песня.

Мы приехали узнать, как продвигается строительство рубежей, что нужно сделать для ускорения работ, как облегчить труд людей. Но эта песня севастопольских женщин, взламывающих под раскаленным солнцем непокорную землю, не оставляла сомнений: оборонительные рубежи будут построены в срок.

Женщины Севастополя! Пожалуй, не было такого участка в обороне города, где бы они не приложили своих трудолюбивых рук. Чем они только не занимались! И были готовы ко всему.

Когда в конце августа в городском драматическом театре женщины Севастополя обсуждали призыв москвичек ко всем

женщинам мира выступить единым фронтом против кровавого фашизма, стахановка Морского завода Молчанова сказала:

— Мы, женщины Севастополя, способны не только крепить наш тыл, но и в любую минуту, по первому зову партии и правительства готовы выступить с оружием в руках на защиту нашей социалистической Родины.

— Как только моего мужа призвали на фронт, я стала на его место и быстро освоила его специальность, — под громкие аплодисменты заявила работница водоканала Воробьева. — Советую всем овладевать мужскими профессиями, чтобы можно было в любую минуту заменить ушедшего на фронт мужа, сына или брата.

На этом собрании женщины Севастополя дали клятву сделать все, чтоб их родной город оказался неприступным для врага.

Окупился сторицей самоотверженный труд севастопольцев на ремонте боевых кораблей. Крейсера «Красный Крым» и «Червона Україна», эскадренные миноносцы и подводные лодки активно участвовали в обороне Одессы, топили вражеские суда, несли охрану родных берегов, отражали нападения вражеской авиации на наши города, на Севастополь. Хорошо справлялась со своими задачами местная противовоздушная оборона.

В сентябре завязались тяжелые бои на севере Крыма. Вскоре немецко-фашистским войскам удалось прорваться за Перекоп, но они были задержаны южнее — на Ишуньских позициях. А в Севастополе в это время усиленно строились новые убежища, продолжалась эвакуация населения, завозилось продовольствие, монтировалось оборудование эвакуированных к нам из Симферополя предприятий, приводились в порядок пекарни, на случай если выйдет из строя хлебозавод.

В начале октября в Севастополь начали прибывать на кораблях части Приморской армии и моряки, оборонявшие Одессу. Опыт обороны этого города-героя, естественно, представлял для нас большую важность. Редакция городской газеты «Маяк коммуны» выпустила специальную полосу, посвященную героической обороне Одессы.

На собрании партийного актива Севастополя руководители одесских организаций поделились опытом работы в условиях осады. Несмотря на бомбежку и артобстрел, в Одессе бесперебойно действовала связь, работали электростанции. С помощью населения аварийные команды незамедли-

тельно устраняли все повреждения. Не было длительных перебоев с водоснабжением, работали промышленные предприятия, хлебозаводы, швейные мастерские. Перед нами стояла задача добиться такой же организованности и дисциплины, такой же крепкой спайки фронта и тыла, какая была в осажденной Одессе.

Партийные и советские организации Одессы, несмотря на сжатые сроки, сумели эвакуировать значительную часть населения. На их опыте следовало учиться и нам, тем более что эвакуация из Севастополя проходила не совсем благополучно. Во всяком случае мы не закрывали глаза на смертельную опасность, нависшую над нашей Родиной, и чувствовали, видели, что приближались дни тяжелых испытаний и для нас, севастопольцев.

Шел четвертый месяц войны. Враг угрожал Москве и Ленинграду, бросая туда, а также на Южный фронт все новые и новые части, которые перемалывались бойцами героической Красной Армии. Наша страна напрягала все силы, чтобы давать фронту необходимое вооружение. Перемещенные на восток предприятия закладывали фундамент новых заводов, осваивали производство новых видов боевой техники. Но для этого требовалось время и время...

По железной дороге и по шоссе, идущему на север полуострова — туда, где решалась судьба Крыма, направлялись через Севастополь части Приморской армии и морской пехоты — мужественные защитники Одессы. В их ряды влились отряды коммунистов Крыма, созданные по партийной мобилизации.

Октябрь на исходе, а погода стояла теплая, солнечная. На бульварах, в садах еще много цветов, не сбросили свой зеленый наряд деревья. Воздушные тревоги совсем редки, и по вечерам после тяжелого труда жители города выбирают на свежий воздух — на Приморский и Исторический бульвары, на улицы. Позванивая, бегут трамваи, играют немногие оставшиеся ребятишки, нет-нет да и послышится песня, как в довоенное время, ставшее сразу далеким-далеким, о котором теперь вспоминали с нежной грустью.

Но недолгой была эта передышка.

— Немцы прорвали Ишуньские позиции, — сообщил мне по телефону 26 октября секретарь обкома. — У вас в Севастополе создан городской комитет обороны. Вы утверждены председателем, а Ефремов, контр-адмирал Жуков и началь-

ник горотдела НКВД Нефедов — членами комитета. Приступайте к работе. Решение высылаем.

Я хотел выяснить кое-какие подробности, но разговор прервали. Тогда я позвонил дивизионному комиссару Кулакову, рассказал о звонке из Симферополя, попросил ознакомиться с обстановкой.

— К сожалению, об Ишуни верно, — ответил он.

Итак, фронт теперь действительно рядом, нас разделяет несколько десятков километров.

28-го утром городской комитет обороны собрался на свое первое заседание. Кроме членов комитета — Василия Петровича Ефремова, контр-адмирала Гавриила Васильевича Жукова, не так давно командовавшего Одесским оборонительным районом, а ныне начальника нашего гарнизона и заместителя командующего флотом, начальника горотдела НКВД Константина Павловича Нефедова — на заседании присутствовали секретарь обкома по пропаганде Федор Дмитриевич Меньшиков, секретари Севастопольского горкома А. А. Сарина и А. С. Савицкий, первые секретари райкомов П. В. Крелевецкий, Л. А. Сервайский и В. Т. Лопачук.

В постановлении Государственного Комитета Обороны, по решению которого создавались городские комитеты обороны, было сказано, что это делается в интересах сосредоточения всей гражданской и военной власти в одних руках и установления строжайшего порядка в прифронтовых городах и прилегающих к ним районах. Но в Севастополе, как главной базе флота, находится Военный совет Черноморского флота, и военная власть в городе безусловно принадлежит ему. Чем же мы должны заниматься?

Зачитали постановление Военного совета войск Крыма о введении на всей территории полуострова осадного положения. Контр-адмирал Жуков проинформировал о положении на севере Крыма.

— Немцы прорвали Ишуньские позиции и стремятся вырваться на просторы Крыма, отрезать пути отхода наших войск. Идут сильные бои. Нужно готовиться к тому, что передовые части немецких войск со дня на день могут появиться вблизи от Севастополя. Возможны сильные бомбардировки города...

В связи с этим городской комитет обороны решил усилить охрану наиболее важных объектов. На этом же заседании мы приняли обращение к бойцам Красной Армии, к морякам и трудящимся города:

«Бойцы Красной Армии, храбрые, отважные моряки Черноморского флота, — ни шагу назад!

Так же, как били врага под Одессой, как бьют под Ленинградом и Москвой, бейте поганую фашистскую сволочь, громите озверелые гитлеровские орды. Выполняйте свой святой долг перед Родиной. Помните: за вами вся страна, весь советский народ.

Трудащиеся Севастополя! Все силы на разгром врага! Если потребуется, с новой силой повторим героические подвиги героев обороны города в 1854—1855 годах.

Как бы ни была сложна обстановка, проявляйте твердую выдержку, о которую разобьются усилия врага. Выше революционную бдительность! Разоблачайте врага! Истребляйте шпионов и диверсантов! Усильте охрану предприятий! Боритесь с распространителями слухов, со всеми, кто пытается сеять панику, нарушать строжайший порядок, организованность, дисциплину в наших рядах. Бдительность, зоркость сейчас нужны от каждого из нас, как никогда.

Все, как один, в ряды народного ополчения, отрядов всеобща, в ряды защитников родного Крыма, своего любимого города!»

В тот же день было созвано собрание партийного актива города, а на следующий день — совещание секретарей первичных парторганизаций, руководителей предприятий и учреждений. Мы рассказали о создавшейся обстановке под Севастополем, зачитали обращение городского комитета обороны и предложили привести в боевую готовность части народного ополчения, коммунистический и истребительный батальоны, партизанский отряд, все службы местной противовоздушной обороны. На предприятиях и в учреждениях ввели, по сути, военную дисциплину.

Все эти исключительные меры воспринимались жителями города беспрекословно. Никакого нытья, хныканья, попыток увильнуть от выполнения своего гражданского долга.

29 октября приказом начальника гарнизона Севастополь был объявлен на осадном положении. Хожdenие граждан и движение автотранспорта разрешалось с пяти утра до десяти вечера. Движение в ночное время — только по специальным пропускам.

30 октября в помещении горкома партии вновь собрался городской комитет обороны. Повестка дня диктовалась бурно развивающимися событиями. Сведения с фронта поступали все более тревожные: враг рвался в Крым. Мы решили немед-

ленно охватить военной подготовкой всех граждан, способных держать оружие в руках. Ввиду близкой угрозы Севастополю обратились в областные организации с просьбой увеличить в городе запасы продовольствия за счет дополнительного завоза с крымских складов муки, круп, зерна, соли, консервов, ускорить перегон из ближайших районов скота, создать запасы фуража.

Не успели закончить заседание, как в кабинет вошел помощник секретаря горкома Николай Игнатьевич Терещенко.

— Со стороны Качи слышна стрельба орудий береговой обороны. Неужели враг подбирается с моря?!

Мы вышли на балкон.

— Да, это береговики, — забеспокоился контр-адмирал Жуков. — Я поехал...

Тут же раздался телефонный звонок, спрашивали контр-адмирала.

— Он выехал в штаб, — сообщил я. — А что это за стрельба?

— Новониколаевская батарея, повернув стволы, бьет по наступающему врагу.

Несколько позднее выяснили подробности. Немецкие мотомехчасти пытались прорваться к Севастополю севернее Качи. Их встретили огнем артиллеристы береговой обороны, которой командовал старший лейтенант Заика. Бой продолжался три дня. Гитлеровцы бомбили и обстреливали огневые позиции, бросали на батарею десятки танков. Лишь ценой больших потерь (наши артиллеристы уничтожили более тридцати танков) немцам удалось продвинуться немного вперед.

Каждый из присутствующих понял, что гитлеровцы уже на подступах к Севастополю. Продолжая прерванное заседание, городской комитет обороны решил все силы бросить на строительство дополнительных оборонительных укреплений; ускорить эвакуацию оборудования предприятий и населения, не связанного с обороной города, завершить ремонт боевых кораблей...

На следующий день по радио передали обращение Военного совета Черноморского флота к защитникам города:

«Врагу удалось прорваться в Крым... В этот грозный час еще теснее сплотим свои ряды для разгрома врага на подступах к Севастополю...»

На грузовых машинах и пешим строем двинулись по улицам города вновь сформированные батальоны моряков. Одни

переправлялись через Северную бухту, чтобы занять передовые позиции в районе деревушки Мамашай, другие шли по Лабораторному шоссе к Дуванкою, хутору Мекензи, Шулям, Чоргуню, третьи — по Балаклавскому и Ялтинскому шоссе к Алсу, Комарам, Кадыковке. Окопы и траншеи, дзоты и доты, воздвигнутые севастопольцами, заполнялись стойкими защитниками города, готовыми на смертный бой с врагом.

Военный совет Черноморского флота в обращении к личному составу напоминал о традициях прошлой севастопольской обороны, о подвигах революционных моряков, отдавших свою жизнь за социалистическую революцию. Военный совет призывал драться так, «как дерутся моряки Балтийского флота, как дерутся бойцы Красной Армии на подступах к Москве, как дерутся славные моряки Кронштадта и полуострова Ханко на подступах к Ленинграду».

Не считаясь ни с какими потерями, немцы остервенело рвались в эти дни к Севастополю. Позднее мы узнали о приказе Гитлера занять город к 1 ноября. Всем было ясно: Севастополь сковывает силы врага, которые он мог бы перебросить на Керченский полуостров, чтобы затем совершить прыжок на Кубань и Кавказ, взять под контроль Черное море.

У меня в кабинете часто собирались члены бюро. Я смотрел на своих товарищей: брови сурово насуплены, губы сжаты, а в глазах решимость и вера в наше правое дело, в нашу победу. Всем своим видом они говорили: «Не такой легкий орешек наш Севастополь!» Эта решимость звучала и в словах выступавших на митингах и собраниях, проходивших на кораблях, в частях, на батареях, на предприятиях.

Теперь, спустя три десятилетия, перелистывая газеты тех дней, я читаю то, что когда-то слышал своими ушами, представляю людей, которые давали клятву до последней капли крови защищать Севастополь, заново переживаю высокую душевную приподнятость, щедрое горение, которые были свойственны всем защитникам Севастополя.

2 ноября был оставлен Симферополь. А накануне в Севастополь прибыли члены бюро и аппарат Крымского обкома партии, руководители советских органов. Со всего Крыма стекались к нам люди, не желавшие оставаться на территории, занятой врагом.

3 ноября мы созвали совещание партийного актива города. Утром, еще до совещания, слушали по радио передовую статью «Правды». «Каждый свой шаг, всю свою работу партийные организации обязаны подчинить задаче усиления

отпора врагу, истреблению гитлеровских орд, — говорилось в газете. — Военная работа сейчас должна занять в деятельности каждой партийной организации центральное место и вестись с исключительной энергией, каждодневно, ежедневно».

Все это непосредственно относилось к нам.

Ознакомив актив с положением на Крымском театре военных действий, первый секретарь обкома В. С. Булатов и вице-адмирал Ф. С. Октябрьский поставили перед партийной организацией основную задачу — подчинить работу всех учреждений и предприятий интересам обороны Севастополя.

Участники совещания внимательно выслушали выступление вице-адмирала Октябрьского. Он сообщил, что со стороны Евпатории в район Качи вышли 22-я немецкая дивизия и 5-я румынская моторизованная бригада. Со стороны Симферополя к Дуванкою, Шулям и Черкез-Кермену вышли 132-я и 50-я пехотные дивизии и танки. 72-я дивизия пытается отрезать нашей Приморской армии путь на Ялту и Байдары. Но части приморцев с боями прорываются к Севастополю.

Как в первые дни и месяцы войны, так и в дальнейшем в тяжелые дни штурмов и в дни затишья мы непременно собирали партийный, советский, хозяйственный актив, чтобы рассказать о положении на фронте и в городе, доложить о принятых мерах, выслушать мнение людей, на плечи которых ложилась вся тяжесть обороны.

Мы понимали, что Севастополю трудно рассчитывать на какую-то исключительную помощь страны: людские резервы, вооружение и боеприпасы одинаково нужны на всех фронтах. Положение Севастополя осложнялось тем, что на оборонительных рубежах города войск было немного. Приморская армия и некоторые части морской пехоты оказались отрезанными и пробивались к Севастополю с тяжелыми боями. Оборонительные линии занимали моряки из учебного отряда, с кораблей, из училища береговой обороны, из штабов и тыловых учреждений флота, местный стрелковый полк, коммунистический и истребительный батальоны и вновь созданные отряды ополченцев.

Под Севастополем завязались упорные, кровопролитные бои с численно во много раз превосходящим противником. А в самом городе одна воздушная тревога следовала за другой. Фашистские самолеты группами и в одиночку бомбили корабли и транспорты, Морской завод, железнодорожный узел, жилые кварталы.

Раньше вражеские летчики прилетали под вечер или ночью, их самолеты держались на большой высоте, в одиночку или парами. Минут за десять — пятнадцать до начала налета давался сигнал воздушной тревоги, в небо подымались наши «ястребки», изготавлялась к стрельбе зенитная артиллерия. По следам трассирующих пуль, по лучам прожекторов, по дымам разрывов легко было обнаружить местонахождение воздушных пиратов. Но когда вражеская авиация стала базироваться неподалеку от Севастополя, крупные соединения тяжелых фашистских бомбардировщиков появлялись над городом в самое различное время.

На КП, в горком, в комитет обороны то и дело поступали сообщения: «Центральная часть города без воды», «На хлебозаводе повреждено пять печей», «Прямое попадание вражеских бомб в эскадренный миноносец, стоящий в доке», «На улице Карла Маркса бомбой разрушен жилой дом, много жертв», «Остановился трамвай...» Требовалось немедленно принимать меры, чтобы восстановить водопровод, дать электроэнергию, хлеб, ликвидировать повреждения.

Вспоминается такой случай. Звонит мне директор Морского завода Михаил Николаевич Сургучев:

— Товарищ Борисов, через два часа на Большую землю отправляются транспорты с людьми и оборудованием, а хлеба до сих пор достать не можем.

— Звонили в горторготдел?

— Ничего не получается. Кто-то поставил на хлебозаводс автоматчиков, и они гражданских даже близко не подпускают.

Наш хлебозавод снабжал тогда не только гражданское население, но и воинские части. Хлеба выпекалось бы достаточно, если бы не повреждения печей во время бомбежек. Эвакуируемых надо было снабдить впрок на несколько дней: транспорты, во избежание встреч с вражескими бомбардировщиками и торпедоносцами, сначала брали курс в открытое море, а уж затем поворачивали в сторону Кавказа.

— Примерно через час хлеб у вас будет. Привезут прямо на завод, — пообещал я Сургучеву.

Вместе с комендантом города майором А. П. Старушкиным мы выехали на хлебозавод. Здесь скопилась масса машин и повозок. Там, где грузили хлеб, стояли капитан и два армейских автоматчика.

— Я комендант города, — представился Старушкин капи-

тану.— По чьему указанию вы поставили здесь автоматчиков?

Капитан что-то пробормотал. Было совершенно ясно, что это самоуправство.

— Отведите его в комендатуру, — приказал Старушкин своему помощнику. — Там разберемся.

Разыскав работника Морского завода, я спросил:

— Ваша очередь прошла?

— Часа четыре назад.

— Грузите!

— Не разрешают.

— Грузите.

Пока шла погрузка, вместе с директором хлебозавода Сидоренко и представителем горторготдела я быстро просмотрел наряды и предложил строго их придерживаться. Через час от причалов Морского завода отошли два транспорта с оборудованием и сотнями рабочих, инженерно-технических работников вместе с семьями. Они отправлялись в Туапсе и Поти, где должны были, так же как и в Севастополе, ремонтировать корабли Черноморского флота. Многих из тех, кто находился на транспортных, я хорошо знал.

— Счастливо оставаться! — кричали они стоявшим на берегу.

— Счастливого плавания! До скорой встречи в Севастополе! До скорой победы!

Город был уже неузнаваем. Много разрушенных домов, порваны электрические и телефонные провода, повреждены трамваи. Бойцы МПВО и групп самозащиты, работники милиции, врачи, медсестры едва успевали ликвидировать завалы и повреждения, оказывать помощь раненым. Пронзительный вой гудков и сирен, пальба орудий береговой обороны и зениток, глухие разрывы бомб и резкий свист осколков раздавались день и ночь. С фронта, находившегося в каких-нибудь десяти километрах, явственно доносился грозный гул битвы.

В Севастополь прибыл командующий Приморской армией генерал-майор И. Е. Петров. Вместе с ним — начальник штаба полковник Н. И. Крылов, член Военного совета бригадный комиссар М. Г. Кузнецов, начальник политотдела полковой комиссар Л. П. Бочаров.

Части Приморской армии и морской пехоты, пробиваясь к Севастополю, сильно поределли. Но оставшиеся в живых были закаленные в боях воины. Вместе с моряками, сражавшимися на земле, и артиллеристами береговой обороны они

составили костяк обороны города. У них учились воевать прибывшее с Большой земли пополнение и народные ополченцы.

На городской комитет обороны ежедневно обрушивалась лавина неотложных дел. Нужны были строительные материалы для оборонительных рубежей и землянок. Требовались помещения для госпиталей и складов. Надлежало организовать ремонт автомашин, орудий, повозок, наладить производство телефонного кабеля, восстанавливать телефонную связь. Наступила великая севастопольская страда.

24-я годовщина Октября отмечалась в городе скромно. Ни торжественных собраний, ни парада, ни демонстраций, конечно, не было. 7 и 8 ноября считать рабочими днями — таково было решение городского комитета обороны, поддержанное всеми рабочими.

Вечер накануне праздника севастопольцы провели у репродукторов. Сидели у приемника и мы, работники горкома, горисполкома, штаба МПВО. Что враг находится под самой столицей, мы знали. Знали и о том, что гитлеровцы на весь мир кричат, что скоро займут Москву.

И вот позывные Москвы. Диктор объявляет о прошедшем торжественном заседании Московского городского Совета совместно с партийными и общественными организациями. А на следующее утро я сквозь сон услышал чье-то радостное восклицание: «На Красной площади был парад!» Об этом мы решили известить все организации, предприятия, убежища, учреждения. Везде были включены репродукторы. Слушая по радио рассказ о традиционном параде, мы представляли себе заснеженную Красную площадь и тяжелую поступь танков, героических защитников столицы, прямо с парада уходивших на фронт. Трудно передать, сколько сил и энергии вселило в нас это сообщение. «Москва наша, и враг никогда не будет в столице» — эти слова были у всех на устах.

В тот же день мы узнали, что Военный совет флота получил приказ Ставки Верховного главнокомандующего о создании Севастопольского оборонительного района. Задача была поставлена так: Севастополь не сдавать ни в коем случае и оборонять его всеми силами. Этот приказ защитники города поняли так, что Родина и партия верят в их силу и волю к победе над врагом.

Командующим оборонительным районом назначался вице-адмирал Филипп Сергеевич Октябрьский. Во главе сухопутной обороны был поставлен участник гражданской войны и герой обороны Одессы, командующий Приморской армией

Иван Ефимович Петров. Военно-воздушные силы возглавил участник боев в Испании, опытный летчик и замечательный командир Николай Алексеевич Остряков. Командующим береговой обороной оставался Петр Алексеевич Моргунов. Все они были заместителями командующего района. Членом Военного совета являлся Николай Михайлович Кулаков, начальником политического управления — Петр Тихонович Бондаренко.

Примерно в эти же дни стало известно о приказе командующего 11-й немецкой армией генерала Манштейна: «Севастополь... взять маршем, коротким ударом».

Взять город «коротким ударом» не удалось. Бои за Севастополь с каждым днем принимали все более ожесточенный и затяжной характер.

Торжественный день 7 ноября запомнился не только воодушевляющим парадом войск на Красной площади — в этот день героический подвиг совершили пять защитников нашего города. Пожертвовав своей жизнью, они предотвратили прорыв фашистских танков в Севастополь.

Заняв небольшой блиндаж на холме, с которого хорошо просматривались подступы к городу, пять краснофлотцев во главе с политруком Николаем Фильченковым решили любой ценой задержать немецкую пехоту, которая под прикрытием семи танков рвалась в Севастополь. Едва головной танк оказался поблизости, как был подбит и запылал. Та же участь постигла еще три вражеские машины. Оставшиеся повернули назад. Пехоте ничего не оставалось делать, как отступить. Но вскоре снова раздался лязг гусениц. На этот раз на прорыв пошли пятнадцать танков. Фильченков решил рискнуть подпустить танки вплотную, подбить первый, он остановит движение, а там уничтожить остальные. Так и сделали. Когда танк всей своей громадой готов был навалиться на краснофлотца Цибулько, тот меткой очередью в щель сразил водителя. Танк остановился, но из-за него показался второй. Связкой гранат подорвали его, и он свалился с насыпи. Еще две машины подбили краснофлотец Паршин и политрук Фильченков. Снова немцы не выдержали — отступили. Пятеро храбрецов понимали, что не миновать новой атаки. А у них оставалось всего три связки гранат на троих. И все-таки они не покинули позицию.

При новой попытке водитель переднего немецкого танка решил обойти подбитые ранее машины и вырваться на дорогу. Навстречу ему грудью встал политрук Фильченков и с

возгласом: «Не пустим к Севастополю!» — бросился со связкой гранат под танк. Вслед за политруком поднялись краснофлотцы Паршин и Одинцов и подорвали два других. Уцелевшие танки повернули назад, сменяя собственную пехоту.. Пять героев удержали рубеж ценой своей жизни.

Николаю Фильченкову, Василию Цибулько, Юрию Паршину, Даниилу Одинцову и Ивану Красносельскому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, а на месте их подвига в 1944 году установлен памятник.

7 ноября в районе Ялты гитлеровцы совершили страшное злодеяние — потопили теплоход «Армения», вышедший из Севастополя и принявший еще в Ялте раненых бойцов и эвакуированных.

Массированные налеты на город совершались с педантичной регулярностью. Каждый день по несколько раз. Это сказывалось на работе промышленных предприятий. В четко работавшем городском хозяйстве начали ощущаться заметные перебои. Иногда подолгу не удавалось наладить связь, предприятия простаивали из-за отсутствия воды и электроэнергии, не говоря уже о том, что воздушные тревоги отнимали уйму рабочего времени.

Что можно было предпринять? Рабочие, например, сами уже предлагали изменить систему подачи сигналов, чтобы работать во время «не очень сильных налетов». Советовали также некоторые особо важные предприятия перевести под землю.

Городской комитет обороны и горком партии решили провести совещание руководителей городских и районных организаций, предприятий, учреждений, чтобы совместными усилиями определить самые неотложные меры для выполнения приказа Ставки — как можно лучше помогать фронтовикам оборонять город. На совещании присутствовали также секретари обкома и представители командования. Нас, руководителей города, критиковали за то, что подходим к оценке людей и их возможностей со старой меркой, без поправок на то, что война удесятирила силы нашего народа и требования стали жестче. В единодушно принятом решении записали:

«Ввести в партийной организации, на предприятиях, в штабах и командах МПВО еще более жесткую дисциплину. Все население города объявить мобилизованным. Эвакуировать всех женщин с малолетними детьми, всех больных, стариков. Больше строить убежищ скального типа. Укрыть в землю промышленные предприятия. Быстрее эвакуировать

оборудование заводов, культурные и исторические ценности...»

Во всей этой грандиозной работе Центральный Комитет партии и Советское правительство оказывали нам огромную помощь. Севастопольцы смогли выдержать многомесячную борьбу с врагом, неистово штурмовавшим город, в условиях осады, бомбежки и обстрелов неизменно проявляли высокую самоотверженность и трудовую доблесть прежде всего потому, что ощущали внимание и помощь всей страны.

В город постоянно прибывали корабли Черноморского флота и суда Азово-Черноморского бассейна с новым пополнением, продовольствием, боеприпасами. Уходили эти суда груженные оборудованием эвакуируемых предприятий, историческими и культурными ценностями. На этих же судах и кораблях вывозилось гражданское население Симферополя и Севастополя. Днем и ночью у стенок Морского завода шла погрузка машин, станков и всевозможных материалов на транспорты, уходившие в Потти, Туапсе, Новороссийск.

Морской завод не эвакуировался целиком. Значительная часть его оборудования должна была остаться в Севастополе для обслуживания нужд флота. Но крыши и стены цехов не могли уже служить надежной защитой от немецких фугасок. Для завода необходимо было подыскать более безопасное место.

После обсуждения этого вопроса на Военном совете флота, в обкоме и горкоме партии было решено остающееся оборудование переправить в глубокие штольни на берегу Северной бухты и там создать подземный спецкомбинат № 1 для производства минометов, мин и гранат. Одновременно в инкерманских штольнях создавался спецкомбинат № 2 для производства обмундирования, обуви и белья для фронтовиков.

Каждое крупное мероприятие, связанное с помощью фронту, обычно мобилизовало силы всей партийной организации города. И сейчас, когда малейшее промедление могло нарушить снабжение фронта вооружением и боеприпасами, создание подземных комбинатов стало делом всех коммунистов Севастополя. Пришлось решать множество задач, организационных и технических. Необходимо было подобрать кадры руководителей и специалистов, приспособить штольни под цехи, обеспечить их электроэнергией и водой, оборудовать вентиляцию, разместить в тесных подземных цехах большое количество станков, машин, сложного оборудования.

Наконец, создание спецкомбинатов влекло за собой устройство в штольнях «подземного городка» для рабочих и их семей.

Оборудование, станки и машины грузились на платформы заводской железной дороги и направлялись к причалам Морского завода. Тут их перегружали на баржи и баркасы, которые и доставляли груз к берегу Северной бухты, к штольням будущего спецкомбината.

— Трудно, — говорил директор завода М. Н. Сургучев. — Погрузочные механизмы и квалифицированные рабочие уже эвакуированы в тыл, транспорт не приспособлен, людей в обрез...

Выход был один: шире привлечь население, а коммунистам и комсомольцам возглавить работу на решающих участках. «Коммунисты, вперед!» — под этим лозунгом были обеспечены успех строительства оборонительных рубежей, создание партизанского отряда и ряд других важнейших мероприятий по обороне Севастополя. Поэтому и сейчас горком и райкомы партии направили на Морской завод и в штольни десятки коммунистов с других предприятий. С помощью первичных партийных организаций подобрали для спецкомбината инженеров, техников, мастеров.

Секретарь обкома по промышленности Л. Е. Спектор, наши работники А. А. Сарина и А. А. Петросян, а также командиры управления тыла флота сутками не выходили из штолен, покидая их только для того, чтобы побывать на заводе или в горкоме с новыми требованиями и предложениями.

Приложил тут руки и Саша Багрий со своим комсомольским активом. Они организовали соревнование комсомольско-молодежных бригад на погрузке и разгрузке оборудования. Надя Краевая занялась устройством быта в штольнях, главным образом детского, а молодой коммунист Костя Гармаш, позднее выдвинутый секретарем Корабельного райкома комсомола, — вопросами производства. Много инициативы и находчивости проявили комсомольские вожаки Тася Абрамович и Рая Иванова.

Кажется, сделали все необходимое, чтобы быстрее закончить пуск спецкомбината. Но дело продвигалось медленнее, чем требовала обстановка.

В обеденный перерыв мы приехали в штольни, решили провести здесь митинг. Под землей было мрачно, сыро, тяжело дышалось. Подключили несколько сильных ламп и,

сдвинув три-четыре ящика, сделали что-то вроде трибуны. Я говорил с людьми о том, что у меня на душе: в первую очередь о неудовлетворенных нуждах флота, о необходимости ускорить пуск комбината. Рассказал о героической обороне Ленинграда, об отважном политруке Фильченкове и его товарищах, отдавших свою жизнь за Родину...

В передних рядах стоял пожилой рабочий. Он внимательно всех слушал, затем вышел вперед:

— Верно, товарищи, тут говорилось. На фронте наши сыны насмерть с фашистом бьются, а у нас дела туго движутся. Так ли надо помогать фронту?

Подземный цех наполнился гулом одобрения.

— Я вот что скажу, — продолжал рабочий. — Дадим нашей Коммунистической партии слово, что пустим комбинат на две недели раньше срока.

Его поддержали другие выступавшие. Говорили, что можно поднатужиться и преодолеть трудности, чтобы иметь возможность в полную силу снабжать защитников города вооружением и боеприпасами.

— Что же решим? — спросил я начальника спецкомбината С. Т. Терехова. — Значит, семнадцатого?

— Против народа не пойдешь, — развел он руками. — Будет семнадцатого ноября!

В те дни через линию фронта ушел в тыл врага наш сева-стопольский партизанский отряд. В нем было больше двухсот человек, в том числе сто сорок коммунистов и комсомольцев. Вскоре поступили сведения, что партизаны успешно ведут бои с противником, выводят из окружения воинские подразделения, доставляют командованию сведения о расположении врага.

Приближалась зима, а в Севастополе еще оставалось много населения, непосредственно не связанного с обороной города. Разместить всех в надежных убежищах не представлялось возможным. К тому же надо было экономить продовольствие, завозить которое с Большой земли становилось все труднее. Поэтому городской комитет обороны принимал энергичные меры к эвакуации возможно большего числа людей, особенно женщин, детей, больных, стариков.

Чуть ли не каждого человека приходилось долго и терпеливо убеждать в необходимости эвакуироваться. Севастопольцы не хотели покидать родной город. Соглашались лишь под напором неотразимых аргументов. Затем надо было

снабдить отъезжавших продовольствием, доставить к месту эвакуации, помочь погрузиться на корабль или транспорт.

Улицы и дворы опустели. Встречались лишь одинокие пешеходы, патрули, дежурные. В редкие часы затишья жители спешили перенести в укрытия необходимые вещи. Там обосновывались капитально, с семьями. Устанавливали кровати, переносили матрасы, посуду.

А враг неистовствовал. Севастополь стал самым настоящим фронтовым городом. Нередко бывало так, что на промышленные объекты и жилые кварталы налетов совершалось больше, чем на передовые позиции, и некоторые предприятия находились ближе к передовой, чем воинские части. Все севастопольцы стали фронтовиками, показывавшими образцы мужества.

Когда на одной из береговых батарей не оказалось снарядов, секретарь парторганизации рыболовецкой артели «Рыбачья коммуна» Котко и председатель артели Евтушенко с риском для жизни организовали доставку боеприпасов на яликах.

Подбитые орудия, автомашины, танки для ремонта приходилось доставлять с передовых позиций в город.

— А что, если отремонтировать прямо на передовой, — предложили рабочие мехстройзавода. — Особенно когда ремонт небольшой. Сколько будет выиграно времени...

Эта инициатива была поддержана, и уже на другой день на передовую потянулись рабочие с походными мастерскими. Как были благодарны им фронтовики, особенно артиллеристы береговой обороны!

На одной из двенадцатидюймовых батарей вышло из строя орудие. Для того чтобы его сменить, требовалось специальное подъемное оборудование, которого в Севастополе не было. На помощь пришла смекалка. Работники тыла флота Прокуда, Миллер, Белик и Петров вместе с мастером-такелажником Морского завода Соценко соорудили оригинальное приспособление и за двое суток сменили орудие. Грозная батарея вновь начала посылать врагу свои полутонные «гостинцы».

Трудовой энтузиазм севастопольцев был под стать ратному героизму защитников города.

Рабочие управления электросетей Шевченко, Ушаков, Лунин, Гончаров, Тютюник ежедневно под непрерывающимися бомбежками и обстрелом восстанавливали линии эдек-

тропередачи и тем самым обеспечивали снабжение энергией промышленных предприятий.

Завод «Молот» — до войны это была артель промкооперации — получил срочный военный заказ. Токарю Руденко поручили изготовить модель. Он проработал подряд тридцать шесть часов. Задание командования было выполнено досрочно.

Машинисты паровозного депо бесстрашно водили бронепоезд «Железняков», командиром которого был морзаводец Харченко.

День ото дня все четче определялись боевые задачи городского комитета обороны. В его руках сосредоточилась гражданская власть в городе, а все внимание было направлено на выполнение приказа Ставки: Севастополь не сдавать.

Городскому комитету обороны приходилось решать самые разнообразные вопросы, бюро же горкома занималось преимущественно организационно-партийной и массово-политической работой. Централизация руководства, когда первый секретарь горкома партии был одновременно председателем комитета обороны и комиссаром МПВО, а председатель горисполкома — членом комитета обороны, членом бюро горкома и начальником МПВО, давала возможность принимать оперативные решения. Но основные, принципиальные вопросы обсуждались коллективно. Пленумы партийных комитетов, как и сессии Советов депутатов трудящихся, не созывались, потому что большинство членов горкома, райкомов и депутатов находилось на фронте, некоторые были эвакуированы. Оставшиеся в Севастополе привлекались для работы по заданиям комитета обороны, партийных и советских органов.

В аппарате горкома работало девять человек: два секретаря, четыре заведующих отделами, помощник секретаря, машинистка и шофер (он же комендант здания). Рабочее место работников партийного, советского, профсоюзного, комсомольского аппарата находилось в цехах предприятий, в командах МПВО, убежищах, воинских частях. Это постоянное общение с людьми позволяло хорошо знать обстановку, подхватывать полезную инициативу, своевременно ставить перед руководством города назревшие вопросы.

Городской комитет обороны не имел специального аппарата. Все задания выполнялись силами работников горкома, горисполкома и штаба МПВО, широко привлекался актив. Решения принимались без долгих разговоров, а часто и без

протокола, деловые, конкретные. И в жизнь они проводились немедленно.

В первые же месяцы войны севастопольская городская партийная организация сократилась почти вдвое: много коммунистов ушло на фронт, в коммунистический и истребительный батальоны, часть была эвакуирована с предприятиями. Из семи тысяч комсомольцев осталось чуть больше тысячи. Однако необходимо было заменить ушедших, выдвигать руководителей предприятий, учреждений, городских и районных организаций новых товарищей. Естественно, среди выдвигаемых было много женщин.

Не сразу приходит умение руководить, не сразу завоевывается авторитет, и можно было только удивляться тому, как незаметные, казалось бы, работники, еще вчера стеснявшиеся выступить на многолюдном собрании, буквально преображались на глазах, становились инициативными, умелыми вожаками масс.

Немецкое командование предпринимало отчаянные усилия, чтобы сломить сопротивление защитников Севастополя. Начался артиллерийский обстрел города. К бомбежкам уже как-то привыкли, о них заранее предупреждал сигнал воздушной тревоги, и люди успевали укрыться. Даже когда бомба отделялась от самолета и с характерным воем разрезала воздух, можно было успеть отбежать в безопасное место. Иное дело — артобстрел. Но и при этом у людей стали вырабатываться определенные навыки. Они уже знали, какой стороны улицы надо держаться во время обстрела, избегали ходить группами, по каким-то неуловимым признакам угадывали направление полета снаряда.

Печальный опыт первых обстрелов показал, какую опасность представляет скопление людей на улицах и в наземных помещениях. Мы всячески форсировали перевод магазинов в скальные убежища, часть их временно укрыли в подвалах.

Наша оборона держалась крепко. Днем и ночью вели огонь по врагу тяжелые береговые батареи Александра, Матушенко, Драпушко. С шумом проносились над городом полутонные снаряды 35-й батареи капитана Лещенко.

12 ноября центр боев переместился на правый фланг, в район Балаклавских гор, Ялтинского шоссе, Варнаутки и совхоза «Благодать», где действовала 72-я немецкая дивизия, поддержанная сотней танков. Ожесточенная борьба шла за каждую высотку, за каждую складку местности. Окопчик одиночного бойца становился дотом.

Наши части предприняли ряд контратак. Как только раздавался приказ «В атаку!», шинели летели с плеч долой, на головах вместо касок появлялись бескозырки и краснофлотцы в полосатых тельняшках яростно устремлялись на врага.

Бессмертна слава моряков-черноморцев, грудью отстаивавших Севастополь в этот критический период обороны! Они героически держали оборону, пока не подошли и не стали на защиту города части Приморской армии.

— Худо нам придется... Оставлена Керчь, — мрачно сказал зашедший 16 ноября на КП генерал-майор Моргунов.

На территории Крыма в руках советских войск остался теперь совсем небольшой клочок земли — Севастополь. До ближайшего родного берега — около четырехсот километров. Но севастопольцы не падали духом, были полны решимости до конца отстаивать город.

К этому времени спецкомбинат начал давать продукцию, необходимую для фронта. В те дни я снова побывал на комбинате — выступал на открытом партийном собрании с докладом о текущем моменте. Трудно было представить себе, что несколько недель назад люди задыхались здесь от недостатка кислорода. Чистый воздух, в цехах сухо, светло. На стенах развешаны лозунги, плакаты, показатели выполнения плана. В застекленных витринах центральные и местные газеты. «Молнии», «боевые листки» оповещали обо всех значительных событиях в жизни комбината. Один из листов был посвящен рабочему Николаеву, который, выполняя задание для фронта, в течение двадцати семи часов не оставлял своего рабочего места. В следующей листовке уже рассказывалось о пожилом рабочем Петрове, перебившем рекорд Николаева.

Если бы не отсутствие окон да не грубые, с рубцами каменные стены, залы спецкомбината напоминали бы старые цехи Морского завода. В комбинате оборудовали красный уголок, радиотрансляцию, библиотеку. В красном уголке по расписанию занимались политшколы, кружки — ПВХО, санитарный, драматический, хоровой, шахматный. Об этом позаботились комсомолы комбината.

По окончании доклада состоялся просмотр кинофильма «Александр Невский». Большинство уже видело этот фильм в довоенное время, но сейчас все мы восприняли картину совсем по-иному. Потрясающее впечатление произвела песня «Вставайте, люди русские». Усиленная резонансом подземелья, она захватывала душу. Когда же Александр Невский

произнес свои знаменитые слова: «Если кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!» — зал разразился бурными рукоплесканиями.

В двадцатых числах ноября первое наступление гитлеровцев на Севастополь было отбито. Меньше стало налетов, спокойнее на фронте, спокойнее и в городе. Генерал Манштейн в своих воспоминаниях об этих днях пишет: «Командование армии должно было отказаться от своего плана взять Севастополь внезапным ударом с ходу».

Затишье длилось немногим более трех недель. «Время выжидания прошло, — говорилось в очередном обращении Манштейна к своим войскам. — Для того чтобы обеспечить успех последнего большого наступления в этом году, необходимо было сделать нужные приготовления. Мы подготовились основательно... Вы в первом же бою разобьете врага. Севастополь падет!»

На рассвете 17 декабря после сильной авиационной и артиллерийской подготовки противник атаковал наши позиции. Кровавопролитное сражение нередко переходило в рукопашные схватки.

Военный совет Черноморского флота призвал защитников Севастополя бить врага, как бьют его под Москвой, как громят под Тихвином, беспощадно истреблять фашистских захватчиков, отражать все их попытки пробиться к городу.

«Помните, что к Севастополю приковано внимание народов не только нашей Родины, но и всего мира.

До последней капли крови защищайте наш родной Севастополь!

Родина ждет от вас победы над врагом. Ни шагу назад! Победа будет за нами!»

Севастопольцы вновь проявили невиданное мужество, массовый героизм. Это в дни второго наступления беспримерный подвиг совершили моряки дзота № 11. В течение нескольких дней горстка храбрецов отражала непрерывный напор двух вражеских батальонов, поддерживаемых артиллерией, минометами и авиацией. На дзот было сброшено около двух десятков бомб. За исключением одного, все защитники маленькой крепости погибли. На месте их гибели в сумке пулеметчика Алексея Калюжного нашли записку:

«Родина моя! Земля русская! Я, сын ленинского комсомола, его воспитанник, дрался так, как подсказывало мне сердце. Бил гадов, пока в груди моей билось сердце. Я умираю, но знаю, что мы победим. Моряки-черноморцы! Держи-

Андрей

теснь крепче, уничтожайте фашистских бешеных собак! Клятву воина я сдержал. Калюжный».

Положение на фронте все более обострялось. Город непрерывно подвергался бомбежке и артиллерийскому обстрелу. Однако и в этих условиях работа велась круглосуточно. Новые отряды севастопольцев выходили на строительство дополнительных укреплений, сотни рабочих ремонтировали боевую технику прямо на передовой, женщины и девушки после работы шли дежурить в госпитали.

Город, как обстрелянный солдат, держался со спокойным достоинством и мудрой храбростью. Каждый новый день открывал в лице его защитников высочайшее благородство, величие духа и твердую решимость выполнить свой долг до конца.

Душой каждого коллектива были партийные организации. Днем и ночью коммунисты находились среди людей. Секретари цеховых парторганизаций спецкомбината № 1 Морозов, Палатникова и Рябогина до мельчайших деталей знали судьбу каждого рабочего, для всех у них находилось теплое, подбадривающее слово. Являясь, как и все рабочие, бойцами народного ополчения, они выходили на полевые учения, строили оборонительные рубежи, вникали во всякую мелочь работы предприятия. Спецкомбинат успешно справлялся с выполнением фронтовых заданий, поставлял на передовую минометы, гранаты, мины.

Секретарь парткома, он же начальник политотдела железнодорожного узла, А. Е. Немков вместе с начальником отделения И. Д. Киселевым сумели так организовать работу своего коллектива, что железнодорожники не только водили поезда к фронту, ремонтировали пути, паровозы и вагоны, но и обслуживали бронепоезд «Железняков», построили для фронтовиков поезд-баню, организовали у себя на узле ремонт боевой техники, изготавливали противотанковые «ежи», производили детали для минометов и гранат.

Незадолго до начала второго наступления на командном пункте флота я рад был встретить генерал-майора И. Е. Петрова. Он почти все время находился на передовой, в частях, а на КП бывал редким гостем. Генерал приветствовал меня словами:

— Вот теперь Севастополь стал образцовым советским тылом. С таким тылом можно воевать.

Похвала этого смелого и требовательного командарма была для нас как награда.

— Но, — продолжал генерал, — фронту нужно еще очень много. Снаряды, мины, гранаты должны поступать непрерывно. И еще... Нельзя ли ускорить ремонт танков и орудий?

Вернувшись к себе, я вызвал Петросяна. За эти несколько месяцев он сильно изменился. От робости и неуверенности не осталось и следа. Заведующий промышленным отделом был неистощим на выдумки. Его изобретательность, инициатива, энергия восхищали не только нас, но и рабочих севастопольских предприятий, с которыми он постоянно имел дело... Договорились перебросить еще часть людей с других предприятий и учреждений на помощь спецкомбинату и мастеров по ремонту военной техники. Вся надежда была на самоотверженность людей.

Этой самоотверженности, казалось, не было предела. Севастопольцы жили верой в победу, в свою силу, перед которой отступали любые невзгоды и трудности.

Однажды вражеский снаряд попал в главный корпус ГРЭС-1. Взрывом был поврежден котел. Сменный мастер коммунист Красненко, не раздумывая, бросился к нему и предотвратил аварию. Бывшая домохозяйка Гуленкова работала на подстанции одна вместо трех монтеров. Пожилая учительница Федоринчик бесстрашно сопровождала транспорты с ранеными.

В один из этих тревожных дней к нам на КП пришел руководитель инженерной обороны Севастополя, Герой Советского Союза генерал-майор Аркадий Федорович Хренов.

— Требуется подкрепление, — сказал он. — Надо строить новые оборонительные рубежи, укреплять то, что есть...

Пришлось вновь мобилизовать сотни людей; воздвигнутые ими укрепления помогали воинам сдерживать натиск врага.

Немецко-фашистские войска медленно, ценой больших жертв, но все же приближались к Севастополю. Вот что было написано об этих днях в дневнике, найденном у убитого ефрейтора 172-й немецкой дивизии:

«18 декабря. Атака тяжелая. Много я писать об этом не могу. Краге, Гергард, Гейнц, Майдельс убиты. В этот день у нас очень много мертвых и почти 30 процентов раненых. Атака продолжается с тяжелыми потерями. Мы не можем даже подойти к боевым порядкам русских.

20 декабря. Вся ночь и весь день прошли в бою: гранаты, минометы, артиллерия. Можно сойти с ума. Эскард, Рейф,

Донер ранены. В отделении осталось вместе со мной 5 человек, во взводе — 12. Нервы слабеют.

22 декабря. Мы все еще лежим здесь. Куда все это может привести? Они нас совершенно сотрут с лица земли. Нас осталось из роты 42 человека. От этого можно обезуметь».

Военнопленный Пауль Поромбка на допросе заявил: «Когда мы шли на Севастополь, оставшиеся в Симферополе солдаты прямо говорили: «Если вы идете на Севастополь, то вы погибли. Оттуда или совсем не возвращаются, или возвращаются калеками. Берите с собой кресты — ставить на могилах»».

Да, враг нес большие потери, но и нам приходилось нелегко. После того как наши войска оставили станцию Мекензиевы Горы и вели бои у Братского кладбища, вице-адмирал Октябрьский сообщал командующему Закавказским фронтом и наркому Военно-Морского Флота:

«Пятые сутки продолжаются ожесточенные бои. Несмотря на упорное сопротивление наших войск, противнику ценой больших потерь удалось продвинуться на некоторых направлениях на 5—7 километров, что приблизило фронт к городу на очень опасное расстояние — до 7 километров. Наши бойцы дерутся отлично, но мы несем большие потери убитыми и ранеными... За дни боев 17—21 декабря выведено из строя много орудий полевой артиллерии и береговой обороны. Искерпаны все резервы, на фронт брошена даже рота охраны штаба».

Работники горкома и райкомов партии, советских органов в эти дни постоянно находились среди рабочих, бойцов МПВО, на строительстве укреплений, в госпиталях, мобилизуя людей на помощь фронту. Каждый работал не щадя сил. И хотя угроза, нависшая над городом, была огромной, не чувствовалось ни тени паники, а только собранность, воля к победе.

Начальник штаба МПВО города В. И. Малый и комиссар штаба В. И. Кулибаба руководили ликвидацией завалов, спасением попавших в беду людей, следили за ремонтом водопровода, электросетей и расчисткой улиц. Не знал усталости Василий Петрович Ефремов. Когда нервное напряжение достигало крайней степени, Василий Петрович садился на мотоцикл и в течение полутора — двух часов гонял по улицам города, по Балаклавскому шоссе, в сторону Стрелецкой бухты и Херсонесского мыса. Для него это служило разрядкой, нервы успокаивались, и он вновь принимался за работу.

Едва начиналась бомбежка или обстрел, начальник городского отделения милиции капитан Василий Иванович Бузин, оставив за себя дежурного, шел проверять посты и устанавливать порядок на улицах. Ничто не могло заставить его уйти в укрытие. Когда возникали разрушения, завалы, Василий Иванович немедленно сам организовывал помощь пострадавшим, расчистку улиц, ликвидацию всевозможных повреждений, брался за кирку и лопату.

Не только Бузин, но и все работники милиции проявляли мужество и отвагу. Невзирая на опасность, днем и ночью несли они охрану порядка в городе. Когда в подвале разрушенного дома оказались засыпанными женщины и дети, первым на помощь им бросился участковый уполномоченный Гармаш. Уже у самого убежища он был убит осколком вражеской бомбы. На улице Дзержинского загорелся дом, слышались крики о помощи. Милиционер Коновалов одним из первых прибежал к дому и вынес из пламени женщину. Узнав, что в доме остался еще ребенок, милиционер снова бросился в огонь и спас его.

При выполнении служебного долга погибли дежурный по отделу милиции Годлевский, начальник водного отделения милиции Алексеенко, милиционеры Ремизов, Трайнин и другие. Многие работники милиции и горотдела НКВД были направлены в тыл врага и с честью выполняли свой патриотический долг.

В дни второго наступления с нами не было Антонины Алексеевны Сариной. Ее вместе с мужем, замечательным пропагандистом Павлом Яковлевичем Сариным, и семнадцатилетней дочерью Розой чуть ли не в порядке партийной дисциплины заставили эвакуироваться. Я уже писал, что в первые месяцы обороны Сарина была ответственной за взрыв объектов и уничтожение всего, что представляло ценность в случае захвата города врагом.

— Только бы не прозевать момента, — постоянно тревожилась Антонина Алексеевна. Куда бы она из горкома ни уходила, оставляла всем свой номер телефона и сама звонила при каждой возможности. И головы никогда не теряла. В один из тяжких дней первого штурма Сарина получила от ответственного работника штаба флота указание немедленно топить катера, заливать керосином продовольствие. Сарина не стала выполнять указание, сочтя его преждевременным, и поставила в известность бюро горкома. Начальник штаба флота Иван Дмитриевич Елисеев и член Военного совета

Николай Михайлович Кулаков, узнав от нас об этом указании, тут же его отменили и строго наказали паникера.

Кстати, о трусах и паникерах. Как говорит, и в большой, честной семье не без уroda. Сбежал, например, из Севастополя на Кавказское побережье директор конторы «Заготзерно», забыв даже про семью. Вскоре он был возвращен в Севастополь, исключен из партии, осужден и направлен на передовую.

Должен признаться, нелегко было скрывать свои переживания. Но я никогда не забывал, что нервность руководителя, особенно в минуты большой опасности, немедленно сказывается на поведении окружающих. А тяжелых переживаний хватало. Горько было из-за тех неудач, которые терпела Красная Армия, болела душа за севастопольцев, переносивших неимоверные тяготы. Только вера в наше правое дело, в нашу победу укрепляла силы.

Коммунисты, комсомолцы и беспартийные шли на выполнение любых заданий и поручений. В этом я еще раз убедился, когда начали готовить подполье. Моим помощником в то время работал Николай Игнатьевич Терещенко. Исполнительный, скромный, он удивительно спокойно делал свое дело. Я долго проработал бок о бок с ним, не подозревая о необыкновенной силе его характера. Он, видимо, догадывался о готовящемся подполье и не раз заводил со мной разговор на эту тему, об ответственности коммуниста-подпольщика перед партией и народом.

Многие, наверное, тогда задумывались о своем будущем. И это понятно. Севастополь в осаде, до ближайшего берега водой около четырехсот километров. В случае прорыва немецко-фашистских войск вряд ли есть надежда выбраться. И многие, естественно, заранее решили либо перейти на подпольную работу, либо пробираться в горы к партизанам. То и дело разгорались споры о подпольной работе, о партизанской борьбе.

Я тогда не придавал особого значения дипломатичным намекам Терещенко. А жаль. Когда мы ушли из Севастополя, Николай Игнатьевич, оставшись на оккупированной территории, стал одним из руководителей подпольной коммунистической организации.

Среди тяжелых и неотложных забот, связанных с непосредственной обороной города, мы не должны были забывать о внутрипартийной работе. В связи с этим нельзя не расска-

зять о новом в те дни заведующем оргинструкторским отделом горкома партии А. М. Михалевой.

Еще в конце ноября по состоянию здоровья был эвакуирован заведующий организационно-инструкторским отделом горкома Николай Васильевич Висторовский. Кого же взять на его место? Уж очень мало осталось в городе коммунистов, хорошо знающих партийную работу и кадры.

И вот кто-то, кажется та же Антонина Алексеевна Сарина, предложил кандидатуру Анны Михайловны Михалевой, заведующей оргинструкторским отделом горисполкома. Анна Михайловна работала в Севастополе давно, была когда-то на партийной работе, знала севастопольцев, руководящие кадры, условия работы и, несмотря на свои годы — ей было тогда лет пятьдесят, — работала много и увлеченно.

— Ее бы лучше эвакуировать, — возразил кто-то. — Ведь у нее неважно со здоровьем. В эвакуации больной муж, дочь, внучка. А работа вон какая...

— Так она же сама отказалась эвакуироваться, — горячо заступилась Сарина. — А что ей пятьдесят, так это еще ни о чем не говорит. Она работоспособнее многих молодых.

Михалева приступила к работе.

— Борис Алексеевич, — чуть ли не на третий день работы в горкоме обратилась она ко мне, — секретари первичных парторганизаций у нас почти все новые, не умеют даже написать протокол и оформить прием в партию... Надо бы организовать семинар...

Война — и протоколы, непрерывная бомбежка — и семинар... Как будто одно с другим не очень вязалось, но я поддержал Анну Михайловну. Мы договорились провести двухдневный семинар. Осуществить это в ближайшие дни не удалось. Как раз началось второе наступление немецко-фашистских войск на Севастополь. Но Анну Михайловну мысль о семинаре не покидала. Как только на фронте чуть поутихло, она вновь заговорила об этом.

— Хорошо. Готовьте вопрос на бюро.

— А у меня уже давно все готово, — и она показала план: «Текущий момент. Задачи, формы и методы агитационно-пропагандистской работы. Партийное хозяйство. Подготовка и проведение партийных собраний. Прием в члены и кандидаты партии. План работы партийной организации. Задачи комсомольских организаций и руководство ими. Мероприятия по усилению военной работы. Задачи первичных парт-

организаций по улучшению руководства хозяйственной деятельностью предприятий...»

В плане семинара предусматривалось все то, что нужно для новых секретарей. Члены бюро горкома поддержали мысль о проведении семинара, и уже на другой день Анна Михайловна ушла в хлопоты о нем.

С докладами на семинаре выступали работники горкома, секретари райкомов. Секретари первичных парторганизаций Немков, Иваниченко, Филатов и другие поделились опытом партийной работы в условиях войны. Предполагалось, что семинар проведем в два дня, но пришлось прибавить еще день — слишком много вопросов возникало у молодых партийных активистов.

— Посмотрите передовую «Правды», — как-то сказала мне Анна Михайловна, показывая только что полученную газету.

«Коммунисты — передовые бойцы на фронте и в тылу» — это был номер за 28 декабря 1941 года. Центральные газеты тогда приходили в город примерно на шестой-седьмой день.

«...Каждый коммунист, где бы он ни находился, должен работать так, как если бы он сражался на фронте: не покладая рук, не жалея сил и самой жизни. Он должен проявлять величайшую выдержку, не хныкать при неудачах, не ослаблять своей бдительности и напористости в работе, не успокаиваться на достигнутых успехах. Он должен вести неустанно работу с массами рабочих, крестьян, служащих, интеллигенции, спланировать их в борьбе за еще более высокую производительность труда, политически просвещать, укреплять в них уверенность в победе...»

— Вот бы эту передовую обсудить на партийных собраниях! — предложила Михалева.

Передовая «Правды» оказалась действительно очень кстати и вызвала заинтересованный деловой разговор на собраниях в парторганизациях.

Анна Михайловна умело и своевременно ставила перед секретарями горкома и бюро, перед первичными парторганизациями и райкомаами важнейшие вопросы партийной работы во все дни обороны. Несмотря на возраст, ее многие называли доверительно и ласково — Аннушка. Эта женщина отличалась какой-то особой душевной широтой. Как бы ни была она занята, всегда с охотой, ничуть не удивляясь, принимала любое новое поручение.

Помимо своих основных обязанностей, она подбирала людей для торговых точек и пекарен, оснащала пекарни обо-

рудованием, организовывала сбор подарков фронтовикам, помогала эвакуации женщин и детей, проводила беседы в убежищах... Да разве перечислишь все, чем занималась Анна Михайловна Михалева!

И неизвестно было, когда она находила время уединиться и написать письма: на фронт — сыну, в Краснодарский край — больному мужу, дочери с внучкой...

26 декабря произошло событие, окончательно решившее исход второго штурма. В Керчи началась высадка крупного десанта советских войск. Уже через три дня после высадки весь Керченский полуостров с городами Керчью и Феодосией находился в руках советских войск.

Гитлеровцы трубили на весь мир, что Черноморский флот уничтожен, что дни Севастополя сочтены, что ворота на Кавказ для их армий открыты, что они являются полными хозяевами на Черном море. Действительность же показала другое.

Когда в Севастополе шли ожесточенные бои, наше командование по указанию Ставки подготовило на Кавказском побережье мощный десант для высадки в Крым. Операция готовилась очень тщательно, скрытно от врага и получила название Керченско-Феодосийской.

Как рассказывал вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, одновременно с разных направлений к Керченскому полуострову подошли военные корабли Черноморского флота и, подавляя мощным огнем береговые и полевые батареи врага, стали высаживать десант. За военными кораблями подошли транспорты.

Высадка десантов в зависимости от условий местности производилась различными способами и одновременно на широком фронте. Но во всех случаях первый бросок на берег совершали военные моряки. Закрепившись на суше, они давали возможность высадиться основным силам армии.

В северной части Керченского полуострова десантными операциями руководил контр-адмирал С. Г. Горшков. К восточному берегу полуострова пролив форсировали корабли под командованием контр-адмирала А. С. Фролова.

Чтобы быстрее окружить всю группировку немецких войск на Керченском полуострове, был сброшен также воздушный десант.

Керченская десантная операция неразрывно связывалась с обороной Севастополя. Враг, решив во что бы то ни стало захватить Севастополь, оттянул часть своих войск из-под

Керчи. Это как раз и требовалось нашим атакующим частям.

Среди отлично задуманных и успешно осуществленных десантных операций особенно выделялась дерзкая высадка военных моряков с группы кораблей под командованием капитанов 1-го ранга Н. Е. Басистого и В. А. Андреева. Феодосийский порт имел боно-сетевое ограждение; на молах и на высотах, господствующих над городом, немцы установили артиллерийские батареи, пулеметы и минометы.

Ночью, в пургу, под прикрытием артогня эсминцев и крейсеров первыми прорвались в порт катера-охотники. Их штурмовые команды забросили сходы прямо на набережную, быстро ликвидировали боновые ограждения и поставили на молах створные световые сигналы, чтобы крупные корабли могли войти в бухту. Все это было сделано стремительно и без больших потерь с нашей стороны. Крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым» своей мощной артиллерией успешно подавляли огонь береговых батарей противника. По ближайшим огневым точкам врага вели огонь миноносцы и сами катера, ворвавшиеся в порт.

Очистив пирсы, штурмовые команды моряков ворвались в город и завязали бой с фашистами. В это время в гавань вошли крупные корабли с войсками и боевой техникой.

Удар по Феодосии был так стремителен, что из города не успел удрать даже фашистский холуй — «городской голова». Наши войска захватили в Феодосии склады зерна, награбленного немцами у крестьян и подготовленного к отправке, склады боеприпасов, много оружия, четыреста автомашин, несколько катеров и самоходных барж. Были освобождены пленные красноармейцы и захвачено в плен большое число немцев.

В боях за Феодосию особенно отличились моряки крейсера «Красный Кавказ» и эсминца «Незаможник», которыми командовали капитан 2-го ранга Гушин и капитан-лейтенант Бобровников.

В итоге операции стратегический план немцев использовать Керченский полуостров как трамплин для «прыжка» на Кавказ оказался сорванным.

Итак, второе наступление гитлеровцев на Севастополь бесславно провалилось. Фашисты понесли большие потери и снова были отброшены от города. Решающую роль тут сыграли переброшенные с Кавказского побережья 79-я курсантская бригада морской пехоты и 345-я стрелковая дивизия,

которые сразу же с кораблей были брошены в бой. Важное значение имело освобождение Керченского полуострова, городов Керчи и Феодосии. И в который уже раз севастопольцы с удовлетворением отмечали, что в доставке войск в осажденный город и при высадке десантов на Керченский полуостров принимали участие и крейсер «Красный Крым» и другие корабли флота, над ремонтом которых так славно они потрудились перед войной. Мощные огневые залпы линейного корабля «Парижская коммуна» также не раз выручали осажденный город.

В дни отражения второго штурма славных защитников Севастополя воодушевляли первые ощутимые победы Красной Армии. Мы с большой радостью узнали о том, что советские войска нанесли крупные поражения гитлеровцам под Тихвином и Ельцом. Наконец, с воодушевлением слушали по радио сообщения о разгроме гитлеровских захватчиков на подступах к Москве. Враг был отброшен от столицы нашей Родины на различных участках фронта на сто пятьдесят — четыреста километров.

Однако тяжелые бои на подступах к Севастополю не утихали. Бомбардировщики противника не оставляли город в покое, непрерывно продолжался артиллерийский обстрел. Но работа по выполнению фронтовых заказов не приостанавливалась. Город все глубже и глубже зарывался в землю.

Надежные укрытия в подвалах и блиндажах были оборудованы еще в первые дни войны. В них пряталось от бомбежек большинство населения, разместились командные пункты МПВО, некоторые организации.

В Инкермане пригодились обширные старые выработки строительного камня. Севастопольцы охотно перебирались сюда даже на постоянное жительство. Под прикрытием скал в несколько десятков метров толщиной они чувствовали себя в полной безопасности, быстро обжили и благоустроили эти убежища.

На Греческой улице — совсем близко от центра города — в скале была вырублена большая пещера. Говорили, будто она появилась во времена обороны Севастополя 1854—1855 годов. Что ж, возможно. В ней вполне мог разместиться склад боеприпасов или лазарет. А может и тогда в ней укрывались от артиллерийского обстрела отводимые на отдых войска и население.

На эту пещеру в первый же день войны обратила внимание проживавшая неподалеку пожилая домохозяйка, внучка

участника обороны Севастополя в 1854—1855 годах, Мария Тимофеевна Тимченко.

— Вот здесь и сделаем убежище,— предложила она соседям, тщательно осмотрев пещеру.— Приведем в порядок, будет любо-дорого смотреть.

Мария Тимофеевна, не откладывая дела в долгий ящик, направилась в Северный райсовет и привела с собой председателя исполкома Загордянского и секретаря райкома партии Кролевецкого. Внимательно оглядев загроможденную огромными каменными глыбами пещеру, они заметили, что нелегко придется тем, кто возьмется ее благоустроить.

— А вы загляните к нам вечером,— пригласила Мария Тимофеевна.

Под руководством этой энергичной женщины, которой пошел шестой десяток, работа закипела. Пещеру очистили от камней и мусора, поставили надежные стойки-опоры, побелили каменные стены, сделали перегородки, провели электричество и радио. Из дому женщины принесли столы, скамейки. Когда вечером мы с Ефремовым заглянули в это убежище, оно было уже почти готово. Немного погодя в этот подземный дом протянули водопровод, установили телефон. Закрепили за этим убежищем врача.

Сначала жители соседних домов забежали сюда только по тревоге. Потом, во время непрерывных бомбежек и обстрелов перебрались со всем скарбом и обосновались уже основательно. Райисполком утвердил Марию Тимофеевну Тимченко комендантом этого убежища.

Население его росло день ото дня. Несколько сот человек нужно было устроить как следует: семейных с семейными, холостых отдельно. Нужно было организовать питание, медицинскую помощь, обеспечить чистоту и порядок, чтобы люди после тяжелого труда спокойно отдыхали.

Проводив на фронт четырех сыновей, Мария Тимофеевна обрела теперь большую и беспокойную семью, состоявшую главным образом из женщин, детей и стариков. Целыми днями она была на ногах, редко кто видел ее спящей. Когда раздавался сигнал тревоги, Мария Тимофеевна вместе с другими соседками-активистками следила, чтобы никто не оставался на улице, в особенности ребяташки. Если поблизости рвались бомбы, она тотчас организовывала помощь пострадавшим.

В подвале трехэтажного здания на улице Ленина, где комендантом убежища была учительница Островерхова,

проживало более двухсот человек. При взрывах здание сильно содрогалось, сыпалась штукатурка. По настоянию Островерховой поставили дополнительные крепления, у входа в убежище положили мешки с землей.

В длинной узкой штольне СевГРЭС поселилось около тысячи человек. Там было еще более надежно: над убежищем возвышалась многометровая толща скалы. Для укрытия населения в районе Центрального базара использовали водосточный коллектор.

Во время сильной стрельбы наших зениток на город градом сыпались осколки снарядов. От них щели не уберегали, было немало ранений. Пришлось над щелями ставить «крыши». Это предохраняло и от непогоды.

Вовсю шла работа на подземных спецкомбинатах. К концу ноября на комбинате № 1 работало уже свыше двух тысяч человек. Там же люди жили, там же питались. Их защищала шестидесятиметровая скала. Сюда не доносился городской шум, рабочие даже не слышали сигналов воздушной тревоги. Об очередном налете они догадывались лишь тогда, когда бомбы попадали в скалу над штольнями.

В Инкерманских штольнях обосновался настоящий рабочий городок. В нескольких огромных гротах располагались цехи спецкомбината № 2, созданного на базе швейной фабрики, обувных и швейных артелей. В цехах шили и чинили обмундирование для бойцов.

По соседству с цехами находились «жилые кварталы». Семье рабочего отводилась площадь от четырех до шести квадратных метров. Этого вполне хватало, чтобы поставить кровать, столик, несколько стульев. Каждая семья устраивала вокруг своей «квартиры» занавеси или фанерные перегородки. Проходы между «квартирами» именовались «улицами». Сначала в шутку давали им то или иное название, а затем это вошло в обиход. Однажды при мне раненная осколком снаряда женщина тихо попросила сандружинниц отнести ее на «Балаклавскую улицу, квартира двенадцать».

В «комнатах» поддерживалась чистота. За этим строго следили. Грязь или даже просто нечистоплотность представляли при такой скученности серьезную опасность.

В отдельных штольнях расположились амбулатория, детские ясли, детский сад, столовая, кино, клуб. Готовилось помещение для школы, которую решили открыть после нового года.

По соседству со спецкомбинатом № 2 находился военный госпиталь. Войдя внутрь, трудно было поверить, что находишься глубоко под землей. Широкие коридоры заливал яркий свет, пол был покрыт войлоком. В часы жарких боев в госпитале работало несколько операционных. Повсюду образцовая чистота. Коллектив госпиталя делал все возможное, чтобы облегчить страдания раненых, вернуть их в строй.

Ухаживать за ранеными бойцами помогали комсомолки, домохозяйки, подростки. Когда из госпиталя в тыл эвакуировали группы раненых, их также сопровождали домохозяйки.

Неподалеку, тоже в глубокой штольне, находился механизированный хлебозавод. Он серьезно выручал севавтопольцев, особенно в дни третьего наступления, когда городской хлебозавод и пекарни то и дело выходили из строя.

Возле Морского завода, электростанций, завода «Молот», железнодорожного узла, мехстройзавода не прекращалось строительство новых и расширение существующих штолен и пещер. В них размещалось оборудование, укрывались рабочие, располагались различные организации и учреждения. Подземные помещения можно было встретить повсюду: в центре города, на Корабельной и Северной сторонах, в Инкермане.

Доставались они нелегко. Те, кто поздоровее и покрепче, ломами и кирками долбили скалы, ставили крепления, удаляли отбитую породу. Кто послабее, подносили воду, точили инструмент, готовили пищу, нянчили малышей. Работа продвигалась медленно: за сутки пробивались в скалу на метр — полтора, не более.

В новых условиях общежития возникали и новые формы быта и новые навыки, отличные от прежних. Вначале распорядок жизни складывался стихийно. Затем создали специальную комиссию для организации труда и быта под землей. За работу с детьми, например, была ответственна Надя Краевая. Секретарь Корабельного райкома комсомола Андрей Белан поддерживал связь с Корабельным районом. Комиссия поставила перед горкомом партии и горисполкомом вопрос об открытии дома инвалидов. Такой дом-убежище вскоре был оборудован на Советской улице. Здесь наладили медицинскую помощь, питание, снабжение бельем и одеждой. Позднее, в мае 1942 года, Надя Краевая возглавила эвакуацию всех обитателей дома-убежища инвалидов на Кавказское побережье. Председателем комиссии являлась секретарь Северного райкома партии Евгения Павловна Гырдымова.

Работники горздравотдела В. М. Зудов и В. Е. Лаврентьев устроили специальный приемник для детей, родители которых погибли в Севастополе. В приемнике работали опытные воспитатели и детские врачи. С каждым транспортом, уходящим из Севастополя, часть детишек в сопровождении нянь и врача эвакуировалась на Большую землю.

Горисполком разработал и утвердил «Правила внутреннего распорядка в убежищах города Севастополя». Согласно этим правилам проживавшие в убежищах подчинялись коменданту. Они обязаны были иметь при себе паспорт и удостоверение с места работы, неработающие — справку от домоуправления.

В убежищах запрещалось курить, шуметь, готовить пищу. Для приготовления пищи отводились специальные места. Запрещалось распивать спиртные напитки. С десяти вечера до пяти утра в убежищах должна была соблюдаться полная тишина. Строго следили за выполнением санитарных правил. К каждому убежищу прикреплялся врач. В достатке имелся землеройный инструмент, необходимый для расчистки улиц, для разбора завалов и на тот крайний случай, если люди окажутся засыпанными.

Райкомы партии в каждое убежище назначали политрука-общественника и агитаторов. В убежище Марии Тимофеевны Тимченко политруком был инструктор Северного райкома партии Мукомель. Они организовали доставку газет и журналов, чтение лекций, выпускали стенную газету.

Жили в убежищах дружно, словно одна семья. Хозяйки шутя говорили, что все ссоры оставили наверху. Частым и желанным гостем здесь был агитатор. Вместе с ним в убежище как бы приходило большое дыхание нашей Родины. Люди живо интересовались положением на фронтах, в тылу, событиями под Москвой и Ленинградом, международными делами. Шла откровенная беседа о нуждах осажденного Севастополя, о том, что можно еще сделать в помощь фронту и семьям фронтовиков.

Даже дети не были в стороне от общих забот, печалей и радостей. Они и учились, и вместе со взрослыми строили оборонительные рубежи, работали на предприятиях, собирали металлолом и бутылки, ухаживали за ранеными, дежурили на крышах и у входа в убежища, тушили зажигалки, были связными. Школьники Вера и Виктор Снитко за тушение зажигательных бомб награждены медалями за «Боевые заслуги», а позднее многие ребята, в том числе сестры Тяп-

кины и Света Густылева, — медалями «За оборону Севастополя».

Самыми желанными гостями в убежищах были фронтовики. Для них освобождались лучшие отсеки, койки застилалась чистым бельем. Из скудных запасов выкраивалось угощение, на столе появлялось неизвестно где добытое вино. Пока бойцы спали, женщины стирали и гладили их белье, чинили одежду и обувь.

В убежище на улице Карла Маркса, где комендантом была коммунистка Евгения Митрофановна Михайлова, организовали швейную мастерскую. Женщины шили шапки-ушанки, маскировочные халаты, вязали для фронтовиков перчатки. Не раз с подарками в руках мастерицы ездили навещать фронтовиков.

Городскому комитету обороны, горкому и горисполкому в первые дни обороны трижды пришлось менять помещения. Наконец и мы перебрались в штольню. Оборудовали ее в центре города, на улице, которая теперь называется Большой Морской. На новом КП имелось семь небольших отсеков.

Комитет обороны, горком партии и горком комсомола занимали отсек метра в два шириной и в четыре длиной. Здесь умещались длинный стол, две скамейки, тумбочка с телефонными аппаратами. А к стенам в два яруса были прикреплены восемь узких коек. В этом отсеке мы работали, принимали посетителей, проводили немногочисленные совещания. Тут же ели и спали. В таких же условиях работали горисполком, штаб МПВО и другие организации. На КП было тесно, сыро и душно. Когда в начале января областные организации перебрались на Керченский полуостров, стало немного свободнее, да к тому времени уже и штольни были расширены. В феврале они стали достаточно велики, чтобы под нашей «крышей» оказались райком партии и райком комсомола, райисполком и штаб МПВО Северного района, городское отделение Госбанка. Здесь же в одном из больших отсеков был открыт подземный кинотеатр на восемьдесят мест. Вскоре в укрытия такого типа перешли и организации Корабельного и Центрального районов.

Нельзя не рассказать подробнее о женщинах Севастополя, так много сделавших для обороны родного города. Это в основном их руками были построены мощные оборонительные рубежи на подступах к городу, оборудованы укрытия для населения, для торговой сети, для детских учреждений, школ и больниц. Это они снабжали фронт обмундированием,

бельем, обувью и в значительной части вооружением и боеприпасами. Это они обслуживали госпитали, отдавали свою кровь раненым бойцам, сопровождали раненых на Большую землю.

А сколько женщин сражалось на фронте! Многим известны имена замечательной патриотки, пулеметчицы 25-й Чапаевской дивизии, героини Одессы и Севастополя комсомолки Нины Ониловой, снайпера Людмилы Павличенко и разведчицы Марии Байдь, санитарки Галины Марковой, электрика Морского завода комсомолки Фроси Радычкиной, девятнадцатилетней севастопольской комсомолки Оли Химич и многих, многих других.

Сила духа советских женщин особенно ярко проявилась в осажденном городе. Их удивительное мужество я наблюдал ежедневно, ежечасно на протяжении многих месяцев. Но в один из дней как-то по-особому проявилась самоотверженность наших патриоток. Это было на конференции севастопольских женщин.

...Вместительный зал Дома учителя был уже переполнен, а женщины все шли и шли. Принесли еще несколько скамеек, стулья, теснее сдвинули ряды, но мест все равно не хватило и многим пришлось стоять.

В президиуме конференции — руководители областных, городских и районных организаций, представители военного командования, бойцы, знатные женщины города: Мария Тимофеевна Тимченко, Лидия Алексеевна Ракова, учительница Александра Сергеевна Федоринчик, бывшая домохозяйка, а затем передовая работница Евфросинья Ивановна Гуленкова, активистка с Северной стороны Наталья Максимовна Басак, главный врач поликлиники Стефания Яковлевна Троценко, Антонина Алексеевна Сарина, Валентина Емельяновна Лаврентьева, Мария Сергеевна Коновалова... Одна за другой поднимаются они на трибуну, чтобы отчитаться о своей работе для фронта, поделиться опытом.

В раскрытые окна зала заглядывает нежаркое весеннее солнце. Доносится гул артиллерийской стрельбы, разрывы вражеских снарядов. Но никто не обращает на это внимания, привыкли. С огромным интересом слушают хорошо известную в городе и на фронте Марию Тимофеевну Тимченко.

— Почему мы только укрываемся и ничего не делаем для фронта? — с такими словами обратилась она однажды к женщинам своего убежища. А на другой день пошла к секретарю Северного райкома партии Евгении Павловне Гырдымовой,

и та посоветовала ей взять шефство над одним из полков, оборонявших Севастополь.

— А что вы можете делать? — спросили Марию Тимофеевну в полку.

— Можем шить.

В убежище появились ткани для белья и маскировочных халатов. В течение месяца было сшито пять тысяч пар белья и халатов. Мария Тимофеевна снова направилась в полк.

— Больше половины женщин у нас сидят без дела. Мы можем стирать белье.

— Завтра же привезем, — с признательностью приняли фронтовики и это предложение.

Каждый месяц женщины стирали не менее пяти-шести тысяч пар белья. Сушили его обычно по ночам, в кухне с горячей плитой. Уголь привозили из полка, а когда его не стало, собирали в развалинах доски, бревна, подбирали скаты разбитых машин и, сжигая их, кипятили воду.

Старые женщины тоже не хотели быть в стороне. Для них привезли шерсть. Они пряли и вязали бойцам теплые носки, по несколько сот пар в месяц.

Такие же бригады женщин-мастериц, обслуживавших нужды фронта, возникли в Рабочем поселке, на Северной и Корабельной сторонах, на горе Матюшенко, в Инкермане, Балаклаве. Их организаторами были домохозяйки, работницы, служащие: Ракова, Басак, Федоринчик, Анисимова...

После Марии Тимофеевны Тимченко на конференции выступила комендант убежища с проспекта Фрунзе Мария Савельевна Мелконова.

— В январе по соседству с нашим убежищем был организован госпиталь, — рассказывала она. — Я пошла к комиссару Алексеву и предложила ему помощь нашего коллектива. «Можете привести в порядок фронтową одежду бойцов?» — спросил он.

Мария Савельевна прошла в вещевую кладовую и ужаснулась. Да, видывали виды эти гимнастерки! Женщины тотчас же приступили к работе. Продезинфицировали весь ворох, потом разобрали, почистили, починили, выстирали, выгладили. В первый же день триста комплектов были готовы, а за три месяца женщины привели в порядок свыше шестнадцати тысяч вещей. Кроме того, они собрали для госпиталя посуду, книги, дежурили возле раненых, убирали палаты. Больше других старалась жена рабочего Морзавода Таисья Васильевна Ткачева, у которой на фронте был сын.

Она организовала бригаду: двадцать две домохозяйки шили для госпиталя белье.

Выступившие на конференции часто упоминали имя знатной стахановки Евфросиньи Ивановны Гуленковой, той самой, что стала электромонтером на Ново-Шульской водокачке вместо мужа, ушедшего на фронт.

О мужестве этой женщины знали многие. В дни обороны водокачка оказалась у самой линии фронта. Поблизости то и дело рвались снаряды, повреждая линии электропередачи. Несмотря на опасность, Евфросинья Ивановна круглосуточно находилась на своем посту, вместе с другими выходила на ремонт линии. Промышленные предприятия, воинские части, население города бесперебойно снабжались водой.

Когда на фронт ушли еще два моториста, Гуленкова осталась на водокачке одна. В немногие свободные минуты стирала и чинила бойцам белье. В эти дни Евфросинья Ивановна вступила в ряды Коммунистической партии. В своем заявлении она написала: «В дни обороны осажденного любимого нами города Севастополя хочу работать и помогать фронту, будучи коммунисткой». За свой самоотверженный труд Е. И. Гуленкова позже была награждена медалью «За отвагу».

Одна из выступавших упомянула имя почтальона городского телеграфа Капитолины Ивановны Заруцкой, и весь зал зааплодировал. Все повернули улыбающиеся лица в сторону сидевшей где-то в задних рядах худенькой женщины в синем выгоревшем берете. Все знали Капитолину Ивановну, добросердечную, словоохотливую, без усталости шагавшую по городу, невзирая на бомбежки и артобстрел.

— На меня сейчас самолет пикировал, будто я какой-нибудь военный объект, — шутила она, забегая в убежище.

— А вы, Капитолина Ивановна, и есть военный объект, — отвечали ей. — Вон какое большое дело делаете!

Капитолина Ивановна раздавала почту, поправляла сбившийся берет, потирала воспаленные от бессонницы глаза.

— Ну, мне пора.

— Да подождите немного, может, поутихнет, — уговаривали ее.

— Нельзя. Вот сколько еще надо доставить телеграмм, — показывала она. — Ждут-то их как!

В самые тяжелые дни третьего штурма, когда город почти весь был разрушен и горел, Капитолина Ивановна по-прежнему бесстрашно пробиралась к адресатам.

После войны, бывая в Севастополе, я часто встречал Капитолину Ивановну. Она все такая же, как будто годам неподвластна. Мы с ней были очень дружны. По праздникам, где бы я потом ни работал — в Иванове, во Владивостоке или в Москве, всегда получал от Капитолины Ивановны поздравительные открытки. Бережно храню ее фотографию.

Многие жители осажденного города сохранили самые теплые воспоминания об Александре Сергеевне Федоринчик. Активная общественница, она еще до войны была избрана депутатом городского Совета. А когда началась война, Александра Сергеевна с удвоенной энергией бралась за любое дело. Стала зачинательницей движения фронтовых бригад. С готовностью взялась сопровождать раненых на Большую землю. А это было сопряжено с немалыми трудностями и риском.

В 1942 году, когда в Москве готовился Всесоюзный митинг участниц Великой Отечественной войны, нас попросили прислать от Севастополя одну женщину. После долгих споров, выбор пал на Александру Сергеевну. Там, в столице нашей Родины, она выступила с речью:

— Шесть месяцев Севастополь находится в осаде. С гордостью передаю вам его рапорт: наш город живет нормальной, полнокровной жизнью. Советские женщины! Севастополь зовет вас к бою! Женщины всего мира! Севастополь показывает вам пример сопротивления в борьбе...

Рассказ делегатки от Севастополя произвел огромное впечатление. Нашей Александре Сергеевне весь зал аплодировал стоя, приветствуя в ее лице борющийся город-герой.

В июне 1942 года Михаил Иванович Калинин в «Учительской газете» писал:

«Мне рассказывали о том, как пожилая учительница 14-й севастопольской школы Александра Сергеевна Федоринчик, имея за своими плечами тридцать семь лет педагогического стажа, мать четырех сыновей, из которых трое находятся в Красной Армии, ведет кипучую деятельность по обороне Севастополя. Она организовала и возглавила бригаду из учителей, родителей и учащихся, которая помогала медицинскому персоналу на линии огня, собирала теплые вещи, вязала варежки, стирала белье для бойцов. Бригада принимала участие в строительстве блиндажей и укрытий от самолетов. Когда деятельность бригады наладилась, А. С. Федоринчик, не порывая связи с бригадой, стала работать в качестве санитарки на плавучем госпитале, курсируя в заминированных

врагом водах между Севастополем и Большой землей. Хороший агитатор и организатор, она сумела сплотить и мобилизовать на большие патриотические дела многих педагогов, родителей, старшеклассников города Севастополя».

Всем в Севастополе жилось нелегко. Но пожалуй, самые большие трудности выпали на долю жительниц Северной стороны и Бартеньевки. От них до фронта было рукой подать. Как только начались бои под городом, они приняли активное участие в создании нового госпиталя, а часто и сами появлялись на передовой, чтобы вынести раненых.

— Самоотверженные женщины в Севастополе! — эти слова часто приходилось слышать.

Миллионы часов отработали они за семь с лишним месяцев обороны на предприятиях, снабжающих фронт, на строительстве укреплений и дорог, на восстановлении городского хозяйства, в очагах поражений.

Казалось бы, язык цифр сух и скучен, но встречаются цифры, свидетельствующие о героизме.

За время обороны севастопольские женщины починили свыше 200 тысяч и постирали 700 тысяч единиц белья и обмундирования, сшили 50 тысяч и собрали 40 тысяч теплых вещей для армии, послали на фронт около 20 тысяч подарков, дали госпиталям 1200 литров своей крови.

Это то, что может быть выражено в цифрах. Но разве поддается учету душевное тепло, забота, сердечное участие, отданные бойцам севастопольскими «фронтowymi матерями»?!

С гордостью за нашего советского человека можно сказать, что никто не роптал на трудности, никто не пытался укрыться за чужой спиной, каждый честно и добросовестно исполнял свои обязанности перед коллективом и фронтом. И теперь, через тридцать лет, когда мы говорим о высоких нравственных принципах строителя коммунизма, о том, что человек человеку — друг, товарищ и брат, мне вспоминается военный Севастополь и его героические защитники, воплотившие в жизни наш сегодняшний девиз: один за всех и все за одного.

Каждому двору — огородную грядку. — Большевикское слово в цехах и убежищах. — Нужно ли благоустроить фронтовой город? — Решение партийного актива — драться до полной победы. — Испытание огнем. — Подарок фюреру не получился. — «Городской комитет обороны обращается к вам...»

После отражения второго наступления пришло сравнительное затишье. Немцы, видимо, поняли, что штурмом город не взять, и готовились к длительной осаде и даже к обороне. Они минировали подступы к окопам, сооружали противотанковые препятствия, укрывали орудия.

Мы тоже не теряли времени зря. 9 января собрался городской комитет обороны. Обсуждали один вопрос: восстановление предприятий, городского хозяйства и культурных учреждений.

За два штурма Севастополь сильно пострадал. Цехи Морского завода лежали в развалинах, были повреждены доки и стапеля, сильно пострадал железнодорожный узел. Разрушены сотни домов, во многих местах нарушены электросеть, водопровод и телефонная связь. На улицах глубокие воронки и завалы.

Комитет обороны принял решение: «В кратчайший срок восстановить все промышленные предприятия, электросеть, телефонную связь, водопровод, жилые дома, трамвай, бани; привести в порядок пострадавшие от бомбежек и артиллерийского обстрела здания школ, кинотеатров, магазинов, столовых». Решение сопровождалось призывом к населению принять активное участие в восстановлении города.

Живо откликнулись севастопольцы на этот призыв. На расчистке и восстановлении города стали работать тысячи людей. Все, что могло пойти в дело, откладывалось: камни,

доски, листы железа пригодились при ремонте зданий и на строительстве оборонительных рубежей. Одновременно сооружались новые убежища, продолжалась эвакуация населения и промышленного оборудования.

Возникла крайняя необходимость хотя бы частично восстановить Морской завод: многие корабли нуждались в ремонте. Первыми пришли на завод старые кадровики-пенсионеры. Никто из них не хотел оставаться безучастным, когда родной завод пробуждался к жизни. Некоторых рабочих перевели с других предприятий. Но основной костяк и здесь составили женщины. Директор завода Костенко, главный инженер Готтэ и вернувшийся с Большой земли Литвинов, которого избрали секретарем парторганизации, а потом утвердили комиссаром предприятия, быстро наладили ремонт кораблей, выполняли другие заказы фронта.

— Может быть, учредить переходящее Красное знамя для предприятий — победителей соревнования? — предложил Петросян на одном из очередных заседаний городского комитета обороны. Все его поддержали.

Соревнование за лучшее выполнение заказов фронта разгорелось. Работница Морского завода комсомолка Настя Чаус, после того как ей ампутировали левую руку, отказалась эвакуироваться. Работая на штамповочном станке, она давала более двух норм. Комсомолыцы Медведев и Головин из спецкомбината № 1 и с завода «Молот» стали инициаторами движения трехсотников и пятисотников. Некоторые рабочие выполняли плановые задания на семьсот процентов. Не было случая, чтобы кто-нибудь отошел от станка, не справившись с нормой.

Севастопольцы производили инженерное имущество, котелки, железные печи, ремонтировали орудия, танки, автомашины, шили обмундирование и маскировочные халаты, делали зубной порошок, свечи и даже сапожную ваксу. Остро ощущалась нехватка сырья, топлива, электроэнергии, подсобных материалов, инструмента. Бессмысленно было просить эти материалы с Большой земли.

— Надо искать у себя, перевернуть склады флота, — заявила Антонина Алексеевна Сарина, только что приехавшая с Большой земли (как только мужу стало немного легче, она вернулась в Севастополь).

— Больше экономить, искать заменители...

— Надо собрать рационализаторов, пускай подумают, — предложил Петросян.

— А молодежь может заняться сбором цветных металлов, — добавила Сарина.

Только после того, как были выяснены собственные возможности, мы обратились за помощью в обком партии и Военный совет флота. Кстати, на протяжении всей обороны города севастопольская партийная организация действовала под руководством и с помощью Крымского обкома партии. Через обком мы были связаны и с Центральным Комитетом ВКП(б). Нужды промышленности и населения города удовлетворялись быстро, насколько это позволяли условия. Но в дни обороны нередко приходилось всю ответственность за решение тех или иных вопросов брать на себя. Не было времени на согласование, тем более что обком в начале января перебрался в освобожденную Керчь и связь с ним поддерживалась только почтой или радиотелеграфом. Инициативы, самостоятельности горком требовал и от других.

Наиболее ощутимую помощь в восстановлении производства оказали рационализаторы. На спецкомбинате № 1 рабочие упростили конструкцию вертикального подъема восьмидесятидвухмиллиметрового миномета. Это позволило уменьшить количество деталей на десять наименований. На этом же комбинате мастер Пономарчук и заместитель начальника цеха коммунист Пятаков предложили применить шестиперое сверло для обработки стволов миномета. Количество операций сократилось с шести до одной, и высвободилось пять станков. Пятаков усовершенствовал также болторезные станки. Каждый из них вместо двухсот стал давать по тысяче деталей в смену.

Когда из-за отсутствия угля создалась угроза остановки литейных цехов, паровозов, хлебозаводов, рабочие железнодорожного узла Нагорный и Самодей предложили очень удобный способ брикетирования угольной пыли, которая в большом количестве имелаась на электростанции.

Как-то от командования был получен заказ на изготовление семи тысяч небольших авиабомб. Технологию на спецкомбинате могли быстро освоить, но не было материала для запалов — требовался натуральный шелк.

Сарина, Петросян, военные поставили всех на ноги, обращались во многие организации, но все безрезультатно. И вот как-то звонит Лидия Константиновна Боброва, директор спецкомбината № 2:

— Нашли шелк!

— Где же?

— Женщины предложили использовать свои платья, блузки, платки. Говорят: «Сейчас они нам не нужны, а кончится война — новые приобретем».

Задание командования было выполнено в срок.

В другой раз на том же спецкомбинате № 2 не хватило мелких деталей для швейных машин. Выполнение заказов фронта опять оказалось под угрозой срыва. Работницы сами нашли выход: обратились к женщинам, имеющим личные швейные машины. Нужные детали были найдены.

Особенно производительно трудился тогда коллектив Морского завода (хотя его уже можно было называть лишь частью, филиалом завода). Он неизменно завоевывал переходящее Красное знамя городского комитета обороны. На торжественной церемонии вручения знамени присутствовали рабочие и служащие предприятий, представители общественных организаций и воинских частей. Борьба за переходящее знамя не прекращалась до последних дней обороны.

После войны считали, что знамя это пропало. Но при расчистке завалов спецкомбината № 1 в 1951 году обнаружили за трубой сверток, а в нем полуистлевшее переходящее знамя городского комитета обороны. Значит, кто-то в последние дни обороны перед уходом спрятал его. Красное знамя хранится теперь в музее Черноморского флота. В торжественные дни севастопольцы выносят его вместе с другими знаменами.

Временное затишье создало в городе атмосферу известного благодушия. Люди начали перебираться в уцелевшие квартиры, перестали укрываться во время налетов. К концу января 1942 года под землей оставались только общежития спецкомбинатов, коллектора и СевГРЭС да группы старушек, предпочитавших скальные своды беспокойной жизни в наземных жилищах.

«Демобилизующие» настроения проявлялись и по-другому. Один ответственный работник позволил себе оставить пост дежурного на командном пункте МПВО района и отправиться спать домой. Другой товарищ, вопреки решению городского комитета партии, без всяких оснований отказался занять пост директора мыловаренного завода. Были факты и другого порядка. Все это было нетерпимо, тем более что с фронта стали поступать неблагоприятные вести. Стало известно, что противник вновь овладел Феодосией, наши войска отошли в сторону Керчи, за Ак-Монайский перешеек.

Не раз в те дни я вспоминал и напоминал товарищам

слова Ленина о том, что партия сможет выполнить свою роль авангарда масс лишь в том случае, если она будет хорошо организована, если в ней будет господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной¹. Значит, никаких скидок ни себе, ни другим!

На собрании партийного актива состоялся серьезный разговор о нарушителях дисциплины. Один из них получил строгое партийное взыскание и был эвакуирован на Большую землю. Эвакуация из города в порядке наказания расценивалась как величайший позор для любого севастопольца, а тем более для коммуниста.

Суровое напоминание о бдительности и осторожности мы получили 18 января — в день, назначенный для торжественного открытия восстановленного наземного кинотеатра «Ударник». На торжественное открытие было задумано пригласить городской актив, лучших стахановцев, руководителей предприятий и учреждений, наших славных «убежищных хозяек», представителей воинских частей. Однако накануне открытия мы призадумались: не рискованно ли собирать сразу столько людей, да еще лучших людей города? Вдруг шальной снаряд? Посоветовались и решили с открытием повременить.

18 января мы с Ефремовым были в штабе Приморской армии. Собравшись в обратный путь, услышали сигнал воздушной тревоги. Вслед за этим несколько немецких бомбардировщиков сбросили бомбы над центром города.

— Вот поди ж ты! — заметил Василий Петрович, взглянув на часы. — Какое совпадение. Как раз сейчас должно было состояться открытие...

Читатель может представить себе наше душевное состояние, когда после бомбежки, проезжая по улице Карла Маркса, мы увидели, что здание кинотеатра лежит в развалинах. Над грудami битого кирпича еще висела пыль... Вряд ли это было случайностью. Здесь немцы хорошо постарались. Обычно их бомбометание не отличалось особой прицельностью.

Осторожность спасла жизни лучших людей города и гостей-фронтовиков. Но как близки мы были к совершению непростительной ошибки! Над этим следовало крепко задуматься.

Затишье было, конечно, относительным. То на одном, то на другом участке фронта гитлеровцы пытались переходить

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 209.

в наступление. Время от времени совершала налеты авиация противника, город подвергался артобстрелу. В день 24-й годовщины Красной Армии и Военно-Морского Флота на город были сброшены тысячи зажигательных бомб. В дни «затишья» погибли от вражеской бомбы командующий ВВС Черноморского флота и оборонительного района, герой боев в Испании Николай Алексеевич Остряков и генерал-майор Федор Григорьевич Коробков, была смертельно ранена героиня-пулеметчица Нина Онилова. В те же дни пожертвовал жизнью ради спасения кораблей и своих товарищей краснофлотец Иван Голубец. Вот как это было.

...Противник обстреливал место стоянки наших сторожевых катеров. Снаряд разорвался на палубе одного из них, вызвав пожар. Едва экипаж справился с ним, как в катер угодил второй снаряд. Взрывной волной команда была сброшена за борт. Пламя уже охватило корму, где хранились запасы глубинных бомб. Это угрожало гибелью всем кораблям, находившимся в бухте. С соседнего катера перебрался сюда краснофлотец Иван Голубец и стал сбрасывать бомбы в воду. Их оставалось уже совсем немного, когда на катере раздался взрыв. Но он уже не мог причинить вреда остальным кораблям.

Той же зимой погибло большинство партизан нашего Севастопольского отряда. Патриоты все время действовали в прифронтовой полосе. Они нападали на небольшие гарнизоны противника, минировали дороги, ведущие к Севастополю, карали предателей, разведывали расположение частей врага. Данные разведки партизаны передавали в штаб оборонительного района.

Отрезанные от своих баз, партизаны испытывали большие затруднения с продовольствием. Попытки захватить продовольствие оканчивались безрезультатно, так как кругом располагались крупные гарнизоны противника. Ни к чему не привели и попытки связаться с главным командованием партизанскими отрядами Крыма. Когда в отряде начался голод, решено было пробиться к продовольственным базам, находившимся в расположении врага. После этой операции лишь немногие уцелели.

Тяжело складывалось положение с продовольствием и в самом Севастополе. Перед прорывом вражеских войск в Крым и даже в самый опасный момент прорыва железнодорожники успели доставить в Севастополь несколько эшелонов с зерном и другими продуктами. Часть хлеба мы полу-

чали с Большой земли. Но постепенно запасы зерна начали иссякать.

22 марта городской комитет обороны решил пересмотреть нормы выдачи хлеба и других продуктов питания, немедленно приступить к созданию собственной продовольственной базы, ускорить эвакуацию женщин, детей, стариков и больных. Создать продовольственную базу — это значило развернуть общественное и индивидуальное огородничество, наладить работу уцелевшего в окрестностях города совхоза, увеличить лов рыбы.

Хлеб решили выдавать по следующей норме: рабочим — 600 граммов, служащим — 400 граммов, детям — 300 граммов в день. Конечно, нормы не такие уж низкие. Но хлеб был почти единственным продуктом, который выдавался населению регулярно. Молоко, поступавшее из небольшого пригородного хозяйства, отпускалось только для грудных детей, для госпиталей и больниц. И все же севастопольцы понимали, что наши продовольственные затруднения не шли ни в какое сравнение с теми невероятными лишениями, какие пришлось на долю ленинградцев.

Какие же реальные меры можно было предпринять в наших условиях? Решили бросить лозунг: «Каждому двору — огородную гряду!» И приступили к делу.

Вскоре во всех двориках, на окраинах, пустырях, в балочках, на полях, окружавших Севастополь, появились огородники. Со звоном ударялись лопаты, кирки, скребки о каменистый грунт, а порой и об осколки снарядов и бомб, которыми была густо усеяна севастопольская почва. На участках вблизи линии фронта работали по ночам. Женщины превратили балконы и окна в подобие теплиц, высаживали лук, редиску, морковь.

Трудящиеся Грузии и Краснодарского края прислали севастопольцам ценнейший подарок — первосортные семена овощей.

Дружно взялись севастопольцы за посадку картофеля и овощей. Восстанавливалась крупная овощная база в Инкермане, принадлежавшая совхозу № 1. Райисполком подобрал людей, раздобыл тягло, оборудование, машины. В течение марта — апреля рабочие и служащие базы освоили значительную площадь под картофель, овощи и бахчевые культуры, заложили почти тысячу парниковых рам, а также следили за уцелевшими посевами озимых культур — ячменя, пшеницы, люцерны.

Еще задолго до начала посевной рабочие филиала винодельческого комбината «Массандра» занялись выращиванием рассады. Располагая весьма скудными возможностями, они тем не менее вырастили крепкие саженцы помидоров, баклажанов и других овощей, оказав неоценимую услугу севастопольским огородникам. Много свежих овощей было отправлено бойцам на передовые позиции.

В пору, когда город закладывал собственную продовольственную базу, мы часто наведывались на Северную сторону, в Рыбацкий поселок, изрядно пострадавший от бомбежки и обстрела, но все еще сохранивший следы былой обжитости и опрятности. Беседовали с рыбаками, советовались, как увеличить лов рыбы. От их смелости и сноровки многое зависело. И рыбаки не подвели. Они буквально завалили базар излюбленным кушаньем севастопольцев — ракушками-мидиями.

Хорошо запомнилось мне 14 апреля 1942 года. Направился в поликлинику на процедуру (замучил радикулит). Теплый весенний день. Ярко светит солнце, пахнет морем, а на фронте и в воздухе спокойно, как будто и войны нет. По дороге беседую со встречными, радуюсь теплу, затишью... Вот и красивое здание Сеченовского института. Напротив, в садике, отдыхают больные. И вдруг — стрельба, гул моторов, люди разбегаются... По соседству щелей не было, и я встал в подъезде ближайшего здания. Рядом раздалось несколько взрывов, рвануло дверь, посыпались стекла...

Тут неожиданная встреча. Подбегает Леонид Соболев, писатель. Тревога застала его тоже вблизи института. Леонид Соболев, Сергей Алымов, Александр Хамадан и другие писатели, поэты, артисты часто приезжали в осажденный Севастополь, знакомились с жизнью бойцов и жителей города, выступали на фронте, на предприятиях, в агитпунктах и убежищах. Их рассказы, стихи, песни печатались в центральной и нашей местной печати. Леонид Соболев и Сергей Алымов были частыми гостями на КП флота, Приморской армии. Их тепло встречали севастопольцы.

К сожалению, времени для беседы не было. Полуразрушенное здание института дымилось. С ближайшего телефона я позвонил в штаб МПВО и распорядился немедленно оказать помощь пострадавшим. Возле института слышу крик:

— Товарищ Борисов!

Женщина в рваном белом халате. Лицо и волосы в копоти, в крови. Узнаю Стефанию Яковлевну Троценко, глав-

ного врача поликлиники. До войны она работала в Институте физических методов лечения имени Сеченова, где сейчас помещалась поликлиника. Когда институт эвакуировали, Стефания Яковлевна, как член горкома партии, была оставлена в Севастополе и являлась уполномоченной института, а по совместительству и начальником медико-санитарной службы Северного района. Коммунисты поликлиники избрали С. Я. Троценко секретарем парторганизации.

Стефания Яковлевна рассказывает:

— Работа шла своим чередом. Вдруг загремели зенитки. Я распорядилась всем спуститься в убежище... Раздался невероятный грохот, меня отбросило к стене. Слышу крики. Поднимаюсь, и первое, что вижу, — прислонился к стене механик поликлиники Шинкаренко, с которым только что разговаривала... Лицо в крови, выбит глаз... Никак не найдем санитарку Иванкову, ее сынишку Шурика и еще двух человек... Погибло десять сотрудников, несколько человек ранено... Если бы вы пришли на две-три минуты раньше, и для вас все могло кончиться иначе...

Такое происходило почти ежедневно на наших глазах. А с территории Крыма, оккупированной захватчиками, поступали сообщения о чудовищных зверствах, совершаемых врагом над советскими людьми:

«В Симферополе за время своего хозяйничанья немецкие палачи расстреляли тридцать тысяч советских граждан...», «В Евпатории немцы расстреляли четыре тысячи стариков, детей и женщин...», «В деревне Чаир гитлеровцы зверски расправляются с мирным населением, не щадят ни женщин, ни стариков, ни детей, ни больных...»

Тысячи советских граждан были уничтожены фашистами в Керчи. Перед советскими воинами, освободившими Керчь, предстала зловещая картина изуверского истребления граждан нашей Родины.

Злодеяния гитлеровцев вызывали всенародную ненависть к ним. Новые тысячи патриотов поднимались на борьбу с захватчиками, усиливали свои действия народные мстители — партизаны.

Огромное значение в условиях Севастополя тех дней приобретала политическая работа в массах, хорошо налаженная информация. Партийные организации стремились к тому, чтобы агитация была конкретной, чтобы внимание людей сосредоточивалось прежде всего на задачах обороны Севастополя. Основными лозунгами были: «Не допустим врага в

родной город!», «Город стал фронтом, каждый трудящийся — бойцом!», «Все для фронта! Все для победы над врагом!», «Не уходи из цеха, пока не выполнишь задания!».

Центром политической работы являлся агитпункт горкома партии, находившийся на улице Карла Маркса в небольшом одноэтажном доме. Его легко было отыскать: на длинном красном полотнище, протянутом по фасаду, белела крупная надпись: «Агитпункт». По обе стороны входа — «окна» ТАСС, лозунги, плакаты, огромная карта театра военных действий, у которой постоянно толпился народ. Здесь всегда можно было почитать свежие газеты и журналы. Кстати, центральные газеты — «Правду», «Известия», «Красную звезду», «Красный флот», «Комсомольскую правду», приходившие в Севастополь окружным путем, мы во все дни обороны получали регулярно, с опозданием не более чем на пять — десять дней. Получали и письма, причем не только от родных и близких, но и от совершенно незнакомых людей, выражавших свои патриотические чувства.

В агитпункте, которым заведовал Павел Яковлевич Сарин, проходили встречи трудящихся города с бойцами — защитниками Севастополя. Здесь выступали писатели, поэты, артисты, лекторы.

Организация политической работы лежала на плечах заведующих отделами пропаганды и агитации горкома и райкомов партии — Михаила Ивановича Петровского, Анны Петровны Подойницыной, Николая Степановича Кичатого. Большую помощь оказывала группа работников обкома — секретарь обкома Федор Дмитриевич Меньшиков, товарищи Кувшинников, Спиртус, Соболев. Они все время находились в частях, на предприятиях, в убежищах. Замечательным пропагандистом был Федор Дмитриевич Меньшиков. Многим севастопольцам запомнились его страстные речи, душевные беседы.

Важно было своевременно информировать население обо всех событиях. Этим не только удовлетворялся естественный интерес трудящихся к военным событиям и всей общественной жизни, но и повышалась их политическая сознательность, предупреждались всевозможные слухи. Информация всегда была откровенной, правдивой. Как бы порой ни была горька правда, мы никогда не скрывали ее. Поэтому по первому зову партийной организации население города поднималось на преодоление любых трудностей.

Когда началось третье наступление и город представлял собой сплошное пожарище, телефонная связь то и дело нарушалась, городские и районные работники не имели возможности ежедневно бывать на предприятиях и учреждениях. Городской комитет обороны направлял туда письма, в которых информировал об обстановке, ставил очередные задачи. Руководители предприятий, учреждений и партийных организаций в свою очередь письменно информировали нас, сообщали о неотложных нуждах. Стиль работы в дни обороны повсюду отличался большой оперативностью, резким сокращением заседаний, совещаний и бумаг, малым числом исполнителей. На всех партийных собраниях, по сути дела, стоял один и тот же вопрос: помощь фронту. Решения собраний звучали как боевой приказ. Никто из руководящих работников не чурался физического труда и, когда нужно, брал в руки кирку, лом, лопату.

Бюро горкома строго придерживалось плана и установленного распорядка работы, отступая от него лишь в виду непосредственной опасности. Как и раньше, я непрерывно вел рабочие записи в блокноте, и они вносили известную организованность в многообразие дел. Севастопольские тетрадки хранятся у меня тридцать лет, я листаю их, внимательно перечитываю записи, сделанные наспех, и в памяти встают картины пережитого, образы товарищей по работе, коммунистов. Многие из них вступили в ряды партии в самые тяжелые дни обороны. Хотя бы стахановка комсомолка Паша Поезд, первый «пятисотник» — токарь Головин... Высок был престиж члена партии в глазах севастопольцев. Лишь утвердив себя ратными и трудовыми подвигами, справедливо полагали они, человек вправе вступать в ряды партии Ленина.

С каждым транспортом, прибывшим в город, мы отправляли в обратный рейс женщин с детьми. И все же в городе оставалось еще много ребят. В надежных убежищах для них были открыты школы, детские сады, молочные кухни.

Действовало восемь подземных школ — две средние и шесть начальных. Большинство учащихся получало горячие завтраки. Во всех школах имелись комнаты для приготовления домашних заданий.

Первой открылась школа № 13. Она размещалась в хорошо оборудованном бомбоубежище на улице Ленина. Убежище имело два выхода: один для учащихся и учителей, другой для граждан, укрывавшихся во время тревог. У входа в убежище постоянно дежурил один из преподавателей или

член родительского комитета. Дежурный обязан был следить за «воздухом», во время тревоги переводить детей в самые надежные отсеки. По окончании занятий ребята тут же готовили уроки, мастерили подарки для фронтовиков, девочки вязали теплые вещи.

Труднее было подобрать учителей и необходимое имущество для школы, организованной в обширных подземных владениях спецкомбината № 2 в Инкермане. Заботы об этой школе взял на себя бывший директор одной из симферопольских школ Кузьма Иванович Ленько, работавший в то время секретарем партийной организации спецкомбината. Ленько разыскал учителей, раздобыл машины и по ночам завозил в штольни парты, столы, доски, стулья. Используя фанерные щиты, занавески и одеяла, он ухитрился «построить» пять вместительных классов. В каждом училось примерно сорок ребят. Школа имела филиал в штольнях СевГРЭС.

Секретарем комсомольской организации инкерманской школы и правой рукой Ленько была молодая учительница русского языка Надежда Никифоровна Березовская, человек редкой души, прекрасный педагог и организатор молодежи. Под ее руководством комсомольская организация школы многое сделала для фронта. По окончании занятий мальчики собирали гильзы от патронов, металллом, а девочки ухаживали за ранеными в подземном госпитале. Недолго суждено было Надежде Березовской возглавлять школьную комсомольскую организацию — во время одной из бомбежек она погибла.

Для ребят, потерявших родителей, был создан интернат и детский приемник. Постепенно их переправили на Большую землю.

Бюро горкома партии не раз обсуждало вопросы работы с детьми. Заведующая городским отделом народного образования Наталья Николаевна Донец предложила продлить учебный год на один месяц, чтобы школьники смогли лучше усвоить программу. Главный врач и секретарь парторганизации поликлиники Стефания Яковлевна Троценко просила помощи в проведении противоэпидемических прививок детям. Секретарь горкома комсомола Саша Багрий советовался насчет организации досуга школьников во время каникул.

Многое было задумано для улучшения и учебы детей, но далеко не все удалось осуществить. В июне начался третий штурм Севастополя. Вместо того чтобы продлить учебный год, пришлось срочно закрывать школы. Сама собой отпала

забота о досуге школьников. В дни, когда должны были начаться каникулы, Севастополь уже представлял собой море огня.

Мы понимали, что люди, находясь в труднейших фронтовых условиях, должны получать какую-то разрядку, отдыхать. Поэтому поощряли по возможности выступления художественной самодеятельности. На предприятиях, в госпиталях, в подземных школах, на передовой концерты неизменно пользовались большим успехом. В дни обороны в Севастополе побывали артисты Московской филармонии и ансамбль песни и пляски Черноморского флота.

Регулярно выходили газеты «Красный Крым», а затем «Маяк коммуны», «Красный черноморец», «За Родину», многотиражки, велись радиопередачи. В подземном кинотеатре ежедневно по пять-шесть сеансов демонстрировались фильмы «Александр Невский», «Человек с ружьем», «Музыкальная история», «Депутат Балтики», «Чапаев», последние выпуски кинохроники, доставляемые на самолетах и транспортных.

Через три месяца после принятия постановления о восстановлении и благоустройстве города Севастополь трудно было узнать. Торговали магазины, ходил трамвай, работали бани, аптеки, парикмахерские, фотографии и даже чистильщики сапог.

«Восстановление заводов, дорог, возделывание огородов — это понятно, — говорили некоторые. — Но зачем расходовать силы на благоустройство? Трамвай-то ходит лишь на отрезках два-три квартала. И охотников ездить на нем немного. В промтоварных магазинах продаются соломенные шляпы, галстуки, пуговицы. На бульварах никто не отдыхает: фронт-то рядом».

В этих рассуждениях, конечно, была доля правды. Но большинство городских активистов придерживалось того мнения, что вид чистого и благоустроенного города, живущего нормальной жизнью, благотворно влияет на настроение фронтовиков и населения. Когда бойцы приезжают в Севастополь и видят позванивающий трамвай, цветы на Приморском бульваре, свежеокрашенные скамейки, настроение поднимается. «Город-то восстанавливается. Нельзя его отдавать фрицам».

В марте возвратились некоторые руководящие работники, еще в декабре эвакуировавшиеся на Большую землю. Оставили они город полуразрушенным, опустевшим. А сейчас то и дело мы слышали их восторженные восклицания: «Такого мы не видели и в глубоком тылу!»

День ото дня крепла дружба гражданского населения с фронтовиками. Фронт и город постоянно обменивались делегациями, фронтовикам отправлялись подарки, устраивались совместные вечера отдыха. Партийная организация Севастополя и политорганы армии и флота действовали тут согласованно. Еще в ноябре бюро горкома приняло решение: «Практиковать более частые выезды на фронт делегаций, руководителей городских и районных организаций, представителей предприятий и учреждений. Организовывать выступления на предприятиях бойцов, командиров и политработников, выступления в печати работников города и представителей воинских частей». Мы работали в тесном контакте с политическим управлением флота и политотделом Приморской армии, с дивизионным комиссаром Бондаренко, бригадным комиссаром Бочаровым, комиссарами и начальниками политотделов соединений Степаненко, Солонцевым, Ратниковым, Мельниковым, Пичугиным, Хацкевичем, Вершининым, Ехлаковым, Ищенко, Слесаревым, Сунгурьяном.

«Нас часто посещали представители севастопольских предприятий, — рассказывает в своих воспоминаниях «Мы отстаивали Севастополь» бывший командир 7-й бригады морской пехоты Евгений Иванович Жидилов. — Эти встречи — праздник для матросов, о них мы вспоминаем с волнением и благодарностью».

Нередко приходилось выезжать на фронт и работникам горкома. В марте и апреле вместе с товарищами я побывал на 30-й батарее береговой обороны, которой командовал капитан Александер, в артиллерийском полку Богданова, в бригадах морской пехоты Горпищенко, Жидилова и Потапова, на боевых кораблях. Особенно запомнилась встреча с бойцами 79-й бригады морской пехоты, которой командовал полковник Алексей Степанович Потапов.

Выехали мы с В. П. Ефремовым, когда уже стемнело. Развилку дороги на Симферополь и Ялту, непрерывно обстреливаемую, проскочили благополучно. Быстро проехали Инкерман, поднялись в гору. На фронте было сравнительно тихо. Лишь изредка доносились пулеметные и автоматные очереди, взлетали ракеты.

Вот и домик у шоссе, где расположилось командование бригады. Полковник А. С. Потапов и комиссар бригады И. А. Слесарев тепло встретили нас, поднесли по рюмочке, рассказали о положении на участке, занимаемом бригадой.

Затем в сопровождении автоматчиков двинулись на передний край.

— В сторону не оступитесь, — предупреждает Потапов. — Идем в проходах минных полей.

В воздухе послышался гул моторов, зашарили по небу прожекторы, забили вражеские зенитки.

— Наши пошли на бомбежку.

И опять тихо.

— Заглянем в блиндаж.

Краснофлотцы отдыхали, были рады гостям. Посыпались вопросы: «А верно, что Севастополь восстанавливается?», «Говорят трамвай ходит?», «Сколько хлеба выдаете на человека?», «Что производят подземные комбинаты?», «Кино показывают?...» Мы едва успевали отвечать.

Затем ходами сообщения, полусогнувшись, подошли к передовой.

— Противник в ста метрах, — тихо заметил полковник.

Ночь была темной — ни луны, ни звезд. Беседовали с бойцами шепотом. Только собрались в обратный путь, как по соседству началась стрельба. Сначала автоматная, потом подключились пулеметы, забухали орудия. Огонь велся с обеих сторон. В небо взвились ракеты. Командир роты доложил, что перестрелка началась на соседнем участке. Обнаружены немецкие разведчики. Вскоре стрельба прекратилась.

Прослушав по радио последние известия, мы двинулись в обратный путь. Помню, много тогда передавали о героическом Ленинграде. С жадностью ловили мы в те дни каждое слово о городе Ленина. В мужестве ленинградцев севастопольцы черпали новые силы для борьбы с врагом. Ленинградцам приходилось еще труднее, чем нам. Севастополь не знал ни голода, ни морозной стужи. Тем большее восхищение вызывали стойкость и поистине героический труд ленинградцев. Остро ощущалась общность в судьбе двух городов, их ответственность друг перед другом и перед Родиной. Я вдвойне переживал оборону Ленинграда, — среди защитников города был мой младший брат Виктор.

30 апреля исполнилось полгода героической обороны Севастополя. В этот день город получил сотни телеграмм и писем со словами любви и приветия. С большим волнением слушали мы по радио передовую статью газеты «Известия», в которой говорилось:

«Вся страна с любовью и вниманием следит за героическими защитниками Севастополя. Советский народ твердо

знает, уверен в том, что славные моряки-черноморцы, бойцы, командиры и политработники частей Красной Армии, жители города Севастополя и в дальнейшем будут крепко держать оружие в руках, так же мужественно сражаться с немецко-фашистскими захватчиками».

Наступил май. Мы с нетерпением ждали, когда наши войска начнут новое наступление на Керченском полуострове. Войска, оборонявшие Севастополь и Черноморский флот, готовились оказать помощь наступающим. Город изо дня в день увеличивал производство вооружения, готовил кадры для районов Крыма, благоустраивался. Надеялись, что не за горами то время, когда прекратится осада. Но впереди были новые грозные испытания.

В начале мая обстановка на Керченском полуострове внезапно осложнилась. 8 мая заместитель начальника политуправления флота бригадный комиссар Иван Васильевич Маслов сообщил мне, что немецко-фашистские войска перешли там в наступление и прорвали линию нашей обороны. «Нужно быть готовыми к худшему», — предупредил он.

Посоветовавшись с командованием, я собрал актив и кратко информировал товарищей о положении под Керчью.

Ни словом, ни жестом никто не выразил растерянности. Война есть война, и тут возможны всякие неожиданности. Сейчас мы как бы вновь вступали в войну. Правда, все долгие шесть месяцев севастопольцы днем и ночью ощущали близость фронта. Но ведь и для солдата на переднем крае война начинается сызнова с каждым боем.

Вспомнив о той далекой первой ночи войны, я удивительно остро ощутил происшедшую со всеми нами перемену. Тогда думалось: как покажет себя каждый из нас на этом крутом переломе? Жизнь дала ответ. Те немногие, кто не выдержал суровой проверки, были далеко от Севастополя. Остальные же, закаленные, возмужавшие, находились сейчас рядом, на переднем крае. И какие бы испытания ни выпали в будущем, мы твердо знали, что каждый пройдет свой путь до конца как верный сын партии Ленина и своей Советской Родины.

Саша Багрий спросил просто и деловито:

— Что от нас требуется?

— Пока только одно: направить несколько сот человек на строительство дорог и укреплений. Этим займутся председатели райисполкомов. Остальным пока продолжать свою работу. Но в центре внимания должно быть не восстановление

ние города, а усиленная подготовка к отражению нового штурма.

Чтобы тщательнее подготовиться к встрече врага, решено было провести собрание городского партийного актива.

Секретарь обкома партии Ф. Д. Меньшиков также считал, что собрание партактива должно явиться первым шагом в мобилизации партийных сил города и населения к отражению нового штурма. А что третий штурм неизбежен — в этом уже не было ни малейшего сомнения. Немцы заняли Турецкий вал, близ самой Керчи, сильно бомбили город и переправу. Положение наших войск на Керченском полуострове становилось исключительно тяжелым. Ясно было: как только немцы смогут перебросить войска и технику из-под Керчи, они начнут наступление на Севастополь. Требовалось заново мобилизовать на отпор врагу не только войска, но и все население города.

Собрание состоялось 12 мая. Это была последняя встреча партийного актива в блокированном Севастополе.

Солнечный, тихий майский день. По небу плывут курчавые облака, пахнет морем, нагретым камнем. В лотках продают свежую зелень. Севастопольцы отправили защитникам города первые тонны редиски, лука, моркови...

До чего же не соответствовала эта мирная картина тому, о чем предстояло сейчас говорить!

После моего доклада первым выступил секретарь Корабельного райкома партии Матвей Иванович Воронин. Он говорил о напряженной жизни предприятий Корабельной стороны, о готовности жителей свято хранить и продолжать традиции своих славных предков. Поделился мыслями о том, как лучше помогать фронту, как уплотнить рабочий день, больше производить вооружения и боеприпасов.

Саша Багрий взволнованно говорил о героических делах молодых севастопольцев. Вначале читал, а потом свернул записи и начал называть имена молодых героев обороны, рассказывать об их повседневном трудовом и ратном подвиге, о том, как комсомольцы и пионеры помогают фронту. Слушая его, я невольно подумал: Багрий быстро возмужал, стал зрелым политическим руководителем молодежи. Да, война — суровая и жестокая школа.

С волнением слушали собравшиеся главного врача поликлиники Стефанию Яковлевну Троценко. Самоотверженный труд медицинских работников, о котором она рассказывала, ощущал на себе каждый участник обороны.

С большой прочувствованной речью выступил секретарь обкома партии Федор Дмитриевич Меньшиков. Он сказал, что партийная организация города сделала в дни осады очень многое. Но впереди суровые испытания. Ответственность каждого большевика повысилась неизмеримо. В рядах защитников города они должны являть собой пример самоотверженности, готовности к подвигу.

Один за другим выходили на трибуну участники собрания. Каждый хотел внести свою лепту в общую борьбу с врагом. У каждого за плечами уже был большой опыт работы в условиях первого и второго штурмов.

Филипп Сергеевич Октябрьский, рассказав активу о положении на фронтах Великой Отечественной войны, о положении под Керчью и Севастополем, поставил ряд конкретных задач:

— Надо объявить аврал по созданию новых оборонительных сооружений вокруг города, залезть глубоко в землю, не допустить врага в Севастополь. Если противник выбросит воздушный десант, нужно, чтобы все население приняло участие в его уничтожении.

Вице-адмирал призвал партактив работать еще самоотверженнее и упорнее, готовиться к решающим боям с фашистскими захватчиками, чтобы никакие неожиданности не застали нас врасплох.

Собрание партийного актива обратилось ко всем коммунистам, комсомольцам, ко всем трудящимся города с призывом быть готовыми в любую минуту с оружием в руках стать на защиту родного города. «Мы знаем, что впереди еще немало трудностей и жестоких боев. Мы готовы выдержать с честью, как подобает коммунистам, любые испытания».

На следующий день я пришел к коммунистам-железнодорожникам. Они собрались в помещении подземной школы, находившейся в глубокой штольне.

Коммунистов на узле осталось мало. Одни ушли на фронт, другие партизанили. Немало железнодорожников погибло на своем боевом посту. Работа их была полна постоянного риска: под огнем противника водили поезда, ремонтировали пути. Несмотря на трудности и опасности, железнодорожники поддерживали свое хозяйство в образцовом порядке. Вот и сейчас, после двух штурмов, линия находилась в полной исправности, паровозы и вагоны были отремонтированы. В мастерских депо наладили производство деталей для мин, гранат, минометов, ремонтировались орудия. Железнодорож-

ники соорудили поезд-баню. Наконец, они водили в опасные и дерзкие рейсы бронепоезд «Железняков». За этим бронепоездом числилось немало славных боевых операций. Его экипаж, состоявший из отважных краснофлотцев и командиров, уничтожил много техники и живой силы противника.

И вот сейчас, теснясь за детскими партами, сидели машинисты, кочегары, путейцы. Они отчетливо представляли себе, какие суровые дни наступают для Севастополя, какая опаснейшая работа им предстоит. В городском комитете обороны начальник отделения И. Д. Киселев уже докладывал о тех мерах, которые были намечены для сохранения оборудования узла, охраны путей, депо, укрытия людей и организации труда в условиях штурма. На собрании коммунисты во многом дополнили этот план.

Если не изменяет память, то Федя Степанов, знакомый мне по работе на железнодорожном узле в Симферополе, предложил создать резервные оперативные группы ремонтников. Их надо расположить вдоль линии, чтобы быстро исправлять повреждения пути. Предложение Степанова в дальнейшем блестяще себя оправдало. Каждый отрезок пути находился под постоянным контролем, и ремонтникам не приходилось тратить время на передвижение.

После собрания все коммунисты, как один, изъявили желание вступить в боевую дружину.

С боевым настроением вернулись все работники горкома, выступавшие с докладами в партийных организациях города. Коммунисты на местах высказали много полезных советов и предложений, которые были осуществлены накануне третьего штурма.

14 мая заседал Военный совет Черноморского флота. На нем присутствовали и мы с Ефремовым. Совет принял важные решения, направленные на укрепление обороноспособности Севастополя. На другой день городской комитет обороны, обсудив в деталях все основные вопросы подготовки к предстоящему наступлению немцев, принял специальное постановление. В нем, в частности, говорилось:

«1. 17 мая 1942 года закончить комплектование и вооружение боевых дружин на всех основных предприятиях Севастополя. Считать весь личный состав дружин мобилизованным.

16 мая 1942 года подобрать командный и политический состав дружин. 50% личного состава дружин перевести на

казарменное положение. Ввести в дружинах военную дисциплину со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Всю работу по организации дружин возложить на тт. Бузина, Сарину, Воронина, Лопачука и Кролевецкого.

В оперативном отношении дружины подчинить командирам секторов.

Помимо своего основного назначения — борьбы с авиадесантными группами противника — привлекать дружины к охране предприятий.

2. Поручить тт. Кулибабе и Малому совместно с секретарями райкомов ВКП(б) и секретарем горкома ВЛКСМ т. Багрием укомплектовать боевые взводы при штабах МПВО города и районов.

Срок окончания данной работы — 16 мая 1942 года.

3. Немедленно усилить работу по рытью новых штолен для предприятий, учреждений, командных пунктов и населения города.

Руководство данной работой возложить персонально на члена городского комитета обороны т. Ефремова...»

В постановлении говорилось о привлечении всего трудоспособного населения к строительству новых укреплений, о привлечении для работы на предприятиях женщин, о том, чтобы отправить в тыл оборудование и различные ценности, которые не могут быть использованы для нужд обороны.

И далес:

«16 мая 1942 года на партийных собраниях, 17—18 мая на собраниях трудящихся города разъяснить обстановку и призвать все население к усилению дисциплины, бдительности, к улучшению всей работы в городе, к тому, чтобы давать больше продукции для фронта, лучше обслуживать нужды фронта, усилить военную учебу, подготовиться к решительной борьбе с врагом, драться до полной победы».

На собрания парторганизаций пошли все руководящие работники города. Одна мысль пронизывала все выступления: понимая сложность момента, надо быть предельно собранными, с полной самоотдачей работать на победу.

— Нужно ускорить ремонт кораблей, — говорил на собрании парторганизации Морского завода комиссар Литвинов, — усилить охрану завода, смотреть в оба.

— Быть готовыми встретить врага во всеоружии, напрячь волю, держаться смело при встрече с врагом, — призвала коллектив медицинских работников член горкома Троценко.

— На город, возможно, сбросят воздушный десант. Глав-

ное — не растеряться, — сказал на собрании парторганизации Крымэнерго коммунист Загоревский.

— Надо создать дружины из женщин, умеющих владеть оружием. Я первая запишусь бойцом и буду истреблять фашистов, — заявила на партсобрании в Госбанке коммунистка Торун.

Коммунисты Горторга обсудили, как лучше сохранить отпускаемые населению продукты. Работники связи решили развернуть борьбу за строжайшую экономию материалов, инструмента, электроэнергии, в совершенстве овладеть винтовкой и гранатой, усилить охрану объектов...

На всех предприятиях в эти дни заметно увеличился выпуск оборонной продукции.

17 мая мы с горечью узнали, что весь Керченский полуостров находится снова в руках врага. Численность немецко-фашистских войск под Севастополем в то время превышала двести тысяч человек, у них имелось более двух тысяч орудий и минометов, пятьсот боевых самолетов. Это вдвое превышало численность наших войск. Танков же, самолетов и тяжелой артиллерии у противника было во много раз больше.

К тому же в распоряжении противника находились крымские аэродромы. Снабжение вражеских войск шло по суше, и все коммуникации были малодоступны для нашей авиации.

Тяжелые испытания предстояло перенести севастопольцам. Не рассчитывая на подкрепление, надо было во что бы то ни стало удержать город.

В те дни обстановка требовала полной централизации руководства. Поэтому, почти все решения, касающиеся жизни города, принимались городским комитетом обороны.

Эти решения имели силу приказов. Вот, например, постановление городского комитета обороны, принятое 18 мая.

«1. Тт. Ефремову, Кулибабе, Малому, начальникам и комиссарам МПВО районов в суточный срок подобрать запасные КП города и районов, разработать систему обороны их, немедленно усилить охрану.

2. Тт. Малому и Кулибабе к 20 мая 1942 года установить дополнительную непосредственную связь между КП города, КП флота и КП районов.

3. Тт. Петросяну, Абанину и Гурскому немедленно разработать план снабжения электроэнергией всех основных объектов города на случай выхода из строя той или иной электростанции. О плане доложить 20 мая городскому комитету обороны.

4. Тт. Жарковскому, Сидоренко, Федориади, Бондаренко и Мееру рассредоточить по городу все запасы продовольствия. Установить тщательную охрану. Продумать систему снабжения населения, если выйдут из строя хлебозавод и пекарни.

19 мая 1942 года доложить городскому комитету обороны об исполнении.

5. Тов. Ефремову разработать план обеспечения водой предприятий, воинских частей и населения города на тот случай, если будут повреждены Новошувльская и Инкерманская водоканалы.

В трехдневный срок установить наличие в городе колодцев пресной воды, очистить их, определить другие источники снабжения водой...

6. Тт. Ефремову и Бузину оказать помощь коменданту гарнизона т. Старушкину в оборудовании огневых точек по городу. Широко привлечь к строительству население.

7. Тов. Петросяну немедленно организовать на предприятиях города изготовление противотанковых «ежей». Считать эту работу сверхударной. Работать на их изготовлении круглосуточно...»

Комитет обороны Севастополя, сосредоточив в своих руках гражданскую власть, подчинил работу всех организаций, предприятий, учреждений, всех коммунистов, комсомольцев, всех севастопольцев интересам обороны города. Он оказывал повседневную помощь командованию оборонительного района в организации борьбы с врагом, поддерживал строжайший порядок в осажденном городе.

Коммунисты Севастополя, преодолевая неимоверные трудности, сделали все, что было в их силах, для мобилизации населения. Доблестные защитники города-героя, рабочие и служащие, все жители, трудившиеся в крайне тяжелых условиях блокады, не жалея своих сил и жизни, уверенно решали задачи, ставившиеся перед ними, с честью выполняли свой долг перед Родиной.

Командованию стало известно, что наступление может начаться со дня на день. 20 мая мы закрыли школы, детские сады, ясли. Население перебралось в убежища. Сделали это вовремя, так как уже на другой день противник начал сильно бомбить и обстреливать город. Снова разрушения, жертвы, перебои в снабжении электроэнергией, водой, продовольствием...

Городской комитет обороны принял меры к тому, чтобы

ускорить эвакуацию матерей с детьми, детдомов, детприемников и домов инвалидов; эвакуировать население, не связанное с обороной города; создать неприкосновенный запас продовольствия на предприятиях...

Тогда же решено было из подростков создать при городском КП группу связных. Как жегодились нам впоследствии эти ловкие, смелые, быстрые связные! Когда зверская бомбежка прерывала всякую связь между командными пунктами, между городским комитетом обороны, райкомами и предприятиями, связные становились главными передатчиками приказов, распоряжений, информации.

26 мая городской комитет обороны принял постановление «О подготовке населения к вооруженной борьбе в городе». На предприятиях и в учреждениях брался на учет каждый, кто способен держать в руках оружие. Каждый дружинник проходил регулярную боевую учебу, нес охрану предприятий. Никто из них не освобождался от основной работы на предприятиях и в учреждениях, все время находясь в боевой готовности. Это особенно страшило врага. Не случайно фельдмаршал Манштейн в своей книге «Утерянные победы» писал: «Мы знали, что все жители города, способные носить оружие, в том числе и женщины, были привлечены для защиты города».

27 мая на совещании руководящих работников города обсуждался вопрос о борьбе с парашютными десантами противника, о противохимической защите. Надо было позаботиться о более надежных укрытиях для населения от бомбежек и артиллерийского обстрела. Строились новые убежища, расширялись старые. Из центра города жители переселялись на окраины, которые противник реже бомбил. В течение трех недель мая с помощью командования удалось эвакуировать из Севастополя еще свыше десяти тысяч человек.

Снова мы оказались на старых подземных квартирах. Городской комитет обороны разместился в небольшом отсеке. Со мной поселились Петросян и Терещенко. Впрочем, в последующие дни на КП нам пришлось находиться сравнительно редко. Большую часть времени проводили на предприятиях, в убежищах, на огневых точках.

Петросян налаживал изготовление противотанковых «ежей». Их требовалось множество, а материалов не хватало. Петросян и Ефремов с обычной для них изобретательностью нашли выход из положения. В работу пошли конструкции разбитых цехов Морзавода и других предприятий, запасные

пути железнодорожного узла, трамвайные рельсы. Петросян разыскал сварочные аппараты, организовал круглосуточную работу, обеспечил светомаскировку. Ежедневно изготовлялось по несколько сот противотанковых «ежей».

Как это ни прискорбно, накануне штурма пришлось подумать о том, кто кого заменит в случае гибели. На заседании городского комитета обороны было принято решение «О заместителях руководящих работников города и районов». Договорились, чтобы все товарищи постоянно держали своих заместителей в курсе дел.

Пересмотрели распределение обязанностей между руководящими работниками, закрепив каждого за определенным участком обороны. За готовность к действиям боевых дружин ответственными назначили Сарину и Бузина. За продовольственное снабжение населения — Михалева. Бакши поручили изыскивать дополнительные людские ресурсы для фронта. Багрий по-прежнему оставался ответственным за эвакуацию населения.

Севастополь бомбили и обстреливали непрерывно. Такого мы не знали во время первого и второго наступлений. Только за последние восемь дней мая на город было сброшено около тысячи бомб и выпущено свыше семисот тяжелых снарядов. В эти дни мы потеряли несколько человек из городского актива. Погибли председатель Северного райисполкома Загордянский, председатель городского оргбюро профсоюзов Евменова, секретарь Корабельного райкома комсомола Костя Гармаш.

Разведка и партизаны доносили командованию оборонительного района об усиленной подготовке немецко-фашистских войск к штурму Севастополя. Было ясно: гитлеровцы не остановятся ни перед чем, не пощадят жителей долго сопротивляющегося города. Но того, чему мы стали свидетелями через несколько дней, никто из нас все-таки не ожидал.

Много часов подряд наш командный пункт содрогался от непрерывных взрывов, а вышковые докладывали о новых и новых волнах бомбардировщиков. Со всех концов Севастополя поступали сообщения о больших разрушениях, пожарах, жертвах. Остановилось большинство предприятий, прекратилась подача электроэнергии и воды, нарушалась телефонная связь...

— Началось наступление? — спросил я генерал-майора П. А. Моргунова, связавшись с ним по телефону.

— Нет. Пока только подготовка к нему.

Бойцы команд МПВО, групп самозащиты и боевых дружин прилагали героические усилия, чтобы ликвидировать завалы, под которыми оказались люди, тушили пожары, восстанавливали водопровод, электроснабжение и телефонную связь, оказывали помощь пострадавшим. Большинство работников партийного и советского аппарата, штабов МПВО вместе со всеми работали в очагах поражения. Жертв становилось все больше. Комитет обороны дал указание до наступления темноты ограничиться помощью пострадавшим.

Положение было тяжелым, и мы опасались, что оно вызовет панику. Надо было немедленно подбодрить севастопольцев. Но как? Телефонная связь и радио не работали.

Решили обратиться к жителям города с письмом и немедленно разослать его со связными. А на основные предприятия направить работников горкома, горисполкома, райкомов.

Не прошло и получаса, как письмо городского комитета обороны было написано. Разъяснив обстановку и предупредив о возможности высадки парашютного или морского десанта, комитет предлагал усилить наблюдение за воздухом, усилить посты охраны, привести в полную готовность боевые дружины и вооружить их всем, чем возможно. При первом появлении врага действовать самостоятельно, не дожидаясь специальных указаний. Коллективам предприятий предлагалось проявлять больше инициативы, не прекращать снабжение фронта всем необходимым. В письме был установлен порядок информации руководящих органов.

В снабжении продовольствием и водой возможны были серьезные перебои, поэтому решили взамен хлеба выдать населению муку, организовать в убежищах выпечку лепешек, приготовление горячей пищи. Неприкосновенные запасы продовольствия могли расходоваться лишь с разрешения городского комитета обороны.

Только организованность, дисциплина, отсутствие паники, проявление полезной инициативы, максимальная помощь фронту, бдительность обеспечат нашу победу, говорилось в письме.

Связные разнесли наше письмо, размноженное на пишущей машинке. На важнейшие объекты отправились руководящие работники. Там, где это было возможно, собирали людей, зачитывали письмо. Вскоре связные стали возвращаться с сообщениями об обстановке и принимаемых мерах.

Руководители спецкомбинатов Терехов, Костенко, Боброва, управляющий Крымэнерго Шуркевич сообщили, что

комбинаты и электростанции работают без перебоев. «Моральное состояние работающих на заводе здоровое, работу продолжаем», — докладывали директор завода «Молот» Никерин и секретарь парторганизации Иваниченко. «Настроение личного состава хорошее», — сообщил директор хлебозавода Сидоренко.

Прислала коротенькую записочку и Анна Михайловна Михалева. Она находилась на продовольственной базе, где возник большой пожар. «Многое удалось спасти, — писала она. — В тушении пожара особенно отличились секретарь парторганизации Сутырина, коммунистки Каракорская и Нагорная... Вывозим сухари и отпускаем продукты населению и предприятиям...»

О себе Анна Михайловна не обмолвилась ни словом. Потом выяснилось, что именно она подняла коллектив на спасение продовольствия.

Глубокое удовлетворение приносили донесения со всех концов города о том, что трудящиеся Севастополя не дрогнули в этот тяжелый день. В течение ночи необходимо было ликвидировать пожары, расчистить улицы, восстановить по возможности водопровод и телефонную сеть, развезти по убежищам продовольствие и воду. Требовалась помощь населения. Казалось бы, после такого страшного, изнурительного дня нелегко поднять людей на новый, ночной труд. Ничуть не бывало! Агитаторам не пришлось тратить много слов. Достаточно было сказать: надо разобрать завал на такой-то улице, помочь тушению пожара, и обитатели убежищ — женщины, старики, подростки — тотчас же принимались за дело. Многие из жителей города только что пережили гибель близких, потерю имущества, иные получили ожоги и даже ранения, но никто не жаловался. Работали молча и яростно.

Из этого вовсе не следовало, что севастопольцы — люди особых качеств. Нет, это были обыкновенные советские люди, у которых высокие патриотические и моральные качества, свойственные советскому человеку, воспитанные в нем партией и всем укладом нашей социалистической жизни, раскрылись в суровые месяцы осады с предельной силой и выразительностью. Жители любого города и села нашей страны вели бы себя в севастопольских условиях точно так же. Да так оно и было в Одессе, Ленинграде, Сталинграде, Бресте.

Всю ночь кружили над городом самолеты противника, изредка рвались мины, снаряды, языки пламени освещали рабо-

тающих людей. Но еще до зари все пожары были потушены, улицы расчищены от завалов, восстановлена связь между КП и объектами, частично отремонтирован водопровод. Население получило продукты.

Сообщив обкому партии о событиях прошедшего дня, мы вместе с Ефремовым пошли на КП флота. Повсюду встречались самоотверженно работающие бойцы МПВО, дружинники, женщины. Июньское солнце взошло над морем, но никому не принесло оно радости. На смену звездам в дымно-голубом небе опять повисли фашистские самолеты. Повторялся вчерашний день.

Как и накануне, мы разослали партийным организациям информационное письмо, подчеркивали: никакой паники. Дисциплина должна быть, как никогда, крепкой. Предприятия должны давать максимальное количество продукции для фронта. Там, где невозможно работать днем, работать ночью. Быстро ликвидировать очаги поражения, своевременно оказывать медицинскую помощь. Боевые дружины должны быть готовы в любую минуту к борьбе с врагом.

Указания городского комитета обороны были восприняты всеми в городе безоговорочно. Пример дисциплинированности, выполнения долга показывали коммунисты и комсомолцы.

Если на пепелище завода «Молот» рабочие по ночам бесстрашно ремонтировали боевую технику, то пример подавали коммунисты Иваниченко и Никерин. Если водоканальцы под грохот бомбежки и артиллерийских обстрелов, по нескольку суток не смыкая глаз, восстанавливали порванные трубы водопровода, то этому в значительной степени способствовал личный пример неугомимого начальника водоканала коммуниста Семенюшкина.

Заместитель директора базы горторга коммунист Калинин, шофер Жиляев и рабочий Белецкий, потушив зажигательные бомбы, предотвратили большой пожар на продовольственной базе. Шофер Решетников не допустил пожара в поликлинике № 1. Начальник железнодорожной станции коммунист Кравченко, дежурный по станции Смирнов, коммунист Давыдов во главе железнодорожников отстояли от огня важные объекты узла.

Когда вражеские бомбы нарушили телефонную связь нашего КП с городом, техник Лысенко, монтеры Дудченко и Поленков под сильным обстрелом и бомбежкой работали до тех пор, пока не восстановили связь.

На улице Чкалова от фугасных и зажигательных бомб загорелся дом. Пожар угрожал всему кварталу. Домохозяйки Миронова и Левчук подняли на борьбу с пожаром женщин из ближайшего убежища.

Пожары, возникшие на хлебозаводе и холодильнике, на кожевенном заводе и на «Молоте», были также ликвидированы рабочими, командами МПВО и боевыми дружинами этих предприятий. Оперативно работала противопожарная служба штаба МПВО города, руководимая коммунистом Педурой.

Типография, размещавшаяся в подвале одного из зданий на улице Фрунзе, оказалась разрушенной.

— Как быть? — спрашивал редактор газеты «Маяк коммуны» Сергей Суковский.

И тут нашли выход. В одном из отсеков КП установили небольшой печатный станок, и газета продолжала выходить. Формат ее равнялся размеру ученической тетради. Работники редакции Вера Ястребова и Борис Луценко вместе с редактором Суковским и еще двумя сотрудниками составляли весь редакционный коллектив. Они публиковали интересную боевую информацию, сводки с фронта. Сотрудники редакции добивались, чтобы газета своевременно доставлялась на предприятия, в убежища.

Бойцы дружин, охранявшие объекты, постоянно находились в боевой готовности, первыми бросались на помощь пострадавшим. Молодой коммунист Зайцев во время налета авиации противника лично спас из засыпанного обвалом убежища десять человек, но сам погиб от осколка вражеского снаряда. При исполнении служебных обязанностей погиб командир дружины завода «Молот» Недоруб.

Городской комитет обороны 6 июня в специальном приказе отметил большую работу, проделанную боевыми дружинами. Но в приказе обращалось внимание на то, что впредь еще более жаркие схватки. «Враг готовится к третьему наступлению на город. Боевые дружины, — говорилось в приказе, — не должны терять ни одной минуты, еще упорнее овладевать оружием, готовить огневые точки, соблюдать железную дисциплину, ликвидировать очаги поражения, тушить пожары, быть стойкими, мужественными защитниками Севастополя, идти в ногу с доблестными бойцами Черноморского флота и Приморской армии...»

Бомбежка и артиллерийский обстрел непрерывно продолжались пятеро суток. За эти дни авиация противника совер-

шила на Севастополь больше девяти тысяч самолето-вылетов и сбросила не менее сорока шести тысяч бомб крупного калибра, десятки тысяч зажигательных, авиационных гранат, много бомб замедленного действия. Количество снарядов, выпущенных по городу, учесть было невозможно.

Тем, кто находился на линии фронта, казалось, что в городе не осталось ни одной живой души, что вся жизнь скована. По ночам, когда бомбежка несколько стихала, в город прибывали связные и даже целые делегации из воинских частей. Они убеждались: Севастополь жив, он борется и работает для фронта. Беспочвенными оказались расчеты гитлеровского командования на то, что металл и огонь подавят моральный дух севастопольцев.

«Как на фронте?» С этим вопросом мы по несколько раз в день обращались к вице-адмиралу Октябрьскому, к генерал-майору Петрову, к заглядывавшим на КП фронтовикам. В эти дни особенно остро чувствовалась важность тесного контакта, установившегося между горкомом партии и командованием оборонительного района.

— Пока сравнительно тихо. Если, конечно, не считать бомбежек и артобстрела.

Но вот 7 июня рано утром позвонил дивизионный комиссар Кулаков:

— Немцы начали наступление... Третий штурм...

На улицах города было немного спокойнее, чем в предыдущие дни. Но зато с фронта доносилась непрерывная артиллерийская канонада, земля содрогалась от взрывов. Началось...

О силе этого наступления фельдмаршал Манштейн в той же своей книге «Утраченные победы» писал: «Во вторую мировую войну немцы никогда не достигали такого массированного применения артиллерии, как в наступлении на Севастополь». Можно добавить, что гитлеровцы использовали невиданную до сих пор по своим калибрам тяжелую артиллерию: две двадцатичетырехдюймовые мортиры «Карл». Каждый их снаряд весил более двух тонн. Имелось у них и экспериментальное орудие «Дора». Пушку обслуживали полторы тысячи человек, а командовал ею генерал-майор. От нападения с воздуха орудие прикрывали два дивизиона зенитной артиллерии. Каждый снаряд «Доры» весил около четырех тонн.

Гитлеровское командование полагало, что после такой массированной артиллерийской и авиационной подготовки

на их пути к Севастополю уже не будет никаких преград. В наступление двинулись танки, пехота. Но их встретил шквал артиллерийского, пулеметного и ружейного огня. Словно из-под земли вырастали моряки и бойцы-приморцы. Они забрасывали врагов гранатами, вступали с ними в ожесточенные рукопашные схватки.

Бойцы соединений Коломийца, Ласкина, Капитохина, Воробьева, Новикова, Гузя, Жидилова, Горпищенко, Потапова, артиллеристы Моргунова, Рыжи, Богданова, а в воздухе летчики Ермаченкова сражались с беспримерным мужеством и упорством. Ожесточенная борьба шла за каждый метр земли.

Вот что говорил тогда взятый в плен немецкий солдат: «Да, мы представляли себе все это иначе... Кто мог бы поверить, что после четырех часов непрерывной бомбардировки русские встанут из окопов и бросятся на нас в штыки? Между тем именно так и произошло. Дождавшись, когда немецкие самолеты улетели, русские пустили в дело свои орудия. За полчаса в роте мы недосчитались тридцати человек. Потом я услышал крики «ура». Русские пошли в контратаку, и мы, потеряв еще тридцать солдат, вынуждены были поспешно вернуться назад».

Как и во всякий трудный момент, горком партии направил на предприятия, в боевые дружины, в убежища всех ответственных работников, активистов. Когда я пришел на железнодорожный узел, там все работали: обслуживали бронепоезд «Железняков», ремонтировали орудия, изготавливали противотанковые «ежи». Начальник отделения железной дороги И. Д. Киселев, начальник политотдела и секретарь парткома А. Е. Немков, машинисты Островский, Гаранин, Леонов, рабочий Степанов — все были вооружены, готовы к натиску врага.

Прошло еще три нелегких дня. Противник, как одержимый, рвался к городу. Силы гитлеровцев превосходили силы защитников города, и им удавалось продвигаться все ближе и ближе к Севастополю. Город уже не мог поставлять нашим войскам нужного количества боеприпасов. Большинство предприятий были или разрушены, или сгорели. Спецкомбинату № 1 не хватало электроэнергии, топлива, металла...

— Помогите с ремонтом боевых машин, орудий, — звонили нам с КП флота.

Выход был один: снять со всех наземных предприятий, и прежде всего с завода «Молот», сохранившееся оборудова-

ние и перевезти его на комбинат, а высвободившихся рабочих использовать на ремонте вооружения, транспорта, инженерного имущества. За короткий срок это было сделано.

Во избежание излишних жертв комитет обороны запретил бесцельное передвижение по городу. Городским и районным организациям было предложено вызывать работников с мест только в случае крайней необходимости и главным образом ночью.

Мы регулярно посылали письменную информацию в обком партии и политуправление флота. Кратко сообщали о положении дел в городе, о работе промышленности, продовольственном снабжении, об эвакуации, о моральном состоянии населения. А это давало возможность обкому партии и политуправлению быть в курсе событий, информировать Центральный Комитет партии, оказывать нам посильную помощь.

Сохранилась, например, такая информация обкому партии в Краснодар: «Противник продолжает бомбежку города. Полуразрушено, разрушено и сгорело 4600 домов, пострадало 3000, пострадал также ряд предприятий. Восстанавливаем связь, ликвидируем завалы и очищаем проезды. Испытываем затруднения в снаряжении, воде и продовольствии. Будет возможность — эвакуируем 15—20 тысяч женщин с детьми. Настроение населения боевое».

Почти бесперебойно работала наша радиосвязь с Большой землей, обслуживая нужды фронта, гражданских организаций и населения. Десятки тысяч радиogramм передали за дни обороны через радиостанцию коммунисты Николай Кутына и Анатолий Марков. Это было сопряжено с огромными трудностями и риском, так как радиостанция стояла на открытом месте — на горе Матюшенко. Нередко после бомбежки падали мачты, обрывались антенны, но через час-два рация продолжала передавать радиogramмы в Краснодар и Сталинград, а через них — дальше.

После оставления Севастополя долгое время ничего не было известно о судьбе этой героической радиостанции. Но вот в 1968 году вышел «Сталинградский дневник» первого секретаря Сталинградского обкома партии и председателя Сталинградского городского комитета обороны А. С. Чуянова. Из этой книги мы узнали, что Кутына и Марков передавали радиogramмы до последней возможности. Уже когда гитлеровцы вошли в город, в Сталинграде была получена последняя радиogramма:

«Фашисты занимают почтамт. Связисты уничтожают радиоаппаратуру. Прощайте товарищи, отомстите за разбитый Севастополь».

О судьбе Н. Кутыны и А. Маркова до сих пор ничего не известно. Но завешание героев-коммунистов советские воины с честью выполнили. За разрушенный Севастополь, за все злодеяния на нашей советской земле гитлеровские головорезы получили сполна.

Израненный, истекающий кровью Севастополь сопротивлялся захватчикам изо всех сил. Не пустить врага в город, измотать его, нанести фашистским войскам как можно больший урон — вот к чему стремились защитники Севастополя. Если кончались снаряды, мины и гранаты, советские воины сходились с гитлеровцами врукопашную. А в осажденном городе его жители, полуголодные, крайне измотанные, но не павшие духом, продолжали обслуживать нужды фронта.

В эти тяжелые для Севастополя дни было получено приветствие Центрального Комитета партии и Верховного главнокомандующего:

«Вице-адмиралу т. Октябрьскому

Генерал-майору т. Петрову

Горячо приветствую доблестных защитников Севастополя — красноармейцев, краснофлотцев, командиров и комиссаров, мужественно отстаивающих каждую пять советской земли и наносящих удары немецким захватчикам и их румынским прихвостням.

Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной Армии и советского народа.

Уверен, что славные защитники Севастополя с достоинством и честью выполнят свой долг перед Родиной.

И. Сталин».

В ответ на это приветствие моряки, приморцы и население города усилили сопротивление врагу.

Артиллеристы 365-й зенитной батареи, когда у них не осталось ни одного снаряда, а враг наседал, вызвали огонь нашей артиллерии на себя и погибли смертью храбрых. Но вместе с ними погибли и сотни гитлеровцев.

Разведчица Мария Байда, уложив прикладом нескольких гитлеровцев, сумела вывести из окружения раненых. Севастопольская комсомолка Фрося Радычкина подносила снаря-

Разрушен вход на городской КП

Спасение Панорамы (25 июня 1942 года)

Собрание партийного актива Севастополя перед третьим наступлением гитлеровских войск 12 мая 1942 года

На Красной площади в Москве после награждения (июль 1942 года). Слева направо: В. П. Ефремов, Б. А. Борисов, А. Г. Капитохин, И. Е. Петров, М. Г. Кузнецов, И. А. Ласкин, А. М. Пичугин

ды, воду, оказывала помощь раненым в самый разгар боев за Малахов курган. До последнего дыхания дрались герои 30-й батареи береговой обороны и Константиновского рavelина.

Героизм фронтовиков вдохновлял трудящихся города. Шофер автодрезины Колюбаев под ураганным огнем противника безотказно доставлял к линии фронта военные грузы. Механик железнодорожного узла комсомолец Щербаков с опасностью для жизни восстанавливал связь. Молодая работница спецкомбината № 1 комсомолка Юлия Сапегина ежедневно выполняла нормы на двести — триста процентов.

«Бесясь от злобы, враг задался целью разрушить наш город, посеять панику, запугать нас... Теперь особенно нужны выдержка и спокойствие... Наша решительность в борьбе с врагом непоколебима», — выражая мысли всех севастопольцев, писала в те дни газета «Маяк коммуны».

Тысячи теплых, душевных писем и телеграмм, тысячи подарков приходили защитникам города из всех уголков страны.

«Весь советский народ, народы свободолюбивых стран сегодня с затаенным дыханием следят за ожесточенным сражением, которое ведет севастопольский гарнизон, отражая бешеные атаки врага, — писала «Правда» 15 июня. — Фашистские разбойники делают отчаянную попытку сломить боевой дух защитников города... Стойкость защитников Севастополя, их мужество, их доблесть бессмертны. На подобный героизм способны только люди, которым свобода, честь, независимость и процветание своей Родины, своего государства превыше жизни».

В один из этих тяжелых дней прокурор Александр Исакович Шней пригласил меня присутствовать на допросе военнопленных немцев. В дни первого наступления фашистов на Севастополь я слушал одного из гитлеровских вояк. Показания тогда давал старший ефрейтор, успевший побывать во Франции, Бельгии, Югославии и Греции. Спесивый, одетый во все новое, он вел себя нагло, упрямо твердил, что Севастополю со дня на день будет «капут».

На этот раз допрашивали ефрейтора. Он тоже успел прогуляться по Европе. Но год войны в нашей стране, в том числе семь месяцев боев под Севастополем, сбили с него спесь. Не осталось и в помине былой самоуверенности, развязности. Ефрейтор заговорил о трудностях войны, о больших потерях, которые они несут под Севастополем, отдавал должное беззаветной храбрости советских воинов. Да и

внешний вид этого вояки говорил о многом: обтрепанный, худой...

Солдат 1-й роты 46-го саперного батальона Рудольф Шюрман показал: «7 июня наш батальон прибыл под Севастополь, и сразу же 3-я рота была введена в бой. К 11 июня рота была полностью уничтожена советской артиллерией и минометами. Вместо нее послали в бой нас, 1-ю роту. Таким образом, мы, саперы, стали обычными стрелками. Из двенадцати человек моего отделения в живых остался один я».

Пленный утверждал, что и во многих других ротах из ста двадцати солдат осталось по пять — семь человек.

«Когда нас перебросили с Керченского полуострова под Севастополь, настроение было хорошее, — продолжал он. — «Севастополь возьмем в три дня», — уверенно заявляли офицеры. И мы верили, что будет именно так. А вышло, что здесь нашло могилу большинство из нас...»

Пленные свидетельствовали, что командование немецких войск вынуждено бросать в бой все новые и новые резервы: так велики были их потери. Да и сам фельдмаршал Манштейн уже позже в своих воспоминаниях признал, что, «несмотря на эти с трудом завоеванные успехи, судьба наступления в эти дни, казалось, висела на волоске. Еще не было никаких признаков ослабления воли противника к сопротивлению, а силы наших войск заметно уменьшились».

Но положение Севастополя становилось день ото дня тяжелее. Не хватало боеприпасов и вооружения, мало было людей. Связь с Большой землей поддерживалась с невероятными трудностями.

Особенно запомнился день 19 июня. Накануне поздно вечером мы направили обкому партии донесение о том, что вчера сброшено на город свыше двух тысяч бомб, много снарядов. Сообщили, что стараемся восстанавливать предприятия, электросеть, связь, водопровод, расчищать дороги, продолжаем эвакуацию. Направили на фронт двести пятьдесят шесть боевых дружинников, готовим еще четыреста. Просим принять меры к отгрузке необходимого. Наш запас муки — на пятнадцать дней, других продуктов нет.

В тот же вечер стало известно, что экипаж крейсера «Красный Крым» — того самого крейсера, который севастопольцы готовили к плаванию, — за проявленную отвагу в боях с немецкими захватчиками, за стойкость и мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава удостоен звания гвардейского экипажа. От всей души по-

здравии мы героев-моряков и их славного командира капитана 1-го ранга Александра Илларионовича Зубкова.

Рано утром меня срочно вызвали в штаб МПВО. Нужно было немедленно организовать расчистку улиц, так как завалы мешали движению машин, перевозящих боеприпасы, раненых, продовольствие. На расчистку направили команды МПВО и бойцов боевых дружин.

С самого рассвета на город беспрерывно налетали бомбардировщики, дождем сыпались фугасные и зажигательные бомбы, авиационные гранаты, бомбы замедленного действия. Город с воздуха поливали воспламеняющейся жидкостью. Все кругом горело и рушилось.

— Такого еще не было, — заметил начальник штаба МПВО капитан Малый.

— Что это значит? Они словно с цепи сорвались, — позвонил я генерал-майору Моргунову.

— Могу объяснить, — ответил он. — До годовщины нападения на нашу страну осталось два дня. Вот они и жмут, чтобы преподнести своему фюреру подарок: Севастополь...

Посоветовавшись, мы решили в этот день разослать по городу письмо-обращение к жителям. Только я собрался писать, как раздался грохот. Потух свет, прекратила работу вентиляция. Оказалось, у самого входа на КП взорвалась большая бомба. Вход был засыпан.

— Связь с городом, с вышками, с командованием потеряна, — доложил Малый.

— Надо быстро приступить к восстановлению, а пока используйте связных! — распорядился Ефремов. — В город пробираться через запасной выход.

Я попросил товарищей из штаба МПВО через связных сообщить райкомам, в штабы, на предприятия и в боевые дружины, что на КП все в порядке. Ефремов вместе с работниками штаба и бойцами команд МПВО включился в работу по ликвидации завала. Его трудно было от этого удержать. А я сел за письмо.

Едва рассеялась пыль, как к месту завала прибыли монтеры комсомольцы Буйлов и Рябенко. Они быстро расчистили щель и протянули катушку с телефонным кабелем. Но тут же раздались новые взрывы. Монтеров сшибло с ног взрывной волной, но они продолжали работу. Вскоре связь была восстановлена. Мужественным комсомольцам командование МПВО объявило благодарность и вручило подарки.

Письмо-обращение было готово. Городской комитет обороны потребовал от всех коммунистов находиться в состоянии боевой готовности... Повысить бдительность... «Все должно быть подчинено исключительно обороне города».

Не успели мы разослать это письмо, как на КП поступило сообщение: группа немецких автоматчиков проникла на Северную электростанцию. Но бойцы боевой дружины во главе с секретарем парторганизации Андриющенко выбили врага с территории станции.

Кстати, несколько слов об Андриющенко. Ему, уже немолодому по возрасту и партийному стажу коммунисту, работавшему кочегаром, было дано партийное задание в дни обороны особенно не выделяться, а если гитлеровским войскам удастся ворваться в Севастополь, немедленно уходить в подполье и организовать людей на борьбу с врагом.

После тщательного инструктажа я спросил его:

— Все ясно?

— Все.

Но вот когда немцам удалось прорваться к Северной электростанции, одним из первых их заметил Андриющенко. И тут не выдержало сердце патриота. Он прибежал в штольню, где находились бойцы боевой дружины электростанции, и крикнул:

— В ружье!

Дружинники энергичным и смелым ударом выбили врага с территории станции. В первых рядах бойцов сражался Андриющенко.

— Почему же вы так поступили? — уже через много лет спросил я его.

— Сам не знаю... — А немного подумав, объяснил: — Так ведь то же были гитлеровцы...

После сообщения о боях за Северную электростанцию, последовало новое: на Северной стороне в отдельных местах враг вышел к бухте. А ведь там еще оставалось много раненых и гражданское население... Кому поручить их вывозку через бухту?

Выбор пал на моего помощника Терещенко, на исполнявшего обязанности председателя Северного райисполкома Моисеева и на работника штаба МПВО Репина. Через несколько минут они были уже в пути. Одновременно переводили население в более надежные убежища, уплотняя старожилы. Готовилась новая партия севастопольцев к эвакуации.

С нерадостной вестью пришла на КП Анна Михайловна Михалева. У нее на глазах под развалинами и в огне погибло много продовольствия. Пришлось вновь снизить нормы: хлеба — до двухсот граммов, муки или сухарей — до ста граммов на человека в день. Рабочим предприятий, бойцам боевых дружин и МПВО раз в день давали приварок. Воду выдавали по одной кружке в день.

С КП флота предупредили, что положение на Северной стороне осложняется. Мы тотчас направили к Терещенко, Моисееву и Репину связного с указанием вывести женщин, детей, вооружить мужчин. В нашей очередной информации в обком партии говорилось:

«18 и 19 июня до 15 часов на город сброшено 5682 фугасные бомбы разного калибра, зажигательных бомб свыше 25 000 штук, артиллерийских снарядов выпущено 485. Кроме того, сброшено более 500 десятикилограммовых банок, наполненных горючей смесью. Разрушено домов 22, пожаров свыше 500, убитых 20, раненых 38. Вторично разрушен механический цех завода «Молот», несколько агрегатов хлебозавода, значительно повреждены СевГРЭС-1, холодильник, кожзавод... Мобилизовано в армию до 1000 человек... С 28 мая по 17 июня из Севастополя вывезено на Большую землю 10 тысяч человек. Вывезены детдом, интернат, детприемник, дом инвалидов. Строим новые убежища. Часть населения обеспечивается водой из колодцев и источников, которых найдено около 300».

Вечером, когда бомбежка несколько утихла, на предприятия, в команды МПВО, в боевые дружины и убежища направились работники горкома, горисполкома, районных организаций. Они зачитывали письмо городского комитета обороны и обращение Военного совета флота к защитникам Севастополя.

«Враг, напрягая все усилия, уже шестнадцать дней штурмует Севастополь, — говорилось в обращении Военного совета. — Пьяные орды немецко-фашистских головорезов, собранные со всего Крыма, ожесточенно рвутся в Черноморскую крепость... Отстоим Севастополь! Сделаем подступы к городу-герою могилой для гитлеровских банд грабителей и убийц! Ни шагу назад!»

Утром 20 июня началось то же самое: налеты авиации, артиллерийский обстрел, разрушения, жертвы...

После полудня на КП прибыл связной с Северной стороны от Терещенко. Он прислал записку:

«...Обстановка на 12 часов следующая: противник с 5 часов утра и по настоящее время ведет шквальный артиллерийский и минометный обстрел места расположения штаба дивизии и всех коммуникаций. Авиация противника усиленно бомбит. Линия фронта та же. По данным разведки дивизии, группа танков движется со стороны Учкеевки на Северную сторону... Связь со штабом дивизии хорошая.

В течение ночи вывезено триста раненых и до шестисот женщин, детей и стариков. Днем вывозить нельзя. К вечеру снова готовим народ к вывозу».

Рыбак, доставивший это сообщение, добирался через бухту вплавь. Он повторил свой поход. Предлагали: как можно больше эвакуировать женщин и детей, вооруженные должны вступить в бой и отходить вместе с частями...

С помощью военных и боевой дружины артели «Рыбачья коммуна» нашим товарищам удалось под покровом ночи на катерах и яликах переправить через Северную бухту раненых и все пожелавшее эвакуироваться гражданское население. Только после этого вместе с командованием дивизии Терещенко, Моисеев и Репин покинули Северную сторону. А менее чем через сутки вся эта сторона города, за исключением Константиновского равелина, где моряки еще продолжали драться, была занята немцами.

Теперь боевые корабли и транспорты не могли уже заходить в Северную и Южную севастопольские бухты. Они разгружались, принимали раненых и население в Камышовой и Казачьей бухтах, в нескольких километрах от города. Переходы на Большую землю и обратно совершались в те дни с огромным риском, каждый такой переход являлся героическим подвигом моряков. На пути в Севастополь их подстерегали бомбардировщики, торпедоносцы, подводные лодки и торпедные катера противника. Но славные черноморцы все-таки прорывали блокаду и доставляли защитникам города боеприпасы, продовольствие, медикаменты. Уже после войны было подсчитано, что за время обороны Севастополя корабли Черноморского флота провели более четырехсот артиллерийских стрельб, причем в каждую из них расходовалось по двести и более снарядов.

Наступило 22 июня — годовщина нападения гитлеровской Германии на нашу страну. Как гитлеровцы ни тужились, им так и не удалось сделать подарок своему фюреру. В их руках находилась лишь северная часть города. И главное, врагу не удалось сломить дух и волю севастопольцев к сопротивле-

нию. Несмотря на многодневные непрерывные бои и большие потери, несмотря на нехватку боеприпасов, наши воины держались стойко, один сражался против трех, четырех, пяти гитлеровских солдат, сплошь и рядом атаки отражались штыком и гранатой.

В связи с выходом противника к Северной бухте городской комитет обороны решил: со всех улиц, примыкающих к бухте, переселить людей в другие части города и по основным направлениям прорыть в городе ходы сообщения. Районным организациям и штабу МПВО Корабельного района было предложено перебраться на запасной КП в районе Лабораторного шоссе и Корабельного спуска.

Центральные улицы теперь простреливались не только артиллерийским, но также минометным и пулеметным огнем. Сообщение между городскими, районными организациями, предприятиями и убежищами поддерживалось в основном ночью.

На всю жизнь запомнилось мне 25 июня, когда пришлось буквально из огня спасти гордость Севастополя и всего русского искусства — знаменитую севастопольскую Панораму.

Уже под вечер в наш отсек вбежал необычайно взволнованный Кулибаба.

— На Панораму сброшены бомбы!

Позвонили на центральную вышку. Оттуда подтвердили, что несколько фашистских бомбардировщиков пикировали на Панораму и с малой высоты сбросили бомбы. Не оставалось сомнений в том, что это не случайность, а преднамеренное преступление фашистов.

Военное командование и руководство города всеми силами стремились сохранить Панораму, которую из-за ветхости не решались эвакуировать. В здании постоянно находились люди, чинившие пробоины в крыше, чтобы вода не проникла внутрь. Было убрано все способное гореть.

Командование сознательно не размещало вблизи Панорамы ни воинских частей, ни зенитной артиллерии, чтобы не дать гитлеровцам повода бомбить и обстреливать памятник русской славы. «Неужели бесценная реликвия погибнет?» — с болью в душе думал каждый из нас.

Отправили к Панораме пожарную машину. Выехали заведующий отделами горкома партии И. И. Бакши и М. И. Петровский.

Величественное здание Панорамы с куполообразной крышей было чудовищно обезображено. Все стекла вылетели, купол ощерился рваными конструкциями перекрытий, в стене зияла огромная брешь, лепные украшения обвалились.

Узнав о катастрофе, к зданию Панорамы сбежались краснофлотцы, бойцы противовоздушной обороны и среди них — художник Семен Анапольский, служивший на флоте в звании старшины 1-й статьи. Находясь во время бомбежки неподалеку от Панорамы, он бросился спасать знаменитое полотно. Разрезав его на семьдесят шесть частей, краснофлотцы и бойцы МПВО быстро извлекли его из полуразрушенного горящего здания. Конечно, полотно сильно пострадало, но, не оказавшись рядом специалиста-художника, дело обстояло бы гораздо хуже. Пожарные сбивали последние языки пламени, краснофлотцы скатывали куски полотна в рулоны. Неподалеку зудел «мессер», пули шелкали о здание и деревья, но люди не обращали на них внимания, спасая величайшую историческую ценность.

О чудовищном злодеянии фашистов был составлен акт. В нем говорилось: «Лишь люди, потерявшие всяческий человеческий облик, превратившиеся в диких зверей, способны были поднять руку на такой памятник мировой культуры, каким являлась Севастопольская Панорама».

На другой день из Севастополя уходил лидер «Ташкент». На борту корабля находилось около двух тысяч эвакуируемых раненых и большая группа инженеров, мастеров, рабочих высокой квалификации и их семей. На корабль была погружена и Панорама, вернее, то, что от нее осталось.

Еще несколько дней назад, когда «Ташкент» прорывался в Севастополь, на его борту находился известный советский писатель Евгений Петров. Он писал тогда о нашем городе:

«Восемьдесят семь лет тому назад каждый месяц обороны Севастополя был приравнен к году. Теперь к году должен быть приравнен каждый день. Сила и густота огня, который обрушивает на город неприятель, превосходит все, что знала до сих пор военная история... Города почти нет. Нет больше Севастополя с его акациями и каштанами, чистенькими тенистыми улицами, парками, небольшими светлыми домами с железными балкончиками. Но есть другой, главный Севастополь — город адмирала Нахимова и матроса Кошки, хирурга Пирогова и матросской дочери Даши».

Да, положение было чрезвычайно критическим.

— Мобилизуйте на фронт всех, кого только возможно, — позвонил мне дивизионный комиссар Кулаков.

— Сколько у нас осталось коммунистов? — спросил я Сарину. Она заменяла тогда Михалеву, которая продолжала заниматься продовольственным снабжением населения и находилась в убежище горторг

— Человек четыреста.

— А комсомольцев? — спросил я у Багрия.

— Примерно пятьсот...

Этой же ночью большой отряд бойцов боевых дружин, в числе которых было около двухсот коммунистов и комсомольцев, ушел на фронт. Коммунисты и комсомольцы составляли основной костяк боевых дружин, команд МПВО, несли охрану предприятий. Каждый коммунист работал за двоих. Я не помню случая, чтобы кто-нибудь хотя бы своим видом показал, что он боится рисковать жизнью, что то или иное задание ему не по силам.

Когда был убит заведующий военным отделом Центрального райкома партии Осадчий, направленный на одно из предприятий для отбора на фронт бойцов, это поручение немедленно вызвался выполнить заведующий военным отделом горкома Бакши. Саша Багрий, Маруся Ерахтина и Надя Краевая ежедневно сопровождали женщин и детей до аэродрома и Камышовой бухты. Анна Михайловна Михалева, сохраняя спокойствие и рассудительность, обеспечивала население продовольствием. Александр Акопович Петросян не уходил с промышленных предприятий, помогая хозяйственным руководителям и партийным организациям выполнять фронтовые заказы. Заместитель председателя горисполкома А. И. Степанченко без суматохи эвакуировал людей из самых опасных мест...

Людей было не узнать — похудевшие, с воспаленными от бессонницы глазами, в изодранной одежде... И тем не менее они не вызвали жалости. Так велика была сила их духа, так сильна была их вера в победу Красной Армии, нашего народа над врагом!

В ночь на 28 июня в сопровождении Терещенко и бойца МПВО я направился на командный пункт флота. Города фактически уже не было. Остались сплошные развалины. Но гитлеровцы продолжали бомбардировку и артобстрел. По свидетельству французского генерала Л. Шассена, только за последние двадцать пять дней осады Севастополя немецкая артиллерия обрушила на укрепления тридцать тысяч тонн

снарядов, а самолеты Рихтгофена сделали двадцать пять тысяч самолето-вылетов и сбросили сто двадцать пять тысяч тяжелых бомб. Этого было достаточно, чтобы от города не оставить камня на камне. Пройти с улицы Карла Маркса через гору до улицы Ленина, где неподалеку от Южной бухты находился командный пункт оборонительного района, было не так-то просто.

Не успел я появиться на КП, как адъютант командующего сказал, что меня несколько раз спрашивала по телефону Сарина.

— Что случилось? — позвонил я Антонине Алексеевне.

— Жив?

— Пока жив.

— А мы уж думали... Вслед за тобой с КП вышли председатель Красного Креста Гордиенко и врач Турская. Обе погибли...

У вице-адмирала Октябрьского я узнал, какова обстановка на фронте.

— Тяжело... Отходим... — медленно проговорил Филипп Сергеевич. — Несем большие потери в людях. Не хватает техники, боеприпасов. Пополнения с Большой земли доставлять стало почти невозможно. Используются лишь небольшие надводные корабли, подводные лодки, транспортные самолеты. На них разве много доставишь?..

В комитете обороны договорились: если возникнет непосредственная угроза захвата противником того или иного предприятия, взрывать его... Вывести население из Инкермана, из штолен СевГРЭС и спецкомбината № 2; подготовить к эвакуации население и большую группу актива...

На КП прибыл командир одной из артиллерийских частей. Он просил горком прислать на батарею делегацию от трудящихся города. Наши воины видели, как фашисты изуродовали город, и часто спрашивали, остался ли кто в живых. Хотелось им увидеть севастопольцев, услышать от них живое слово.

Возглавить делегацию поручили Наде Краевой. Вместе с активистками Дженовиз, Поляковой, Калининченко она подготовилась к встрече с гвардейцами-артиллеристами.

Надю трудно было узнать. За последние дни мы привыкли видеть ее в комбинезоне, в сапогах и каске. А теперь она была в модном розовом платье, на ногах изящные туфельки, волосы красиво убраны. В руках у Нади был огромный букет цветов и свежий номер городской газеты «Маяк коммуны».

— Неужели еще остались цветы в Севастополе? — удивился Терещенко...

Возвратилась делегация с батареи уже перед рассветом двадцать девятого. Надя рассказала, как тепло встретили их гвардейцы, которым просто не верилось, что перед ними были женщины Севастополя, такие нарядные, бодрые, да еще с цветами.

Вслед за Надей на КП появился Саша Багрий, он успел побывать на Херсонесском мысу и в Камышовой бухте. Все назначенные к эвакуации были благополучно отправлены на Большую землю.

Отдав необходимые распоряжения, я лег отдохнуть, но заснуть не мог. Кап, кап, кап! — падали с потолка капли воды, сильной болью отзываясь в голове. Посмотрел на часы: без четверти пять. А в пять наверняка начнется бомбежка...

Разбудили взрывы. Посмотрел на часы. Точно: пять.

— Вышковые сообщают, что в воздухе десятки бомбардировщиков, — встретил меня начальник штаба Малый. — Что бомбить-то?.. И так все разрушено, все горит...

И тут наш командный пункт так тряхнуло, что земля закачалась под ногами. Погас свет. Прекратили работу телефоны. Замолчали вентиляторы.

— Опять засыпало вход! — крикнул кто-то. — Прямое падание! Есть жертвы.

— Не иначе как специально бомбят наш район, — сказал вошедший Ефремов.

Вскоре появились Сарина и Петросян; они только что из города.

— Остановились СевГРЭС и оба спецкомбината, завод «Молот» и «Мехстройзавод» не работают... Морской завод противник обстреливает прямой наводкой. Нельзя носа высунуть...

— А как рабочие?

— Наиболее крепкие мужчины берут оружие, другие эвакуируются... Спецкомбинат № 1 покинули все рабочие. В штольне остались лишь руководители предприятий и боевая дружина... Со спецкомбината № 2 людей начали выводить. Руководят этим Степанченко и Гырдымова. Немцы совсем близко, обстреливают подходы к штольне. Но думаем, что все успеют уйти...

Петросян протянул мне какой-то листок.

— Возьмите, — сказал он. — Сводка о том, что сделано промышленностью города за время обороны. Правда, неполная. Может, пригодится...

Это были тяжелые, трагические минуты. Я понял, что хочет сказать Александр Акопович: «Вдруг погибну — историкам пригодится»... Стал читать: «Минометов — 2408, мин — 113 720, ручных гранат — 305 699, противотанковых и противопехотных мин — 231 549, авиабомб — 8714, построено три бронепоезда, поезд-баня». Затем Петросян подробно перечислял объем работ по ремонту боевых кораблей, транспортов, танков, самолетов, орудий, автомашин, ручного оружия, по выработке обмундирования, белья, обуви.

«Да, немало сделано севастопольцами в дни обороны, когда каждый день требовал напряжения всех сил — физических и моральных», — с волнением подумал я и спрятал драгоценный отчет в карман.

— Сколько осталось в городе населения?

— Немногим больше тридцати тысяч, — ответил Саша Багрий. — Это вместе с Балаклавой...

Поступило сообщение от секретаря Корабельного райкома Матвея Ивановича Воронина; боевая дружина спецкомбината № 1 вступила в непосредственное соприкосновение с противником, на комбинате все готово к взрыву. Вслед за ним позвонил секретарь Центрального райкома партии Василий Тихонович Лопачук. Он просил, если можно, прислать бойцов МПВО. Вышковые докладывали, что над городом появляются все новые и новые бомбардировщики.

Тогда же, на рассвете 29-го, раздался телефонный звонок.

— Немцы прорвались к Дергачам. Все поставь на «товсь», — сказал дивизионный комиссар Кулаков.

Это в двух-трех километрах от Малахова кургана. Значит, немцы на Корабельной стороне? Спецкомбинаты и СевГРЭС отрезаны от города? Как выяснилось, после сильной артиллерийской подготовки и под прикрытием дымовой завесы в районе спецкомбината № 1 немцы форсировали Северную бухту.

На экстренном совместном заседании городского комитета обороны и бюро горкома мы приняли решение: боевым дружинам сражаться на улицах города; немедленно взорвать спецкомбинаты, СевГРЭС, оставшееся оборудование Морского завода, паровозы; уничтожить другие ценности, которые не смогли отправить на Большую землю; оставшиеся документы городского комитета обороны, горкома и райкомов, первичных парторганизаций уничтожить, за исключением наиболее важных, которые подготовить к отправке; эвакуировать часть городского и районного актива; вывезти наличность денежных знаков из отделения Госбанка...

Последний номер газеты «Маяк коммуны» в осажденном Севастополе вышел, как и все номера в те дни, размером не более листа ученической тетради. Передовая этого номера называлась: «Преодолеем трудности, выдержим все испытания».

«...Около месяца идет упорная, героическая борьба, увенчавшая бессмертной славой наш Севастополь. Ценою огромных потерь достается озверевшей банде фашистских громил и убийц каждый метр советской земли...

Враг ожидал капитуляции. Он просчитался. Севастопольцы, свято хранящие боевые традиции своего города, всего русского народа, никогда не сдадутся... Никакие трудности, никакие испытания не сломят нашей воли к победе, не ослабят нашего желания всеми силами помогать фронту в разгроме врага...

Нашего упорства и стойкости врагу не сломить! Наш боевой дух непоколебим!..»

И действительно, несмотря на все лишения, дух севастопольцев не был сломлен.

К вечеру, когда бомбежка несколько утихла, на КП стали собираться отобранные для эвакуации товарищи. С ними я решил передать письмо жене, находившейся в Краснодарском крае. Написал, что обстановка сложная и удастся ли выбраться, не знаю. Поэтому просил все, что посылаю ей, сохранить, беречь сына и воспитать его преданным Родине.

Открыл несгораемый шкаф, часть бумаг сожгли. Некоторые газеты, личные письма, листовки, фотографии, записные книжки завернул и передал Павлу Яковлевичу Сарину, уезжавшему в ту ночь на Большую землю. Он как-то нерешительно взял сверток и, помедлив, попросил:

— Может, все-таки разрешите мне остаться? Вместе с Тоней? А дочь пусть уезжает.

— Нет, Павел Яковлевич, нельзя.

Уезжали Сарин, Бакши, Гырдымова, Суковский, Подойница, Михалева... Хотя час был поздний, от пожаров было светло, как днем. С Северной стороны били вражеские орудия, строчили пулеметы, в воздухе гудели самолеты, вокруг рвались бомбы, снаряды, мины.

Распрощавшись с отъезжавшими, мы пожелали им счастливого пути. Расставание было грустным. Да и кто мог поручиться, что нам еще удастся свидеться?

Антонина Алексеевна плакала. Впервые пришлось увидеть ее такой ослабевшей. Я сделал вид, что не заметил, и вышел из отсека.

После отъезда товарищей на КП стало как-то странно тихо. Все бродили понурые, молчаливые. Ведь столько времени — и какого времени! — работали рука об руку.

— Ты извини меня... — сказала позже Сарина. — Расстроилась... Может быть, больше и не увидимся... Хорошо, дружно мы с Павлом жили...

— Иди, Антонина Алексеевна, отдохни... Если что, разбужу.

— Некогда сейчас отдыхать... Да и не усну...

Передо мной стояла та же Сарина, какой я знал ее всегда: решительная, энергичная.

До аэродрома, как всегда, эвакуируемых сопровождали Саша Багрий, Надя Краевая и Маруся Ерахтина. Вернувшись, Саша сообщил, что добрались благополучно. А еще немного погодя, связавшись со штабом флота, он узнал, что самолет уже приземлился в Краснодаре.

В аппарате горкома партии и городского комитета обороны теперь оставалось всего шесть человек: Сарина, Петросян, Петровский, Терещенко, Тевянский и я. В аппарате райкомов было по два-три человека. В горкоме и райкомах комсомола — по одному. Каждый из нас понимал, что оставшиеся в Севастополе имеют не много шансов остаться в живых.

Поздно вечером поступило сообщение, что немецко-фашистские войска прорвались на Сапун-гору. В районе Суздальской горы они окружили отдельные подразделения 7-й бригады морской пехоты.

Я позвонил на КП флота и попросил соединить с членом Военного совета.

— Дивизионного комиссара Кулакова на КП нет, — ответил дежурный телефонист.

— Тогда соедините с вице-адмиралом Октябрьским.

— Его тоже нет.

— С капитаном 1-го ранга Васильевым.

— Нет его...

Я почувствовал, что телефонист отвечает мне, не вызывая абонента, и разозлился:

— Соедините, наконец, с дежурным по штабу!

— А кто это говорит? — поинтересовался телефонист.

— Борисов.

— Товарищ Борисов, с вами говорит дежурный телефонист. — Он назвал свою фамилию. — Военный совет и штаб переехали в другое место...

— Куда?

— На 35-ю батарею, на Херсонесский мыс.

Я попросил дежурного соединить меня с новым КП.

— Связи нет, вероятно, линия перебита.

Я сидел, продолжая держать в руках телефонную трубку. Сообщить товарищам? Решил немного повременить. И правильно сделал. С 35-й батареи позвонил генерал-майор Моргунов и сообщил, что Военный совет и штаб перебрались на Херсонесский мыс.

— Перебирайтесь и вы... — предложил он.

Немного подумав, я ответил Петру Алексеевичу, что сделать это никак нельзя, так как наш отъезд из города может дезорганизовать население. Тысячи севастьяпольцев вслед за нами потянутся на мыс, а это может создать там ненормальную обстановку.

Позднее стало известно, что в тот день вице-адмирал Октябрьский созвал заседание Военного совета. Командиры дивизий и бригад морской пехоты доложили, что в дивизиях осталось не больше трехсот — четырехсот человек, а в бригадах — по сто — двести, что нет боезапасов для артиллерии. Нет и авиационной поддержки... Военный совет решил внести в Ставку Верховного главнокомандующего предложение о том, чтобы оставить Севастополь. Было также решено, что военные советы и штаб флота, оборонительного района и Приморской армии переедут на 35-ю батарею береговой обороны.

Всю ночь на 30 июня наш КП сотрясся от взрывов. Вышковые сообщали о новых налетах, о боях на Корабельной стороне. К нам заходили руководители районов, докладывали о положении дел на предприятиях и в убежищах. То и дело прибегали связные... Это была самая тяжелая и тревожная ночь.

Утром я попробовал связаться с Военным советом по телефону. Из этого ничего не получилось. Тогда мы направили на 35-ю батарею одного за другим двух работников милиции на мотоциклах. Оба они не вернулись.

В полдень собрали совместное заседание городского комитета обороны и бюро горкома. На нем, как всегда, присутствовал секретарь обкома партии Федор Дмитриевич Меньшиков. Решили рекомендовать работникам райкомов и райисполкомов отходить на Херсонесский мыс, предварительно раздав населению остатки продовольствия. Связные направились в организации. А вышковые в это время докладывали, что бои идут уже на Малаховом кургане, за Куликовым

полем, вдоль Лабораторного шоссе. Перед вечером, узнав о том, что активисты понемногу перебираются на мыс, решили, что нам оставаться в городе тоже нет никакой необходимости.

Через каких-нибудь полчаса от КП отошла грузовая машина. На Херсонесский мыс выехали все работники горкома, горисполкома, штаба МПВО, Северного райкома и райисполкома, Ф. Д. Меньшиков с группой работников обкома партии, Саша Багрий, Надя Краевая. А вскоре выехали и мы — Ефремов, Сарина, я.

Мучила горечь, обида, неловкость от того, что мы уходим, а в городе остаются еще тысячи севастопольцев. Но иного выхода не было... Призвать население отходить на Херсонесский мыс или к Камышовой бухте было совершенно бесполезно. Там негде укрыться большому числу людей, и могли быть огромные жертвы. Кроме того, сосредоточение многих людей на небольшом участке земли помешало бы боевым действиям наших войск. Эвакуироваться на Большую землю все равно удалось бы немногим.

С воздуха самолеты гонялись за каждой машиной, за каждым человеком. С Северной стороны прямой наводкой били по городу орудия. Приходилось несколько раз выходить из машины и расчищать завалы. Как только выехали за город, возле нас разорвался снаряд. Все четверо были ранены. Шоферу перебило ноги. У меня над правой бровью застрял осколок, кровь заливала лицо. Сариной повредило руку. Ефремову один осколок угодил в ногу, а второй — в лежавший у него в левом нагрудном кармане кителя напильник, который он почему-то всегда носил с собой. Напильник, перебитый надвое, спас Ефремова от неминуемой смерти.

Выбравшись из покалеченной машины и доставив шофера в медсанбат, мы решили дождаться темноты. Противник сильно бомбил и обстреливал пути отхода.

Пулеметные очереди, стрельба из винтовок и автоматов раздавались все ближе и ближе. Договорились живыми в руки гитлеровцам не даваться.

Когда совсем стемнело, двинулись дальше. До Херсонесского мыса добрались с большим трудом. На 35-й батарее, где находилось командование оборонительным районом, настроение было тревожное.

— Получен приказ Ставки оставить Севастополь, — сказал вице-адмирал Октябрьский. — Меньшикову для большой группы актива предоставлен транспортный самолет. Они, вероят-

но, уже улетели. А вы немедленно отправляйтесь на подводную лодку...

Тяжело стало на душе от этого сообщения Филиппа Сергеевича. Наступили последние минуты нашего пребывания на родной севастопольской земле.

...Временная, на деревянных сваях пристань, построенная накануне третьего штурма, полна военных. Узнать кого-либо в темноте трудно. Вдали, над городом, — огромное зарево. Шум моторов вражеских самолетов, разрывы бомб, снарядов, стрельба — все сливается воедино. Незаметно, без огней, подошел катер. Через десять минут он доставил нас на подводную лодку. Последний взгляд на пылающий город, с которым навек сроднились, срослись наши сердца...

Подводная лодка легла на грунт, и сразу наступила мертвая тишина. Оглядевшись, я увидел много знакомых командиров и политработников. Из гражданских, кроме меня, были только Ефремов и Сарина.

— Лодка перегружена, как будет с кислородом? — беспокоился кто-то.

Утром заработали двигатели, и на большой глубине мы тронулись к кавказскому берегу. После стольких тревожных ночей клонило в сон, но лечь нельзя: слишком тесно. Некоторые спали сидя.

С поверхности моря слышался какой-то шум.

— Что это?

— Шум винтов.

— Как хорошо слышно.

А шум все приближался. Вдруг всплеск, судно закачалось. «Взрыв! Обнаружили!» Один взрыв следовал за другим, порой лодку как бы подбрасывало, осколки глубинных бомб барабанили по обшивке корабля.

Погрузились на предельную глубину, заглушили моторы. Вскоре нас оставили в покое. Видно, потеряли.

Я задремал и, показалось, немедленно проснулся от новых взрывов. По шуму винтов было ясно, что глубинные бомбы бросает уже не один охотник, а несколько.

На подводной лодке кроме команды находилось более ста человек: начальник ОВР контр-адмирал Фадеев, заместитель начальника штаба флота капитан 1-го ранга Васильев, начальник политотдела Приморской армии бригадный комиссар Бочаров, командир бригады морской пехоты генерал-майор Жидилов, командир дивизии полковник Капитохин, полковой

комиссар Вольфсон, комендант города майор Старушкин. Все хорошо знакомые товарищи.

Уже находясь на подводной лодке, мы узнали, что вице-адмирал Октябрьский и дивизионный комиссар Кулаков вылетели на самолете, а генерал-майор Петров, дивизионный комиссар Чухнов и генерал-майор Моргунов ушли на другой лодке. Войскам прикрытия дан приказ драться до последнего, оставшимся в живых прорываться в горы к партизанам. Командовать войсками прикрытия оставлен генерал-майор Новиков.

Контр-адмирал Фадеев, капитан 1-го ранга Васильев, командир и комиссар подводной лодки Фартушный и Селезнев постоянно заботились о том, чтобы благополучно добраться до места, сохранить личный состав и корабль.

Я внимательно наблюдал за работой подводников. Ведь когда-то и мне приходилось плавать на подводных лодках. Казалось, что мы не были такими проворными, не так хорошо владели техникой...

Шли вдоль южного берега Крыма, где вот уже восемь месяцев хозяйничали фашистские оккупанты. Там же, в лесах и горах, вели с ними беспощадную борьбу народные мстители — советские партизаны.

Время тянулось медленно. К вечеру дышать стало совсем трудно: сказывалась перегрузка. Нам порекомендовали как можно меньше двигаться. Ночью попытались всплыть, чтобы провентилировать помещения, зарядить аккумуляторы, но лодку обнаружили вражеские катера. Опять погружение. Противник на этот раз почему-то не бомбил.

Под утро проснулись от шума вентиляторов и струи свежего воздуха, ворвавшейся в отсек, — лодка всплыла на поверхность... Но вскоре пришлось снова погружаться. Опять эти проклятые катера, опять бомбежка...

— За сутки сброшено на нас свыше четырехсот глубинных бомб, — сказал командир корабля Фартушный. — Такого я еще не помню!

Одолевали мысли о покинутом Севастополе, беспокойство за тех, кто остался в городе, за тех, кто прикрывал отступающих. Многим ли удастся спастись? Хотелось скорее добраться до Большой земли и вновь включиться в борьбу с врагом. Я твердо верил, что наш переход пройдет благополучно. А противник все бомбит и бомбит...

Но вот далеко позади крымские берега. Бомбежка пре-

кратилась. Всплыли. Тихая, теплая июльская ночь. Подлодка уже шла под охраной наших самолетов и катеров.

3 июля утром, ровно через двое суток после отплытия от Херсонесского мыса, мы пришли в Новороссийск. Здесь узнали неприятные новости.

Мы рассчитывали, что в Новороссийске и Краснодаре встретим тех товарищей, которые во главе с секретарем обкома партии Федором Дмитриевичем Меньшиковым выехали с КП города за несколько минут до нас. Ведь им был предоставлен транспортный самолет... Оказалось, что самолет улетел, не дождавшись всей группы, потому что аэродром сильно обстреливали. Прилетел лишь Кулибаба и еще несколько человек.

Тут же на пристани нам рассказали, что на пути из Севастополя в Новороссийск на лидер «Ташкент», где находились раненые и эвакуированные, налетело несколько десятков бомбардировщиков противника. Корабль сильно пострадал. Дойти до Новороссийска ему помогли другие наши корабли. Только за пять дней перехода лидер «Ташкент» подвергся ста тридцати трем атакам вражеских самолетов, которые сбросили на него около четырехсот бомб. За героические подвиги вся команда корабля во главе с капитаном 2-го ранга Василием Николаевичем Ерошенко была награждена. Ордена вручил им Семен Михайлович Буденный.

Невыносимо тяжело было слышать, что немцы уже вошли в Севастополь. На Херсонесском мысу борьба продолжалась. Командование флота приняло меры, чтобы с помощью катеров и подводных лодок спасти возможно больше защитников города. Но вражеские самолеты и артиллерия не давали судам подойти к берегу. Подбирали лишь тех, кто находил в себе силу доплыть. Но таких было мало...

Оставшиеся на Херсонесском мысу воины продолжали героическую борьбу с врагом, пытались прорваться в лес, к партизанам. Через много лет фельдмаршал Манштейн писал:

«Противник предпринимал неоднократные попытки соединиться с партизанами в горах Яйлы. Плотной массой, ведя отдельных солдат под руку, чтобы никто не мог отстать, бросались они на наши линии. Нередко впереди всех находились женщины и девушки-комсомолки, которые, также с оружием в руках, воодушевляли бойцов».

На КП мы встретились с Октябрьским, Кулаковым и Булатовым. Рассказали о последних днях работы в Севастополе, о переходе.

На другой день Москва по радио передала сообщение Совинформбюро: «В течение 250 дней героический советский город с беспримерным мужеством и стойкостью отбивал бесчисленные атаки немецких войск...

Севастополь оставлен советскими войсками, но оборона Севастополя войдет в историю Отечественной войны Советского Союза как одна из самых ярких ее страниц. Севастопольцы обогатили славные боевые традиции народов СССР. Беззаветное мужество, ярость в борьбе с врагом и самоотверженность защитников Севастополя вдохновляют советских патриотов на дальнейшие героические подвиги в борьбе против ненавистных оккупантов...»

Вдруг неожиданно для себя и окружающих я начал плакать навзрыд. Ефремов и Сарина осторожно забрали у меня пистолет.

В тот же день на машине выехали из Новороссийска к своим семьям. Быстро добрались до станицы Северской, где находились наши с Ефремовым семьи. Сарина поехала дальше, в Краснодар, где ее ждали муж и дочь. У наших родных уже не было никакой надежды увидеть нас живыми.

Чуть передохнув, на другой день тоже направились в Краснодар, в Крымский обком. Наши же семьи выехали в Закавказье, а оттуда через Баку, Каспийское море и Краснодар были переправлены в Ташкент, затем во Фрунзе, где мы их значительно позднее и разыскали.

Мы доложили Крымскому обкому о работе партийной организации, городского комитета обороны и горисполкома в дни обороны, рассказали о героизме моряков, приморцев и трудящихся города. Нас спрашивали о судьбе многих товарищей. Но что можно было ответить? Знали одно: почти все оставшиеся партийные, советские, хозяйственные работники ушли из города на Херсонесский мыс. Теплилась надежда, что многим все-таки удалось на катерах, подводных лодках или на рыбацких судах выбраться на Большую землю, либо прорваться к партизанам.

В Краснодаре находились эвакуированные в последние дни обороны Кулибаба, Бакши, Сарин, Михалева, Суковский, Гырдымова, Подойницына... Вскоре мы радостно обнимались с Петровским, Лопачуком, Литвиновым, Кичатым, Троценко. Они выбирались кто как. Но не было еще среди нас секретаря Крымского обкома партии Меншикова, не было Нефедова, работников горкома Петросяна и Терещенко, секретарей райкомов Воронина и Крелевецкого. Не было Багрия,

Краевой, Степанченко, Бузина, Малого, секретаря обкома комсомола Домбровского. Мы ожидали их каждый день, но так и не дождались.

По поручению обкома партии принялись за составление письменного отчета о работе партийной организации Севастополя в дни обороны города. В работе над отчетом участвовало до двадцати человек. Оченьгодились пересланные в обком документы.

Мы все гордились высокой оценкой, данной севастопольцам в газете «Правда»:

«Железная стойкость гарнизона этого города-героя свидетельствует о том, что здесь до наших дней сохранились боевые традиции нашего народа для нашего молодого поколения. Удадь матроса Кошки была знакома каждому красноармейцу, защищавшему Севастополь. Она повторилась тысячами в еще более ярких поступках. Всей системой политиковоспитательной работы армейские и флотские большевики сумели вооружить каждого бойца. Идеологическая работа, проводимая среди населения городскими и районными партийными организациями, явилась одним из главных факторов стойкости, мужества и самоотверженности населения».

Вскоре и в журнале «Партийное строительство» мы прочли:

«Бок о бок с Красной Армией и Черноморским флотом отстаивали свой родной город трудящиеся Севастополя.

Рабочих, работниц, интеллигенцию, домашних хозяек, молодежь сплотила на борьбу большевистская партийная организация.

В самой сложной обстановке большевики Севастополя проявляли непоколебимую твердость, не поддавались панике, действовали как боевые организаторы масс, мужественно и храбро отстаивали каждую пядь земли...

У защитников Севастополя должны учиться не только бойцы Красной Армии, но и все партийные организации. Каждый советский город, каждое село, каждый метр родной земли надо защищать по-севастопольски».

Отчет, над которым мы работали несколько дней, был направлен в ЦК партии, а севастопольцы стали разъезжаться в разные концы. Я, Ефремов и Кулибаба были направлены в Москву, в распоряжение Центрального Комитета ВКП(б).

*Героическое прошлое Иванова. — Су-
ровый быт тылового города. — Глав-
ное — первичные парторганизации. —
«Дорогие наши фронтовики...». —
И дети — бойцы. — М. И. Калинин —
наш гость. — Вести из-под Сталин-
града. — Триста писем севастополь-
цев.*

В Центральном Комитете партии решили рекомендовать меня на работу в Иваново вторым секретарем горкома. Первыми секретарями горкомов областных и краевых центров тогда являлись, по совместительству, первые секретари обкомов и крайкомов. Я внутренне был настроен идти на фронт, в действующую армию, и поэтому недоумевал:

— Иваново? Почему Иваново?

Правда, еще до призыва на флот, как уже знает читатель, я работал на небольшой текстильной фабрике «Красные ткачи» вблизи Ярославля. О текстильной промышленности знаменитого Иваново-Вознесенска, о замечательных революционных традициях этого славного города был много слышан. Но с той поры прошло немало времени, поэтому не было у меня оснований считать себя знающим текстильное дело.

— Чем же вам не нравится Иваново?

— Иваново мне нравится, но почему я должен понравиться ивановским коммунистам?

— Мы советовались с Ивановским обкомом. Товарищи поддерживают вашу кандидатуру. Вы не новичок на партийной работе. И к текстильной промышленности имели отношение. Не так ли?..

Короче говоря, через несколько дней я был в Иваново. Согласившись работать в столице текстильного края, я, конечно, предварительно хотя бы заочно познакомился с эко-

номикой города и его замечательной историей, с работой ивановской парторганизации и ее составом.

...Поезд пришел в Иваново ранним утром. Первые впечатления, не скрою, были тягостны. Война наложила на город, на людей тяжелый отпечаток. На станции разгружался эшелон с ранеными, вокзал был битком набит измученными женщинами с детьми, сидевшими и спавшими на узлах и чемоданах. Проталкиваясь между ними, санитары проносили полумертвых от голода эвакуированных ленинградцев.

Сам город тоже показался унылым. По затемненным улицам изредка пробегали переполненные трамвайные вагоны, у хлебных магазинов вытянулись очереди.

В гостинице сразу же включил радио. Волновало положение на Волге. С этого начинался тогда день, пожалуй, у всех советских людей.

«В течение 30 сентября наши войска вели бои с противником в районе Сталинграда...» Опять ничего радостного.

В обкоме партии меня встретили как старого знакомого, подробно расспрашивали о Севастополе, героическая оборона которого была еще у всех свежа в памяти.

В тот же день бюро рекомендовало меня вторым секретарем горкома, а на завтра решено было созвать пленум городского комитета партии. Договорились, что в ближайшее же время я выступлю перед партийным активом с рассказом о защитниках Севастополя, о работе партийной организации в условиях блокады.

Пока было свободное время, решил побродить по городу. Побывал около текстильных фабрик, которых много в Иваново, заглянул в магазины, на базар. Я заводил разговоры с людьми, вслушивался в знакомый певуче-протяжный окаящий говор, которого давно не слышал, старался побольше набраться впечатлений о городе, где мне придется работать, о людях этого большого текстильного центра. И конечно, мысленно обдумывал, за что в первую очередь надо будет взяться.

Очереди у хлебных магазинов, на трамвайных остановках не уменьшались и днем. Заметил себе: надо разобраться, что тут можно сделать. Вечером сквозь неплотно зашторенные окна просачивается свет, — не годится так. И не выходил из головы переполненный вокзал. Как его разгрузить?

Афиши извещали: в областном драматическом театре идет пьеса Константина Симонова «Русские люди». Хорошо бы посмотреть! Давно не был в театре.

На главном проспекте большое здание из красного кирпича. Военно-морское училище ПВО. «И здесь моряки!» — обрадовался я и зашел. Познакомились. Меня сразу поймали на слове: попросили в ближайшие дни выступить с докладом об обороне Севастополя. Я пообещал и через несколько дней вновь побывал у моряков уже в роли докладчика.

В Иванове, как и в Севастополе, многое напоминало о славном прошлом города: названия улиц и площадей, имена, присвоенные фабрикам и заводам, памятники и мемориальные доски. Как узнал позже, были живы многие ивановцы — участники революции 1905—1907 годов, Октябрьского вооруженного восстания, гражданской войны, соратники Михаила Васильевича Фрунзе, бойцы 220-го полка из 25-й легендарной Чапаевской дивизии, комиссарами которой были иваново-вознесенцы Дмитрий Андреевич Фурманов и Павел Степанович Батурин.

Из надписей на мемориальных досках я узнал, что в доме по улице Багаева в 1895—1903 годах была конспиративная штаб-квартира социал-демократической организации Ивано-Вознесенска, в доме по Негорелой в 1905 году во время стачки иваново-вознесенских рабочих происходили собрания одного из первых Советов рабочих депутатов в России. А вот в другом в 1917—1918 годах находился штаб Красной гвардии. В здании, которое занимал исполком городского Совета, 16 марта 1917 года проводилось первое заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, а в здании обкома партии в 1918 году в президиуме Ивано-Вознесенского губкома РКП(б) работали М. В. Фрунзе и Д. А. Фурманов. Со старого вокзала в 1919 году отбыл на фронт особый отряд иваново-вознесенских рабочих.

В те далекие тревожные дни на заре Советской власти перед отъездом на Восточный фронт Дмитрий Фурманов поклялся: «Прощай, мой город. Не ударим мы лицом в грязь, не опозорим твое славное имя, твое героическое прошлое!»

Удивительно современно звучали эти слова. Клятву своего знаменитого земляка мысленно повторял, наверное, каждый ивановец, отправлявшийся воевать с гитлеровскими захватчиками.

По городу я ходил, как по музею. Названия улиц вызвали в памяти события и людей, которыми по праву гордились ивановцы. Например, Конспиративная улица носила это название потому, что на ней еще в 1892—1893 годах собирались члены первого подпольного марксистского кружка. Ули-

ца 3 июня напоминала о кровавой расправе самодержавия над рабочими на реке Талке в 1905 году. А улица Боевиков — о деятельности боевой большевистской дружины в 1905—1907 годах; улица 10 августа — о расстреле ивановских рабочих во время демонстрации в 1915 году. Городская площадь была переименована в площадь Революции в память о том, что на этом месте в 1905—1915 годах не раз собирались рабочие города на митинги протеста против царского произвола, против империалистической бойни.

Хотя это было первое и довольно поверхностное знакомство с городом текстильщиков, я все же непосредственно почувствовал тревогу его жителей за Родину, за Сталинград, где в те дни шли жестокие, кровопролитные бои. Для меня становились более ощутимыми трудности, которые выпали на долю ивановцев. Ведь население города почти сплошь состояло из женщин, детей и стариков.

...Сегодня пленум городского комитета партии. На стене красивого двухэтажного здания горкома укреплен мемориальная доска: «В 1918 году здесь работал Михаил Васильевич Фрунзе в бытность председателем Иваново-Вознесенского губисполкома». Невольно мелькнула мысль: надо держать марку.

Ивановские коммунисты говорили обо мне с большой теплотой и единодушно избрали секретарем городского комитета партии. Я, конечно, понимал, что оказанное мне доверие обусловлено прежде всего теми патриотическими чувствами, которые вызывали у наших людей Севастополь и его защитники.

С чего же начать работу? Планов и замыслов было много. Еще будучи в Москве, я имел в виду, что по крайней мере первые десять дней посвящу подробному знакомству с партийной организацией Иванова. Предполагал обязательно побывать на промышленных предприятиях, на железнодорожном узле, в райкомах, в воинских частях, ознакомиться с работой советских органов и городской комсомольской организации, с местной противовоздушной обороной. Хотелось обстоятельно побеседовать с рабочими, коммунистами, руководящими работниками, чтобы братья за работу со знанием обстановки. О своем намерении я сказал в областном комитете партии.

— Попробуйте, если удастся.

«Попробовать» не удалось. Жизнь сразу же изменила все мои планы. Шла жестокая война. Времени на постепенное

знакомство с обстановкой и людьми не было, пришлось немедленно браться за работу.

Председателем исполкома Ивановского горсовета в то время работал Петр Иванович Лахтин — потомственный текстильщик, ранее бывший директором текстильных фабрик, начальником главка хлопчатобумажной промышленности Наркомата текстильной промышленности, заместителем председателя облисполкома.

— Здесь, в Иванове, работы будет, пожалуй, не меньше, чем в Севастополе, — заметил он при знакомстве. — Правда, нас тут не бомбят и не обстреливают...

Невысокого роста, худощавый, Петр Иванович казался неуютным. В первый же день он водил меня из госпиталя в школу, из больницы в убежище, потом на базар, в магазины, столовые. Заглянули на некоторые коммунальные предприятия, знакомимся с работой МПВО. Сошлись мы и характерами. Когда через несколько месяцев третий секретарь горкома Александр Васильевич Воронин ушел на работу в обком и его заменил Лахтин, то сработались мы легко.

Петр Иванович очень хорошо знал город и городское хозяйство, хотя пришел в горисполком незадолго до моего приезда. Он много рассказывал об известных в стране текстильных предприятиях Иванова — Меланжевом комбинате, фабрике имени Дзержинского, «Красной Талке», Большой Ивановской мануфактуре. Мне сразу становился ясным и характер предприятия, и те задачи, которые стоят перед его партийной организацией.

В Иванове до войны было четырнадцать крупных текстильных предприятий, а работало на них свыше сорока пяти тысяч человек. После же мобилизации на большинстве фабрик осталось немногим более половины работающих. Только с Меланжевого комбината ушло на фронт около четырех тысяч человек. Взамен их в первые же два месяца войны пришло свыше тысячи новых работников. Сотни женщин, ранее ушедших с комбината, вернулись к станкам.

Терпеливо отвечая на мои многочисленные вопросы, Петр Иванович непременно интересовался моим мнением об увиденном и услышанном. Для него было важно сравнить все с Севастополем.

— А сколько в Севастополе было коммунистов?

— Когда?

— Ну, хотя бы в последнее время.

— В последние дни обороны нас, коммунистов, было четыреста.

— А до войны?

— До войны — около четырех тысяч.

— Так... А у нас в Иванове после всех мобилизаций осталось еще около десяти тысяч... А сколько населения в Севастополе?

— До войны — сто четырнадцать тысяч.

— А у нас около трехсот тысяч...

Конечно, не сразу удалось охватить вниманием даже самые главные, самые неотложные дела. На помощь мне охотно приходили новые товарищи по работе.

— Когда думаете начать свое знакомство с промышленностью? — на другой же день после пленума спросила меня Варвара Николаевна Малышева, секретарь горкома по текстильной промышленности, она же и секретарь первичной парторганизации аппарата горкома партии.

— Прежде всего хочу попросить вас рассказать мне подробнее о текстильных предприятиях. Можно сегодня же вечером, если вы не заняты.

Варвара Николаевна хорошо знала промышленность города, кадры. Ее рекомендовали как очень опытного партийного работника. В партию вступила еще в 1919 году, когда ей было всего девятнадцать лет. Окончив совпартшколу, некоторое время работала в партийных органах, затем училась в Свердловском университете, преподавала, а тридцати двух лет поступила в текстильный институт. Работала на ивановских фабриках инженером-технологом, затем вновь была направлена на партийную работу, в Ивановский горком. Работала инструктором, заведующей отделом, и вот теперь — секретарь горкома. Своей глубокой преданностью делу, неиссякаемой энергией и деловитостью она мне напоминала Антонину Алексеевну Сарину.

— В большом долгу мы перед государством, перед фронтом, — начала Малышева. — Но не рабочих это вина...

Варвара Николаевна говорила медленно, тщательно взвешивая каждое слово.

Я внимательно слушал ее, но многого не понимал. И задавал такие вопросы, что в глазах Варвары Николаевны то и дело появлялось выражение не то удивления, не то упрека. Тем не менее она терпеливо разъясняла мне технологию текстильного производства, даже набрасывала на бумаге нехитрые чертежики.

«Да, придется нелегко». Хотя я когда-то работал на текстильной фабрике, но прядения не знал. К тому же в «Красных ткачах» обрабатывали лен, а в Иванове — хлопчатобумажная промышленность. В свое время я был конторщиком, тарификатором, а теперь... Хотя духом и не падал, но чувствовал себя, особенно на первых порах, довольно неуверенно.

При первом же знакомстве с Варварой Николаевной я обратил внимание на ее суровый вид. Она никогда не смеялась, лишь иногда в ответ на удачную шутку чуть-чуть дрогнет краешком губ.

Работоспособность Варвары Николаевны была поразительна. Приходила она на работу раньше всех, много времени проводила на предприятиях. Но и тогда, когда она появлялась в кабинете, там тотчас же появлялась масса народу.

Вечерами мы засиживались. Варвара Николаевна делилась впечатлениями, говорила о трудностях, с которыми ежедневно приходилось сталкиваться, и, как правило, заканчивала разговор словами восхищения по поводу ивановских работниц.

— Сами убедитесь. Таких тружениц, как у нас, не сыщешь...

Варвара Николаевна любила вспоминать о женщинах, сыгравших видную роль в революции, в гражданской войне, об участии ивановских ткачих в становлении Советской власти. Одних она знала лично, о других рассказывали друзья. От нее я услышал много подробностей о старой коммунистке Ольге Афанасьевне Варенцовой, о бойце гражданской войны Марусе Рябининой, о старой ткачихе Таисии Ивановне Шувандиной.

— Ведь это Ольга Варенцова вместе с Сергеем Шестерниним собирали для Владимира Ильича материалы о положении рабочих в текстильной промышленности, — кстати вспомнит Варвара Николаевна. А как-то раз она даже пожуривала меня: я, севастополец, не знал, что Ольга Афанасьевна Варенцова в 1921 году в Севастополе руководила женотделом... Имя Ольги Афанасьевны Варенцовой, создательницы в 1892 году в Иваново-Вознесенске первого революционного кружка, участницы Октябрьского восстания в Москве, носила одна из текстильных фабрик.

Имя Маруси Рябининой было присвоено одной из улиц Иванова. Когда в начале 1919 года над Советской республикой нависла смертельная угроза, молодая коммунистка Ма-

руся Рябинина вступила в отряд иваново-вознесенских ткачей, влившийся в знаменитую 25-ю Чапаевскую дивизию. В тяжелых боях за Уфу в мае 1919 года, когда, казалось, атака чапаевцев вот-вот захлебнется, боец Рябинина с криком: «За мной, товарищи! Вперед!» — первой бросилась через реку вплавь. За ней поднялись все бойцы.

В том бою Маруся погибла. Василий Иванович Чапаев, узнав о ее подвиге, сказал: «Побольше бы таких. Вот с кого пример надо брать...»

С потомственной ткачихой Таисией Ивановной Шувандиной я познакомился в обкоме партии на первом же совещании по вопросам работы текстильной промышленности.

С четырнадцати лет трудилась Таисия Ивановна на фабриках Шуи, а затем Иванова. Одной из первых на фабрике имени рабочего Федора Зиновьева она взялась обслуживать два, потом три, потом и четыре платтовских ткацких станка. Когда всю страну облетела весть о трудовом рекорде донецкого шахтера Алексея Стаханова, Таисия Ивановна перешла на обслуживание двадцати станков. За большие трудовые успехи Т. И. Шувандина награждена орденом Ленина.

В 1936 году Таисия Ивановна Шувандина была делегатом Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов, на котором принималась Конституция нашей страны, позднее — делегатом XVII Всероссийского съезда Советов, а весной 1939 года от имени ивановцев приветствовала XVIII съезд партии. В том же году она вступила в ряды Коммунистической партии.

Когда началась война, Таисия Ивановна работала самоотверженно. Но, как всегда, находила время и для общественных дел. Дважды в составе делегаций трудящихся Иванова она выезжала на фронт.

Три человека — три разные жизни. Но каждая вобрала действительно типичные, главные черты, характеризующие поколения ивановских текстильщиц. Я и впрямь проникся к ивановским женщинам чувством глубочайшей симпатии. И в Севастополе, и в Иванове неоднократно имел возможность убедиться в необычайной силе духа, в самоотверженности наших женщин.

Первым текстильным предприятием, с которым я познакомился вплотную, был Меланжевый комбинат имени Фролова — самое молодое и в то же время самое крупное промышленное предприятие города. На комбинате работало более десяти тысяч человек — все женщины, подростки.

Много станков бездействовало — не хватало рабочей силы. Один из цехов и вовсе погружен во тьму.

— Не дают электроэнергии. Все рабочие — на выгрузке топлива; — мрачно заметил директор Константин Григорьевич Косько.

На прядильной фабрике я познакомился с коммунисткой Александрой Васильевной Ситниковой. Перед самой войной она собралась уйти на пенсию. Но, проводив единственного сына на фронт, осталась работать. Кому мила опустевшая квартира?.. Проворные, уверенные движения рук лучше всяких характеристик представляли Ситникову как большого мастера своего дела. Но отчего крепко сжаты губы, скорбные морщины на лице? Секретарь парткома Андрей Платонович Никитин рассказал мне потом, что в одном из первых сражений был убит ее сын. Только на работе, среди людей, она хоть немного забывалась...

Андрей Платонович представил мне Зою Романовну Ефимову и помощника мастера комсомолку Дусю Смирнову. Эти работницы были инициаторами многих замечательных начинаний.

— Если бы все трудились так, как Ситникова, Ефимова, Смирнова, мы бы вдвое перевыполняли план, — заметил Косько.

У большинства моих собеседниц были одни и те же вопросы: когда станет лучше с сырьем и электроэнергией? А то простоев очень много... Почему не принимаются решительные меры к людям, уклоняющимся от труда? Рабочих рук-то не хватает...

Об этом же горячо говорила и Таисия Ивановна Шувандина, когда я пришел на фабрику имени Федора Зиновьева. Эта фабрика, как и все текстильные предприятия Иванова, выполняла в основном заказы фронта. Здесь трудилось несколько тысяч человек. Имена передовиков фабрики — Таисии Ивановны Шувандиной и Елизаветы Андреевны Гоноблевой в нашей стране были хорошо известны.

С Таисией Ивановной мы встретились уже как старые знакомые. Она вызвалась сопровождать меня по цехам.

— Видите, станки стоят? Не хватает хлопка, электроэнергии... А то бы, знай наших, работали бы день и ночь. Да и заработки из-за простоев плохие. У каждой еще на руках детишки. Мужья на фронте, иных уже нет в живых...

— Уж кто-кто, а вы, Таисия Ивановна, понимаете, что

причины невыполнения плана кроются, наверное, не только в нехватке сырья и электроэнергии.

— Конечно, не только в этом, — согласилась старая работница. — Больше надо посылать людей на заготовку торфа и дров, тогда и электростанции лучше заработают. Экономить надо. И за бесхозяйственность поостроже спрашивать. Что касается наших кадровых работниц, то за ними дело не станет. Каждая может справляться за троих. А вот тем, кто пришел на фабрику, только чтоб рабочую карточку получать, спуску нельзя давать...

Дело говорила Таисия Ивановна, и я был ей благодарен за толковые советы.

С каждым днем становилось яснее, что текстильная промышленность города отстает не по вине рабочих, что многое зависит от нераспорядительности руководителей, часто от общей неорганизованности, допускаемой в городском коммунальном хозяйстве и торговле. Скоро представилась возможность еще раз убедиться в правильности этих выводов.

— Вы все к текстильщикам да к текстильщикам, — как-то упрекнул меня секретарь горкома Александр Дмитриевич Творогов, ведавший легкой, местной и кооперативной промышленностью. — Ведь у нас немало и других предприятий. Они тоже выполняют фронтные заказы.

— Между прочим, в городе есть и машиностроительные заводы и железнодорожный транспорт, — поддел меня секретарь горкома Николай Васильевич Чистов, занимавшийся этими отраслями.

— Погодите, дайте срок. А то боюсь, что в погоне за несколькими зайцами ни одного не поймаю, — отшутился я. Но на другой же день вместе с Твороговым и первым секретарем Октябрьского райкома партии Николаем Васильевичем Жуковым отправился на завод, выпускавший продукцию важного оборонного значения.

Работой коллектива этого передового предприятия гордилась вся область. Уже несколько месяцев подряд он завоевывал переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны.

В Севастополе перед войной и в дни обороны города я не раз был свидетелем образцового отношения к труду. Но, придя на этот завод, поразился: до чего же умело организована работа! Все операции были четко отлажены, движения рабочих быстры, уверенны. В цехах чистота, порядок. Придирчиво относились к качеству продукции.

— Здорово работаете! — искренне вырвалось у меня.

Потом уже, в кабинете директора Георгия Герасимовича Лебедева, где был и секретарь парткома Андрей Афанасьевич Заикин, я долго допытывался, как им удалось хорошо наладить производство. Во время беседы я убедился, что в успехах этого предприятия есть заслуга и Александра Дмитриевича Творогова, который, по всему было видно, знал толк в этом деле. К замечаниям и советам Творогова все прислушивались.

Если здесь удалось наладить работу, почему же нельзя на других предприятиях? Ведь условия в конечном счете для всех одинаковы. И этот завод испытывал перебои с сырьем и энергией, и здесь не хватало рабочих рук. Значит решающая роль принадлежит организации труда, крепкой дисциплине. Залог успеха — в работе с людьми. Старая истина заново открылась мне.

Партийные работники трудились напряженно, засиживались до глубокой ночи. День обычно проводили на предприятиях, в организациях. Для работы над документами оставались спокойные вечерние и ночные часы.

Втянулся и я в этот ритм. Однако, несмотря на текущую загрузку, как новому человеку, мне хотелось поглубже узнать, чем и как жил город с первых дней войны. Помимо бесед с товарищами пришлось вечерами знакомиться с документами и материалами. Я перечитал много протоколов, архивы партийной информации, всевозможные сводки, письма, заявления, подшивку газеты «Рабочий край».

Ивановцы не спасовали перед лицом тяжелых испытаний, обрушившихся на нашу страну. Они воевали и работали, высоко неся честь родного города.

На второй же день войны собрался партийный актив. «Подчинить работу всех организаций города выполнению основной военной задачи страны — обеспечить победу Красной Армии над фашистскими агрессорами, — говорилось в решении собрания. — Парторганизации должны стать боевыми политическими штабами предприятий и учреждений и находиться в полной боевой готовности».

Актив призвал всю партийную организацию, рабочих, интеллигенцию, служащих еще теснее сплотиться вокруг большевистской партии и Советского правительства.

В первые же дни войны по мобилизации и добровольно из Иванова ушли на фронт десятки тысяч мужчин, тысячи женщин. Среди них было около четырех тысяч коммунистов

Митинг рабочих Ивановского меланжевого комбината 22 июня 1941 года

Ивановцы
отправляются на фронт

М. И. Калинин на Ивановском меланжевом комбинате

Дусю Лебедеву и ее подруг поздравляют с новой трудовой победой

Вручение переходящего знамени Государственного Комитета Обороны коллективу Ивановского завода

Кровь доноров города Иванова отправляют на фронт (1943 год)

Группа партийных, советских и комсомольских работников Иванова
(1943 год)

Разгрузка парохода «Менделеев» во Владивостокском порту

и пять тысяч комсомольцев. Партийные и комсомольские организации области и города проводили мобилизацию за мобилизацией, создавали специальные части, отбирали лучших людей в партизанские отряды, в десантные войска, в лыжные бригады.

На фронт ушли сто пятьдесят секретарей первичных парторганизаций. В восьмидесяти четырех организациях осталась лишь половина коммунистов. В Красную Армию было направлено сто руководящих работников.

Ивановцы-фронтовики, как их отцы в годы гражданской войны, свято выполняли свой патриотический долг. Они стояли насмерть под Ленинградом, под Москвой и Сталинградом. Когда в октябре 1941 года начались упорные бои под Москвой, в рядах защитников столицы были тысячи и тысячи ивановцев.

«Дорогие друзья, — писали они рабочим-землякам. — На долю нашего соединения выпала почетная задача оборонять подступы к Москве. Мы заверяем вас, что будем оборонять Москву так, как в годы гражданской войны ивановские пролетарии под руководством Михаила Васильевича Фрунзе защищали молодую Советскую республику от белогвардейских полчищ. Мы клянемся свято хранить традиции ивановских пролетариев».

Свою клятву они сдержали — не пропустили врага в столицу нашей Родины, а потом погнали его далеко на запад.

Летчик-истребитель ивановец Николай Морозов в воздушных боях сбил семь фашистских самолетов и погиб как герой. Комсомолец Анатолий Рыжиков, сын помощника мастера с фабрики имени Крупской, в бою с гитлеровцами шестерых из них уничтожил гранатой, а троих заколол штыком. Анатолию Рыжикову было присвоено звание Героя Советского Союза. Воспитанница 30-й средней школы, студентка Института физической культуры комсомолка Зоя Первушина, находясь в партизанском отряде, не раз выполняла важные задания командования.

Те, кто оставался в тылу, перестроили свою жизнь на военный лад. Машиностроители вместо мирной продукции стали производить оружие, боеприпасы, спецмашины. Текстильщицы выпускали для фронта специальные ткани. Рабочие легкой промышленности шили обмундирование, белье, обувь, делали парашюты. Деревообрабочники поставляли на фронт аэросани, приклады для винтовок и автоматов, лыжи, тару для боеприпасов.

Железнодорожники самоотверженно водили военные эшелоны. Как и транспортники всей страны, они работали под девизом: «Воинским поездам — зеленую улицу!» Член партии машинист Титов за первые четыре месяца войны провел тридцать три тяжеловесных поезда с военными грузами, коммунист Снегирев — тридцать два.

Мне рассказывали, какие тяжелые дни пришлось пережить ивановцам осенью 1941 года, когда гитлеровские войска рвались к Москве. Казалось, враг вот-вот может очутиться и у стен Иванова. Не все выдержали испытание. Нашлись паникеры, которые, бросив работу, уезжали подальше в тыл. Поддались паническому настроению и некоторые руководители: остановили предприятия, стали разбазаривать готовую продукцию. Но трусы получили по заслугам. Партийная организация, трудящиеся города сумели перебороть настроение, охватившее слабых духом.

Ткачихи, прядильщицы, служащие, домохозяйки заменяли мужчин на тех работах, которые испокон веков считались неженскими. Они становились помощниками мастеров, машинистами, кочегарами, токарями, слесарями.

Многим ивановцам было известно имя престарелой работницы Меланжевого комбината коммунистки Марии Ксенофонтовны Шапкиной. Ей давно пора было уходить на пенсию, но она об этом и не думала, трудилась не покладая рук. Хорошо знали в городе и домохозяйку Молочникову, которая вместо мужа стала работать токарем на заводе текстильного машиностроения.

Вспоминаю трудовой подвиг кочегара паровоза Барановой. Она проработала тридцать четыре часа подряд, но без долгих уговоров согласилась вновь стать к топке, чтобы довести военный состав до места назначения.

В Иванове было сформировано несколько дивизий, Ивановский добровольческий полк имени Дмитрия Фурманова, истребительный батальон, комсомольский батальон истребителей танков... Выполняя волю ивановцев, Государственный Комитет Обороны постановил сформировать 332-ю Ивановскую дивизию имени Михаила Васильевича Фрунзе. Каждый четвертый боец этого соединения был коммунист. Почти все воины дивизии — рабочие ивановских предприятий.

Каждому соединению, каждой части, отправлявшимся на фронт, в торжественной обстановке вручалось Красное знамя. Ивановцы фронтовики с честью несли эти знамена через все испытания войны.

«Получив от вас знамя при отъезде на фронт, мы уверенно заявили, что будем высоко его нести и не запятнаем символ наших побед, — писал ивановцам командир одной части. — Сегодня мы рады сообщить всем трудящимся Ивановской области, что свое обещание мы выполнили с честью. Полученное от вас знамя гордо развевается на полях сражений с фашизмом. Мы его бережно храним, как самый дорогой подарок. Честь знамени не уронена в минувших боях. С большой гордостью сообщаем, что ивановцы на фронте борьбы с фашизмом сражаются, как львы».

7 ноября 1941 года эта дивизия участвовала в параде на Красной площади и прямо оттуда ушла на фронт. Не всем ивановцам, конечно, было известно, что их земляки проходили в тот день мимо ленинского Мавзолея на Красной площади. Узнав о параде в Москве, они были переполнены до глубины души волнующим чувством сопричастности к этому историческому событию.

Между бойцами дивизии и трудящимися Иванова поддерживалась тесная связь. Она выражалась в обмене делегациями, оживленной переписке. Ивановцы дополнительно направили в дивизию большую группу хорошо обученных автоматчиков, изготовленное сверх плана оружие. Не менее крепкой была дружба трудящихся с бойцами, командирами и политработниками 307-й и 117-й Ивановских стрелковых дивизий. Постоянная забота о фронтовиках, помощь их семьям поднимали боевой дух воинов, воодушевляли их родных и друзей в тылу на новые трудовые подвиги.

Тридцать тысяч рабочих, служащих и студентов вступили в те грозные дни в народное ополчение. Десятки тысяч вышли на строительство оборонительных рубежей. Свыше сорока тысяч стали пожарниками, бойцами МПВО и групп самозащиты. Семнадцать тысяч ивановских женщин были донорами.

Ивановцы участвовали в обороне Москвы и Ленинграда, строили на подступах к ним оборонительные сооружения. Многие тысячи женщин и детей, эвакуированных из Ленинграда, нашли приют в Иванове и Ивановской области.

Один из ленинградцев так описывает встречу в Иванове: «Когда наш эшелон эвакуированных ленинградцев прибыл на ивановский вокзал, каждый вагон оказался окруженным людьми в белых халатах. Мы, откровенно говоря, несколько даже обиделись на такую строгость. Но вот люди в белых халатах начали выносить детей, выгружать багаж и

распределять гостей по местам отдыха. Для нас все стало ясно. Мы почувствовали заботу, внимание трудящихся города».

«Дорогие товарищи ленинградцы! — писали трудящиеся Иванова в своем обращении к населению героического Ленинграда в сентябре 1941 года. — В борьбе за Ленинград вы не одни. Нам, ивановцам, одинаково с вами дорога социалистическая Родина и ее революционная твердыня — город Ленина...»

Это чувство солидарности, доброжелательности, готовность поделить последним, лишь бы облегчить участь своих соотечественников, оказавшихся в невыносимо трудных условиях, проявились и тогда, когда были освобождены от захватчиков город Калинин и районы Калининской области. Ивановцы за короткий срок собрали и отправили калининцам много верхней одежды, белья, обуви, постельных принадлежностей, посуды, свыше полумиллиона рублей деньгами. Сельское население области собрало десятки тонн продовольствия и семенного материала.

Наибольшее удовлетворение партийным работникам приносило общение с людьми. Каждое посещение фабрики или завода, откровенные беседы с рабочими, руководителями цехов, предприятий помогали обобщать опыт, вскрывать недостатки. Со стороны многое виднее. Мы старались прислушиваться к каждому замечанию. Так накапливались факты по тому или иному вопросу, который выносился на обсуждение бюро горкома партии. Решали, что можно перенести из опыта работы одних предприятий на другие, какая помощь хозяйственному руководству и партийным организациям окажется наиболее плодотворной. Но бывало и так: бьемся долгие месяцы над решением какой-нибудь проблемы, а выход, оказывается, рядом. И требовалось лишь посоветоваться с рабочими.

Раздумывая над пережитым, я не раз возвращаюсь мыслью к тому, как много значит для партийного работника повседневное общение с людьми. Многообразна деятельность секретаря горкома и партийного работника вообще. Какими только вопросами не приходится заниматься! Сколько идет народу! И люди справедливо полагают, что партработники со всеми вопросами должны быть знакомы, что они проявят чуткое отношение, дадут правильный совет, окажут необходимую помощь. Если внимательно выслушать посетителя и убедительно растолковать, почему, например, его просьбу

пока удовлетворить нельзя, или объяснить, почему он неправ в своих требованиях, то посетитель поверит и уйдет не обиженным. Партийному работнику нередко приходится сталкиваться с такими вопросами, ответ на которые не найдешь ни в одном справочнике, ни в одной инструкции, ни в одном постановлении. А ты должен дать ответ, потому что его ждут. Ты отвечаешь за судьбы людей, тебе нельзя ошибаться. Это, на мой взгляд, главное в работе партийного руководителя.

В один из первых дней работы в Иванове я поделился впечатлениями с Георгием Николаевичем Пальцевым, первым секретарем обкома и горкома. Спросил: в чем он видит главные причины отставания текстильной промышленности?

— Сделано ивановцами немало, — задумчиво ответил Георгий Николаевич. — Приходилось одновременно выполнять десятки сложных заданий. Мобилизация людей на фронт, строительство укреплений, оборудование госпиталей... Все это необходимо. Но вы правы: ивановцы свой долг перед страной еще не выполнили. Текстильщики недодали стране миллионы метров тканей. И главное не в том, что не хватает рабочей силы, сырья, топлива, электроэнергии. Главное — в недостатках нашего руководства... Скоро обком будет отчитываться в Центральном Комитете партии, — сказал напоследок секретарь обкома. — Работа партийной организации подверглась глубокой, всесторонней проверке. Полагаю, что нам следует серьезно подумать над этими вопросами.

На другой день секретарь обкома был вызван в ЦК партии. После возвращения Пальцева из Москвы сразу же собрался пленум обкома партии. На повестке дня: постановление ЦК ВКП(б) о работе Ивановского обкома.

Центральный Комитет партии подверг резкой критике организацию работы в текстильной промышленности области. В постановлении было сказано, что обком, горкомы и райкомы партии оказались оторванными от действительного положения дел на фабриках, плохо вникают в хозяйственные дела текстильных предприятий, не сумели мобилизовать партийные организации и рабочих, специалистов на устранение недостатков.

Такая оценка деятельности наших партийных органов была справедлива. Ведь производственная мощность текстильных предприятий Ивановской области составляла примерно половину мощности всей текстильной промышленности страны, и невыполнение плана (только за девять месяцев 1942

года ивановцы недодали более шестисот миллионов метров тканей) серьезно ухудшило общее положение с тканями, из которых большая часть шла на нужды фронта.

— Как видишь, мы с тобой были недалеко от истины, когда говорили о недостатках нашей работы, — сказал мне во время перерыва Г. Н. Пальцев.

На этом же пленуме был заслушан содоклад о решении Совнаркома СССР об улучшении работы текстильной промышленности.

Выступления на пленуме были острыми, самокритичными. Много говорилось о простоях оборудования, об отсутствии запасных частей и деталей, о перебоях с сырьем, топливом, материалами, о многочисленных нарушениях трудовой дисциплины и слабой постановке массово-политической работы на предприятиях.

Руководители ряда предприятий плохо заботились о быте рабочих, не занимались по-настоящему столовыми, детскими учреждениями, общежитиями. Каждое такое выступление было, конечно, «камешком в огород» горкома партии.

Особенно запомнилось выступление Варвары Николаевны Малышевой. Конкретными примерами из работы горкома партии она подтвердила справедливость постановления ЦК партии.

— Сказать хотя бы о нашей страсти к заседаниям и совещаниям, — заявила Малышева. — Заседаем тогда, когда от нас ждут конкретной, практической помощи. Нельзя больше мириться с запущенностью организационно-партийной и массово-политической работы на текстильных фабриках...

Пленум обкома признал правильную критику работы партийных органов области и утвердил план организационно-технических мероприятий и массово-политической работы на предприятиях текстильной промышленности по выполнению постановления ЦК партии и Совнаркома СССР. Пленум поставил перед партийными организациями задачу в кратчайший срок добиться, чтобы все коммунисты и комсомольцы заняли ведущее место на производстве, чтобы партийная работа не отрывалась от производственных задач, чтобы партийные организации не чурались острых вопросов производства и быта.

Через несколько дней мы провели пленум городского комитета партии. Затем прошли партийные, комсомольские и профсоюзные собрания. Общими усилиями были определены пути исправления ошибок.

Перестраивая работу, партийные организации Иванова стремились к конкретности руководства. На месте разбирались с экономией сырья, топлива, металла, электроэнергии, будили рационализаторскую мысль, следили за тем, чтобы каждое ценное предложение внедрялось в производство. На заседаниях бюро, на собраниях аппарата горкома мы обменивались мнениями о том, как выполняется решение ЦК партии.

Особого внимания требовали секретари первичных организаций. Во многих случаях к руководству пришли молодые по возрасту и партийному стажу коммунисты. Работники райкомов и горкома чаще наведывались к ним, советовались, совместно намечали пути решения той или другой задачи. В райкомы вызывали не для очередной «накачки», а знакомили с передовым опытом отдельных организаций. Горком организовал трехдневный семинар секретарей парторганизаций, посвященный партийно-политической работе. Секретарям партийных организаций рекомендовалось глубже вникать в хозяйственные дела, первоочередное внимание уделять выполнению производственных планов, а прежде всего заказов фронта.

На семинаре выступали не только руководящие работники города и районов, но и секретари парткомов: Меланжевого комбината — Никитин, «Красной Талки» — Чернышева, Большой Ивановской мануфактуры — Докетова. Выступила и Таисия Ивановна Шувандина. Она в это время уже работала секретарем цехового партбюро. Внимательно слушали ее участники семинара. Привлекали ее жизненный опыт, партийная принципиальность, умение подходить к людям и поднимать их на большие дела. Таисия Ивановна с гордостью сообщила, что все сто семнадцать коммунистов цеха показывают пример другим. Одну фамилию за другой называла она, рассказывала, как учатся коммунисты, как помогают товарищам.

Посещая предприятия, мы прежде всего задавали вопросы: как выполняется производственный план? Как работают коммунисты и комсомольцы? Как помогают они своим товарищам выполнять план?

Городская партийная организация стремилась не упустить из поля зрения ни одного важного вопроса внутрипартийной, массово-политической работы, со знанием дела направляла хозяйственную деятельность. В этом духе воспитывались низовые партийные руководители. Большое внимание обращалось на политическую учебу коммунистов, в особенности

тех, кто недавно связал свою судьбу с партией. А их число непрерывно возрастало. Заявления с просьбой принять в ряды Коммунистической партии подавали тысячи ивановцев.

«В дни Великой Отечественной войны считаю своим долгом пополнить ряды партии,— писала работница Вера Степановна Мудрова.— Отдам все силы, а если потребуется, и жизнь борьбе за светлое будущее, за коммунизм».

«Вступая в ряды ВКП(б), обязуюсь все силы отдать для Родины, для победы над проклятыми захватчиками» — это слова из заявления кочегара Владимира Григорьевича Божукова.

Сколько достойных, преданных социализму людей мы приняли тогда в партию!

Между тем отдельные работники горкома и райкомов, увлекшись хозяйственными делами, забывали о сущности политического руководства, сами становились снабженцами и толкачами. Старались для тех фабрик и заводов, за которыми были закреплены, «выкроить» несколько лишних вагонов топлива, десятков-другой мешков картофеля, настаивали на увеличении лимита электроэнергии, вместо того чтобы добиваться ее экономного расходования. Случалось, что такие работники по несколько дней сидели на железнодорожной станции и «продвигали» вагоны с грузами.

— Куда это годится? — возмущался Степан Ефимович Комяков, заведующий организационно-инструкторским отделом горкома. — Так мы не поднимем производства...

Степан Ефимович был вдумчивым партийным работником, прямо-таки влюбленным в свое дело. Обычно его поддерживал заведующий отделом пропаганды и агитации горкома Михаил Иванович Никитин. Степан Ефимович и Михаил Иванович старались научить «снабженцев» и «толкачей» действовать по-партийному.

Подмена хозяйственников иногда происходила помимо воли партийных работников. Уж очень часто на предприятиях возникали всевозможные нужды, а некоторые хозяйственники, вместо того чтобы изыскивать внутренние резервы и нацеливать коллектив на экономию сырья, топлива, электроэнергии, на развитие подсобного хозяйства, шли по линии наименьшего сопротивления — просили горком посодействовать увеличению лимитов. И работники аппарата горкома «изыскивали» возможности помочь, иногда в ущерб общему делу. На бюро райкомов и горкома обсуждались такие вопросы, которые можно было решить в советских или проф-

союзных органах. Перегружалась повестка дня, отвлекались люди, дело страдало.

— Эти вопросы надо обсуждать на бюро только в случае крайней необходимости, — не раз настаивал Комяков.

А хозяйственники, работники советских органов и иные из партийных руководителей стояли на своем:

— Когда имеется решение партийных органов, все идет иначе, есть гарантия...

— Значит, надо повысить ответственность за выполнение решений советских органов, — отвечал Комяков.

По его настоянию многие вопросы мы стали передавать на рассмотрение исполкомов городского и районных Советов, профсоюзных организаций, проверяя лишь выполнение решений. Таким образом, получили возможность больше времени уделять работе с кадрами, в первичных партийных организациях.

Второй секретарь обкома Григорий Матвеевич Капранов постоянно бывал на фабриках и других тащил за собой. Ежедневно запрашивал информацию, обращал наше внимание на те или другие упущения. Бывало, звонит:

— Товарищ Борисов, вчера заглянул на Меланжевый. Что-то ваших людей там не видно. Из райкома, говорят, тоже давно никого не было...

— Внутрипартийная работа на фабрике имени Дзержинского совсем заглохла, — говорил он в другой раз. — Не потому ли многие коммунисты там не выполняют план?

— На Большой Ивановской мануфактуре плохо с общезжитиями: тесно, холодно, у многих нет постельных принадлежностей. Займитесь, пожалуйста, — напоминал его следующий звонок.

Простой и отзывчивый, Григорий Матвеевич пользовался у рабочих большим уважением. Бывший рабочий текстильной фабрики, директор предприятия, Капранов хорошо знал текстильную промышленность, руководящие кадры, рядовых работниц. Позднее Григорий Матвеевич был избран первым секретарем обкома партии, затем назначен первым заместителем министра легкой промышленности. В последние годы жизни был заместителем министра социального обеспечения РСФСР. Уже работая в Москве, я виделся с ним довольно часто. До последних дней жизни он не утратил ни простоты, ни энергии. В последний раз мы встретились в мае 1960 года.

— Чувствую себя хорошо, — ответил он на традиционный вопрос. А через несколько дней умер. Не выдержало сердце

многолетней напряженной работы. Капанову было тогда всего пятьдесят три года...

Первым предприятием, выполнившим план, оказалась Ново-Ивановская мануфактура. Я побывал на ней вскоре после пленума обкома партии. Коллектив тогда сделал серьезные выводы из критики Центрального Комитета партии по поводу работы текстильщиков. А до войны, как рассказывали товарищи, это предприятие было в числе передовых, являлось инициатором многих ценных починов. Например, в 1939 году за уплотнение рабочего дня и образцовую организацию труда ткацкая фабрика этого предприятия первой в области завоевала звание стахановской. Многих рабочих наградили орденами и медалями. Ткачиха Фекла Павловна Майорова получила орден Ленина, директор Андриан Прокопович Кривцов — орден Трудового Красного Знамени, а секретарь парткома Мария Васильевна Козлова — орден «Знак почета».

Почти все мужчины с Ново-Ивановской мануфактуры ушли на фронт. Не хватало специалистов, в том числе помощников мастеров, выполнение производственного плана оказалось под угрозой срыва. По призыву партийной организации мужскими профессиями быстро овладевали женщины, возвратились на фабрику пенсионеры, пришли работать домохозяйки и подростки. Ткачихи стали обслуживать большее количество станков. Постепенно дело пошло на лад.

И вот новое испытание. Фабрика должна была освоить выработку новой одежной ткани для фронтовиков — молескина. Если работать так, как работали с молескином на других фабриках — каждая ткачиха на шести станках, то более половины станков должно было остановиться: на плательной ткани, которую до сих пор вырабатывала фабрика, ткачихи обслуживали по двенадцать — четырнадцать станков.

Директор фабрики Кривцов, получив фронтовой заказ, пришел посоветоваться в горком. Дело действительно предстояло нелегкое. И хотя опыта и знаний ему, как говорится, не занимать, он оказался в затруднении.

Андриан Прокопович работал на Ново-Ивановской мануфактуре четырнадцать лет, сначала начальником ткацкой фабрики, а с 1937 года — директором комбината. Принадлежал к династии потомственных текстильщиков. Был учеником ткача, потом ткачом, ремонтником, сборщиком кареток, подмастерьем. Член партии с 1918 года, участник первой мировой и гражданской войн. Андриана Прокоповича

все уважали как человека требовательного и справедливого. Большинство кадровых работниц фабрики он знал по имени-отчеству.

Однако Кривцов не полагался на свой авторитет. Рубить с плеча, администрировать было не в его правилах. Он обратился за советом к коммунистам, кадровым работницам, специалистам.

Секретарем парткома Ново-Ивановской мануфактуры в то время работала Мария Васильевна Козлова. До войны она была секретарем партбюро ткацкой фабрики. Избиралась делегатом XVIII съезда партии. В первые дни войны муж Козловой ушел на фронт, а вскоре она получила уведомление, что он убит. На руках остались две девочки — годовалая и восьмилетняя. Не сломилась Мария Васильевна, отдавала все силы производству, оставляя детей на попечение девушек из общежития. У всех коммунистов Козлова пользовалась доверием. Когда в армию ушел секретарь парткома, они избрали ее на этот высокий пост. Для Козловой партийная работа не в новинку. Она уже работала секретарем парткома, но по болезни пришлось уйти. Теперь, во время войны, куда труднее. К тому же партийная организация численно возросла, в ней 330 коммунистов, в основном женщины. С Марией Васильевной делились своими радостями и горестями коммунисты и беспартийные. И для всех у нее находилось участливое слово, нужная помощь.

Прикинув все «за» и «против», члены парткома Ново-Ивановской мануфактуры решили порекомендовать некоторым станочницам работу на десяти станках. Сразу нашлись, конечно, противники, неверующие. Директор и секретарь парткома пригласили к себе опытную ткачиху, партгруппорга Михееву.

— Выручай, Елизавета Васильевна.

— А что нужно?

— Покажи пример, начни первой работать на десяти станках. За тобой потянутся другие. Иначе станет половина станков.

— Постараюсь, — коротко ответила ткачиха.

Вместе с Елизаветой Васильевной на десяти станках стала работать коммунистка Пелагея Трофимовна Пузырева. Доставалось же им на первых порах! То и дело рвалась пряжа, возникали простои. Но они упорно добивались своего. Вскоре все ткачихи начали работать на десяти станках.

Но план все равно «горел». Тогда работницы сами предложили перейти на десятичасовой рабочий день. Те, которые не были связаны семьями, оставались на вторую смену, работали по выходным. Постепенно коллектив фабрики снова вышел в число передовых. Миллионы метров ткани для фронта давали ткачихи Ново-Ивановской мануфактуры. В июне 1942 года коллектив завоевал второе место во Всесоюзном соревновании текстильщиков.

И вот снова нехватка сырья, электроэнергии, рабочей силы... Андриан Прокопович совсем переселился на фабрику. Жена звонит в партком, просит напомнить о семье.

Партийная организация на Ново-Ивановской мануфактуре была крепкая, дружная. Каждый из трехсот тридцати коммунистов — активный боец партии. Работать, не жалея сил, — таково решение партийного собрания. А руководство фабрики сделало для себя серьезные выводы из критики, которую пришлось выслушать от работниц. Уже через несколько недель произошли заметные сдвиги. Не справлявшихся со своими обязанностями руководителей цехов, комплектов, бригад заменили молодые энергичные работники. На отстающие участки пошли квалифицированные ткачихи. Повсюду был установлен тщательный контроль за выполнением обязательств.

Большую помощь оказали агитаторы. Они не ограничились беседами о фронтовых событиях и общими призывами не жалеть сил для борьбы с врагом. Ежедневно они сообщали, как выполняют план цех и фабрика, сколько за день сэкономлено сырья, электроэнергии, топлива. О каждом прогуде или допущенной небрежности тотчас извещали всех. Достижения передовиков производства также становились всеобщим достоянием. Работницы помогали друг другу, обучали «секретам мастерства», инженеры и техники не только сами изыскивали способы повышения производительности труда, но и поддерживали творческие поиски.

Немного улучшилось снабжение сырьем и запасными частями. Увеличился лимит на электроэнергию, — постарались энергетики. Не только Ново-Ивановская мануфактура вышла из прорыва — подтягивались коллективы других фабрик.

По-прежнему серьезно отставали предприятия Фрунзенского района города. Проверка, предпринятая горкомом, подтвердила мнение ЦК партии: ослаблено руководство со стороны райкома партии. Первый секретарь весьма приблизительно знал о положении дел на предприятиях. Он не поки-

дал своего кабинета, покрикивал на подчиненных. Ему подражали и другие сотрудники райкома.

Отчет Фрунзенского райкома мы обсудили на бюро городского комитета и поставили перед обкомом вопрос о замене первого секретаря. Бюро обкома с нами согласилось; первым секретарем Фрунзенского райкома партии был избран Федор Иванович Шокин, заведующий сектором обкома партии.

С первой же встречи Шокин мне понравился. Скромный, культурный, вдумчивый. Федор Иванович, как говорится, «засел» на предприятиях сам и заставил так же трудиться весь аппарат райкома. В первую очередь уделялось внимание тем предприятиям, которые не справлялись с выполнением государственных планов. Секретарь райкома часто советовался с членами бюро, с работниками райкома, с активом, с рядовыми коммунистами и беспартийными. А недели через две Шокин вместе с председателем райисполкома Борисом Николаевичем Ясневым, тоже энергичным работником, пришли в горком поделить своими планами.

Товарищи правильно поняли ошибки прежнего руководства и свои задачи. Они считали, что главное внимание должны сосредоточить на улучшении внутрипартийной и массово-политической работы, повысить требовательность к руководящим кадрам района и предприятий, большую часть рабочего времени проводить на предприятиях — помогать там партийным организациям и хозяйственному руководству.

И надо сказать, Шокин и Яснев неплохо справились с осуществлением своего плана. Хотя не сразу и не во всем. Активизировались первичные парторганизации, окрепла дисциплина, поднялась ответственность людей за выполнение планов, особенно заказов фронта. Промышленность района пошла в гору, улучшилось культурно-бытовое обслуживание трудящихся. На одном из заседаний бюро горкома мы похвалили райком. Товарищи, ободренные первыми успехами, стали работать еще лучше.

После решения ЦК партии крепко взялись за перестройку работы и в Ленинском районе, где была сосредоточена машиностроительная промышленность, железнодорожный узел. Первым секретарем Ленинского райкома работал Яков Иванович Лебедев, член партии с 1917 года, в прошлом рабочий-стеклодув, участник гражданской войны. Это был вечный хлопотун. Когда бы ни позвонил ему, когда бы ни зашел в райком — Якова Ивановича нет. То он на «Торфмаше», то на железнодорожном узле, то еще где-нибудь. Аппарат райкома

был воспитан в том же духе: на месте сидело не более двух-трех человек. Остальные — на предприятиях. В райисполкоме — то же. Председателем исполкома Ленинского райсовета была Анна Семеновна Старостина. Эта немолодая женщина с головой уходила в многочисленные заботы. Каждое дело у нее оказывалось важным и неотложным.

Знакомство со Старостиной, как и с многими другими женщинами Иванова, неизменно вызывало у меня чувство глубокого уважения к нашим самоотверженным труженицам.

Однажды — это было уже после войны, я работал в Москве — по дороге в дальнюю командировку моим соседом по купе оказался немолодой генерал. Невысокий, с коротким ежиком жестких волос, он показался поначалу не в меру шумным. Говорил громко, на месте не сидел ни минуты. И без того тесное купе стало как будто еще меньше. Но деваться было некуда...

Однако уже через полчаса, заинтересовавшись рассказами старого вояки, я отложил книгу. Генерал не просто вспоминал фронтовые эпизоды, сдобривая их немалой толикой восхищения собственной храбростью и находчивостью, как это порой бывает, а высказывал глубоко выношенные мысли и подтверждал их неоспоримыми фактами.

Что же касается излишней шумливости генерала, то она, как выяснилось, шла от многочисленных ранений и контузий. На нем места живого не было. Рассказывал он много, горячился, словно ему постоянно возражали, хотя остальные пассажиры в купе слушали его внимательно, не перебивая.

И больше всего он восхищался советскими женщинами времен Великой Отечественной войны. Помнится, генерал сослался на высказывание одного западногерманского военного мемуариста, который, рассматривая причины поражения гитлеровской армии, писал, что во время подготовки войны с Советским Союзом они учли все, за исключением... женщин.

— «Кто бы мог подумать, что женщины смогут принять на себя такую неимоверно тяжелую ношу, как тыловое хозяйство!» — цитировал немца наш сосед по купе. И продолжал с той же пылкой горячностью: — Конечно, было бы по меньшей мере смехотворно нашу победу в войне приписывать одним женщинам. Но что сила их духа и самоотверженность оказались воистину беспредельными, — в этом нет никакого сомнения...

Я целиком разделял мнение генерала. Вспомнил и героизм севастопольских женщин, и то необычайно суровое, терпели-

вое мужество, которое проявили ивановские текстильщицы. Ни горе утраты родных и любимых, ни безмерные лишения — ничто не могло сломить славных патриотов.

Мне рассказывали товарищи о тяжелых днях осени 1941 года, когда немецко-фашистские войска рвались к Москве. Многие семьи ивановцев получали тяжкие вести о гибели отцов, мужей, сыновей.

Тогда в областном драматическом театре собрались на общегородской митинг две тысячи представительниц ивановских женщин: текстильщицы, машиностроители, железнодорожницы, швеи, учителя, врачи, служащие, домохозяйки, студентки... «Сегодня не время для слез! Нам нужна кипучая, беспощадная месть, упорная суровая борьба с врагом до полной победы!» — заявили они в своем обращении ко всем женщинам области.

Когда в дни обороны Севастополя я задумывался над судьбой севастопольских женщин, мне казалось: нет им равных, разве только женщины Ленинграда. Но вот я узнал ивановских женщин, особенно текстильщиц, и понял, что нет предела их душевным силам.

Разве можно забыть переживания матери, потерявшей одного за другим двух сыновей, — Феодосьи Георгиевны Матвеевой? Она переборола свое горе, не давала воли слезам и работала, работала, работала... В свои пятьдесят пять лет Матвеева наравне с молодежью стала обслуживать десять станков вместо шести. На фабрике имени Крупской ее портрет не снимали с Доски почета. За самоотверженный труд правительство наградило Феодосью Георгиевну орденом «Знак почета».

Мотальщица текстильной фабрики имени Дзержинского Малыгина потеряла на фронте самого близкого человека — мужа. И она с головой ушла в работу. Некоторым могло показаться, будто неутолимую боль сердца она просто старается заглушить работой без всякой меры. Но в этом была не вся правда. То, что она не раскисла, а ожесточилась, что ее работа была местью врагу, говорил и такой факт: каждый месяц она ходила на станцию переливания крови, чтобы и таким образом быть полезной фронтовикам.

С пятью ребятишками — мал-мала-меньше — осталась после гибели мужа домохозяйка Мария Алексеевна Бобкова. Она не опустила рук. Отрывая время от семьи, она отдавала его общественной работе. Как председатель уличного комитета, Мария Алексеевна создала большой актив. Женщины

под ее руководством сшили для госпиталя несколько сот пар белья, послали на фронт немало подарков для бойцов, написали для семей фронтовиков триста пятьдесят кубометров дров, организовали коллективный огород.

— Вы не слышали о молодой учительнице комсомолке Зелениной? — спросила как-то у меня Малышева.

— Нет...

— До чего же чудесная девушка! Она недавно пошла электросварщицей на завод «Торфмаш». Считает, что, молодая, сильная, она там больше поможет фронту. Только освоилась, а уже выполняет ежедневно по две нормы.

— Не кажется ли вам, что воспитание подрастающего поколения — не менее важное дело? — заметил я.

Варвара Николаевна тут же перебила меня:

— От воспитательной работы такой человек нигде не будет уклоняться. Комсомольцы завода уже избрали ее своим секретарем...

В то время не было дня, чтобы, раскрыв областную газету «Рабочий край», я не нашел в ней слов ивановских женщин, обращенных к бойцам.

«Родной сыночек! — писала старая ткачиха Мария Яковлевна Жукова одному из своих сыновей, Геннадию, на флот. — Много радости приносят мне ваши письма. Очень грустно, что вы оставили меня, старуху, одну. Но в то же время мое сердце наполнено гордостью за своих соколов... Защищайте, сыны мои, Родину свою, которая дала вам в руки оружие. Да и я, старая, не стою в стороне. Помогаю фронту, чем могу. За время войны я сдавала свою кровь уже четырнадцать раз, из них три раза по четыреста пятьдесят граммов. А моя кровь первой группы, и она может пригодиться любому.

Сыны мои! Уничтожайте беспощадно фашистов... Ну, а мы вам будем помогать всем, чем можем».

Некоторым теперь может показаться, что глубоко личные чувства почему-то выражались в очень уж торжественно-официальной форме. Не приложил ли здесь руку газетчик? Думаю, что нет. Время было героическое, отсюда и тон, и стиль.

Больше двенадцати тысяч ивановских женщин и девушек ушли в ряды Красной Армии, в партизанские отряды. Но самое главное — они действительно заменили мужчин на всех производственных участках, где раньше трудились только мужчины.

Одними из первых мужской профессией овладели комсомолки Ивановской ГРЭС Юля Алфеева, Аня Морозова, Оля Смирнова, Надя Малова, Люба Бахарева. Они стали кочегарами. В годы войны на текстильных фабриках области помощниками мастеров стали 1956 женщин и девушек, ремонтников — 490, слесарями и токарями — 501, кочегарами — 314, шлихтовальщиками — 522, электриками — 890, шоферами — 122...

За этими цифрами судьбы многих людей, главным образом матерей, каждый день которых был полон тревоги, забот о хлебе насущном и бесконечной усталости... Они ведь не только работали по десять — двенадцать часов в день. Они еще успевали дежурить в госпиталях, шить белье для фронтовиков, заниматься домашним хозяйством, стоять в очередях за продуктами.

Все предвоенные годы Коммунистическая партия настойчиво добивалась, чтобы женщины наравне с мужчинами участвовали в политической, хозяйственной, культурной жизни страны. Результат этой огромной работы наглядно проявился в трудные для нашей страны годы.

Как и повсюду, в Иванове много женщин было на руководящей работе: партийной, советской, хозяйственной. Куда ни заглянешь, везде женщины. Я уже рассказал о секретаре горкома партии Варваре Николаевне Малышевой. Столь же неутомимы и преданы делу были Вера Семеновна Цветкова — председатель ЦК профсоюза рабочих хлопчатобумажной промышленности Ивановской области, секретарь Октябрьского райкома партии Варвара Михайловна Абрамова, первый секретарь Кировского райкома партии Александра Ивановна Куприянова. С ними чаще, чем с другими, приходилось сталкиваться по работе.

Александра Ивановна Куприянова стала первым секретарем Кировского райкома в июне 1942 года. Кировский район в городе самый большой. Здесь расположены крупные текстильные предприятия, в том числе Меланжевый комбинат и «Красная Талка».

Среди партийных работников, особенно в названном звене, было много неопытных, только-только начинающих постигать сложное искусство работы с людьми. И среди коммунистов большинство тоже были люди с малым партийным стажем. Почти вся старая гвардия воевала на фронтах.

От райкома, и прежде всего от первого секретаря, требовалось умение хорошо ориентироваться в обстановке, видеть

перспективу. Александра Ивановна не была новичком на партийной работе (ранее она была секретарем партбюро отделочной фабрики, секретарем парткома медицинского института, контролером в аппарате уполномоченного КПК), тем не менее и у нее вначале не все получалось. Не раз опускались руки, готова была просить об освобождении от обязанностей секретаря, но верх брало чувство долга. Постепенно налаживались дела в Кировском районе, у Александры Ивановны прибавилось уверенности.

Как раз в те дни она познакомила меня с Дусей Лебедевой. И когда я вспоминаю о трудовой молодежи тех лет, одной из первых перед моими глазами встает Дуся Лебедева.

— Вот она, наша Дуся, узнаете? — кивнула в прядильной «Красной Талки» Александра Ивановна на быстро переходившую от станка к станку малорослую девушку. Лицо мне показалось знакомым, но я никак не мог сообразить, где видел девушку.

— Наш лучший бригадир. Комсомолка, — вторил Александре Ивановне директор фабрики Петр Петрович Микин.

Вдруг вспомнил, что слушал выступление этой девушки на заседании бюро Кировского райкома комсомола. Я еще тогда заметил ее манеру держаться свободно, по-хозяйски.

Этот деловитый, хозяйский вид Дуся имела и в цехе. Ее движения создавали впечатление той непринужденности, спокойствия и легкости, которые свойственны людям, нашедшим свое место в жизни. В платьице горошком, в тапочках на босу ногу, она сновала по цеху, словно в собственной квартире. Лицо ее светилось, — видно, труд ей доставлял удовольствие. Но вот будто тень пробежала по нему. Дуся подошла к молоденькой работнице с тощими косичками. Той никак не удавалось пустить машину.

Остановились рядышком и мы.

— Опять? — тихо и огорченно спросила Дуся.

— Машина, наверное, неисправная, — ответила девочка, смутившись. Не обращая на нас внимания, Дуся быстро что-то подкрутила, что-то подправила — и машина вновь заработала. Директор поздравил ее к нам.

— Извините, руки в масле, не могу поздороваться, — сказала Дуся. — Обидно, оскандалилась при вас...

— Не у тебя же машина барахла...

— Как же не у меня? Раз она моя ученица, значит, у меня...

Позже я узнал, что Дуся Лебедева еще в 1930 году совсем девчушкой приехала в Иваново и поступила работать на «Красную Талку». Комсомольская организация обратила внимание на ее расторопность, пытливость, исключительную добросовестность. Ей помогли овладеть специальностью, направили в школу. Дуся быстро привязалась к коллективу, тянулась изо всех сил, чтобы стать мастером своего дела. Ее открытый характер и добросердечие привлекали к ней подруг. Избрали Дусю комсоргом. После окончания стахановской школы, в которой она училась без отрыва от производства, здесь же, на «Красной Талке», Лебедеву приняли в партию.

Началась война. Дуся вернулась на производство помощником мастера. В ее большой бригаде оказалось много новичков, план систематически не выполнялся. Дуся нервничала. Постепенно осваивала опыт работы в других бригадах, особенно интересовалась передовой бригадой Паши Колчановой, в которой она состояла раньше и с которой теперь соревновалась.

Все хорошее, о чем Дуся узнавала, тотчас старалась применить у себя в бригаде. С неистощимым терпением занималась она с молодыми прядильщицами, учила их. И вот ее бригада стала выполнять план.

Но Дуся не могла удовлетвориться: обязательства, принятые бригадой перед фронтовиками, пока не выполнялись. Только в июле 1942 года бригада впервые выполнила план на 122 процента и вышла в число передовых. Дуся Лебедева, как лучший бригадир, от Наркомата текстильной промышленности и ВЦСПС получила денежную премию.

Обо всем этом я узнал от Александры Ивановны Куприяновой, возвращаясь с ней с «Красной Талки»...

Позднее я часто встречал Дусю — то на собраниях комсомольского актива, то на совещаниях передовиков текстильной промышленности, то на торжественных собраниях, посвященных революционным датам. Всегда она была в окружении работниц...

В цехе я с большим удовлетворением прислушивался к разговорам Александры Ивановны Куприяновой. Видно было, что она здесь желанный человек. К ней то и дело подходили работницы, мастера, бригадиры. Александра Ивановна умела выслушать человека, перед ней люди раскрывались просто и естественно. И для каждого у нее находились доброе слово, умный совет. В руках у Александры Ивановны

всегда был блокнот, куда она заносила просьбы, мысли, предложения. Окруженная людьми, Куприянова изредка взглядывала на меня, будто хотела сказать: «Вы уж меня не торопите, видите, никак нельзя уйти».

Среди ивановских женщин широко распространилось донорство. Начальник станции переливания крови Петр Михайлович Максимов как-то шутя сказал, что у них на станции «кровь течет рекой». В дни напряженных боев под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге требовалось много крови для спасения бойцов. Я решил побывать на станции переливания крови, о которой имел весьма смутное представление. Поехали вместе с заведующим военным отделом горкома Александром Михайловичем Курочкиным.

Комиссар станции Прасковья Алексеевна Смирнова показала нам блистающие чистотой операционные. Полагаю, что не только на меня действует один вид шприца. А тут я удивился: выражение лиц у большинства доноров какое-то безмятежное. Лишь тех, кто пришел в первый раз, выдавало волнение.

— Каждый день отправляем на фронт, в госпитали, несколько десятков килограммов крови, — сказал Петр Михайлович, подводя меня к стене с фотографиями отличившихся доноров, и добавил: — Вряд ли другой город в стране посылает столько консервированной крови, сколько посылает Иваново.

— У нас свыше сорока тысяч доноров, — вступила в разговор Прасковья Алексеевна. — Многие сдают сразу по четыреста пятьдесят граммов.

— А как они это переносят?

— Нормально. Об этом врачи заботятся.

Я всматривался в женские лица. Пожилые, средних лет, совсем юные.

— Вот Тихомирова, бухгалтер Меланжевого комбината, — называла Прасковья Алексеевна имена. — Сдавала кровь сорок пять раз. Это она в первые дни войны обратилась ко всем женщинам Иванова и области с призывом стать донорами...

Здесь можно было увидеть фотографии двух Пименовых — санитарки микробиологической станции и работника милиции, Шураковой — вагоновожатой трамвайного депо, Бундуковой — кочегара... Все они впоследствии были награждены орденами «Знак почета».

— Взгляните-ка на эти благодарности фронтовиков, — подал мне пачку писем П. М. Максимов.

— «Дорогая моя! — прочитал я. — Я не знаю, кто вы и что вы — молодая ли девушка, средних ли лет дама, или старая бабушка. Возможно, мы с вами разных лет и разного характера, но крови одной — русской крови, которую не жалеем мы во имя нашей цветущей Родины. Мы с вами отныне связаны кровью, хотя мы и не знаем один другого...»

Помню, что желание юного лейтенанта выразиться как можно более красиво и возвышенно вызвало у меня улыбку. Но обуревавшие его мысли, глубокие, серьезные, не могли оставить равнодушным.

Я спросил Петра Михайловича, хранятся ли эти письма, знаки преданности и благодарности.

— А как же! Это документы.

В стенной газете станции было напечатано стихотворение раненого сержанта Петра Барсова: «Тебя я вечно помнить буду», которое он посвятил донорам Иванова.

Лежал я, кровью истекая,
В жестоком ранен был бою.
Но ты пришла ко мне, родная,
И предложила кровь свою...

Везде пусть знают и повсюду
Твой подвиг скромный и дела,
Тебя я помнить вечно буду —
Ведь это ты меня спасла.

Мы долго разговаривали с донорами и сотрудниками станции.

— Может быть, моему мужу или сыну кто-нибудь тоже даст свою кровь, — задумчиво сказала пожилая ткачиха с фабрики имени Крупской...

Женщины Иванова за время Великой Отечественной войны отдали фронтовикам сто двадцать пять тонн своей крови! Тут-то мне и вспомнились слова Петра Михайловича Максимова, что у них на станции «кровь течет рекой», и захотелось подробнее рассказать об ивановских женщинах-донорах. Тяжело им было в годы войны, но редко кто слышал жалобы. Все думы, все заботы о фронте, о фронтовиках, о раненых. Если же заходил разговор о трудностях, то тут же слышался ответ: «На фронте еще труднее!..»

— К вам можно? — услышал я как-то ранним утром знакомый голос.

Дверь кабинета стремительно распахнулась, и вошла первый секретарь горкома комсомола Аня Попкова. Она была чем-то встревожена.

— Что случилось, Анечка?

— В городе тиф!

О нескольких случаях заболевания сыпняком уже сообщила в горком заведующая горздравотделом Александра Павловна Бровкина. Но пока не удалось установить очаг заболевания. Аня Попкова предположила, что это железнодорожный вокзал.

— Мы хотим силами комсомольцев навести на вокзал порядок.

— Похвально. Но сами будьте осторожны, не подхватите тифа. Кто возглавит работу?

— Я сама... Врачей, конечно, привлечем.

Если за дело бралась Аня Попкова, можно было с уверенностью сказать: будет порядок. От ее невысокой, крепкой, спортивной фигуры так и веяло энергией. Характер Ани не знал «золотой середины»: если обижалась, то до слез, когда отходила, забывала обиду накрепко.

За эту увлеченность, отзывчивость комсомольцы любили своего секретаря.

Такой патриотки Иванова, как Аня, я не встречал. «Мы же ивановцы!» — эти слова она произносила с особой гордостью.

Наверное, и перед тем, как браться за уборку вокзала, она сказала подругам, студенткам химического института.

— Мы с этим справимся в два счета, мы же ивановцы!

Кому из нас не запомнились вокзалы военной поры? Десятки тысяч людей, поднятых с насиженных гнезд, находили здесь временное пристанище. Круглые сутки под крышей ивановского вокзала гудела разноголосая толпа. Те, кому удавалось устроиться хотя бы на затоптанном полу, у стены, считали себя счастливцами. За юбки матерей держались дети, капризные от дорожной усталости, бледные от духоты... Как только установили, что рассадником тифа является вокзал, санитарная инспекция запретила выход в город. А пассажиры все прибывали...

Девушки, вызвавшиеся бороться с тифом, знали, что им придется нелегко. Но тем не менее оторопели на пороге.

— Что ж, начнем, пожалуй, — деловито сказала Аня. Понимала, что колебаниям нельзя давать разрастись. Засучив рукава, она первой взялась за чьи-то вещи.

— Извините, гражданка, но мы вас потревожим. Давайте ваш чемодан, мы его пока в другой зал перенесем, а здесь начнем уборку.

Леля Новикова, секретарь комсомольской организации химического института, подошла к женщине с ребенком на руках.

— Пойдемте, я вас в душ провожу. А вещи надо продезинфицировать.

Принялись за дело и другие девушки: Они разъясняли пассажирам, чем вызвано это «великое переселение». Народ охотно подчинялся их требованиям. Но бывало, кричали:

— Не дам, не дам вещей... Пожгут кислотой!

Высокая черноволосая студентка схватила женщину за плечи и сильно встряхнула ее:

— Замолчите! Вам узлы дороже жизни?

Паники не было. Девушки работали споро. Солдат из пассажиров подхватил ведро. Аня оглянулась, недоумевая, но, присмотревшись, увидела, что парень прихрамывает. Несколько женщин-пассажирок помоложе тоже вызвались помочь студенткам: носили воду, мыли пол. Кто-то затынул:

Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой...

Работа пошла живее. На помощь комсомольцам пришли пассажиры, железнодорожники. Песня звучит все громче и громче.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет...

Девчата работали без устали. И когда пассажиры перешли в прибранные и проветренные залы, запах хлорки не казался противным. Это был запах чистоты.

Тех, кто прошел санобработку, отпускали в город. Через несколько часов по всему Иванову разнеслось: «Молодцы комсомольцы! Навели порядок на вокзале».

Зима в том году была на редкость снежной. За ночь улицы так заметало, что ни пройти, ни проехать. Бывало, среди ночи будил телефонный звонок:

— Занесены трамвайные пути, рабочим не попасть вовремя на смену!

— Автомашин застряли, хлеб в магазины не подвезли.

— Самолетам не подняться в воздух. Аэродром в сугробах.

— На станции Сортировочная стоят поезда. Все завалено снегом...

Утром на очистку снега обычно выходили рабочие, служащие, школьники. Иногда позарез надо было к утру очистить подъездные пути. Тогда выручали комсомольцы. По первому зову шли студенты, учащиеся ремесленных училищ и школ ФЗО.

Запомнилась одна ночная встреча. Рассвет едва брезжил, когда я вышел из проходной Большой Ивановской мануфактуры. На БИМе, так сокращенно называли фабрику, тогда было неблагополучно с отделкой тканей, особенно в ночные смены. Горком партии заинтересовался причинами отставания.

...В предрассветный час улицы пустыньны. Повернув за угол, я столкнулся с группой девчат. И все знакомые: секретари обкома комсомола Женя Мордвишина, Аня Ваняшова, Люся Синотова, Галя Юшко, а с ними секретари горкома Аня Попкова, Лена Гусева, Оля Горносталева, Зина Афанасьева. Все какие-то сосредоточенные, осунувшиеся.

— Вы это откуда?

— Помогали в госпитале, — ответила за всех Аня.

В Иваново поступало много раненых, и медперсонал госпиталей не управлялся. На помощь приходили многие горожане, в первую очередь студенты медицинского института, во главе с секретарем комитета ВЛКСМ Лизой Чубаровой, наши комсомольские активисты.

Секретари горкома комсомола часто просили меня выступить перед комсомольцами, рассказать о героических подвигах защитников Севастополя, о работе комсомольской организации города-героя. Отказать в этом было невозможно. Комсомольцы с жадностью слушали мои рассказы и, казалось, завидовали севастопольцам.

Заводилой среди комсомольских работников была Аня Попкова. Ее трудовой путь начался в пятнадцать лет. Сначала была почтальоном, потом пошла учиться в техникум связи, вступила в комсомол. Она всегда была в гуще событий. Когда Аня работала техником конторы связи, ее выдвинули на руководящую комсомольскую работу.

Второй секретарь горкома комсомола Лена Гусева — внешне полная противоположность напористой Ане. Когда она впервые пришла в горком партии, я подумал про себя: «Что за школьницу привела Аня?» В светлой вязаной кофточке и коротенькой юбочке Лена выглядела неуклюжим подростком. Знакомась, она густо покраснела. Пока мы с

Аней говорили о делах, она скромненько сидела в стороне и не вставляла ни слова.

— Эта застенчивая девочка — комсомольский вожак? — спросил я Аню наедине.

— Да, вожак! — запальчиво ответила она. — Скромная? Ну и что же? Зато умница, работы не боится. И с характером! Кстати, ей уже двадцать один год... Вы еще не видели Олю Горносталеву — нашего секретаря по военной работе. Интересно, что вы о ней скажете?

Пришлось познакомиться и с Олей. На этот раз я воздержался от каких бы то ни было суждений, хотя у меня мелькнуло: «Прямо детский сад!» Оля оказалась совсем маленькой и хрупкой. Ну прямо цыпленок. Спустя некоторое время я убедился, что и Лена, и Оля оказались способными, требовательными, энергичными комсомольскими работниками.

Под стать Ане, Лене и Оле была и секретарь горкома по школам Зина Афанасьева — неутомимый организатор всяческих пионерских дел.

Четыре девушки работали в согласии, избегая всего показного, и так щедро отдавали себя любимому делу, что мне не раз приходилось умерять их пыл, чуть ли не приказывая отдохнуть немного.

Работников горкома и райкомов ВЛКСМ можно было встретить вместе с комсомольцами на выгрузке торфа, угля, дров, на очистке от снега улиц и железнодорожных путей, на благоустройстве города. Они изучали винтовку, гранату, пулемет, занимались в кружках сандружинниц, в командах МПВО, сдавали свою кровь раненым бойцам, дежурили в госпиталях. Словом, везде, где трудно, где нужно.

Своим примером они заражали других. И в том, что комсомолыцы Иванова в трудное время показали образцы служения Родине, немалая заслуга их вожаков — Ани, Лены, Оли, Зины.

В первые же месяцы войны комсомолыцы Ивановской области проводили на фронт около тридцати тысяч своих товарищей. Среди них несколько тысяч добровольцев. Только из Иванова в армию ушли три тысячи девушек.

«Я, ученица 32-й средней школы, услышав о том, что дерзкие бандиты-фашисты напали на нашу родную землю, хочу вместе с нашими отцами и братьями защищать Родину» — так в первый день войны написала в своем заявлении комсомолка Галина Кузнецова.

Если девушки, просившиеся на фронт, получали отказ как не имеющие военной специальности, они требовали, настаивали: «Так учите скорее» — и обивали пороги военкомата, комитета Красного Креста. Студентки техникума советской торговли заявили протест, когда в комитете Красного Креста им отказали в посылке на фронт.

— Мы в районе были первыми активистками оборонной работы, почему же отказ?

— Вы еще очень молоды. Подождите немного.

Но когда пришла колонна студенток педагогического института, им сразу же дали направление.

Городская комсомольская организация за первый год войны уменьшилась почти вдвое. Фронт требовал все новых и новых пополнений. Комсомольская организация вместе с военкоматами и добровольными обществами подготовила 270 истребителей танков, 220 снайперов, 160 минометчиков, 115 автоматчиков, 70 пулеметчиков, много радисток-операторов, телефонисток, телеграфисток, девушек-шоферов, медсестер. Комсомольцев направляли в Подмосковский угольный бассейн, в банно-прачечные отряды, на строительство аэродромов, на шитье белья, на стирку и ремонт обмундирования.

За годы войны из области ушло на фронт всего более сорока пяти тысяч комсомольцев, в том числе десять тысяч девушек. Более восьми тысяч комсомольцев было направлено в Военно-Морской Флот, несколько тысяч — в воздушно-десантные войска. Комсомол провел в общей сложности сорок пять мобилизаций.

И как же радовались комсомольцы каждому свидетельству мужества, отваги, верности долгу, проявленному теми, за кого они несли ответственность! «Примите от нас, воинов Красной Армии, самую искреннюю благодарность за то, что ваш боевой молодежный штаб воспитал тысячи преданнейших молодых воинов, которые, находясь сейчас в воздушно-десантных войсках, не на жизнь, а на смерть сражаются с озверелыми бандами...» Такое письмо пришло в Иваново, в горком ВЛКСМ, от командования части имени С. М. Кирова. Его опубликовали в газете, зачитывали на комсомольских собраниях.

В другой раз весь город заговорил о Петре Громе. И знавшие его и услышавшие о нем впервые одинаково гордились Громыным. Молодой парень пошел воевать в составе отряда комсомольцев-парашютистов. Он проявил бесстрашие, действуя в тылу противника.

«Дорогие Прасковья Федоровна и Дмитрий Герасимович! — писали командование и партийная организация родителей ивановского комсомольца Владимира Суслова. — Примите горячий привет и благодарность от лица командования гвардейской части за сына, в котором вы воспитали безграничную любовь к Родине и ненависть к врагу. Он сражается в рядах славной гвардии и с честью выполняет свой воинский долг. Много трудностей испытал ваш сын в боях, но эти трудности закалили его большое русское сердце. Желаем вам доброго здоровья».

Олег Сабуров учился в 30-й средней школе Иванова. Здесь был пионером, здесь вступил в комсомол. После школы Олег поступил в военное училище. На фронт пошел командиром. Обороняя Севастополь, вступил в партию. Был дважды ранен, награжден. Потом сражался на Северном Кавказе. «Мне двадцать один год, но я могу назвать себя старым солдатом», — писал Олег с фронта своим родителям.

Комсомолка Зоя Костина, ушедшая на фронт в первые дни войны, писала своим подругам в Иваново:

«Дорогие мои девочки, никогда не думала, что я, молодая девчонка, вместе с бойцами Красной Армии буду драться с проклятыми фашистами. Никогда не думала, что смогу быть командиром Красной Армии. И вот сейчас я командую расчетом зенитного орудия! Наша задача — не допустить воздушных пиратов в Москву. За отличную боевую подготовку и слаженность работы расчета командир части всем нам объявил благодарность».

Быть достойными своих товарищей, не жалеющих жизни для победы над врагом, — этим жили все ивановцы и, конечно, ивановские комсомолы.

Заправщица Меланжевого комбината Дуся Смирнова кроме станков своего комплекта взялась обслуживать и те станки, на которых раньше работал комсомолец Петров. На партийно-комсомольском собрании прядильной фабрики этого же комбината выступила комсомолка Сазонова с предложением организовать комсомольско-молодежные бригады.

— Эти бригады должны показывать всем пример, как надо работать в военное время, помогать фронту громить гитлеровских захватчиков, — горячо говорила девушка.

Прошло несколько дней, и на Меланжевом комбинате, на других предприятиях города насчитывались уже сотни таких бригад. Между комсомольско-молодежными коллективами развернулось социалистическое соревнование. Бюро

обкома ВЛКСМ учредило для вручения лучшей фронтовой комсомольско-молодежной бригаде переходящее Красное знамя. Не раз это знамя находилось в руках инициаторов соревнования — комсомольцев Меланжевого комбината.

На этом предприятии многие комсомолки проявили силу характера, ежедневно выполняя тяжелую физическую работу. Нельзя было не восхищаться самоотверженностью Ани Залогойной, одной из первых овладевшей профессией шлехтовальщика. Не было такого месяца, чтобы она не перевыполнила план. Кроме того, Аня была членом комитета комсомола, вела большую общественную работу. У Ани на фронте сражались четыре брата, и она шла в одном строю с ними. Как из уст в уста передавался рассказ о подвиге Петра Громова, так все заговорили об Ане Залогойной, когда ее портрет появился в «Правде».

Всесоюзную известность получила и другая ивановская девушка — Зоя Середкина, работница Большой Ивановской мануфактуры. В Зоинной бригаде каждая ткачиха работала на восьми станках вместо шести, а бригадир Валентин Каталов обслуживал сто двадцать станков. Бригада не раз завоевывала переходящее Красное знамя областного комитета комсомола, была награждена Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

Зоя была одной из лучших работниц бригады. После очерка о ней в «Правде» на Зою обрушилась лавина писем. Больше всего от фронтовиков.

Оторванные от родных мест, будучи в четырех шагах от смерти, бойцы жадно тянулись к душевному теплу, к доброму, ободряющему слову. Переписка была отдушиной в их фронтовом житье-бытье, была подчас единственной нитью, связывавшей бойцов с мирной жизнью, за которую они воевали. Ивановские девушки охотно переписывались с молодыми воинами.

Однажды редакция областной газеты «Рабочий край» получила письмо от фронтовика В. И. Назарчука. Он писал, что потерял во время войны мать и брата. Родных больше не осталось, и писем он ни от кого не получает. «Это очень тяжело», — признавался боец и просил редактора опубликовать его письмо. «Увидев вашу газету, кто-нибудь из моих друзей и знакомых прочитает письмо и напишет мне несколько строчек, — высказывал надежду Назарчук. — Тот день, когда я получу первое письмо из тыла, будет радостным днем в моей фронтовой жизни».

Многие комсомолки Иванова охотно ответили фронтовику. Девушки фронтовой бригады с фабрики имени рабочего Федора Зиновьева написали ему:

«Нам понятны и близки ваши переживания. У каждой из нас есть на фронте родные и друзья, с которыми мы ведем переписку... Мы рады переписываться с вами».

В составе одной из делегаций на фронт поехала и знатная текстильщица Дуся Лебедева. Девушки бригады снаряжали ее на славу. Вручили много подарков и писем.

Дуся рассказывала фронтовикам о жизни и работе своих подруг. Впоследствии между бойцами части, в которой она побывала, и работницами бригады завязалась оживленная переписка. Но больше всех писем получала сама Дуся, в особенности после появления ее портрета в «Правде».

Одним из первых ее поздравил с большими успехами в труде ее бывший учитель Иван Иванович Соловьев.

«Шлю я вам всем по большому привету, — писал он Дусиной бригаде. — А самый большой фронтовой привет — тебе, Дуся, как моей бывшей ученице. Отличные оценки, которые я тебе ставил, ты оправдала трудом».

«Пришлите свою фотографию и напишите несколько слов», — просили совсем ей незнакомые фронтовики.

Дуся находила время на обстоятельный ответ каждому. Главное, чтобы людям хорошо было, — таково было ее жизненное правило... Через несколько лет я с большим удовлетворением прочел в газетах, что трудящиеся Иванова избрали Евдокию Васильевну Лебедеву депутатом Верховного Совета РСФСР.

Во время войны и партийным и комсомольским работникам немало радости и хлопот доставляли подростки. Еще не распрощавшиеся с детством пареньки и девчата стали работать чуть ли не наравне со взрослыми.

Аня Попкова часто сетовала на то, как трудно подросткам привыкать к режиму на производстве, к дисциплине. В горькоме партии Аня часто просила помощи для своих «малолетних», советовалась. Однажды, вернувшись с Меланжевого комбината, она с волнением рассказала, как молодые работницы израсходовали свою первую в жизни получку:

— Чего только они не накупили!.. Одна чуть ли не все деньги отдала за большую куклу, а на питание не оставила. Теперь по вечерам шьет ей платья, одевает, забавляется, как ребенок.

— А как же с питанием?

— Договорилась я в завкоме. Выдали девочке небольшой аванс. Другим тоже пришлось помочь. Договорились в дальнейшем в день получки сдавать деньги на питание своим воспитателям в общежитии. Так уже делается на некоторых предприятиях... Этот вопрос мы специально обсуждали на бюро горкома.

Комсомолыцы, как старшие друзья, старались сделать все от них зависящее, чтобы подростки, живущие в общежитиях, не так остро ощущали свою оторванность от дома, помогали им овладевать профессиями, налаживать быт.

Секретарем комитета ВЛКСМ на Меланжевом комбинате работала тогда Августа Комарова. Она была немного старше новичков-подростков, пришедших на комбинат, но заботилась о них прямо-таки по-матерински. Часто заходила в общежитие, добивалась выдачи авансов на первое время. Бывало, и своими деньгами помогала. По ее просьбе фабрика выписала для ребят отходы ткани, а комсомолыцы сшили им белье.

Но самой «молодой», я бы сказал «молодежной», была фабрика имени Варенцовой. Как-то после очередного заседания бюро горкома Александра Ивановна Куприянова предложила:

— Не поехать ли нам на «Варенцовку»? Там замечательные рабочие! Таких вы еще не видели...

Александра Ивановна, как мне показалось, хитро переглянулась с Варварой Николаевной Малышевой и Аней Попковой.

Так я впервые очутился на фабрике имени Варенцовой. Побеседовав в кабинете секретаря партийной организации, вместе с руководителями фабрики решили пойти в цехи. Вот ткацкий...

Да, такого я еще не видел! За станками — одни девочки. Почти у каждой под ногами маленькая скамеечка.

Почти весь коллектив фабрики состоял из выпускниц ремесленных училищ. Работали девочки быстро, а на вопросы отвечали солидно, серьезно, не отрываясь от станка. Директор фабрики Антонина Николаевна Колесникова была для них самым большим другом и уважаемым наставником.

— Ну, план-то главк дает вам божеский? — спросил я директора.

— Что вы! Как всем.

Мы долго ходили по цехам, любуясь спокойным ритмом, той приветливой благожелательностью, которая царила в коллективе.

В столовую попали перед вечером, в самую пересменку. И там было как-то по-домашнему уютно. Обслуживающему персоналу помогали сами работницы. Обед хоть и скудный, но приготовлен вкусно.

Большинство молодых работниц жило в общежитиях при фабрике. В небольших комнатах койки стояли тесно, одна к другой. За чистотой и порядком следили здесь строго. В свободное время девочки готовили подарки фронтовикам — шили, вышивали. При нашем появлении все по школьной привычке вставали.

— Что же, не отдохнув, сразу за другую работу?

— Ничего, на фронте еще труднее, — ответила одна из работниц.

Эти слова — «на фронте еще труднее» — приходилось слышать множество раз от работниц, домохозяек, школьников.

В общежитии было холодно. Директор Колесникова объяснила, что запасов топлива на фабрике осталось не более чем на неделю. Поэтому его расходовали только для производственных целей.

— Таково решение общего собрания рабочих, — вступила в разговор председатель фабкома. — Иного выхода не было.

С топливом везде было трудно. Областные и городские органы вместе с хозяйственниками принимали меры к тому, чтобы больше заготовить торфа и дров, быстрее подвезти их. Но чтобы в общежитиях, где живут ребята, не топили! На другой день мы позаботились обеспечить общежития дровами.

Долго не выходило у меня из головы посещение фабрики имени Варенцовой. До сих пор вижу я эти худые и бледные лица ребят, их усердие в работе, понимание обстановки... Где-то они сейчас? Как сложилась их судьба? Уверен, что, как и в те трудные годы войны, они не уронили чести и достоинства советских людей.

Самоотверженно трудилась молодежь не только на «Варенцовке». Вспоминается интересная встреча с юным мастером на другом ивановском предприятии. Мебельный комбинат получил срочный заказ, и секретарь горкома Творогов решил побывать там. Я еще не был знаком с этим предприятием и отправился вместе с ним.

Мебельный комбинат находился на окраине города. Из-за больших заносов добраться на машине не смогли и пошли пешком. Оба были в ботинках, и чувствовали себя не очень уютно.

— Полезная прогулка. Хотя будем знать, как рабочим по нашей с вами вине приходится добираться на работу.

— Верно, — согласился Александр Дмитриевич. — Сегодня же поговорю с работниками горсовета.

Он слов на ветер не бросал, и через несколько дней дорогу расчистили. Рабочие по этому поводу посмеивались: «Почаще бы к нам секретари горкома заглядывали, авось неполадок будет меньше».

Активный участник гражданской войны, потерявший на фронте руку, Александр Творогов двадцати шести лет поступил в Московское Высшее техническое училище имени Баумана. Потом был начальником цеха, главным механиком, главным инженером на машиностроительных заводах Иванова, инструктором обкома партии, заместителем председателя горисполкома, а с 1942 года — секретарем горкома партии.

Александр Дмитриевич умело руководил промышленностью. Его уважали, к советам прислушивались. Характерными качествами Творогова были чувство нового, оперативность и исполнительность. Он быстро подхватывал инициативу рабочих, специалистов, низовых партийных организаций, опыт работы одних предприятий переносил на другие. Большую часть дня проводил на заводах, того же требовал от других. Это давало хорошие результаты... Ныне Александр Дмитриевич Творогов — персональный пенсионер, но продолжает заниматься общественной работой.

На мебельном комбинате производились для фронта аэросани, лыжи, приклады для винтовок и автоматов. В одном из цехов у аэросаней возился паренек.

— Наш кадровый рабочий, — представили его мне.

— Ученик?

— Нет, — с обидой произнес паренек и полез в аэросани.

— У него самого уже есть ученики. Он комсомолец, мастер, — сказал директор.

— Сколько же ему лет?

— Семнадцатый. Хотел на фронт — мы не пустили. Семья большая, а отец на фронте... По полторы нормы дает за смену.

Вручение подарков героям-летчикам от владивостокцев

9 мая 1945 года во Владивостоке

9 мая 1945 года на одном из боевых кораблей Тихоокеанского флота

Открытие памятника Сергею Лазо во Владивостоке 12 августа 1945 года

Переходя из цеха в цех, я таких «мастеров» видел много. Они трудились по десять — двенадцать часов в сутки.

— Может быть, не следует загружать эту ребятню сверхурочными? — спросил я директора.

— А мы их не загружаем! Иной раз гоним домой — не уходят. Рабочая совесть, говорят, не позволяет сидеть дома, когда завод выполняет фронтовой заказ...

Дети рано выросли в ту нелегкую военную пору. Не только те, кто стал к станку. Школьники тоже были всегда рады оказаться полезными старшим. Но что меня трогало больше всего, так это их недетская серьезность. Ребятами владело мудрое понимание того, что, раз всем нелегко, значит, и им надо забыть о привилегиях детства.

В те годы школьные здания были большей частью отданы под госпитали. Поэтому классы размещались в подвалах, в бывших учреждениях. Зимой, когда темнело рано, занимались при керосиновых лампах. Старшеклассники сами заготавливали для школ дрова. А те, что помоложе, выгружали их. Тысячи школьников работали в колхозах и совхозах, в подсобных хозяйствах, на благоустройстве города.

Мне много раз приходилось бывать среди ивановских школьников, они любили слушать об участии их сверстников в героической обороне Севастополя. На разгоряченных лицах можно было прочесть: «И мы бы так смогли...»

Комсомольцы-пионервожатые всячески содействовали стремлению детей помочь фронту и тылу. Тимуровцы 8-й школы, например, шефствовали над двадцатью семьями фронтовиков. Они возили и кололи для них дрова, убирали в доме, помогали в работе на огороде, носили воду, ходили в магазин за хлебом... Шестьдесят шесть пионеров после уроков работали в школьной мастерской. Они шили белье для детей освобожденных районов.

Я был приглашен в эту школу на сбор дружины, когда ей вручали переходящее Красное знамя. Ребята в красных галстуках стояли в строю подтянутые и торжественно-взволнованные. С благоговением смотрели они на Красное знамя — то знамя, с которым шли в бой их отцы и старшие братья!

Директор школы Мария Михайловна Дворникова, поздравляя ребят, сама волновалась. Мария Михайловна в первые месяцы войны потеряла на фронте сына. Обращаясь к детям, она, наверное, вспомнила, как и ее мальчик стоял когда-то вот так же, в пионерском строю, с алым галстуком на груди. Сколько материнской любви, заботы, гордости было

в ее словах! Выступление Марии Михайловны тронуло каждого.

С волнением смотрел я на ребят. Как хорошо, что они с ранних лет несли в себе великое чувство любви к Родине! Спустя десять — пятнадцать лет на долю этого поколения выпала великая честь осваивать целину, строить гигантские электростанции, покорять космос. Среди них были и вчерашние ивановские мальчики и девочки. Те, кто свою любовь и преданность Родине уже доказал в тяжелые военные годы...

Печать и радио ежедневно сообщали об ожесточенных боях под Сталинградом. Все мы понимали, что значат они для дальнейшего хода войны. «От исхода этой борьбы зависит судьба Советского государства, свобода и независимость нашей Родины», — говорилось в приказе Верховного главнокомандующего в связи с 25-й годовщиной Великого Октября.

В Иванове праздник был отмечен по-деловому. Подвели итоги выполнения социалистических обязательств, состоялись торжественные заседания, демонстрация, в гости к фронтовикам выехали делегации трудящихся.

Женщины города, школьники приготовили для бойцов восемь тысяч подарков: табак, папиросы, теплые вещи, носовые платки, сладости. В каждую посылку вложили письмо.

«Посылаем вам скромный подарок, — писали фронтовикам ивановские девушки Таня Попова и Клавя Белякова. — Хотя мы и не знаем вас, но уверены, что вы сражаетесь с озверелым врагом так, как подобает честному и храброму советскому воину».

«Клянемся, что, не щадя своих сил и жизни, будем защищать наши города и села, — отвечали землякам гвардейцы-ивановцы. — Во имя жизни и свободы отстоим волжскую твердыню!»

В октябрьскую годовщину у меня был двойной праздник. Из эвакуации приехала семья. Разместились мы в двух комнатах партийного кабинета. И хотя испытывали много неудобств, радости не было конца. Наконец-то вместе!

Сыну Валерику исполнилось уже полтора года, но он еще не мог крепко стоять на ногах. Находясь все время среди женщин, о себе тоже говорил в женском роде: «Я пришла», «Я села»... Потребовалось мое влияние, чтобы сынишка почувствовал себя мужчиной.

В один из предпраздничных дней меня пригласили на вечер в госпиталь. После торжественной части выступил коллектив художественной самодеятельности Большой Иванов-

ской мануфактуры. Хор девушек исполнил несколько песен и частушки. Потом на импровизированную сцену вышла худенькая девочка. Она объявила, что прочитает стихи, написанные ивановцем гвардии старшиной Михеевым. Никогда не изгладится у меня впечатление от этого исполнения. В ее звонком дрожащем голосе были и настоящая боль, и крик о помощи, и мольба поскорее покончить с врагом, принесшим столько страданий.

Ты слышишь плач замученных детей?
Ты видишь трубы городов сожженных?
Убей врага, убей его скорей!
Вдави в сырую землю скорпиона!

В голосе девочки появились новые нотки: сильные, гордые, призывные:

Сама победа не придет, не жди.
Уж лучше смерть, чем рабство вековое.
Иди, боец! Иди и победи!
Испепели врага на поле боя!

Каждое слово ударяло по нервам. Я помню, как все собравшиеся в зале напряглись, будто почувствовали себя лично виновными в том, что советскую землю все еще топчет враг.

Казалось, девочка обращается к нам, присутствующим в зале. Я вижу борющийся, истекающий кровью город, вспоминаю испепеленный, разрушенный, но до конца боровшийся Севастополь. Смотрю на раненых, на товарищей по работе. Некоторые встали, у многих на глазах слезы. А девочка продолжает:

С надеждой смотрит на тебя народ,
И всюду песни про тебя поются.
Спеши, боец! Смелей шагай вперед,
Чтобы домой с победою вернуться!

Когда она замолчала, в едином порыве все встали. Несколько выздоравливающих бойцов окружили девочку — обнимают, жмут руки.

Концерт закончился. К сцене направился комиссар госпиталя, чтобы поблагодарить выступавших. Но его опередил пожилой боец в халате, бледный от долгого лежания на койке.

— Я выздоравливающий, я почти здоров, — говорил он. — После выступления наших дорогих шефов я прошу командование госпиталя отправить меня на фронт!

На другой день комиссар госпиталя сказал, что в тот вечер больше двадцати человек из выздоравливающих подали заявления досрочно выписать их из госпиталя и направить на фронт. Для меня этот вечер тоже не прошел бесследно. Хотя после Севастополя я чувствовал себя неважно, но неотступно преследовала мысль: надо решительно добиваться отправки на фронт! А тут, как на грех, случился еще один разговор.

Выступал я на ткацкой фабрике Меланжевого комбината с докладом о героической борьбе защитников Сталинграда. Слушали внимательно, многие женщины платочками вытирали глаза. У каждой кто-нибудь из близких воевал, иные уже получили похоронную.

Как только я закончил, поднялась одна из женщин и в упор спросила:

— А почему вы такой здоровый, а не на фронте?

Мне казалось, что все смотрят на меня с укором. Не знал, что и ответить женщинам. Секретарь парторганизации, сидевшая рядом, нашлась быстрее меня.

— Скажите, что вы участник обороны Севастополя, — шептала она мне, — что были там секретарем горкома, что были ранены...

Не преодолев как следует смущения, я повторил все это. В заключение заверил, что каждую минуту, если потребует партия, готов взять оружие в руки.

В общем-то укор и даже показавшаяся мне неприязнь были мною сильно преувеличены. Просто слова эти оказались как соль на рану. Женщины не дали мне закончить, стали расспрашивать о Севастополе, о том, как жители города перенесли все тяготы обороны. А задавшая вопрос подошла ко мне с глазами полными слез:

— Вы простите меня, злая я стала, несдержанная. Да и как не стать. На фронте убит муж, два сына сражаются. Дома еще двое...

— Да вы не терзайтесь, — я крепко пожал ей руку. — Я вас понимаю...

Находясь под впечатлением разговора, в горкоме я обратил внимание на то, что в аппарате у нас многовато мужчин. Сказал об этом Варваре Николаевне Малышевой, упомянув и о расстроившем меня инциденте на комбинате.

— Что касается инцидента, то самое правильное — перестать грызть себя из-за него. Будет нужда — вас пошлют на фронт. Что касается мужчин в аппарате горкома, то кто же

не знает, что Воронин без ноги, у него протез. У Комякова — туберкулез, у Алешенкова — язва желудка. Никитин — совсем слепой, у Творогова — нет руки, Волков по возрасту уже не годен, да и больной. Один Курочкин, как заведующий военным отделом, имеет бронь. А какой воз он тянет!

Верно, беспокойный Александр Михайлович Курочкин все дни проводил в воинских частях и госпиталях, в военкоматах и штабах МПВО, провожал бойцов на фронт. Он же заботился о семьях военнослужащих, об инвалидах войны. В горькоме появлялся лишь поздно вечером.

Забегая вперед, скажу, что Александр Михайлович так работал всю войну. Не жалел себя для дела и после войны, хотя имел право уйти на пенсию. Умер он в 1959 году внезапно, во время доклада в День железнодорожника, будучи тогда председателем райпрофсожа Ивановского отделения железной дороги.

В тревожные дни, когда шла ожесточенная битва на Волге, чуть ли не каждый вечер, примерно после одиннадцати, ко мне в кабинет приходили секретари, заведующие отделами, инструкторы. Это ни для кого не было обязательным. Но как-то повелось по окончании долгого рабочего дня собраться, поговорить, отвести душу. Каждому хотелось узнать, как идут дела у товарищей, выяснить срочные поручения на завтра.

Варвару Николаевну Малышеву обычно волновала организация производства на текстильных фабриках. Петр Иванович Лахтин уточнял распределение обязанностей между партийными и советскими работниками.

Нередко приходили секретари райкомов партии: Куприянова, Жуков, Шокин, Лебедев, Абрамова. Частыми гостями бывали по вечерам и секретари горкома комсомола Аня Попова и Лена Гусева.

Но пожалуй, главной причиной ночных неофициальных встреч было желание вместе послушать в половине двенадцатого последние известия. Мы комментировали сводки с фронтов, высказывали предположения. Так было всегда, а в те дни особенно. Предчувствие коренного перелома в ходе войны витало в воздухе. Ждали, что вот-вот начнется наступление на Волге, и оно непременно принесет победу.

Но сводки Совинформбюро изо дня в день сообщали о тяжелых, кровопролитных боях. Мы их выслушивали возле большой, во всю стену, карты, где была отмечена линия фронта.

Однажды в такой же вечерний час шел текущий разговор. Неожиданно в кабинет ворвался помощник секретаря Сергей Иванович Волков.

— Включите радио!

Левитан читал торжественно-ликующе:

«...В ходе наступления наших войск полностью разгромлены шесть пехотных и одна танковая дивизия. Нанесены большие потери семи пехотным, двум танковым и двум моторизованным дивизиям противника...»

У всех мурашки пробежали по коже. Мы столпились около карты. В этот день я, кажется, впервые увидел улыбающуюся Варвару Николаевну.

В комнате сразу стало шумно. Перебивая друг друга, возбужденно толковали о том, что и на нашу улицу приходит праздник.

Меня то и дело вызывали к телефону. Спрашивали, слышал ли я передачу, поздравляли...

Мы тут же договорились с секретарем обкома Григорием Матвеевичем Капрановым провести митинги, кто и где будет выступать. Сразу же направились на предприятия, в ночные смены...

На Меланжевом комбинате, куда я приехал утром, сообщение Совинформбюро, написанное крупными буквами, было уже вывешено на самых видных местах.

— Трудно выразить словами ту радость, которую испытывали мы при сообщении о крупной победе Красной Армии, — сказала на митинге ватерщица Якушева. — Мы можем ответить на эту победу только самоотверженным трудом. Обязуюсь выполнить сегодня план на сто двадцать пять процентов...

Директора предприятий, секретари парторганизаций то и дело сообщали нам об инициативе рабочих, о новых производственных успехах. Варвара Николаевна Малышева, Александр Дмитриевич Творогов, секретари райкомов по несколько раз в тот день сообщали о трудовом подъеме на фабриках и заводах.

— А вы знаете, товарищ Борисов, что делается в госпиталях?! — взволнованно говорил по телефону Курочкин. — Все рвутся на фронт.

— Нет отбоя от комсомольцев, желающих пойти добровольцами, — «жаловалась» Аня Попкова.

— На станции переливания крови большая очередь, — рассказывала заведующая горздравотделом Александра Пав-

ловна Бровкина.— Люди сдают кровь для бойцов, раненных под Сталинградом.

Энтузиазм рабочих, вызванный радостным сообщением, выливался в конкретные дела.

Рабочие и служащие Меланжевого комбината единодушно встали на стахановскую фронтовую вахту. Они решили досрочно выполнить годовой план.

Коллектив фабрики «Красная Талка» обратился ко всем трудящимся области с призывом построить на свои средства авиационное соединение имени Михаила Васильевича Фрунзе. «Это будет нашим новым ударом по ненавистным немецко-фашистским оккупантам»,— говорилось в обращении. Призыв нашел горячий отклик среди всех трудящихся области.

Председатель колхоза «Верный путь» Палехского района Архиереев внес предложение создать для Красной Армии как можно более значительные продовольственные резервы. И это тоже эхом разнеслось по области. Труженики села, кроме того, организовали сбор средств на танковую колонну «Ивановский колхозник».

Наши войска наступали под Сталинградом, на Центральном фронте, в районе среднего течения Дона, на Северном Кавказе. На фабриках и заводах, в учреждениях, на площадях около карт военных действий собирались толпы народа. Флажки то и дело переставлялись по мере продвижения наших войск. Повеселели лица ивановцев, легче стало жить и работать. Лучше пошли дела на фабриках и заводах, больше давали продукции для фронта. Хотя планы многих предприятий еще не выполнялись, все были уверены в ближайших трудовых победах.

На собрания и лекции, где рассказывалось о положении на фронтах Отечественной войны, собиралась масса людей, как никогда. А какое множество вопросов! Сколько поздравительных писем на фронт! С каким желанием читали в газетах и слушали по радио очерки, статьи, рассказы о боевых делах фронтовиков, о мужестве и героизме наших воинов. По-моему, в те дни в городе стало больше музыки и песен.

А двадцать пятого ноября мы прочитали в газетах сообщение, что Народный комиссариат обороны вошел в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством утвердить специальные медали для награждения участников обороны Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда.

Закончился тяжелый 1942 год. Наступил новый, 1943-й.

«Можно с уверенностью сказать, что сегодня военное положение для нас более благоприятное, чем оно было в это время в прошлом году», — сказал в своем новогоднем традиционном поздравлении Михаил Иванович Калинин.

Каждый раз, когда я слышал по радио голос Михаила Ивановича, он представлял передо мной таким, каким я его видел еще в 1919 году, перед самым своим вступлением в коммунистический отряд, отправлявшийся на борьбу с Мамонтовым. И случилось же так, что в середине января 1943 года Михаил Иванович приехал в Иваново. Мне посчастливилось увидеть его поближе, послушать еще раз и поговорить с ним.

Михаил Иванович Калинин принял участие в работе областного совещания по повышению урожайности. В зале областного драматического театра присутствовали колхозники, работники совхозов, партийный и хозяйственный актив, было много приглашено и текстильщиков. Наш «все-союзный староста» просто, как будто перед ним была не тысячная аудитория, а один-единственный собеседник, говорил о положении на фронтах и в стране. Обращаясь к колхозникам, он подчеркнул те главные задачи, которые им предстояло решить.

— Вы привыкли думать, что ваша область не может производить много хлеба, что она неплодородна, — говорил Михаил Иванович. — Об этом надо забыть и сказать себе, что самыми плодородными в Советском Союзе должны стать эти «неплодородные» области. И они такими будут, не могут не быть...

Зная, что в зале находятся работники текстильных предприятий, Михаил Иванович и им сказал свое слово:

— Те сведения, которые у меня имеются, говорят, что ивановская текстильная промышленность план недовыполнила. Конечно, может быть, имеются причины, которые нельзя преодолеть. Но все-таки по тем сведениям, которыми я располагаю, ивановцы могли бы окончить год с лучшими результатами по текстильной промышленности, чем окончили. Из этого я заключаю, что вы еще не прониклись сознанием, что находитесь на боевом посту...

Только тогда, — продолжал Михаил Иванович, — вы сможете оправдать себя перед фронтом, если будете в состоянии сказать, что сделали все, что в ваших силах при данной обстановке... И я думаю, что коммунистическая организация

города Иванова и области; великолепно понимая настоящую ситуацию, сделает все, чтобы область была не в последних, а в передних рядах областей, входящих в наш военный лагерь...

Огромное впечатление на всех произвела реплика Михаила Ивановича одному из ораторов, который чересчур бойко и самоуверенно оперировал цифрами, говоря о будущих урожаях. Прервав его, Калинин спросил:

— А чем вы подтверждаете свои обязательства? У вас есть какие-нибудь расчеты?

Расчетов у оратора не оказалось. Он замолк, стушевался, а Михаил Иванович резонно заметил:

— Обещаниями сыт не будешь, словами урожая не поднимешь. Вы лучше возьмите пять центнеров, но дайте их наверняка.

В перерыве меня представили Михаилу Ивановичу. Он с большим интересом расспрашивал об обороне Севастополя, о положении дел в Иванове.

Пожав на прощание руку, он добавил:

— А с работой-то в городе, севастополец, еще неважно...

И хотя это было произнесено добрым, отеческим тоном, мне стало стыдно.

На другой день Михаил Иванович поехал на Меланжевый комбинат, который за многие месяцы впервые выполнил производственный план. Долго ходил он по цехам, беседовал с работницами, с коммунистами и комсомольцами, с руководителями предприятия, расспрашивал о делах, о заработках ткачих, прядильщиц, о том, что мешает работе, каково положение с сырьем, с топливом. Спросил Михаил Иванович и о том, все ли рабочие имели летом огороды и сколько получили с них картофеля и овощей, как кормят в столовых, отапливаются ли общежития и квартиры, всегда ли есть по вечерам свет, учатся ли дети. Его интересовали все подробности. Работницы чистосердечно отвечали Михаилу Ивановичу, не утаивали недостатков, делились личным горем.

Перед отъездом с комбината Калинин дал руководителям много ценных указаний и советов, а потом как бы невзначай спросил секретаря парткома Андрея Платоновича Никитина:

— А вас женщины еще не поколотили?

Никитин с удивлением посмотрел на него и неуверенно произнес:

— Н-нет...

— Ну, если и поколотят, то вы на них не обижайтесь. Уж очень им тяжело приходится...

В тоне его, насмешливом, немного грустном, чувствовалось, как близко к сердцу принимал он радость и горе простого человека.

В беседе с руководящими работниками области и города Михаил Иванович сильно нас отчитал. Он говорил, что нельзя работать так, как сейчас работают ивановцы. Стране необходимо много текстиля, много хлеба. В отдельных районах страны людям не во что одеться, старое давно износилось, а нового не достать. В госпиталях не хватает перевязочного материала. Нужно получше одеть наших бойцов.

И долго еще, отдаваясь в сердце, звучали слова Михаила Ивановича, сказанные ивановцам:

— Что значит война? Война — это напряжение всех сил: и материальных, и физических, и моральных. Это значит меньше требовать от центра, меньше к нему обращаться, а изыскивать все, что можно, в своих пределах... Делайте, товарищи, все, что можно сделать, делайте по-ленински, так, чтобы чувствовалось, что люди действительно работают, что у них натянуты все жилы, как пружины.

Встреча с соратником Ленина, виднейшим руководителем нашего государства М. И. Калининым прибавила всем нам сил, энергии. Заметно возросла помощь фронту, освобожденным районам.

Вороша в памяти события того времени, с особой теплотой вспоминаю множество добрых дел, совершенных трудящимися города для семей фронтовиков. Еще в декабре 1942 года на заседании бюро обкома мы говорили, что забота о семьях фронтовиков — это та же помощь фронту. Бюро приняло решение провести неделю помощи семьям красноармейцев и командиров Красной Армии. На всех предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях это предложение встретило самый сердечный отклик, никого не оставило равнодушным.

Городскую комиссию по проведению недели возглавил председатель горисполкома Петр Иванович Лахтин. Через несколько дней он доложил о первых результатах. Выдано 5424 кубометра дров и 1390 тонн торфа, 47 000 метров мануфактуры, 5845 пар обуви, 76 тонн картофеля и овощей... Семьям фронтовиков предоставлены десятки новых квартир, сотни квартир отремонтированы. Собраны тысячи теплых вещей, 151 тысяча рублей деньгами. Многие сотни членов

семей фронтовиков устроены на работу, а их дети — в детские сады и ясли. В сельской местности для семей фронтовиков было собрано много продовольствия.

Ивановская область показала пример в этом благородном деле. В январе было принято специальное постановление Центрального Комитета партии о мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих. «Повседневная забота об удовлетворении материально-бытовых нужд семей военнослужащих имеет огромное военно-политическое значение и является половиной всей нашей заботы о Красной Армии», — отмечал Центральный Комитет партии.

Постановление ЦК партии помогло избавиться от известной кампанейщины в деле помощи семьям фронтовиков, сделать эту помощь более действенной, широкой и всесторонней. В течение января на Меланжевом комбинате, например, была оказана помощь 1200 семьям, на «Красной Талке» — 680 семьям.

«Работа ивановцев особенно ценна тем, что она носит массовый общественный характер. Забота о семьях фронтовиков стала здесь поистине общенародным делом, — писала 30 января 1943 года в своей передовой статье газета «Известия». — Этим и объясняются успехи, достигнутые за такой короткий срок. Можно смело сказать, что инициатива трудящихся Ивановской области будет с благодарностью встречена воинами Красной Армии».

И верно, фронтовики нас буквально засыпали письмами.

Александр Михайлович Курочкин выкладывал их мне на стол и с нескрываемым удовольствием читал вслух.

— Вот пишет капитан Кокорин: «Ваше душевное отношение к семьям военнослужащих воодушевляет нас на новые победы». А вот рядовой Калинин благодарит за то, что его семье помогли получить новую квартиру: «Если бы вы знали, сколько у меня прибавилось энергии, когда я узнал, что вы не забыли меня и мою семью и помогли ей с квартирой! Я отдам все свои силы, всю энергию, не щадя жизни, буду бороться за нашу прекрасную Родину».

«Вы понимаете, товарищи, — писал фронтовик Медведев, бывший работник Меланжевого комбината, — что забота, которой вы окружаете наши семьи, удваивает силы бойцов. Когда я получил от жены известие, что доставили дрова, что ребята живут в тепле, учатся в школе, что семья, несмотря

на тяжелые испытания войны, обеспечена всем необходимым. мне захотелось скорее ринуться в бой».

«Мы, фронтовики, всегда и везде чувствуем заботу нашего тыла, — писал старший лейтенант Черняк. — Спасибо вам, дорогие. Постараемся боевыми делами, беспощадным истреблением немецких захватчиков оправдать вашу заботу».

В начале года были подведены итоги Всесоюзного соревнования текстильщиков: Меланжевый комбинат и «Красная Талка» завоевали первые места. Весь город радовался успехам коллективов двух крупнейших предприятий. А вскоре и коллектив Ново-Ивановской мануфактуры справился с планом. Все это придало уверенности в том, что, несмотря на трудности войны, ивановцы смогут выполнить свой долг перед страной.

Большую роль в успехах Меланжевого комбината и «Красной Талки» сыграло улучшение массово-политической работы, как того требовало постановление ЦК ВКП(б) о работе Ивановского обкома. Это можно проследить хотя бы на примере тростильно-крутильного и второго ткацкого цехов Меланжевого комбината.

Когда я приехал поздравить работников комбината с достигнутым успехом, начальник тростильно-крутильного цеха коммунист Пантелеев говорил мне:

— У нас почти половина работниц не выполняла норм. На совещаниях и в беседах внушали им, что так нельзя, наказывали тех, кто систематически не выполнял плановых заданий. Все это, конечно, давало какие-то результаты. Но далеко не все работали на совесть.

И Пантелеев рассказал о массово-политической работе, которую начали проводить в цехе. Главный упор был взят на развитие социалистического соревнования. Каждый шаг практической деятельности получал широкую общественную огласку. Вывесили броские лозунги: «Товарищи! Не будем у фронта в долгу, каждый метр ткани — удар по врагу!» Обновили доски показателей, сделали их ярче и ежедневно заполняли.

Регулярно выходили «молнии», в которых рассказывалось о достижениях передовиков и о тех, кто лодырничал. Гласность позволила каждой работнице знать результаты своего труда за смену, показатели других. В результате значительно сократилось число не выполняющих нормы.

Работниц, показавших самые высокие результаты, на следующий день встречали приветствием: «Благодарим за хоро-

шую работу. Поздравляем с успехами в труде». Плакатик прикрепляли прямо к станку. А у другого станка — огорчение: «Ты вчера снова не выполнила план. Такой работой позоришь весь цех».

Опыт массово-политической работы на Меланжевом комбинате постепенно распространялся на другие предприятия. На семинарах секретарей первичных парторганизаций и руководителей агитколлективов выступил секретарь парткома комбината Андрей Платонович Никитин.

Однажды он рассказал, как удалось повлиять на одну из зарядниц ткацких станков. Она работала из рук вон плохо, часто отлучалась с рабочего места, а иногда даже устраивалась поспать где-нибудь подальше от глаз администрации. На нее не действовали ни замечания, ни выговоры, ни призывы к совести. Но вот на виду всего ткацкого цеха вывесили «молнию»:

«Вчера в рабочее время ты проспала два часа. Комплект недодал из-за этого сто метров ткани. Эта ткань предназначалась фронтовикам».

Этот всеобщий укор стал для зарядницы переломным моментом. Через несколько дней у ее рабочего места висел плакат с благодарностью за отличную работу.

Прошло три месяца после постановления ЦК партии. Работники отделов пропаганды и агитации обкома, горкома и райкомов многое сделали для улучшения массово-политической работы среди трудящихся. В то время в Иванове насчитывалось около трехсот агитколлективов, больше трех с половиной тысяч агитаторов, причем больше половины из них — комсомолы и беспартийные. Только на Меланжевом комбинате работало двадцать семь агитколлективов. Опираясь на такую силу, горком, райкомы, первичные организации смогли провести большую работу. Не реже раза в неделю мы собирали агитаторов, чтобы рассказать им о наиболее важных событиях на фронте, в стране, в городе и области, о международном положении, о состоянии дел на предприятиях.

Важное место в массово-политической работе занимали встречи с участниками Великой Отечественной войны. Как-то секретарь обкома позвонил мне и попросил немедленно зайти. В его кабинете в кресле сидела женщина в военной форме. Ба! Да это же Людмила Павличенко, наш знаменитый снайпер, отличавшаяся в боях под Одессой и в Севастополе!

Радостная это была встреча. Мы долго сидели, вспоминая недавнее прошлое.

Людмила Павличенко пробыла в Иванове несколько дней. Она выступала на фабриках и заводах, в учебных заведениях и школах, в воинских частях и госпиталях, рассказывая о борьбе защитников Одессы и Севастополя с захватчиками, о том, как сама боролась с врагом. Нечего и говорить, что женщину-снайпера, лично уничтожившую триста девять фашистов, всюду встречали с любовью и восхищением. Встречи с фронтовиками всегда собирали массу людей.

В числе лучших агитаторов чаще других упоминали помощника мастера Иванову с прядильной фабрики «Красная Талка». Она уважала своих слушателей — никогда не шла на беседу подготовленной кое-как. Не пропустила ни одного семинара в райкоме, внимательно следила за событиями в стране и в мире. У нее всегда была масса слушателей. Агитация несомненно способствовала трудовым успехам. Бригада Ивановой систематически перевыполняла планы, носила звание фронтовой.

Перед началом смены, в обеденный перерыв, после работы в красных уголках, в конторах, в кабинетах начальников цехов, а иногда прямо в проходах между машинами можно было увидеть группы работниц, окруживших агитатора. Как-то установилось, что сначала агитатор обычно рассказывал о фронтовых новостях, зачитывал сводку Совинформбюро, пересказывал статьи о подвигах фронтовиков, а затем переходил к работе фабрики, цеха, комплекта, бригады. В беседах, как правило, принимали участие помощники мастеров, бригадиры, начальники цехов, если они сами не являлись агитаторами.

2 февраля страну облетела весть, что наши войска полностью закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда. В эти дни ивановцы получили от своих земляков, участвовавших в исторической битве, письмо:

«Великая честь выпала на долю нашей Ударной армии по разгрому зарвавшихся немецких бандитов, — писали воины 5-й Ударной армии. — Бойцы и командиры армии... получившие от ваших рабочих, колхозников и интеллигенции знамена, с честью выполнили свой долг перед нашей любимой Родиной... За период наступательных боевых действий наша армия с упорными боями продвинулась вперед на сто тридцать пять километров и освободила от немецких оккупантов

больше ста населенных пунктов, в том числе три крупных районных центра».

Успехи фронтовиков трудящиеся Иванова отметили производственными достижениями. Январский план выполнили многие предприятия города. Все больше давали продукции для фронта машиностроители, завод № 3, комбинат искусственной подошвы, предприятия легкой, местной и деревообрабатывающей промышленности. Улучшили работу текстильщики.

Каждый день, каждый час трудящиеся города всеми своими помыслами были с героями, защищавшими родную землю. Свои чувства они выразили в ответном письме землякам — всему личному составу 5-й Ударной армии.

«...Мы будем работать не покладая рук, так, как учил товарищ Ленин, не на словах, а на деле. Мы вложим в свой труд всю свою энергию, всю свою любовь к Родине и ненависть к врагу. Трудности, лишения, жертвы, которые нам еще предстоит преодолеть, мы переживем, перенесем во имя победы над врагом».

Чуть не каждый вечер, слушая передачи по радио, мы отмечали на карте маленькими красными флажками города, занятые нашими войсками. Отмечать было что: 8 февраля наши освободили Курск, 9-го — Белгород, 11-го — Лозовую, 12-го — Краснодар, 14-го — Ростов-на-Дону, 16-го — Харьков... Замечательными победами встречала Красная Армия свое двадцатипятилетие.

Много хорошего принесла весна 1943 года. Казалось, и жарче солнце грело, быстрее таял снег, веселее журчали ручейки.

Но с весной и забот прибавилось. Не успел сойти снег, как все жители по призыву горкома партии и горсовета взялись за очистку дворов и улиц. Надо было предупредить возникновение эпидемий, вполне возможных при таком скоплении раненых и эвакуированных, при недоедании и скученности, которые принесла с собой война.

Труднее становилось с продовольствием. Областные и городские организации проводили заготовку картофеля, овощей, мяса, молочных продуктов, устраивали колхозные базары. Расширялись и создавались новые подсобные хозяйства. Под индивидуальные огороды использовались не только пригороды и пустыри, но и сады, парки, немощенные улицы и переулки. Преподаватели и студенты старших курсов

сельскохозяйственного института организовали консультации для огородников, выступали с лекциями.

Все это дало нам основание заявить на пленуме обкома, обсуждавшем вопросы сельского хозяйства: если в 1942 году было 80 подсобных хозяйств и 50 тысяч индивидуальных огородов, то в этом году — уже 120 подсобных хозяйств и 70 тысяч огородов; в прошлом году собрали 15 тысяч тонн овощей и картофеля, а нынче соберем в два с половиной раза больше. Так оно и вышло.

Многое сделали местные Советы, профсоюзные организации. Они раздобыли семена, организовали изготовление сельхозинвентаря, устраивали для колхозников встречную торговлю на рынках промышленными товарами.

Надо было посылать много людей на заготовку торфа, на работу в колхозы, совхозы и МТС, требовалась рабочая сила и на железнодорожном транспорте, и на электростанции. А директора фабрик и заводов, руководители учреждений в один голос доказывали, что у них нет ни одного лишнего человека, что оборудование и так простаивает, что в учреждениях служащих совсем нет, хоть закрывай.

— И все-таки людей надо найти, — твердо заявила Малышева на заседании бюро горкома. — Иначе город останется на зиму без топлива, без электроэнергии, без овощей.

Перед руководителями предприятий и учреждений встала задача выделить людей без ущерба для выполнения плана. На общих собраниях рабочих и служащих конкретно решали, кого и с какой работы можно временно снять. Остающиеся обязывались работать за них, хотя при уплотненном рабочем дне это было не просто. Райисполкомы провели мобилизацию среди домохозяек.

Тогда же горком партии принял решение о снабжении газетами сельских читален. Был установлен такой порядок: на следующий же день после получения центральных и местных газет, подписка на которые была сильно лимитирована, работники партийных, советских и комсомольских органов обязаны были передавать их через свои первичные парторганизации избам-читальням. Таким образом ежедневно на село отправлялось около тысячи экземпляров газет, в том числе 425 экземпляров «Правды». Работники обкома передавали 165 экземпляров, облисполкома — 45, горкома партии — 43.

Мы с головой ушли в весенние хлопоты. Еще подстегнул вызов на соревнование от трудящихся города Коврова — кто.

лучше встретит Первое мая. Ковровцы выдвинули следующие условия: предприятиям городов перевыполнить производственные планы; привести в образцовое состояние городское коммунальное хозяйство; успешно подготовиться к добыче торфа; расширить посевные площади в подсобных хозяйствах; оказать помощь МТС, колхозам и совхозам в проведении весеннего сева.

На совместном заседании бюро горкома и горисполкома было решено созвать городскую конференцию трудящихся для обсуждения условий соревнования. Договорились учредить переходящее знамя горкома и горисполкома для района, занявшего первое место в городе, передовиков соревнования заносить в Книгу почета, а отличившихся — на городскую и районную Доску почета.

К нам на конференцию приехала делегация ковровцев во главе с секретарем горкома Ухмыловым. Делегаты конференции, прежде чем подписать договор, обстоятельно обсудили все его пункты.

Через несколько дней в Ковров поехала наша делегация: Творогов, Комяков, второй секретарь обкома комсомола Асташин, рабочие с заводов и фабрик города и я. В Коврове мы были приятно поражены той большой работой, которую провели партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации. Ивановцам было чему поучиться.

— Далеко нам до них, — забеспокоился Творогов. — Как бы не опозориться.

Прежде всего мы отметили, что на заводах Коврова гораздо больше внимания, чем у нас, уделялось гласности соревнования. Выполнение обязательств каждым рабочим проверялось почти ежедневно. Тем, кто отставал, помогали. Хорошо была налажена производственная учеба. Коммунисты о выполнении заданий отчитывались перед своими партийными группами, на бюро парторганизаций.

Весь обратный путь из Коврова в Иваново мы провели в горячих спорах. Решали, что можно в первую очередь перенести из опыта ковровцев на наши предприятия. Кое-чему и ковровцы могли у нас поучиться.

Особенно волновался Сергей Асташин. Мне нравился этот высокий скромный юноша. Вместе с другими работниками обкома комсомола он многое сделал для мобилизации комсомольцев и всей молодежи на помощь фронту. Позднее, уже после войны, нам вновь пришлось встретиться. Сначала во Владимире — он работал там первым секретарем обкома.

комсомола, а я секретарем горкома партии, — затем в Москве. Сейчас Сергей Тимофеевич Астафин на дипломатической работе.

По возвращении из Коврова мы рассказали о результатах поездки на собрании актива, подзадорили наших ивановцев. И соревнование разгорелось. Каждый день приносил вести о трудовой инициативе людей.

Коммунисты паровозного депо станции Иваново стали водить тяжеловесные поезда без набора топлива и воды на промежуточных станциях. Электросварщица машиностроительного завода Дедова выполнила норму на триста процентов. Помощник мастера с Большой Ивановской мануфактуры Александр Мухин, добившийся высоких показателей, рассказывает о своем опыте на соседней фабрике...

Неожиданно мы обнаружили «неподнятую целину» в работе с людьми.

— У нас в городе свыше шестисот коммунистов почти полностью оторваны от партийной жизни. Каково? — сказал мне однажды Степан Ефимович Комяков.

— Что это значит?

Коммунисты, о которых шла речь, из-за преклонного возраста, инвалидности, болезни или по каким-либо другим причинам стояли, по сути, в стороне от тех дел, которыми жила городская партийная организация.

— Некоторые из них, — продолжал Комяков, — даже не всегда посещают партийные собрания. Но таких немного. Большинство с претензией к нам. Говорят, что про них забыли и чуть ли не умышленно отодвигают на второй план. Что, мол, со старых возьмешь... А ведь среди них участники подпольной революционной борьбы, ветераны Октября, герои гражданской войны, герои труда.

— Что же вы предлагаете?

— Они могли бы принести большую пользу, особенно в работе с молодежью. Надо потолковать с ними, выяснить, чем они сами хотят заниматься.

Так и сделали. Работники райкомов и секретари партийных организаций стали периодически собирать коммунистов-пенсionеров, утверждать их агитаторами. Ветераны революции и гражданской войны проводили беседы с молодежью, нередко приглашали юношей и девушек к себе домой. Сотни идейно закаленных коммунистов были приобщены к общественно-политической жизни, стали оказывать большую помощь партийным организациям в воспитании трудящихся.

Недооценили мы один важный участок работы. Когда санитарные поезда прибывали на станцию, для перевозки раненых в госпитали срочно предоставлялся транспорт, на помощь обслуживающему персоналу госпиталей приходили женщины-работницы, домашние хозяйки, студенты.

Так повелось с первых дней войны. А вникнуть поглубже в жизнь госпиталей нам не приходило в голову. Почему-то считали, что там все благополучно.

Как-то пригласил меня уполномоченный КПК по Ивановской области Виталий Григорьевич Татаринцев и дал прочесть докладную записку. Вырисовалась неприглядная картина беспорядков и скученности в госпиталях. Мало помощи им оказывали шефствующие организации.

Ответственными за работу в госпиталях были Курочкин и Никитин. Докладную Татаринцева они прочитали в угрюмом молчании, и никто оправдываться не стал. Стыдно было смотреть друг другу в глаза... Примерно через месяц недостатки в работе госпиталей были устранены.

Но правду говорят: пришла беда — отворяй ворота. Привычка просматривать газеты сразу же, как приходишь на работу, свойственна, конечно, не мне одному. Но случается, придет с утра человек с неотложным делом, закрутится рабочий день, и газеты остаются не развернутыми. Так и в тот день получилось. Объяснялись с директором одного завода по поводу невыполнения плана — вдруг телефонный звонок.

— «Известия» читал? — спрашивает меня Георгий Николаевич Пальцев.

— Еще не успел.

— Прочитаешь, позвони.

В статье «Планы и действительность» резкой критике подвергалось положение дел с благоустройством в нашем городе, запущенность коммунального хозяйства. Я позвонил Лахтину.

— Уже прочитал, — сказал Петр Иванович. — Сидим и думаем, что делать.

Обсудили статью, наметили, что сделать в первую очередь. Снова телефонный звонок, из обкома.

— Небось стыдно? В Севастополе не в таких условиях занимались благоустройством.

Упрек был правильным. Я молчал.

Нередко бывает, что толчок извне побуждает по-настоящему взяться за дело. К нашему стыду, так было и на этот

раз. Бюро горкома и горисполком объявили месячник по благоустройству города. В нем приняло участие все население — рабочие, служащие, домохозяйки, студенты, дети.

Накануне Первого мая вместе с Лахтиным, Ворониным и председателями исполкомов двух смежных районов — Фрунзенского и Октябрьского — Ясневым и Концовым обходили мы улицу за улицей. День был воскресный, повсюду работали люди. Собирали мусор, грузили его в машины, повозки, тачки и везли на свалки, белили здания, ремонтировали и красили ограды, перекапывали газоны, клумбы, сажали деревья.

За две недели город словно помолодел. Но мне казалось, чего-то не хватает. Наконец понял.

— Что? — удивленно спросил Лахтин.

— Деревья не побелили!

— Зачем их белить?

— Это наряднее и для деревьев полезно.

На другой день Лахтин сообщил: специалисты из коммунального отдела считают, что побелка стволов деревьев пагубно отразится на них.

— А почему же на юге белят?

Немного поворчав, работники коммунального отдела взяли кисти в руки. И в городе стало светлее. К слову сказать, через семнадцать лет я ненадолго приехал в Иваново и приятно был поражен, увидев стволы деревьев в белоснежных юбочках.

— С вашей легкой руки, — напомнил Степан Ефимович Комяков.

Накануне Первомайского праздника в Москву для доклада Михаилу Ивановичу Калинин о делах в нашей области выехала делегация трудящихся. Докладывали о том, что делается для выполнения постановления ЦК партии. Внимательно выслушав всех, Михаил Иванович пожелал ивановцам новых успехов, выразил уверенность, что они и впредь будут верны славным традициям иваново-вознесенских ткачей.

В предпраздничные дни, как всегда, жители города готовили подарки фронтовикам. Сорок четыре вагона с подарками, собранными трудящимися, были отправлены из городов и районов области на фронт. Комсомольцы-железнодорожники передали командованию гвардейской части поездобаню, состоявший из вагона для мытья, раздевалки, дезинфекционной камеры, парикмахерской и вагона-клуба.

Активное участие приняли ивановцы и в патриотическом движении по оказанию помощи освобожденным городам и районам, пострадавшим от фашистского нашествия. На заседании бюро горкома заведующая горздравотделом Александра Павловна Бровкина доложила, что горздравотдел взялся оборудовать в Сталинграде детские ясли на двести пятьдесят мест, терапевтическую больницу на двадцать пять коек и поликлинику на четыре кабинета с оборудованием. Все лечебные учреждения будут укомплектованы медицинским персоналом. Ивановские врачи и сестры добровольно вызвались поехать на работу в город-герой.

Заведующая горно Клавдия Ивановна Вавулина сообщила, что их отдел берется организовать в Сталинграде семилетнюю школу, детский сад и также обеспечить их персоналом.

Управление связи решило оборудовать два радиоузла и две радиоустановки. Типография выделяет печатную машину и шрифты. Машиностроительный завод — двадцать пять комплектов инструмента для колхозных кузниц.

Текстильные предприятия обязались сшить из сверхпланового материала белье. Горпромкомбинат — сделать матрасы, кровати. Управление трудовых резервов выделило тысячу пятьсот одеял, десять тысяч простыней, тысячу наволочек, две тысячи пар белья, десять тысяч метров мануфактуры.

Через несколько дней все это было отправлено в город-герой, а следом выехала туда и делегация нашей области.

Трудящиеся города оказывали также большую помощь освобожденным районам Смоленской, Калининской, Брянской областей. «Передайте искренний, горячий привет и глубокую благодарность рабочим, колхозникам и интеллигенции вашей области за братскую социалистическую помощь трудящимся освобожденных районов нашей Смоленщины», — писали Смоленский обком партии и облисполком.

Накануне Первого мая в горкоме то и дело раздавались телефонные звонки:

— Кировский район план апреля выполнил.

— Справилась с государственными заданиями промышленность Октябрьского района.

О выполнении плана сообщали с фабрик и заводов, с коммунальных предприятий, из артелей. Зашла ко мне сияющая Малышева:

— Текстильщики план перевыполнили!

По итогам работы за апрель в Книгу почета были занесены: механический завод, Ново-Ивановская мануфактура, «Красная Талка», фабрика имени Крупской, мясокомбинат, вагоноремонтный пункт, мебельный комбинат. Пятьдесят два лучших рабочих, бригадиров, помощников мастеров, начальников цехов, хозяйственных, партийных, профсоюзных и комсомольских работников были награждены почетными грамотами горкома партии и исполкома городского Совета. Первое место в соревновании районов занял Октябрьский, второе — Кировский.

Подвели предварительные итоги и месячника по благоустройству. В воскресниках участвовало более ста тысяч человек, посажено около четырех тысяч деревьев, свыше двадцати тысяч кустарников, приведены в порядок газоны. От мусора очищены дворы, улицы и переулки. С помощью комсомольских и профсоюзных организаций приведены в порядок общежития.

Кое-кто поговаривал о возможном первенстве в соревновании с ковровцами. Не тут-то было. Первое место все-таки досталось ковровцам. Но мы не унывали: ничего, еще немного — и вырвемся вперед.

Первомайская демонстрация была многолюдной, радостной, красочной. А летом в парках и садах, на берегах Уводи и знаменитой Талки, на спортивных площадках все громче слышались песни, раздавались звуки гармони, гитары.

На фронтах Отечественной войны наши войска продолжали наступление, лавина гитлеровских войск катилась на запад. У каждого из нас будто камень с сердца сняли. Поэтому сведения о массированном наступлении немцев в районе Курска и Орла были восприняты очень болезненно. По ночам в городе объявлялись воздушные тревоги. Фашистские бомбардировщики летали бомбить Горьковский автозавод и другие военные объекты.

Новые мобилизации... Тысячи горожан уезжали на фронт, на заготовку торфа и лесоразработки, на полевые работы. На фабриках еще сильнее ощущался недостаток рабочей силы. Производственные планы опять оказывались под угрозой срыва, хотя рабочие по окончании смены надолго оставались у станков.

Где найти людей к станкам?

— А вот где,— Варвара Николаевна Малышева положила передо мной свежий номер газеты «Рабочий край». Красным карандашом была обведена статья: «Из редакционной почты.

Почему они не работают?» Писала Агния Юферева, ткачиха Большой Ивановской мануфактуры.

«Скоро двенадцать лет, как я работаю ткачихой, — я читал вслух. — Меня глубоко волнует то, что мы, ивановские текстильщицы, работаем неудовлетворительно и не выполняем полностью долга перед государством и фронтом. Среди многих причин, отрицательно влияющих на работу фабрик, есть одна — недостаток рабочей силы, — которая могла бы быть до некоторой степени преодолена, если бы к этому подошли со всей серьезностью...

Я — жена фронтовика. У меня двое маленьких детей — пяти и девяти лет. Работая на шести станках, я все время перевыполняю нормы выработки. Мои соседки по станкам товарищи Панина, Митрофанова, Цаплина, Глазкова также жены фронтовиков. У них есть маленькие дети, но это не мешает им быть стахановками, работать в полную меру своих сил. У Паниной муж убит на фронте, самому старшему ребенку двенадцать лет, младшей еще нет и восьми. Панина стахановка, ведёт большую профсоюзную работу...»

Все, кто был в моем кабинете, внимательно слушали письмо ткачихи.

«...На нашей фабрике много работниц, они отдают все свои силы производству, стараются всем, чем только могут, помогать фронту. В этом нет ничего особенного, потому что трудиться честно — долг каждого советского гражданина, а во время войны тем более. Но иногда становится обидно и досадно, что некоторые люди не хотят понимать этого долга и уклоняются от работы, а организации, которые обязаны заставить работать этих нарушителей советских законов и святой обязанности гражданина СССР, бездействуют...

На нашей фабрике немало случаев, когда совершенно здоровые, бездетные женщины самовольно бросили работу, предпочли заниматься поисками более легкого заработка. Они ушли с фабрики и до сих пор не привлечены к ответственности. Это мне непонятно. Дезертир с фронта труда — это то же самое, что дезертир, убежавший с поля боя. За такие проступки надо наказывать со всей строгостью, надо заставить людей работать...»

— Давно бы нам вспомнить о «птичках божьих».

Таковыми репликами перебивалось чтение статьи. Мы договорились завтра же созвать бюро и подробно обсудить выступление Юферовой.

Решение бюро горкома гласило: провести кустовые собрания неработающих женщин, а на предприятиях и в учреждениях — собрания членов семей военнослужащих, попросить их активнее вовлекать неработающих в труд на фабриках. Признали необходимым организовать курсы повышения квалификации для вновь пришедших на производство, детей поступающих на работу женщин устраивать в детские сады и ясли. К тем, кто сознательно уклонялся от работы, рекомендовать принимать меры принуждения, продиктованные военной обстановкой.

Вера Дмитриевна Докетова, секретарь парткома Большой Ивановской мануфактуры, всех активисток разослала по домам, чтобы пригласить на работу уволившихся. Да и сама потратила много энергии, взывая к совести тех, кто отсиживался дома. Целыми днями она бегала, хлопотала. И как раз в эти дни Вера Дмитриевна получила извещение о гибели мужа.

Газета «Рабочий край», застрельщик этой кампании, своими конкретными и острыми выступлениями содействовала привлечению новых работников на фабрики и заводы.

Сыграл роль, конечно, и мощный моральный стимул. Наши войска успешно ликвидировали летнее наступление немецко-фашистских войск под Орлом, Курском и Белгородом.

Текстильщики Иванова план июля перевыполнили. Успешно справилась с государственными заданиями вся промышленность города. Иваново дало на миллионы рублей продукции в фонд Главного командования. В первой половине августа нескольким ивановским предприятиям — комбинату искусственной подошвы, мясокомбинату, молокозаводу и другим — были присуждены переходящие знамена Государственного Комитета Оборона, Совета Народных Комиссаров, ВЦСПС и наркоматов. Эти предприятия за четыре месяца выпустили сверхплановой продукции на сорок четыре миллиона рублей.

Много сверхплановой продукции дали отдельные работницы. Шестьдесят две тысячи бойцов Красной Армии были экипированы с помощью ткани, которую с начала войны выработала стахановка Меланжевого комбината Софья Алексеевна Урванцева. На десять тысяч бойцов выпустила ткани за год Мария Ивановна Шарнова — стахановка фабрики имени Крупской. Из той ткани, которую она выработала сверх плана, сшито две тысячи пятьсот комплектов верхней одежды.

Бюро обкома партии, обсуждавшее итоги соревнования между Ивановом и Ковровом, отметило, что и Ивановский и Ковровский горкомы партии провели большую организаторскую, массово-политическую работу среди трудящихся и добились значительных успехов. Победителем в соревновании признали город Иваново.

В областном драматическом театре собралось почти две тысячи представителей предприятий и общественных организаций города. Присутствовали наши гости — делегаты Коврова. В торжественной обстановке ивановцам было вручено переходящее Красное знамя обкома партии и облисполкома.

Сразу же после собрания, как-то стихийно, не сговариваясь, в горкоме собрались секретари и члены бюро горкома, секретари райкомов, руководители предприятий, работники исполкомов, комсомольские руководители. Все были радостно возбуждены. Бодро гремел голос Воронина. То и дело протирал очки Никитин, покашливал Комяков. На лице Куприяновой красные пятна. Не находит себе места Лахтин (он к этому времени был третьим секретарем горкома). Творогов, Курочкин, Волков что-то оживленно друг другу доказывали. Пришел и новый председатель горисполкома Войцов.

Стихийный сбор превратился в деловое совещание. Договорились, что дальше делать для того, чтобы закрепить первые успехи. Горком обратился ко всем трудящимся города с призывом работать в августе лучше, чем в июле, и удержать первенство в соревновании с ковровцами.

В августе текстильщики Иванова дали сверх плана около двух миллионов метров ткани, а за восемь месяцев 1943 года — на восемьдесят пять миллионов метров ткани больше, чем за тот же период предыдущего года. Еще большему количеству предприятий были присуждены переходящие знамена во Всесоюзном соревновании. Это была новая победа ивановцев в выполнении постановления Центрального Комитета партии, новый достойный вклад в победу в Великой Отечественной войне. Ивановская область входила в число передовых областей страны. Обком партии, вся партийная организация готовились к новому отчету в Центральном Комитете. На этот раз о том, как выполняется постановление ЦК о работе Ивановской области.

Радуюсь всем этим достижениям, я все чаще и чаще мыслями обращался к родному Севастополю, где пока еще господствовали гитлеровцы...

В объемистой папке тщательно подшиты письма и телеграммы. Их более трехсот. Это от севастопольцев. Большинство из них относится к тому времени, когда я работал в Иванове, лишь некоторые более позднего времени. Письмо за письмом, телеграмму за телеграммой я бережно перекладываю и вспоминаю друзей, товарищей по работе, многих из которых уже давно нет в живых.

Куда только не забросила война севастопольцев! Писали с Дальнего Востока, с Урала, Севера, из Поволжья, Грузии, Казахстана, Средней Азии, из центральных областей, с фронтов Великой Отечественной войны... Жены разыскивали мужей, дети — родителей, родители — детей. Фронтовики просили сообщить, эвакуировались ли их семьи и не знаю ли я, где они находятся, живы ли. Писали друзья детства и юности, товарищи по работе в Севастополе и в Симферополе, товарищи по службе на флоте.

«Умоляю вас, сообщите мне правду, я ко всему готова», — писала жена начальника Севастопольского горотдела НКВД Константина Павловича Нефедова. «Я очень скучаю и хочу знать, если мой папа жив, то где он находится? А если погиб за Родину, то напишите, где и когда», — сделал приписку сын Константина Павловича — Боря. Он, видно, недавно научился писать.

«Обращаюсь к вам с величайшей просьбой: напишите мне все, что знаете о моем муже Воронине М. И. и его судьбе. При каких обстоятельствах ему пришлось остаться и можно ли иметь хоть маленькую надежду на то, что он жив?» — допытывала жена секретаря Корабельного райкома партии Воронина.

Интересовались судьбой первого секретаря Северного райкома партии Кролевецкого, начальника отделения железной дороги Киселева, директора мясокомбината Шевелева, помощника секретаря горкома партии Терещенко и многих, многих других.

Перечитывать эти письма тяжело и сейчас. Тогда же передо мной вставала другая трудность: надо было отвечать. Но что сказать людям, когда я сам о многих ничего достоверного не знал?! Что мог я сообщить о Нефедове, Воронине, Кролевецком, Киселеве, Шевелеве, Терещенко, если последний раз я их видел перед тем, как они ушли на Херсонесский мыс? То, что они не прибыли на Большую землю, не давало еще оснований считать их погибшими, так как они могли пробраться к партизанам или работать в подполье.

Позже выяснилось, что некоторые, в их числе помощник секретаря горкома партии Николай Игнатьевич Терещенко, не смогли сесть на самолет, предоставленный командованием для партийного актива. Терещенко через несколько дней оказался в лагере для военнопленных. Там он организовал подпольную группу, бежал, связался с вожаком севастопольской подпольной организации Василием Дмитриевичем Ревякиным. И стал одним из ее руководителей.

Перенеся муки плена, остался в живых начальник политотдела железной дороги Немков. Пробрался в лес к партизанам работник обкома Кувшинников. Спасся и продолжал воевать заведующий военным отделом Корабельного райкома партии Щербаков.

Когда Красная Армия разгромила немецко-фашистские войска под Сталинградом и началось столь долгожданное наступление, у севастопольцев укрепились надежда, что их город тоже скоро будет освобожден, и переписка моя стала оживленнее.

«Чувствую, что мы скоро возвратимся восстанавливать родной город,— писал Василий Петрович Ефремов из города Чкалова, где он работал председателем горисполкома.— Я уже написал Филиппу Сергеевичу Октябрьскому письмо с просьбой забрать на флот,— тянет меня туда, к морю родному... Хочется вместе с черноморцами громить фрицев».

И Антонина Алексеевна Сарина, работавшая в Сухуми секретарем горкома партии, делилась со мной своими надеждами: «Думаю, что если и дальше так пойдут дела, замечательные дела, то авось к лету окажемся в Севастополе. Севастополь — это то, что до самой смерти будет особенно дорого для нас».

«Надеюсь, что скоро увидимся на Малой земле, и снова зашумит «Маячок», что недолго осталось жить фашистской нечисти на нашей земле,— радовался Сергей Суковский, бывший редактор газеты «Маяк коммуны», а теперь сотрудник «Красного черноморца» в Сочи.

В каждой строчке письма бывшего заведующего военным отделом горкома партии Иосифа Ионовича Бакши чувствовалось, что он давно мыслями в Севастополе. «С нетерпением жду, когда будет команда: «По местам!»»

«Я заранее прошу вас не забыть обо мне... Как хочется скорее быть дома!» — напоминала севастопольская учитель-

ница Федоринчик. О том же просили ее коллеги Донец, Погребняк и многие, многие другие.

Анна Петровна Подойницына, работавшая инструктором обкома в Перми, очень просто выразила наше общее настроение: «Несмотря на то что мы живем и работаем в разных местах, мысли у всех одни: как бы скорей, скорей в Севастополь!»

Анна Петровна прислала мне неизвестно кем сложенную песню о Севастополе на мотив «Раскинулось море широко». В этих бесхитростных, искренних строчках было много горечи и одновременно надежд на скорое освобождение любимого города.

Раскинулось Черное море,
И волны бушуют вдали;
Огромно народное горе —
Враги в Севастополь вошли.
Сожгли изуверы кварталы домов,
Разрушена вся Панорама,
Предела не знает жестокость врагов, —
Весь город — кровавая рана.
На пыльной дороге лежит мальчуган,
Он кровью с утра истекает,
И хмурится тучей Малахов курган,
И злоба его разбирает...
Вернутся когорты лихих моряков,
Эскадра на базу вернется,
И встанут кварталы красивых домов,
Малахов курган улыбнется.
И новый Рубо Панораму начнет.
Он наши дела не забудет.
Родимое солнце над Крымом взойдет,
И больше заката не будет.

Главный режиссер Севастопольского драматического театра имени Луначарского Б. А. Бертельс писал из Тбилиси, что все артисты театра, разбросанные по стране, с нетерпением ждут возвращения в Севастополь. Бертельс переслал мне стихи, присланные ему из Казахстана севастопольским актером С. Н. Архангельским.

Милый мой, далекий Севастополь,
Скоро ли вернусь к тебе опять, —
Каждую травинку, каждый тополь,
Каждый камень мостовых обнять?..
Здесь, в степях, закованных снегами,
Не замерзла дружба и любовь,
В своем сердце сохраняю пламя
И надежду возвратиться вновь...

Так думали все севастопольцы, разлученные войной с родным истерзанным городом, такой надеждой жили они все эти ненастные годы... Думаю, что любители поэзии простят мне опубликование этих не совсем совершенных стихов. Мне они дороги как еще одно свидетельство бесконечной любви севастопольцев к своему городу-герою.

Когда немецко-фашистские войска были вышвырнуты с Кубани, из Донбасса и шли бои за Днепр, мои севастопольские друзья один за другим стали сообщать мне, что их уже вызвали в распоряжение Крымского обкома. Об этом написали Ефремов, Гырдымова, Сарина, Бакши, Подойницына...

Освобождение Крыма и Севастополя не за горами! Почему же мне нет вызова? Я нервничал. Но вот 2 октября телеграмма: «Срочно выезжайте Сочи». Подпись секретаря Крымского обкома партии. В Ивановском обкоме мне сообщили, что вызов от Крымского обкома согласован с Центральным Комитетом, но ехать мне надо не в Сочи, а в Москву, в ЦК партии. Излишне говорить о той радости, что охватила меня.

— Вот и уезжаете, — говорил секретарь Ивановского обкома Григорий Матвеевич Капранов. — А может, останетесь? Похлопочем.

— Не могу. Севастополь — моя первая любовь.

— Мы с вами неплохо поработали, жаль расставаться, — сокрушалась Варвара Николаевна.

— Согласен, поработали мы на совесть. У меня об Иванове и ивановцах сохранятся на всю жизнь самые теплые воспоминания. Но теперь пожалуйста в Крым — отдыхать, лечиться.

Обещал, как только окончится война, приехать к ивановцам, вместе отметить победу над врагом. Но не удалось. Приехал в Иваново лишь через семнадцать лет, в начале 1960 года...

В Центральном Комитете партии сообщили, что до освобождения Крыма и Севастополя меня оставляют в аппарате и поручают заняться подбором кадров для Крыма и ряда областей Украины. В январе 1944 года, когда гитлеровцы были отброшены далеко за Днепр, меня командировали на Украину: следовало на месте познакомиться с тем, как укомплектованы руководящими кадрами освобожденные от оккупантов области. Побывал в Харькове, Полтаве, Кременчуге, Кировограде, Днепропетровске, Запорожье, Мелитополе, Павлограде и под Перекопом. Не поддаются описанию

разрушения, встречи с измученными людьми. Партия и правительство делали все, чтобы скорее избавить советских людей, переживших ужасы оккупации, от невероятных лишений, вернуть им радость свободной жизни. Непрерывно туда шли эшелоны со строительными материалами, техникой, продовольствием. Люди, истосковавшиеся по свободному, созидательному труду, работали жадно, горячо, поднимая из праха родные города и села.

По мере освобождения советских городов, по мере приближения к Севастополю мое волнение возрастало. Ясно, что Севастополь в развалинах — я это видел своими глазами. Но что стало с теми, кто остался на оккупированной советской земле?

В Кировограде встретил бежавшего из оккупированного Севастополя бывшего работника городского финансового отдела. Он рассказал, что тысячи севастопольцев расстреляны, томятся в тюрьмах и лагерях. Под Перекопом встретился с руководящими работниками, которые ждали скорого освобождения полуострова, чтобы вместе с войсками войти в Крым.

Наконец, освобождена Одесса. Советские войска вступили на территорию Румынии. А Крым еще в руках захватчиков.

Но вот 8 апреля 1944 года войска 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии начали бой за Крым. Взяты Джанкой, Симферополь, Керчь, Феодосия, Евпатория, Ялта. Наши войска подошли к самому Севастополю.

— Балаклава уже наша! — поздравили меня товарищи в один жаркий весенний денек.

— Так это же Севастополь! Теперь со дня на день можно ждать приказа о взятии города. Каково там нашим!..

Немцы в своих газетах писали: «В Севастополе нет ни одного вершка земли, который не был бы укреплен и на котором не стояло бы артиллерийское тяжелое орудие». А в приказе немецкого командования говорилось: «Своей обороной крепости Севастополь немецкая армия докажет всему миру, что на этих мощных позициях можно держаться сколько угодно. Русским никогда не взять Севастополя, который держат немецкие войска».

7 мая начались решительные бои за город, а 8-го Совинформбюро сообщило, что заняты Любимовка, Сапун-гора, станции Мекензиевы горы и Инкерман... Мои друзья постепенно продвигались вслед за войсками к заветному

городу, а я сидел в Москве. Душили обида и зависть к товарищам, которые, может, через день-два начнут работать, как прежде. Сознаюсь, что в те дни я был совсем никудышным работником: все мысли были там, в родном Севастополе.

9 мая весь вечер просидел у приемника. Минуты казались часами. Позывные раздались поздней ночью:

«Маршалу Советского Союза Василевскому, генералу армии Толбухину... Войска 4-го Украинского фронта при поддержке массированных ударов авиации и артиллерии, в результате трехдневных наступательных боев прорвали сильно укрепленную долговременную оборону немцев, состоявшую из трех полос железобетонных оборонительных сооружений, и несколько часов тому назад штурмом овладели крепостью и важнейшей военно-морской базой на Черном море — городом Севастополем...»

Один за другим раздавались залпы в честь воинов-освободителей. Я стоял у раскрытого окна взбудораженный и потрясенный. Наконец-то! Яркие вспышки залпов, каскады рассыпающихся в ночном небе Москвы разноцветных огней. Перед моими глазами стоял разрушенный Севастополь и наши воины, штурмующие город. Мысленно одна картина сменялась другой: выбирающиеся из развалин жители, волнующая встреча с освободителями.

В эту ночь я не заснул ни на минуту. Утром ухватился за газету. Снова сквозь ровные ряды строк проступали любимый город и все, что связано с ним.

Несколько дней ходил как в лихорадке. И вот первая весточка из свободного Севастополя, от Антонины Алексеевны Саринной:

«Горячий привет тебе из родного города. Вот уже 15 дней (мы здесь с 10 мая), как город стал снова советским и начинает постепенно оживать. Как тебе известно, города нет, одни развалины... Населения осталось очень мало, выглядит оно измученным, заморенным... Привет от всех севастопольцев. Ждали мы тебя с нетерпением, но сейчас теряем надежду.

Войдя в город, да еще вместе с армией — ты себе представляешь, что в это время делалось! — мы буквально на улице принимали уцелевших людей. Нам сказали, что удалось сохранить хлебозавод и можно получить свежий хлеб, цела электростанция (на Южной), требуется лишь небольшой ремонт локомотива, и станция пойдет, водопроводчики обрадовали тем, что можно подать воду через городскую

водокачку... Наши волнения, что мы вступили на землю Севастополя, волнения встречающих, что вернулась Советская власть, трудно описать. Здесь ходили слухи, что нас убили...

Приезжай посмотреть город и повидаться с нами».

Так, значит, мои соратники по обороне Севастополя уже взялись засучив рукава за работу. Что же я сижу здесь?

Во второй половине июня совершенно неожиданно мне предложили отправиться на работу во Владивосток. Вот тебе и Севастополь!

— В Приморье бригада ЦК ведет проверку работы краевой парторганизации... Руководитель бригады Н. В. Киселев прислал телеграмму. Просит направить вас секретарем Владивостокского горкома партии. Эту просьбу поддерживают и моряки. Многие из них знают вас по работе в Севастополе... Есть предложение рекомендовать. Ваше мнение?

Я догадывался: если направляют во Владивосток, видимо, мой опыт работы в Севастополе может там пригодиться. Неизвестно, что получится с милитаристской Японией... Многие моряки с других флотов направлены на Тихоокеанский...

— Согласен, — ответил я и попросил: — Только разрешите слетать в Севастополь¹.

В этот вечер приехала из Иванова моя семья. Когда жена принялась разбирать чемоданы, я счел этот момент самым удобным, чтобы сообщить о новом назначении.

— Во Владивосток?! — переспросила жена. В глазах ее заблестели слезы. — Опять дорога, опять неустройство...

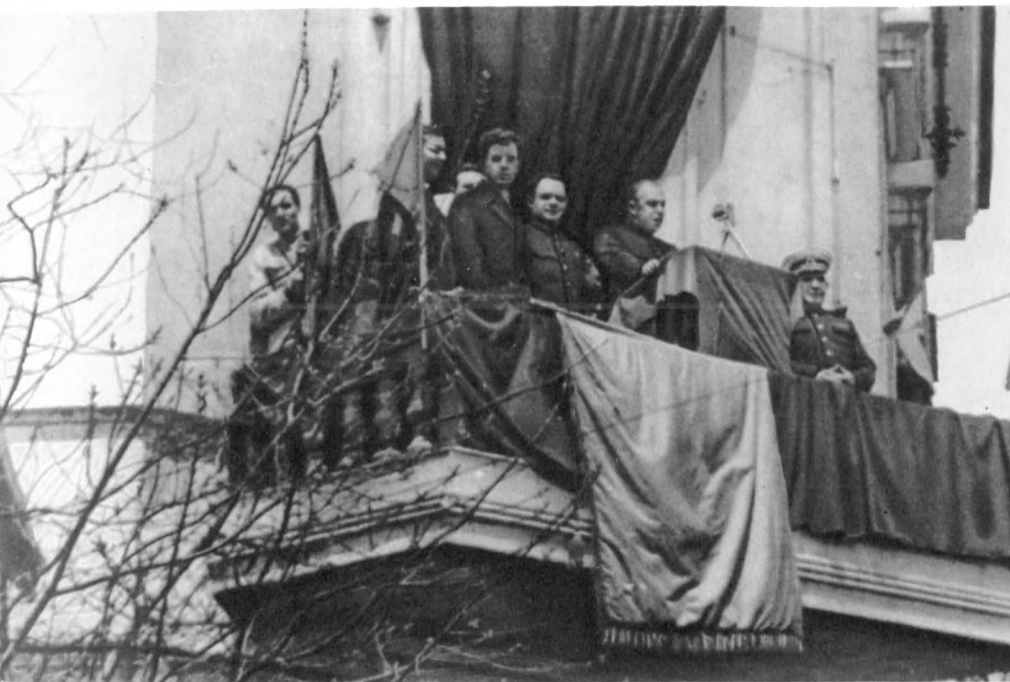
— Оставайтесь в Москве, — предложил я.

— Этого еще не доставало. Нет уж, мы с тобой...

Через два дня я был на пути в Севастополь. До Симферополя — самолетом, дальше — машиной. Бахчисарай, Бельбекская долина, Мекензиевы горы... Выжженная, изрытая воронками земля вся в рубцах от окопов и противотанковых рвов. Разбитая электростанция, завалившиеся штольни. Недалеке от спецкомбината № 2 кладбище бригады морской пехоты, которой командовал полковник Горпищенко.

Корабельная сторона. Железнодорожный узел, центральные улицы города, Морской завод — сплошные развалины. Что же сделали с тобой, родной город?

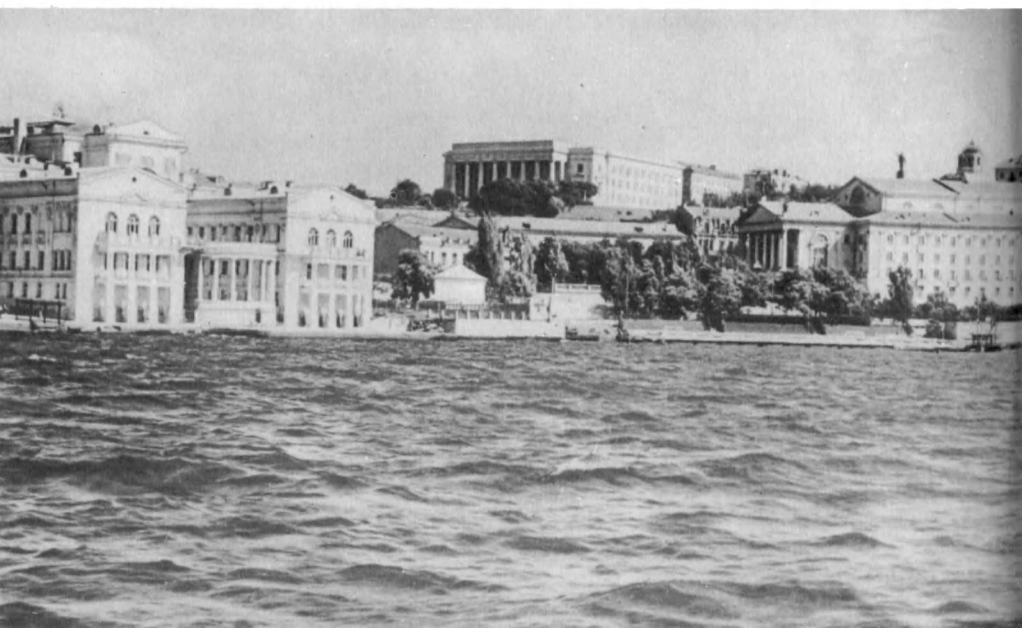
¹ Одновременно мне разрешили побывать в Хосте, где находилась моя тринадцатилетняя дочь Галя; я не видел ее с начала войны.

Владивосток. На митинге в честь победы над Японией. На трибуне (справа налево): адмирал И. С. Юмашев, Н. М. Пегов, Б. А. Борисов, Н. Н. Органов, В. А. Молоков

Вот он, возрожденный город-герой Севастополь

В почетном карауле у памятника «Мужеству, стойкости, верности комсомольской»

Указ Президиума Верховного Совета СССР о вручении городу-герою Севастополю ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О ВРУЧЕНИИ ГОРОДУ-ГЕРОЮ СЕВАСТОПОЛЮ
ОРДЕНА ЛЕНИНА И МЕДАЛИ
«ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА»**

За выдающиеся заслуги перед Родиной, мужество и героизм, проявленные трудящимися города Севастополя в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 20-летия победы совет-

ского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. вручить городу-герою Севастополю орден Ленина и медаль «Золотая Звезда».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. МИКОЯН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 8 мая 1965 г.

У памятника В. И. Ленину в Севастополе. 22 апреля

Ветераны партийно-политической работы времен Великой Отечественной войны на встрече в редакции газеты «Правда». 4 мая 1965 года

От товарищей я узнал, что больше пяти тысяч зданий не существовало вовсе. В центре города сохранилось семь поврежденных домов.

На стене одного здания я прочел обращение городского Совета и горкома партии:

«Жители Севастополя!

Доблестная Красная Армия и Военно-Морской Флот освободили столицу черноморских моряков, овеванный славой Севастополь. Над городом снова реет Красное знамя Советов...

Дружно за работу! Самоотверженным трудом поможем быстрее восстановить промышленность и коммунальные предприятия...»

Датировано 10 мая — тем днем, когда в Севастополь пришли люди с Большой земли.

Почти все, кто раньше работал в Севастополе и остался в живых, вернулись в родной город. Василий Петрович Ефремов снова на посту председателя горисполкома. Антонина Алексеевна Сарина — второй секретарь горкома, Анна Михайловна Михалева — секретарь горкома по кадрам. Бакши, Лопачук, Сарин, Висторовский, Гырдымова, Подойницына, Суковский — каждый взялся с воодушевлением за свое дело.

Филипп Сергеевич Октябрьский продолжал командовать флотом. Членом Военного совета был Илья Ильич Азаров, начальником гарнизона — Петр Алексеевич Моргунов.

Вернулась в родной город и внучка участника первой обороны Мария Тимофеевна Тимченко. Несмотря на преклонные годы и огромное горе — все четыре ее сына погибли, — славная патриотка в первые же дни возглавила бригаду по восстановлению Севастополя.

— А ты заметил, что нами уже сделано? — не без гордости спросил Ефремов.

Да, за полтора месяца после освобождения города севастопольцы расчистили улицы, отремонтировали дороги и тротуары. Работали водопровод, электростанция, телефонная связь. Были открыты магазины, налажено снабжение продовольствием. В одном из подвалов разрушенного здания на улице Ленина действовал кинотеатр. Восстанавливались Морской завод, другие предприятия, железнодорожный узел. Ходили поезда, автобусы. Некоторые заводы и фабрики уже давали стране и фронту продукцию.

— Много сделали. Сожалею только, что не был вместе с вами.

Я сообщил товарищам, что уезжаю во Владивосток.

— Что ж, все понятно,— задумчиво сказала Сарина.— Видно, не случайно многие из участников обороны города уже поехали туда.

Сарина и Ефремов показали мне акты о расправах немецко-фашистских оккупантов с нашими людьми.

«При занятии города немцами,— читал я в одном из них,— все мужчины из мирного населения были вместе с военнопленными согнаны в лагерь, где подвергались издевательствам, истязаниям и расстрелам... Многих еще с признаками жизни сбрасывали в воронки вместе с трупами... В январе 1944 г. 240 раненых военнопленных были погружены на баржу якобы с целью эвакуации. В море немцы подожгли баржу, а пытавшихся спастись вплавь расстреливали».

В документах упоминались десятки фамилий. Стыла кровь в жилах, когда я читал о надругательствах и муках, которые претерпели наши советские люди. Вспомнилось, что писала мне Сарина в одном из первых писем. Она сообщила, что 7 июня они хоронили большую группу расстрелянных немцами товарищей. Среди них — руководитель подпольной организации Василий Ревякин из богдановского арtpолка.

Подпольная патриотическая организация, о которой писала Антонина Алексеевна, самоотверженно боролась с гитлеровцами в тяжелые дни оккупации.

Уже в последние часы обороны Севастополя, когда отряды прикрытия удерживали последний рубеж на Херсонесском мысу, во главе одного из отрядов, потерявшего командира и комиссара, стал отважный и решительный патриот Василий Дмитриевич Ревякин. Он впоследствии возглавил севастопольскую подпольную коммунистическую организацию.

Здесь, в Севастополе, я узнал, что захваченный врагами Василий Ревякин во время перехода военнопленных в концентрационные лагеря сумел убежать и укрылся в доме жены рабочего Анастасии Павловны Лопачук. За укрытие военнопленного грозил расстрел, но это не остановило отважную женщину. Она вдвоем с комсомолкой Лидией Нефедовой выходила заболевшего Ревякина. После выздоровления он смело явился в фашистскую полицию, назвался преподавателем химии Александром Ревякиным и заявил, что

его документы сгорели вместе с домом. Ревякин правильно рассчитал, что легальность облегчит ему поиски людей для подпольной работы и связи с партизанами. Лида Нефедова, ставшая позднее женой Василия Ревякина, прошедшая с ним до конца трудный путь подпольной работы, помогала ему во всем.

Чтобы поднять дух севастопольцев, разобщенных и подавленных, Ревякин выпустил воззвание, призывавшее население подняться на борьбу с ненавистным врагом. Под воззванием стояла подпись: «Коммунистическая подпольная организация в тылу немцев» (КПОВТН).

Ночью листовка была расклеена по городу, а наутро о ней уже знал весь Севастополь. Расчет оказался правильным: коммунисты, оставленные горкомом партии, стали искать связи с руководителями подполья.

Вслед за первым воззванием подпольщики выпустили еще три листовки, которые распространили среди населения и в лагере военнопленных. Беда молодой подпольной организации состояла в отрыве от Большой земли. В первое время в воззваниях не удалось отразить истинного положения на фронтах. Когда подпольщики собрали приемник, оккупированный Севастополь узнал из листовок о разгроме гитлеровских полчищ под Сталинградом, о наступлении Красной Армии по всему фронту.

Среди подпольщиков было много молодежи, детей. Они расклеивали листовки под носом у немцев, проникали в лагерь военнопленных, способствовали их побегам из лагеря. Зачастую юные подпольщики действовали на свой страх и риск. В развалинах доставали разбитые бутылки, гвозди и другие острые предметы и разбрасывали их на дорогах, по которым следовали фашистские автоколонны.

Подпольная коммунистическая организация стала регулярно выпускать листовки: «Вести с Родины», «Победа на стороне Красной Армии». Было выпущено обращение к военнопленным города Севастополя. В типографии, оборудованной в подвале дома, где жил Ревякин, с 10 июня 1943 года регулярно печаталась газета «За Родину» — орган КПОВТН. В последнем столбце газеты было обращение: «Прочитай и передай товарищу». Самоотверженно действовала работница типографии комсомолка Женя Захарова.

Подпольщики не ограничивались пропагандистской работой. То на железной дороге, то в Южной или Стрелецкой

бухтах гремели взрывы. Саботаж на транспорте и ремонте судов стал одной из форм патриотической борьбы. Оккупанты оцепляли места диверсий, устраивали засады, но подпольщики были неуловимы.

Подпольщикам из группы бывшего работника порта Павла Даниловича Сильникова удалось установить связь с командованием Черноморского флота. Под покровом ночи, на небольшой волне, отважные люди на баркасе отправились в открытое море и через четверо суток достигли Туапсе. Возвратились они в Севастополь, окрыленные успехами Красной Армии и привезли с собой портативную рацию. С тех пор подпольная организация имела регулярную двухстороннюю связь с Большой землей. Подпольщики корректировали налеты советской авиации, сообщали данные о численности и передвижении гитлеровских войск на суше и море.

1 ноября 1943 года подпольщики слышали по радио весть о взятии Перекопского перешейка: гитлеровские войска в Крыму были отрезаны. Оккупанты усилили репрессии против населения, стали морем угонять в Германию мирных жителей. Карательные органы оккупантов, будучи не в силах справиться с патриотическим движением, мобилизовали для своих целей отборные шпионские кадры. В их руки попало несколько подпольщиков, в том числе и П. Д. Сильников. Все они погибли под пытками, но не изменили своему долгу. Немецкие жандармы мстили населению за свои неудачи в борьбе с подпольщиками. Массовое истребление жителей Севастополя продолжалось вплоть до освобождения города нашими войсками.

Благодаря коммунистической подпольной организации командование флота было информировано о действиях фашистов на севастопольской земле. Это в значительной мере облегчало нашим войскам задачу не выпустить оккупантов живыми из Крыма.

17 января 1944 года подпольщики подожгли катер, стоявший на рейде в Казачьей бухте, а 20 января — груз с медикаментами и перевязочными материалами. 23 января взлетел на воздух большой эшелон с боеприпасами, пришедший из Симферополя.

Взрыв эшелона вызвал панику среди оккупантов, а следовательно, и новые репрессии. Повсюду рыскали немецкие жандармы и полиция. Зверствам фашистов не было предела.

Но, несмотря на террор оккупантов, подпольная организация продолжала регулярно выпускать газету, посылала на Большую землю разведывательные данные, совершала акты саботажа и диверсии.

Занятые своим трудным и опасным делом, подпольщики проглядели втершегося в их доверие предателя, который выдал фашистам Василия Ревякина и еще многих товарищей. Подпольная организация понесла тяжелые потери. Были арестованы ее руководители, захвачена типография, но до самого прихода наших войск патриоты продолжали борьбу.

После провала типографии подпольная организация выпускала отпечатанные на машинке листовки, которые писал Николай Игнатьевич Терещенко, уже известный читателям по его работе в городском комитете партии в дни обороны Севастополя. На стенах, заборах, клочках цветной бумаги патриоты писали: «Бейте проклятых извергов чем попало! Проклятие и смерть предателям!», «Да здравствует КПОВТН и наша газета «За Родину»!»! Подпольщики обстреливали немецких патрулей, во двор начальника карательного отряда была брошена граната.

Фашистские палачи, чувствуя свой конец, подвергли арестованных жесточайшим пыткам. Незадолго до освобождения Севастополя советскими войсками гитлеровцы зверски расправились с патриотами. 31 человек были расстреляны, среди них — Василий Дмитриевич Ревякин и Николай Игнатьевич Терещенко. Однако борьба продолжалась. В горах и лесах Крыма в крайне тяжелых условиях действовали партизаны. Они устраивали вылазки и засады, уничтожая живую силу и технику противника, минировали дороги, взрывали мосты, разбирали железнодорожные пути, вели борьбу с предателями, рассказывали жителям городов и сел правду о положении на фронтах.

Уже в Севастополе я с большой горечью узнал, что на Херсонесском мысу погиб секретарь обкома партии Федор Дмитриевич Меньшиков, работавший с нами в дни обороны. Тогда же погибли начальник горотдела НКВД Константин Павлович Нефедов, начальник горотдела милиции Василий Иванович Бузин, секретари райкомов партии Павел Васильевич Кролевецкий и Матвей Иванович Воронин, заместитель председателя горисполкома Антон Исакович Степанченко, Саша Багрий, Надя Краевая...

Попал в руки гитлеровцев заведующий промышленным отделом горкома партии Александр Акопович Петросян. Гитлеровцы захватили его живым и буквально разорвали на части.

В те дни я подолгу бродил по городу, вспоминая все до мелочей... Много часов провел на кладбище коммунаров, где были захоронены герои подполья, многие из участников обороны.

В Севастополе я пробыл недолго. Через неделю вместе с семьей был уже на пути во Владивосток. Уезжая в глубокий тыл, я знал, что он может в любой час стать фронтом.

Немного из истории Приморья и Владивостока. — Помогли ветераны Дальзавода. — По примеру севастопольцев. — Соревнование портовиков, судостроителей, моряков, железнодорожников. — Радостная весна 1945 года. — Готовы к отпору японской военщине. — В ночь на 9 августа. — «Смерть японским самураям!» — Памятник Сергею Лазо. — Победа!

За двенадцать суток пути от Москвы до Владивостока я прочел массу литературы о Приморье, Владивостоке. По сути дела, я ничего не знал об этом крае, разве что понаслышке. Поражала воображение прежде всего экзотическая природа Дальнего Востока, сочетающая в себе суровость севера и пышность юга. Здесь словно огромный заповедник, в котором собраны растения и животные самых различных зон и поясов. В нетронутой тайге рядом растут кедр и липа, береза и пробковое дерево, лиственница и тис. В дебрях бродят рыси, леопарды, тигры, изюбры, косули. Море изобилует разнообразнейшей рыбой и морским зверем. Есть котики, даже киты. А какие богатства таят недра этой благодатной земли! Железная руда, золото, полиметаллы, гранит, каменный уголь...

Но естественно, не только природа интересовала меня. Я читал и перечитывал все, что характеризовало хозяйственную жизнь края, особенно Владивостока. Каждую цифру, каждый факт, проливающий свет на состояние экономики, заносил в блокнот.

Важны были сведения о грузообороте владивостокского торгового порта, конечного пункта Великого Северного морского пути. Порт во многом определяет жизнь города. Через владивостокский порт, механизированный по последнему слову техники, переправляются миллионы тонн различных грузов. Нужды флота, железнодорожного узла, рыбного

промысла обслуживает Дальзавод — огромное предприятие.

В дороге меня грызло беспокойство: как встретят дальневосточники, сумею ли сработаться с ними?

Поезд наш мчался все дальше и дальше от войны. А я думал: не ближе ли?

Давно остались позади седые Уральские горы, широкие сибирские просторы. За окнами вагона замелькали голубоватые склоны сопок. Проехали Волочаевку, скоро Спасск-Дальний... Здесь в боях за Волочаевскую сопку, за город Спасск насмерть дрались дальневосточные партизаны и красноармейцы в годы гражданской войны. Здесь была решена судьба белогвардейщины. Под стук колес я напевал сыну, и он запомнил:

И останутся, как в сказке,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочасвские дни...

Вот и конец длинной дороге. На фоне темнеющего августовского неба черные силуэты высоких сопок, а у их подножия россыпь огней — Владивосток. За годы войны я уже привык к светомаскировке, и отсутствие затемнения делало для меня город каким-то праздничным. Но я уже знал, что Владивосток жил напряженной жизнью. Да и был ли в те годы всенародной беды такой уголок нашей Родины, где бы все силы не отдавались одному — победе над оголтелым врагом?

Трудящиеся Приморья, Владивостока с первых же дней войны вносили огромный вклад в борьбу с гитлеровской Германией. Десятки тысяч приморцев ушли защищать Родину. Промышленность края, перестроившись на военный лад, снабжала фронт многими видами продукции, трудящиеся города и села собирали для нужд фронта деньги, продовольствие, теплые вещи, слали фронтовикам посылки, сердечные письма.

Владивостокцы работали много и напряженно. Однако нехватка квалифицированной рабочей силы, металла, топлива, сырья сильно сказывалась на работе промышленных предприятий и транспорта.

На пути в крайком партии я приглядывался к людям, рассматривал незнакомый город. От центральной части города, расположившейся на самом берегу бухты Золотой Рог, дома

и сады карабкались вверх по сопкам. Там, где берег был свободен от строений, виднелись золотистые ленты пляжей.

Еще в вагоне я прочитал, что знаменитому полярному исследователю Фритьофу Нансену очень понравился вид на город с моря. Он считал, что расположенный на террасах Владивосток вряд ли уступит в этом смысле Неаполю.

С Неаполем я сравнивать не мог. Но вот Севастополь он мне очень и очень напоминал. Благодаря этому Владивосток сразу стал как-то ближе.

Поэт-приморец Григорий Корешов, погибший в боях с фашистскими захватчиками, писал о Владивостоке:

Я люблю твое гордое имя,
О тебе хочу песни петь.
Населенный людьми молодыми,
Никогда ты не будешь стареть.
Мест красивых на свете много,
Но такое только одно.
Синий рейд Золотого Рога
Никогда мне забыть не дано...

Первого секретаря крайкома партии Николая Михайловича Пегова я в то утро не застал. Незадолго до моего приезда он выехал с отчетным докладом в ЦК партии. Я представился секретарям крайкома Николаю Владимировичу Семину и Николаю Николаевичу Органову.

— Отдохни хорошенько с дороги, — предложил Семин. — До пленума горкома еще два дня.

Но мне уже достаточно наскучило вынужденное ничегонеделанье и не терпелось поближе познакомиться с городом, с его жителями. Попросил председателя горисполкома Владимира Андреевича Молокова быть моим сопровождающим.

— С чего начнем? — с готовностью отозвался он. — В порт или на Дальзавод? И тот и другой, правда, плана не выполняют. Хуже работает разве что городской транспорт...

Странно. Владивосток не казался большим городом. Почему же «узким местом» стал транспорт?

Владимир Андреевич пояснил, что город сильно разбросан, а в трамвайном парке неполадки. Поскольку трамвай является основным средством передвижения, эти неполадки отражаются на трудовой дисциплине рабочих, служащих, моряков.

За два дня мы побывали на Дальзаводе, в Морском пароходстве, торговом порту, на предприятиях железнодорож-

ного узла и в Главвостокрыбпрома, где работало большинство коммунистов и комсомольцев города.

В торговом порту стояло под разгрузкой и погрузкой множество судов. Порт был оборудован замечательно: мощные краны, лебедки, транспортеры... Оживленным, насыщенным техникой оказался железнодорожный узел. Большие хозяйства имели здесь Морское пароходство, Главвостокрыбпром, Севморпуть.

Когда приехали на Дальзавод, все показалось таким знакомым, будто я снова попал на Севастопольский Морской завод. Вдобавок встретил здесь многих рабочих и инженеров, работавших в канун войны в Севастополе, а потом эвакуированных сюда.

— Не кажется ли тебе, будто снова попал в Севастополь? — точно угадал мои мысли начальник штаба Тихоокеанского флота вице-адмирал Александр Сергеевич Фролов, когда мы с Молоковым зашли к нему.

Александр Сергеевич — мой давний знакомый. Когда-то вместе служили на Черноморском флоте, в дивизионе подводных лодок. Он — командиром, я — старшиной. Перед войной и в самом ее начале Александр Сергеевич был заместителем начальника штаба Черноморского флота, и нам тоже приходилось часто соприкасаться по работе.

— А я-то думал, что только мне так кажется...

— Да нет, не только тебе. Ты обратил внимание, что даже улицы носят похожие названия? Ялтинская, Крымская, Симферопольская, Портовая, Батарейная, Морские, Корабельная набережная... И погода здесь такая же капризная. Сейчас ведро, а через полчаса дождь.

Кроме Фролова из старых севастопольских товарищей во Владивостоке были командующий Тихоокеанским флотом адмирал Иван Степанович Юмашев, в прошлом командующий флотом на Черном море; начальник Политического управления, бывший член Военного совета Черноморского флота, генерал-майор Анатолий Алексеевич Муравьев. Во Владивостоке, как и прежде в Севастополе, он являлся членом бюро горкома партии.

Здесь же я рад был увидеть генерал-майора Ивана Сергеевича Жилина, с которым пришлось в свое время налаживать противовоздушную оборону в Севастополе. Во Владивостоке он командовал корпусом ПВО. Немного позднее меня на Тихоокеанский флот прибыл, став заместителем начальника тыла флота, бывший командир 7-й бригады морской пехоты,

оборонявшей Севастополь, генерал-майор Евгений Иванович Жидилов. С ним мы в Севастополе провели вместе немало времени: сначала на строительстве оборонительных сооружений, потом все дни обороны. Здесь также служил полковой комиссар Борис Ефимович Вольфсон. На одной подводной лодке мы с ним и покинули Севастополь. Начальником отдела связи был Петр Яковлевич Смирнов, мой сослуживец по дивизиону подводных лодок Черноморского флота.

На Дальзаводе я встретил бывшего командира линейного корабля «Парижская коммуна» Федора Ивановича Кравченко. На Тихоокеанском флоте он командовал крейсером. Сколько было интересных воспоминаний о днях модернизации линкора и обороны Севастополя!

Центральный Комитет партии и Советское правительство своевременно обеспечили Владивосток — наш форпост на Тихом океане — необходимыми военными кадрами. На Тихоокеанском флоте собралось много военных моряков с других флотов; они имели уже большой опыт боев с гитлеровскими захватчиками.

Конечно, то обстоятельство, что здесь было много людей, которых я хорошо знал, очень помогло мне быстро освоиться с новым местом.

3 августа на пленуме горкома меня избрали секретарем городского комитета партии. Через несколько дней я чувствовал себя так, будто прожил во Владивостоке уже годы. К чему трудно было привыкнуть, так это к разнице во времени. Нелепым казалось укладываться в постель в пять часов пополудни, а вставать в полночь... конечно, по московскому времени.

Включившись в работу, я продолжал знакомиться с историей Владивостока и края.

Прошло всего восемьдесят четыре года, как здесь, в безлюдной тайге, высадились русские моряки и солдаты. Владивосток возник как военный пост. В неимоверно трудных условиях создавался город-крепость. Во время революции 1905 года молодой город смело выбросил знамя восстания. Восемь дней хозяевами Владивостока был народ — революционные моряки, солдаты, рабочие.

20 ноября 1922 года, после освобождения Владивостока от белогвардейцев и интервентов, Владимир Ильич сказал: «...Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенский»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 303.

Когда во Владивосток приехал Михаил Иванович Калинин, он также обратил внимание дальневосточников на значение их города. «Советская федерация, — говорил Михаил Иванович на общегородском митинге, — имеет на западе город, который является центром, мишенью ненависти буржуазии, но вместе с тем является центром радости и восхищения всех трудящихся масс.

Это город Петроград!

Он является громадной, могучей крепостью нашей на западной границе. Он грозен для врагов, но вместе с тем он служит маяком для всех трудящихся мира.

Другая наша — восточная граница также нуждается в такой же крепости, в таком же маяке, чтобы его могли видеть все, особенно угнетенные массы Востока.

Эту задачу перед Советской властью и перед всеми трудящимися мира должны выполнить вы, рабочие, красноармейцы и молодежь. Вы должны создать здесь, во Владивостоке, такую же первоклассную крепость»¹.

«Нашенский» город, наш далекий, но такой близкий сердцу всех советских людей Дальний Восток! Вся страна помогала строить Советское Приморье. Сюда ехали по зову партии и правительства коммунисты и комсомольцы, рабочие и колхозники, инженеры, геологи, строители. Из отсталой, отданной на откуп иностранному капиталу окраины царской России Дальний Восток превратился в экономически развитый, культурный край. Возникли новые, окрепли старые отрасли промышленности: нефтяная, угольная, лесная, рыбная, зверобойная. Коллективизировано сельское хозяйство. Выросли новые города, благоустроенные поселки, и среди них наша краса и гордость — город Комсомольск-на-Амуре.

К началу Великой Отечественной войны Дальний Восток представлял собой большую экономическую и военную силу. Границы от Южного Приморья до Забайкалья и от Берингова пролива до Кореи были неприступны для японских империалистов, лелеявших мечту о захвате наших дальневосточных и даже сибирских земель.

Когда на страну обрушилась война с запада, десятки тысяч дальневосточников, тысячи моряков-тихоокеанцев пошли сражаться с немецкими захватчиками. Здесь, как повсюду, ушедших на фронт заменили их жены, матери, сестры.

¹ М. И. Калинин. Избранные произведения, т. 1. М., Госполитиздат, 1960, стр. 394.

Приморцы создали фонд обороны, собрали большие средства на эскадрилью бомбардировщиков, на танковую колонну «Приморский комсомолец». Они подготовили и отправили защитникам города Ленина несколько эшелонов подарков.

«Сердечно благодарю трудящихся Владивостока и Приморья за первомайское поздравление и подарки боевым защитникам Ленинграда... — писал А. А. Жданов в телеграмме на имя секретаря Приморского крайкома. — В самые трудные дни боев и блокады мы были сильны сочувствием и поддержкой трудящихся всей нашей необъятной Родины, от Поволжья, Кавказа, Средней Азии и до далекого Приморья».

Мужественно сражались на фронтах войны приморцы и моряки-тихоокеанцы. «Для нас за Волгой земли нет!» — первым это заявил защитник Сталинграда снайпер-приморец Василий Зайцев. Двести сорок два убитых гитлеровца — вот его боевой счет. Бригада моряков, которой командовал полковник Безверхов, получила в боях за Москву звание Второй гвардейской. Звание Героя Советского Союза было посмертно присвоено Алексею Лобченко, который с открытой позиции бил из орудия по немецким танкам. Семьдесят танков не уstraшили небольшую группу бойцов во главе с приморцем Леонидом Ковалевым. Тридцать три смельчака отразили эту атаку огня и металла. Таких примеров можно привести множество.

Рабочие порта, железнодорожники работали с огромным напряжением, разгружая и нагружая корабли, отправляя эшелон за эшелоном в глубь страны, на фронт. Горняки Артема и Сучана, рыбаки и лесорубы Приморья трудились за себя и за тех, кого война оторвала от мирного труда.

В морском пароходстве раньше почти не было женщин, работающих на погрузке и выгрузке. А теперь сплошь и рядом. Один из лучших капитанов дальнего плавания — Анна Ивановна Щетинина.

Вместе со всей страной добывали победу дальневосточники, вместе со всем народом они торжествовали, когда враг был выброшен с нашей земли. А победа гремела за победой. Войска 1-го Украинского фронта уже освободили Западную Украину, Молдавию.

Но если пожар войны на западе был близок к концу, то здесь, на востоке, он мог вспыхнуть каждую минуту. Японская военщина сосредоточила в Маньчжурии миллионную армию, без конца провоцировала пограничные конфликты. Отвлекая наши войска, боевую технику от борьбы с фашист-

ской Германией, она помогала гитлеровцам. Японцы топили советские транспорты, множество раз задерживали наши суда, чинили препятствия рыбакам. Поэтому советские войска, Тихоокеанский флот, пограничники, партийные организации, все трудящиеся Дальнего Востока были на чеку.

Еще в апреле 1941 года, вскоре после заключения пакта о нейтралитете между Советским Союзом и Японией, министр иностранных дел Мацуока заявил: «Япония будет воевать с СССР, если начнется русско-германская война». Тогда же появился на свет план «Особые маневры Квантунской армии», по которому японцы должны были нанести главный удар по Советскому Приморью и развивать наступление до встречи с гитлеровскими войсками... у Омска.

Только крупнейшие победы Красной Армии над гитлеровскими войсками удерживали японских империалистов от нападения на Советский Союз. Но угроза по-прежнему оставалась, поэтому к событиям, которые могли развернуться на Дальнем Востоке, нужно было тщательно готовиться.

С первых дней пребывания во Владивостоке я попал в круговорот больших дел, и каждое казалось первоочередным.

Секретарь крайкома Н. В. Семин еще при знакомстве сказал мне, что главное — улучшить работу Дальзавода, добиться выполнения плана перевозки грузов, наладить местную противовоздушную оборону. Об этом же неоднократно напоминал прибывший во Владивосток уполномоченный КПК Георгий Иванович Косарев.

Хотя Морское пароходство и торговый порт в эти годы работали лучше, чем до войны, хотя рабочие, инженеры, служащие, руководители предприятий прилагали героические усилия, чтобы выполнить план, с правительственными заданиями они все-таки не справлялись. Во Владивосток тогда доставлялось множество грузов, но портовики и железнодорожники не успевали их перерабатывать. Не ладилось и на Дальзаводе, основном промышленном предприятии города, которое обслуживало нужды Тихоокеанского военно-морского флота. План тоже не выполнялся.

Секретарь крайкома по кадрам Михаил Семенович Дьячков посоветовал мне разобраться как следует с руководящим составом на предприятиях и в ведомствах, поднимать ответственность людей. Секретарь крайкома по пропаганде Дмитрий Яковлевич Соколов просил самое серьезное внимание уделить идеологической работе.

! — Через торговый порт серьезно сказывается влияние заграницы, — пояснил он.

Председателя крайисполкома Антона Федоровича Блонца-ненко больше всего беспокоило состояние городского хозяйства, снабжение топливом в зимний сезон, положение с городским транспортом: Все было важно, и я стал заниматься этими делами в равной степени. Однако после одного из первых заседаний бюро стало очевидно, что придется перестроиться.

— Безусловно, все требует глаза, — говорил на этом заседании генерал-майор Муравьев. — Но главное сейчас Дальзавод и местная противовоздушная оборона. И действовать вам надо так же, как действовали в Севастополе перед войной. Помните, конечно? — обратился он ко мне.

— Да, только так, — подтвердил вице-адмирал Фролов.

Члены бюро заинтересовались; стали расспрашивать, как именно была организована работа на Морском заводе. Я подробно рассказал.

— Но это же штурмовщина... — заметил кто-то из присутствующих.

— Да, тогда была штурмовщина, — ответил на реплику Анатолий Алексеевич Муравьев. — Здесь сейчас в этом нет необходимости. А вот опыт мобилизации коммунистов на помощь флоту следует использовать.

На том и порешили: основное внимание городской партийной организации сосредоточить на Дальзаводе и местной противовоздушной обороне.

Причины отставания местной противовоздушной обороны для меня были ясны: война далеко, есть, мол, заботы поважнее. Но отчего неблагополучно на Дальзаводе?

Мнения были самые противоречивые. Одни говорили, что все дело упирается в руководителей, другие ссылались на плохое снабжение, третьи сетовали на низкую квалификацию недавно принятых рабочих, на плохую организацию производства, низкую дисциплину. Некоторые корень зла видели в слабой работе партийной организации, в том, что наркомат, районные, городские и краевые организации недостаточно помогают заводу.

Стараясь глубже разобраться в положении дел на заводе, мы вместе с первым секретарем Ленинского райкома города Дудоровым и заместителем секретаря крайкома Мараховским, с работниками горкома стали чаще там бывать. Встречались с руководителями, с рабочими, инженерами и служа-

щими, присутствовали на партийных собраниях, на производственных и технических совещаниях. Постепенно стало ясно, что руководители завода, бывшего долгое время в прорыве, потеряли веру в возможность быстро добиться успеха.

Решили собрать в парткоме завода старых производственников для неофициальной беседы за чашкой чая.

Ветеранов труда на заводе было много. Даже те, кому перевалило за шестьдесят, не собирались на пенсию. «Не то время! Каждые рабочие руки на счету, а особенно — наши...»

Старые кадровые рабочие многое могли объяснить и подсказать. В самом деле, кто мог знать завод, со всеми его бедами и победами, лучше, чем, скажем, старый токарь Николай Алексеевич Черных? Он проработал здесь больше полувека. Начинал до революции мальчиком на побегушках за пятнадцать копеек в день. Благодаря упорству, способностям и рабочей сноровке через несколько лет стал артистом в токарном деле. Работа его высоко ценилась. С особой гордостью рассказывал Николай Алексеевич, что точил детали для крейсера «Варяг», когда тот — еще во время оно! — стоял у стенки завода.

После революции Николай Алексеевич вместе с сотнями других рабочих стал подлинным хозяином своего завода. Да разве только завода?! Три года Н. А. Черных был членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

В сорок четвертом, несмотря на преклонные годы, Николай Алексеевич по-прежнему находился в центре заводских событий. К приглашению на чашку чая он отнесся с большой серьезностью. Пришел загодя, чинный и строгий. Да и другие не заставили себя ждать. Пришли приодетые, аккуратно побритые.

Были здесь шестидесятипятилетний электросварщик М. П. Сюткин, и всеми уважаемый на заводе мастер механического цеха В. С. Давыдюк — участник революционного подполья и вооруженного восстания во Владивостоке, а также старший мастер А. Е. Шаповалов. Пригласили мы начальников участков и цехов. Всех я теперь уже не помню, но народу собралось много.

Беседа завязалась быстро и с самого начала приняла деловой и откровенный характер. Чувствовалось, что говорили о наболевшем. Начал Николай Алексеевич Черных.

— В чем дело, спрашиваете вы? — заговорил он рассудительно и спокойно. — А вы по цехам ходили? Ходили, конечно. Ну, а кто за станками стоит? То-то и оно! Не каждого

Группа участников героической обороны Севастополя, собравшихся на научно-историческую конференцию. Октябрь 1963 года

У могилы героя-пионера Валерия Волкова

Слева направо: вице-адмирал И. И. Азаров, А. А. Сарина, Ф. С. Октябрьский, Б. А. Борисов, В. П. Ефремов. Февраль 1958 года

Б. А. Борисов с женой Людмилой Ивановной после вручения ему диплома и ленты «Почетный гражданин города-героя Севастополя». Ноябрь 1967 года

Участница обороны Севастополя
учительница А. Г. Федорин-
чик

От здания Панорамы виден весь Севастополь

работягу из-за станка видать. Им еще голубей гонять надо, а они заказ выполняют — правительственный! Или женщин взять. Вчера они только над кастрюлями были командиры, а сегодня — на ответственном участке! А как стараются! Иная под горячую руку полторы нормы выгонит. Я хочу предложить: давайте к новичкам, к подросткам прикрепим старых производственников, пусть мастерство свое передают. Их и дисциплине обучать надо. И еще: почаще нужно беседовать с рабочими — о войне, о нашей жизни. Читают у нас в цехе газеты? Конечно, читают. Только все ли слушают? А надо добиться, чтоб все! Надо так, чтоб каждую минуту рабочий помнил: «Не просто за станком стою — по врагу бью!»

Поддержал разговор электросварщик Сюткин:

— Не нравится мне во многих новичках вот что: нет в них привязанности и любви к заводу. Хотелось, чтобы все они здесь чувствовали себя как в семье родной. Вот тогда и за дела заводские болеть будут. А то ведь как у иных бывает: резец пережжет — и в стружку его, в стружку... Разве ж можно терпеть такое?! — повысил он голос. — К своему добру небось жалость имеют!

Закончил свое выступление Сюткин совсем мирно, проникновенно:

— Работать надо больше с молодежью, учить и воспитывать ее...

— Верно, есть у нас тут недоработка, — согласно кивал парторг ЦК А. Г. Муленков.

В тот вечер говорили о многом.

— В столовой очереди. Опоздания на работу стали системой. Неужели нельзя составить график работы столовой так, чтобы там не было толчеи?

— На работу многие из нас топают пешком чуть ли не через весь город. В трамвай не влезешь. На это уходит два-три часа. Лучше бы работали это время!

— Неплохо, если 6 руководители завода почаще выступали перед рабочими... Да и райкомовцам негоже ходить по цехам как экскурсантам... Пусть ближе с людьми познакомятся.

— Иной раз не знаем, как сработала смена. Хоть бы доски показателей вывесили!

Снова поднялся электросварщик Сюткин:

— Лодырей надо крепче прижать. Да чтоб сами рабочие взялись за них. На собраниях их с песочком продраить, в газете пробрать... Исправятся! Не может быть, чтоб не

исправились. Ну, а если... Тогда наказывать, и строго. Время-то военное...

Надолго затянулась наша беседа. И не удивительно. Вопросы обсуждались самые насущные, обстановка располагала к откровенности. Говорили кто как мог: одни пространно, другие ограничивались репликами.

Шла речь также о плохом снабжении металлом, инструментом, материалами, об организационных неполадках. Пришлось выслушать и нам, работникам горкома, горькие, но справедливые замечания.

Старики по очереди пробирались с «бронбойными» самокрутками к форточке, но, сделав несколько торопливых затяжек, снова включались в разговор.

Разошлись в боевом настроении. Чувствовалось, разговор этот не закончился. Он выплеснется еще за стены парткома, заденет сотни рабочих, скрестит десятки мнений. Значит, повысится заинтересованность людей в заводских делах...

Вопрос о работе Дальзавода был вынесен на обсуждение бюро горкома. Основная мысль решения сводилась к тому, чтобы поднять партийную организацию, весь коллектив завода на преодоление трудностей, создать уверенность в возможности выполнения плана. Были намечены меры для улучшения массово-политической работы в коллективе. Подчеркивалась необходимость повысить ответственность каждого рабочего за выполнение плана, в особенности коммунистов и комсомольцев. Хозяйственному руководству и парткому завода предлагалось разработать организационно-технические мероприятия, план партийно-политической работы и производственной учебы.

Вытянуть завод из прорыва можно было только при участии всего коллектива предприятия, наркомата, командования флота, партийных, профсоюзных, комсомольских и советских организаций города и края. Здесь опять использовали великую организующую силу социалистического соревнования.

В сентябре на одном из заседаний бюро горкома мы обратились к руководителям Дальзавода с неожиданным для них предложением:

— А не выступить ли вам инициаторами предоктябрьского соревнования?

Понимали, конечно, что инициатива есть инициатива. Она рождается не в кабинете секретаря горкома, а на заводе, в гуще масс. Однако можно было понять дальзаводцев. Воз-

можно, у них и возникла такая мысль, но могла здесь же погаснуть. Ведь они числились в отстающих. Куда, мол, нам лезть в инициаторы... Вот в этом случае, думаю, подсказка горкома была вполне уместна.

Директор завода Василий Павлович Рудяк и парторг ЦК Александр Григорьевич Муленков недоуменно переглянулись. Наконец, Рудяк попросил время подумать, посоветоваться с активом, коммунистами, рабочими завода.

Дня через два директор и парторг приехали в горком совсем с иным настроением. Сообщили, что коллектив завода рад поднять знамя социалистического соревнования.

— Конечно, вы понимаете, какую ответственность берете на себя? — спросили мы Василия Павловича и Александра Григорьевича.

— Еще бы! — в один голос ответили они.

— Но мы понимаем и то, — добавил директор завода, — что это заставит райком, горком, краевые организации, командование флота и наркомат лучше нам помогать...

— И заставит подтянуться всех на заводе, — добавил Муленков.

Через несколько дней дальзаводцы обратились ко всем трудящимся города с призывом развернуть социалистическое соревнование в честь 27-й годовщины Великого Октября, в честь побед Красной Армии.

К этому времени наши войска вышли на государственную границу с Финляндией. Были уже освобождены Белоруссия, значительная часть Литовской ССР и Польши, был взят Бухарест. Советские войска подошли к границе Германии.

«В исторические дни, когда победоносно завершается грандиозная битва за честь и независимость нашей Родины, выполним наш долг перед страной и фронтом, умножим свою помощь Красной Армии и Военно-Морскому Флоту!» — призывали дальзаводцы.

Горком и горисполком решили организовать соревнование между районами города. Для передового района и лучшего предприятия учреждались переходящие знамена горкома и горисполкома. Для передовых цехов Дальзавода — переходящие знамена Военного совета флота, Ленинского райкома и райисполкома.

На предприятиях и в учреждениях города прошли митинги и собрания. Газета «Красное знамя» и местное радиовещание ежедневно сообщали о принимаемых обязательствах.

Огонь соревнования перекинулся из Владивостока на все города и районы края, на все суда.

Комсомольцы завода «Металлист» включили в договор не только производственные задачи, но и такие вопросы, как помощь семьям фронтовиков, благоустройство, борьба за чистоту и порядок на территории, в общежитиях. Эта инициатива была одобрена горкомом комсомола, а крайком ВЛКСМ обратился ко всем комсомольцам, всей молодежи с призывом активно включиться в соревнование.

На Дальзаводе большую работу вели заведующие отделами горкома партии Михаил Михайлович Степанов и Матвей Алексеевич Акайкин. Вместе с парторгом ЦК А. Г. Муленковым они тщательно разобрались с положением дел в парторганизации. Особое внимание уделили выполнению производственных заданий коммунистами. Тех, кто не справлялся с нормами, вызывали на беседу. Для большинства было достаточно разговора по душам, чтобы хорошенько подумать о своей роли на производстве и улучшить показатели. Отстающих же «по убеждению» приходилось, как и советовали кадровые рабочие, попесочить.

Активнее включился в производственные дела и комсомол. Горком и Ленинский райком комсомола помогали организовать соревнование, создавали новые фронтовые молодежные бригады.

Вторым важнейшим звеном в нашей работе была местная противовоздушная оборона. Чтобы составить ясное представление о ее состоянии, нужны были очередные учения.

От начальника МПВО города В. А. Молокова и заведующего военным отделом Ф. И. Ларина я узнал, что такие учения в последнее время проводились в городе редко, население широкого участия в них не принимало. Светомаскировка соблюдалась из рук вон плохо, а Дальзавод, торговый и рыбный порты нередко освобождались от обязанности участвовать в учениях и даже во время учений флота не маскировались. Старую песенку насчет того, что светомаскировка срывает планы ремонта боевых кораблей, мешает разгрузке судов, я и в Севастополе слышал не раз...

Очередные учения МПВО целиком и полностью подтвердили неблагоприятное положение в этом важном для пограничного города деле. Надо было срочно принимать меры. С учетом опыта Севастополя и других городов в условиях боевой обстановки были разработаны мероприятия по укреплению МПВО. Учения решили проводить регулярно, не менее раза в месяц, и в

условиях, близких к боевым; вовлекать в учения все население города, включая детей, которые должны были следить за светомаскировкой, учиться вместе со взрослыми тушить зажигательные бомбы, нести дежурство в убежищах, участвовать в школьных формированиях МПВО.

Особое внимание обратили на комплектование личного состава команд обороны на участках и объектах, на привлечение к этому делу женщин. Горком и райкомы организовали обязательную для коммунистов и комсомольцев военную учебу. От предприятий и населения потребовали строгого соблюдения правил светомаскировки.

Это были лишь первые шаги. Предстояла большая и трудная перестройка всей нашей работы.

Доклад о работе крайкома в ЦК партии состоялся. Все мы ждали приезда из Москвы Николая Михайловича Пегова. В докладе на пленуме краевого комитета он рассказал, что Центральный Комитет строго, но справедливо оценил работу крайкома, горкомов и райкомов. Затем, ознакомив всех нас с решением ЦК ВКП(б), Николай Михайлович подробно проанализировал причины недостатков. Такой анализ помог каждому как бы со стороны взглянуть на свою работу, на свои дела и планы.

Работа предстояла немалая. Центральный Комитет партии указал на серьезные ошибки в руководстве промышленностью, транспортом и сельским хозяйством края. Многие отрасли промышленности значительно снизили объем производства.

Каждое слово в постановлении ЦК задевало за живое членов крайкома, партийных и советских работников, руководителей предприятий. Сидевший рядом со мной первый секретарь Ленинского райкома партии Дудоров заметно нервничал, неосторожным движением обломал кончик карандаша. И его можно было понять. Многое из того, о чем говорилось в постановлении, имело непосредственное отношение к Ленинскому району: именно в этом районе находится Дальзавод. Нервничали и руководители завода. Помню их озабоченные, напряженные лица.

Постановление Центрального Комитета требовало от руководства завода в кратчайший срок изменить стиль работы, поднять дисциплину, добиться, чтобы весь коллектив трудился с подлинным накалом.

Задача не из легких. Шел четвертый год войны. Заводу часто не доставало металла. Вместо опытных рабочих у

станков стояла зеленая молодежь. Люди были измотаны тяготами суровых военных лет.

Но и руководители Дальзавода, и все, кто сидел тогда в зале, понимали, что не имеют даже права спрашивать себя: «Справимся ли? Потянем ли?» Признаться, на том пленуме меня с новой силой схватило чувство, будто я вновь попал в предвоенный Севастополь. Та же ответственность, те же трудности и та же готовность людей к самоотверженной работе.

Все сидящие в зале, такие разные и по жизненному опыту и по характеру — сурово сдержанный, требовательный секретарь райкома В. С. Фомичев, вездесущий, беспокойный В. А. Молоков, всегда уравновешенный начальник порта А. Х. Передерий, — были на этот раз одинаково взволнованы.

Из постановления ЦК партии, из доклада секретаря крайкома было ясно, что от нас требуется не исправление отдельных ошибок и недостатков, а коренная перестройка стиля и методов руководства. Развернувшиеся прения помогли наметить конкретные пути борьбы за подъем партийной, политической, хозяйственной и культурной жизни края.

Через несколько дней постановление ЦК, итоги пленума крайкома и в связи с этим задачи, вставшие перед владивостокской городской партийной организацией, были обсуждены на пленуме горкома.

В постановлении ЦК партии говорилось, что Владивостокский горком допустил серьезное ослабление большевистской бдительности, успокоенность, благодушие, расхлябанность и нарушение партийной дисциплины в городской парторганизации. Главной причиной этих крупных ошибок, говорилось в постановлении, явилось отсутствие подлинной большевистской критики, самокритики и требовательности в партийных организациях, низкий уровень идеологической и организационно-партийной работы.

Что скрывать, разговор наш был острым и нелицеприятным. Например, выяснилось, что больше года бюро горкома ни разу глубоко и всесторонне не рассматривало вопроса о работе крупнейших предприятий города. А ведь кроме Дальзавода в большой помощи, в деловом руководстве нуждались и торговый порт, и железная дорога, и тот же «Металлист». Ни горком, ни райкомы партии не вникали в причины их отставания, не оказывали им должной помощи, не были требовательными к руководителям, мирились с тем, что поли-

тическое воспитание партийного актива поставлено неудовлетворительно, а уровень внутривнутрипартийной работы низок.

Чтобы быстрее устранить эти недостатки, надо было нащупать главное звено, взявшись за которое можно вытянуть всю цепь. Этим важнейшим звеном всегда была политическая работа среди трудящихся.

Предстояло поднять активность масс, опираясь на славные боевые, революционные и трудовые традиции партии и народа, нашего города и флота. Один из вернейших методов воспитания! Многие руководящие работники края и города, командный и политический состав флота, участники Великой Отечественной войны, партийные активисты, преподаватели пополнили состав наших лекторских групп. Они выступали на предприятиях с докладами, лекциями и беседами о героических делах нашего народа, о славном прошлом Владивостока. Живее стали работать агитаторы. По их инициативе проводились экскурсии по историческим и революционным местам города. Газеты «Красное знамя», «Боевая вахта», «Тихоокеанский моряк», краевое радио часто обращались к этой теме.

В городе, пока еще очень скрыто, уже жило ощущение неотвратимости надвигающихся событий. Может быть, поэтому доклады и беседы бывших севастьяпольцев в те дни вызывали во Владивостоке какой-то особый интерес. Нас засыпали просьбами подробнее рассказать о героизме моряков и жителей Севастополя, о том, как держали себя женщины и дети, о том, как работали в условиях осады партийная и комсомольская организации, советские органы, местная противовоздушная оборона.

Вспоминается такой случай. Заведующий городским отделом народного образования пригласил меня выступить на учительской конференции.

Рассказав о героизме моряков, приморцев и гражданского населения Севастополя, о дружбе между населением и фронтовиками, о славных традициях города-героя, я подчеркнул руководящую роль партийной организации города, ту большую работу, которую вели в дни обороны учителя. Говорил и об учительнице Александре Сергеевне Федоринчик, о том, как помогали фронту дети... В заключение — о задачах, стоящих перед владивостокцами, перед учителями.

Доклад уже длился два часа, а участники конференции продолжали внимательно слушать. Потом посыпались вопросы. Для ответов на них требовалось не менее часа. Посовет-

товавшись с президиумом, я решил отвечать очень кратко, но слушатели запротестовали... Давно наступило время обеда, а наша беседа продолжалась. Интерес к обороне Севастополя, к положению на фронтах, к мужеству советских людей, видимо, объяснялся и тем, что чувствовалось приближение развязки на Дальнем Востоке.

Вспоминается другой случай. Правда, он не относится к дальневосточному периоду, но заодно расскажу — тема та же: величайший интерес к Севастополю, городу-герою. Было это в августе 1942 года в Боровом Казахской ССР, где Ефремов, Кулибаба, Троценко и я лечились после Севастополя. Во время нашей беседы с ранеными воинами ко мне подошла женщина. Спросила, не смогли бы мы выступить перед академиками, которые живут в Боровом. Мы дали согласие и договорились о времени и месте выступления. Лишь позднее я узнал, что это была Мария Федоровна Андреева — известная в прошлом актриса Московского Художественного академического театра, активная революционерка, друг Алексея Максимовича Горького. Последние предвоенные годы она работала директором Дома ученых в Москве. Вместе со многими академиками была эвакуирована в Боровое и работала там парторгом.

Академики со своими семьями собрались в уютной комнате отдыха. Среди них были Зелинский, Образцов, Зернов и многие другие виднейшие советские ученые. Слушали меня внимательно и, как я видел, с большим интересом, но вопросов не было. Зато в тот же вечер и в последующие дни при встрече в парке они усаживали меня на скамейку и задавали десятки самых разнообразных и неожиданных вопросов.

Потом я часто виделся и беседовал с Марией Федоровной. От этой умной и очаровательной женщины я узнал много интересного о ее жизни и работе в большевистской партии, о жизни Алексея Максимовича. В 1968 году, когда Марии Федоровны Андреевой уже не было в живых, во втором издании книги «М. Ф. Андреева», выпущенной издательством «Искусство», я прочитал письмо Марии Федоровны из Борового к Н. А. Пешковой:

«...Недавно приехали сюда четверо товарищей, последними оставившие Севастополь. Один из них, секретарь горкома и председатель комитета обороны товарищ Борисов, рассказал о жизни и великой борьбе города, о краснофлотцах, красноармейцах... Сами эти четверо — таких простых, скромных — дают впечатление такой несокрушимой твердо-

сти, решимости к победе, что сердце в груди растет от радости за свою страну, за того Человека, о котором мечтал Алексей Максимович. Ах, как бы он гордился и радовался за этих людей, но и каким горем, какой горькой обидой горела бы его душа...»

Но вернемся к Владивостоку. Выступая, мы всех серьезно предупреждали о возможности провокаций и о том, как важно быть бдительными. Во Владивостоке в то время находились три иностранных консульства: американское, китайское (чанкайшистское) и японское. И все они, естественно, не гнушались шпионажем.

Сотрудники консульств старались завязать всевозможные связи с населением. Они посещали вечера танцев, выдавая себя за советских людей, заводили знакомства с женщинами не слишком скромного поведения. Находились в городе и такие, которые за пеструю заграничную тряпку готовы были поступиться честью и совестью.

На пленуме крайкома партии особое внимание обращалось на то, что вместе с американской «помощью» на нашу землю проникают буржуазные нравы, буржуазная идеология. Об этом свидетельствовало множество фактов.

Как-то пошли мы с Матвеем Алексеевичем Акайкиным в театр. Спектакль публике нравился. Вдруг по окончании первого действия в шуме аплодисментов раздался резкий свист.

— Это наши «американцы» выражают свое одобрение, — Матвей Алексеевич указал на нескольких молодых людей, вызывающе одетых. — Некоторые считают это мелочью, — с досадой продолжал он. — «Ну, подумаешь, — говорят, — один аплодирует, другой свистит». Но ведь с таких мелочей и начинается проникновение буржуазных нравов, духовное растление! Тот, кто читает Драйзера и Уитмена, не станет свистеть. Свистят другие — те, кто гоняется за американским барахлом и верхом удовольствия считает пожевать резинку. А потом следуют порнографические картинки, а там, глядишь, появилась и литература, восхваляющая американский «образ жизни». А вместе с нею небылицы и сплетни о нашей действительности. Конечно, такой цепной реакции подвержены недоучки, люди с ограниченным политическим кругозором. Но это наши, советские люди, и за них надо бороться — учить, воспитывать...

Дни, до отказа заполненные самыми разнообразными заботами, мелькали незаметно. И вот наступил такой, когда

можно было порадоваться первым успехам, которых добилась городская промышленность, и в том числе Дальзавод.

Соревнование сыграло свою роль: цех соревновался с цехом, участок с участком, бригада с бригадой. Настроение рабочих, инженеров и техников заметно поднялось. А тут еще на помощь Дальзаводу пришли сотни военных моряков. И наркомат стал конкретнее руководить заводом, и снабжение улучшилось.

В первых рядах соревнующихся шли ударные фронтовые бригады. В сентябре их было создано сто пятнадцать, в октябре — еще сто шесть. Принимая высокие обязательства, члены этих бригад тем самым как бы ставили себя в одну шеренгу с воинами, сражающимися на переднем крае. Многие фронтовые бригады, за работой которых на Дальзаводе пристально следил весь коллектив, стали выполнять ежедневно нормы на сто пятьдесят — сто восемьдесят процентов. Особенно отличилась комсомольско-молодежная бригада, возглавляемая Катей Барышниковой. Дружная бригада, состоявшая всего из трех человек, продукции давала за шестерых.

— Дело пошло, — радовался директор завода Василий Павлович Рудяк, — скоро план дадим.

— А как в этом месяце?

— В этом еще не осилим. Но если в следующем не вытянем, то ставьте вопрос на бюро — на месте ли руководители завода, — полушутя-полусерьезно сказал Рудяк.

— Ну что ж, будем иметь в виду, — в тон ему ответил я.

В сентябре мы уже могли так шутить. Завод изо дня в день набирал темпы. Дудоров, Муленков, Рудяк каждый день сообщали в горком о новых трудовых высотах, взятых фронтовыми бригадами.

Бригада сборщиков под руководством Баранова систематически перевыполняла задания в два с лишним раза. У молодой работницы Тани Шевченко перевыполнение нормы тоже стало системой. Помнится, Муленков с гордостью рассказывал о шестнадцатилетней девушке Клаве Карташовой. Она пришла в цех год назад ученицей токаря, а теперь уже перегнала своих учителей. Быстро добился успехов и молодой рабочий Петр Чура. Ему было всего пятнадцать лет, а его считали одним из лучших строгальщиков.

Хорошо помогала коллективу заводская многотиражка. Она рассказывала об опыте лучших рабочих и кандидатов производства, критиковала отстающих. Листаешь сейчас ее

пожелтевшие страницы и словно чувствуешь напряженный пульс того незабываемого времени.

«Сейчас, когда на заводе создалось исключительно напряженное положение с планом, хорошая работа не удовлетворяет, нужна отличная, — писала газета. — Удвоить, утроить темпы! Завод не имеет права не выполнять обязательства. В это время требуются не разговоры, а мобилизация всех рабочих, оперативность, разворотливость в выполнении взятых обязательств...

Коммунисты, комсомольцы обязаны в первую очередь быть застрельщиками соревнования. Объявим борьбу расхлябанности! Под обстрел отстающие участки!.. План — государственный закон, и все силы должно бросить на его выполнение. Обязательства — дело чести коллектива. Весь край смотрит на завод!»

Фронтовики, бывшие рабочие завода, часто писали письма своим товарищам по участку, цеху. Нельзя было не откликнуться на эти взволнованные строчки. «Друзья! Помогайте нам, фронтовикам. Своим трудом приближайте день окончательной победы над врагом... Я со своей стороны клянусь, что буду бороться до последнего дыхания!»

Эти письма читались в цехах, бригадах, на участках, публиковались в многотиражке, в стенных газетах, передавались по радио. Рабочие заверяли фронтовиков, что выполняют свой долг перед Родиной.

Комсомолка Ася Догадова писала другу на фронт, что будет упорно трудиться, чтобы приблизить день окончательной победы над врагом. Свое слово она сдержала: стала одним из лучших токарей цеха, выполняла задание на двести и более процентов.

За работу в сентябре первое место на заводе завоевал коллектив цеха, где начальником был коммунист Кричевский. Дирекция, партийная и профсоюзная организации позаботились, чтобы опыт цеха стал достоянием всего завода.

У этого коллектива многому можно было поучиться. На каждом участке здесь составлялись месячные графики. Бригады и отдельные рабочие оперативно получали задания, инструмент, чертежи, хорошо знали сроки исполнения. Итоги работы подводили ежедневно. Каждый рабочий мог наглядно представить, какой шаг сделан цехом, бригадой вчера или сегодня. В налаживании ритмичной работы огромную роль играли мастера. Руководители цеха правильно делали, расширяя права мастера, точно определяя его обязанности.

Партийные, комсомольские, профсоюзные организации цеха сумели мобилизовать рабочих на выполнение и перевыполнение взятых обязательств. Застрельщиками в соревновании были коммунисты.

Соревнование захватило не только Дальзавод — коллективы всех предприятий боролись за подъем производства. Когда настало время подвести итоги работы за сентябрь, телефоны горкома и райкомов буквально захлебывались звонками: «Как идут дела?», «Кто впереди?», «Ну что, знамя — наше?», «Кто на Доске почета?»

На заседании жюри возник серьезный спор. По показателям два района претендовали на первое место — Ленинский и Фрунзенский, и мнения членов жюри разделились. Пришлось перенести решение вопроса на бюро горкома. Во время обсуждения первые секретари райкомов партии Вячеслав Моисеевич Дудоров и Александр Иванович Щеголев хотя и спорили, но старались сдерживаться. Чувствовалось, что каждый вот-вот может вскипеть, доказывая право своего района на первое место и переходящее Красное знамя.

После горячего обмена мнениями договорились: первое место присудить Ленинскому району, второе — Фрунзенскому. Чашу весов в пользу Ленинского района перевесил Дальзавод. Хотя плана он еще не выполнил, но работу заметно улучшил.

Переходящее Красное знамя было присуждено также рыбкомбинату острова Попова Ворошиловского района.

Когда все приглашенные разошлись, члены бюро с удовлетворением отметили, что соревнованию задан правильный тон. Чувствовалась большая заинтересованность людей в успехе общего дела.

В октябре Дальзавод выполнил план досрочно и был занесен на городскую Доску почета. Переходящее Красное знамя вручили дальзаводцам, а первое место в соревновании снова завоевал Ленинский район. На этот раз Щеголев уже не спорил.

С хорошим настроением встречали мы 27-ю годовщину Великого Октября. Больше всего, конечно, радовали победы на фронте.

Но не следует думать, что все в городе уже пошло как по маслу. Трамвай... Сейчас трудно в это поверить, но нам «трамвайная проблема» больше всего попортила крови. Центральный Комитет в своем постановлении обратил внимание

краевых и городских организаций на запущенность коммунального хозяйства Владивостока.

В самом деле, представьте себе город, растянувшийся по берегам бухты на много километров. А трамвай — основное средство передвижения. Вагонов мало, на остановках люди подолгу ждут, а подойдет трамвай — сесть нельзя: битком набит. Рабочие опаздывали на работу, школьники и студенты — на занятия. Те, кто жил на окраине, не рисковали выбраться в театр или кино. Все это сказывалось на настроении людей, а значит, и на работе. Справедливые упреки сыпались на голову трамвайщиков и городских руководителей. О наших трамвайных неполадках писала даже «Правда».

Ознакомившись с положением дел, мы с Молоковым на заседании бюро горкома предложили план улучшения работы трамвая. Я припомнил, как восстанавливали трамвайный парк в дни обороны Севастополя.

— Неужели нам это не под силу?

— Надо только как следует взяться, — ответили товарищи.

План состоял в следующем. Вагоны для капитального ремонта распределить между крупными предприятиями: Дальзаводом, «Металлистом», паровозным депо. Часть вагонов должно было привести в порядок само трамвайное депо. Для ремонта путей и контактных сетей предлагалось привлечь рабочих со всех предприятий города.

План одобрили. Секретарь горкома партии по кадрам Василий Игнатьевич Макаров взялся за укомплектование депо рабочими-специалистами. Ленинский райком прикрепил к парку своих работников в помощь первичной парторганизации.

Вместе с Молоковым и Дудоровым мы часто наведывались в трамвайный парк, на предприятия, проверяя ход работ. Но дело продвигалось медленно, так как везде не хватало рабочей силы, а ремонт вагонов не засчитывался в производственный план.

Пришло время подумать о благоустройстве города. По этому поводу рабочие торгового порта собрались на митинг.

— Тридцать три года живу я во Владивостоке, — сказал на митинге работник порта Козлов. — На моих глазах вырос он и стал гордостью приморцев. Но больно смотреть, как постепенно разрушаются дороги, мостовые, трамвайные пути. В свободное время негде отдохнуть. В скверах нет даже

скамеек. Не таким должен быть наш город. Жители Севастополя, Ленинграда, Киева и Минска показывают пример заботы о своих городах...

Портовики приняли обращение к трудящимся города.

«Наш Владивосток имеет прекрасные традиции самоотверженной революционной борьбы, борьбы за честь и независимость нашей великой Родины,— говорилось в обращении.— Эти традиции зовут нас также к любовному, бережному отношению к городу, к постоянной заботе о его красоте и благоустройстве... Мы призываем каждого взрослого жителя города отработать в течение 1945 года не менее 70 часов на его благоустройстве».

Горисполком и бюро горкома партии одобрили эту инициативу. В поход за благоустройство города вышли коллективы всех предприятий и учреждений, домохозяйки, военные, студенты, школьники.

Еще перед приездом во Владивосток я где-то прочитал, что здесь редко бывает снежная зима. А в эту зиму, как-то проснувшись, увидел город занесенным снегом. Огромные сугробы, местами до полутора метров толщиной, пришлось пробивать для проезда транспорта...

Наступал новый, 1945 год. С этим годом советский народ связывал большие надежды на победу над фашистской Германией, на возвращение к мирному труду наших славных воинов-победителей. Начало года ознаменовалось торжественными событиями.

...Зал краевого драматического театра заполнили моряки Дальневосточного морского пароходства, члены их семей, гости.

— Встать! Смирно!

Звучит марш, и в зал в сопровождении почетного караула торжественно вносят алое бархатное знамя.

— Товарищи моряки Дальневосточного морского пароходства! Мне поручено вручить вам, отважным морякам, завоеванную вами в декабре высшую награду во Всесоюзном социалистическом соревновании — переходящее знамя Государственного Комитета Оборона, — приподнято говорит представитель командования гвардии майор Радус. — Ваш самоотверженный труд, ваша работа, умение, навык и закалка обеспечили вам большую победу. Но помните, товарищи, что война не закончена, фронт требует еще многого. Моряки Советского Приморья должны с честью выполнить все его требования...

Гремя аплодисменты, здравицы в честь героев торжества — моряков-дальневосточников, в честь Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Но все это радостное кипение мгновенно утихает, когда к знамени подходит начальник пароходства Георгий Афанасьевич Мезенцев. Преклонив колено, он целует знамя...

Много могли бы рассказать моряки о том, с каким трудом была добыта эта победа. Пытаясь сорвать перевозки грузов, японские империалисты задерживали и топили наши суда. С декабря 1941 года по апрель 1945 года японцы задержали сто девяносто четыре советских торговых судна. Только в 1941 году их военный флот и авиация потопили десять наших транспортов. Японский военно-морской флот пытался блокировать наше побережье. Трудности и провокации поджигали моряков на каждом шагу.

Многие жители Владивостока навсегда запомнили день, когда по городу разнеслась весть о гибели нашего парохода «Белоруссия», возвращавшегося с грузом из-за океана.

Только два члена экипажа — кочегары Почерин и Петровичев — остались в живых. Но и они попали в плен к японцам. Советских моряков долго держали в застенках, издевались над ними, но в конце концов вынуждены были передать нашему консульству. От Почерина и Петровичева стала известна правда о гибели парохода. Его торпедировала японская подводная лодка в Охотском море, близ Курильских островов.

Сколько тревог и волнений пережили жены и дети наших моряков, ожидая их возвращения из плавания! В славной награде есть частица и их труда и забот.

Хотя Владивосток находился в глубоком тылу, наши моряки совершали немало самых настоящих подвигов.

На пароходе, капитаном которого был Гришин, вышел из строя котел: лопнули водогрейные трубки. Шесть моряков — механик Кузнецов, старший кочегар Крыжанов, машинисты Григорай и Керносов, кочегар Никитин во главе со старшим механиком Юрченко — решили произвести ремонт котла.

В море штормило. Невзирая на сильную качку, они принялись за работу. Чтобы не терять времени, не стали даже тушить котел. В тяжелейших условиях, обжигая лица и руки, самоотверженно работали моряки. Судно прибыло во Владивосток вовремя.

Да, будни наших моряков по праву называли героическими.

— Будем работать еще лучше, с честью выполним все задания партии и правительства, — принимая знамя, сказал Мезенцев. Дружные, горячие аплодисменты были подтверждением готовности моряков к новым подвигам.

С большим трудовым праздником поздравил моряков в своей телеграмме Анастас Иванович Микоян. «Поздравляю моряков, портовиков, инженерно-технических работников и служащих Дальневосточного бассейна с выполнением государственного плана перевозок по Дальневосточному пароходству за 1944 год. Желаю дальнейших успехов».

В столь же торжественной обстановке вручалось знамя Государственного Комитета Обороны и коллективу торгового порта. Присуждение знамен ГКО Морскому пароходству и порту было большим праздником для трудящихся Приморья. Это событие фактически предreshило заключение жюри о присуждении первых мест в соревновании за работу в декабре. Победителями на этот раз стали Фрунзенский район и торговый порт.

Через день на собрании партийного актива Ленинского района секретарь райкома Дудоров рассказал об итогах работы промышленности города и района, сообщил решение жюри. Активисты заверили, что в январе и феврале их район наверстает упущенное и знамена вернет. А руководители Дальзавода Рудяк, Муленков, Бабенко и Сенин обещали, что их коллектив будет бороться за первое место во Всесоюзном социалистическом соревновании.

Заявление было смелым и не безосновательным. План декабря завод выполнил.

— Ремонт трамвайных вагонов и путей будет обязательно учитываться при подведении итогов в соревновании, — неоднократно напоминали мы секретарям райкомов и председателям райисполкомов.

Как-то первый секретарь Первореченского райкома Василий Сергеевич Фомичев высказал обиду:

— Мы в городе вроде бедных родственников.

— О чем бы ни шла речь, нас даже в расчет не принимаете. Только и слышишь: Дальзавод да торговый порт, торговый порт да Дальзавод, — поддержала его секретарь того же райкома Лидия Филипповна Степанова.

Фомичев и Степанова были правы. Горком партии недостаточно занимался двумя другими районами — Первореченским и Ворошиловским. Единственное, что мы там не выпускали из виду, так это местную противовоздушную оборону.

В Первореченском районе находилось большинство предприятий железнодорожного узла, а железнодорожниками много занимались секретари крайкома, транспортный отдел краевого комитета и особенно заместитель секретаря Дмитрий Никитич Шнуренко — энергичный и знающий дело работник. Первому секретарю райкома Василию Сергеевичу Фомичеву тоже опыта не занимать.

Вскоре вместе с заведующими отделами горкома М. И. Скубко, М. М. Степановым и М. А. Акайкиным мы поближе познакомились с работой партийных организаций Первореченского района. В их практике оказалось много поучительного, что следовало бы перенять предприятиям и организациям других районов.

Большую роль в жизни коллектива паровозного депо Первой речки играли агитаторы. «От слов — к делу» — таков был девиз их работы. Каждая беседа увязывалась с задачами, стоящими перед коллективом, с потребностями производства. Агитаторы передавали опыт передовиков, помогали отстающим работать лучше. Нередко можно было увидеть агитатора, который остался в цехе после работы, чтобы помочь кому-то из товарищей наладить новое приспособление или показать, как лучше оборудовать рабочее место, как экономить топливо, смазочные материалы. Такую агитацию делом вел в депо почти каждый коммунист. Взаимопомощь стала в коллективе законом.

Все это способствовало тому, что производственные показатели работы паровозного депо за последние месяцы намного улучшились. Вскоре паровозники выступили инициаторами соревнования в честь 27-й годовщины Красной Армии и Военно-Морского Флота. Коллектив взял обязательство выполнить двухмесячный план к 23 февраля.

«Будем трудиться с такой же самоотверженностью, с какой бьются советские воины!» — писали первореченцы в обращении к трудящимся города.

Быстро набирал темпы и Дальзавод. Он взял на себя на этот раз немалые обязательства. Двухмесячный план коллектив решил выполнить на пять дней раньше срока. Хорошие результаты давала работа с рационализаторами, которые предполагали за два месяца осуществить двести предложений по совершенствованию производства. Около четырехсот человек было привлечено к технической учебе.

В январе мы поздравили дальзаводцев с третьим местом во Всесоюзном социалистическом соревновании. Городская

промышленность и транспорт выполнили план. Но то, что месяц назад мы сочли бы за успех, теперь нас не удовлетворяло. Ни один район не выполнил условий соревнования по благоустройству, по-прежнему плохо работал трамвай, не выполнялся план мобилизации средств. Приняли решение переходящее знамя и места в соревновании за январь никому не присуждать.

В феврале был сделан шаг вперед по преодолению всех наших неурядиц. Руководители Ворошиловского района Е. И. Ванакс и П. Н. Строганов и Первореченского — В. С. Фомичев и А. В. Подовинников были настроены побоевому, хотя и знали, что их районы не могут претендовать на первое и второе места в соревновании.

— Рыбаки не тянут, — сокрушалась первый секретарь райкома Екатерина Ивановна Ванакс. — Но что поделаешь; и японцы мешают ловить рыбу, и с рабочей силой очень трудно.

— Ну, с этой трудностью вы, кажется, умеете справляться, — заметил я.

Вспомнилась первая наша встреча с Екатериной Ивановной. Она тогда попросила помочь району рабочей силой, чтобы перегрузить рыбу с судов в вагоны.

— Простаивают суда, простаивают вагоны, портится рыба... А мы ходим вокруг да причитаем, — резковато говорила она.

— А разве у себя в районе вы не можете найти людей? Мобилизуйте служащих, домохозяек, учащихся.

— Если б можно было, то не просили бы... Уже всех, кого могли, мобилизовали.

— Что же предлагаете?

— Взять из Фрунзенского и Ленинского районов.

— Но у них тоже нехватка рабочей силы.

— В обоих районах много учреждений, на один день закроют — ничего не случится, зато рыба будет. Все служащие нашего района работают в рыбном порту чуть ли не через день, и пока дело не страдает... К тому же в Ленинском и Фрунзенском районах много домохозяек, студентов...

— Хорошо, разберусь.

Я уехал из Ворошиловского райкома, где состоялся этот разговор, вечером. А утром, едва только появился у себя в кабинете, — телефонный звонок. Екатерина Ивановна спрашивала, как решился вопрос с рабочей силой. Я ответил, что не успел еще этим заняться.

— Тогда я позвоню вам часика через три, подошло новое судно.

Можете не сомневаться, помощи Екатерина Ивановна добилась.

Я привел этот эпизод потому, что он характерен для облика Екатерины Ивановны Ванакс. Уж кто-кто, а она умела добиваться своего. Некоторых раздражали ее настойчивость и резкость. Но я считал так: раз делу на пользу, значит, этому не следует придавать особого значения.

Первенства в соревновании в феврале снова добился Ленинский район: Дальзавод работал теперь ровно.

Масла в огонь соревнования часто подливала рабочая молодежь во главе с комсомольцами. Так было и во время подготовки к 27-й годовщине Красной Армии и Военно-Морского Флота. Молодые рабочие одного из цехов Дальзавода обратились с открытым письмом к комсомольцам и всей молодежи Ленинского района. Они сообщали о своих обязательствах в честь славной даты и призывали молодых тружеников включиться в соревнование.

Немало хорошего наметила сделать заводская комсомолия. Прежде всего, молодые рабочие твердо решили добиваться, чтобы каждый из них выполнял норму не меньше, чем на сто пятьдесят процентов. Комсомольцы организовали новые фронтовые бригады, записались в кружки техминимума, обещали собрать не менее двадцати рационализаторских предложений. Особенно порадовало их шефство над заказом для сельского хозяйства. Кроме того, ребята взялись своими силами изготовить десять комплектов инструмента для МТС. Решили также, что каждый комсомолец сдаст зачет по стрельбе и будет активным бойцом МПВО.

Комсомольцы Ленинского района, а затем и всего города подхватили инициативу молодых дальзаводцев. Соревнованием больше стали заниматься первичные комсомольские организации.

В это время произошло еще одно событие, которое могло поднять молодежь на большие дела. Я имею в виду городскую комсомольскую конференцию. Мы считали необходимым укрепить руководство горкома комсомола и просили крайком ВЛКСМ послать к нам первым секретарем Павла Кашкина. Он хорошо зарекомендовал себя на комсомольской работе. Еще до того, как Кашкина избрали вторым секретарем крайкома комсомола, он был старшим инструктором в политуправлении флота. На случай войны как раз

такой подтянутый, энергичный, грамотный человек, каким был Павел, нам и нужен. Чем-то он мне напоминал Сашу Багрия.

Кашкин был избран секретарем горкома, и вокруг него быстро сложился крепкий актив. Хорошими друзьями и помощниками ему были секретарь горкома комсомола по военной работе Ваня Петушенко, секретарь по пропаганде Аня Кузнецова, секретарь по школам Фаина Карасева.

Павел часто заходил ко мне, к другим работникам горкома партии, в крайком комсомола, советовался. Горком комсомола стал серьезнее вникать в производство, больше внимания уделять военной и физкультурной работе.

Занимаясь текущими делами, мы внимательно следили за международным положением страны. Когда в феврале 1945 года в Ялте состоялась конференция руководителей трех великих держав — СССР, США и Великобритании, — все с огромным интересом читали ее решения. Некоторые партийные работники были информированы о том, что на конференции советская делегация дала согласие после капитуляции Германии выступить против союзницы Германии Японии. Это решение было продиктовано стремлением Советского правительства как можно скорее положить конец кровопролитной мировой войне.

Для нас это означало, что Владивосток должен быть готов к большим событиям, что нам следует уделять больше внимания военной работе, особенно местной противовоздушной обороне, держать тесный контакт с командованием и политическими органами флота, с кораблями, частями и соединениями. Вопросы оборонной работы все чаще и чаще обсуждались партийными органами, коммунистами, комсомольцами, рабочими и служащими города.

За укрепление местной противовоздушной обороны непосредственно взялись первые секретари райкомов, являвшиеся комиссарами МПВО районов. Председатели райисполкомов, как начальники МПВО, требовали неуклонного выполнения мероприятий по противовоздушной обороне от всех без исключения хозяйственников. Этим важным делом повседневно интересовались секретари и военный отдел крайкома, Военный совет и политическое управление флота, командующий береговой обороной генерал-лейтенант Кабанов, командующий ПВО генерал-майор Суворов, начальник гарнизона контр-адмирал Федоров, генерал-майор Жилин.

«Провел совещание всех основных руководящих работников города, районов, предприятий, МПВО по вопросу выполнения решений XIX пленума горкома по МПВО,— занес я в свою записную книжку в конце марта.— Основное: дальнейшее проведение учений, приближенных к условиям боевой обстановки».

Теперь, как когда-то в Севастополе, в учениях по противовоздушной обороне во Владивостоке принимали участие все. На занятия различных оборонных кружков спешили после уроков школьники. Женщины обучались санитарному делу при домоуправлениях. Мне случалось присутствовать на таких занятиях. Женщины с самым серьезным видом накладывали шину на воображаемый перелом. Странно было слышать, как пожилая работница, словно старательная ученица, отвечала на вопрос инструктора: «Раны бывают разные: огнестрельные, колотые, резаные...»

Невеселые это были занятия. Но людей поддерживало сознание, что, если наступит трудный час, мы будем хорошо подготовлены к нему.

Большие учения были проведены в те дни совместно с флотом. В моей записной книжке сохранились такие сведения:

«Репетировали подрывы рельсов и шпал на путях железной дороги, выключали воду, свет, телефонную станцию, имитировали пожары. Перевели несколько тысяч человек на казарменное положение, в том числе три тысячи коммунистов и комсомольцев. Устраивали срочные вызовы отряда коммунистов и комсомольцев... Отзыв командования и населения положительный».

В планы нашей подготовки к возможным военным событиям входила также разгрузка торгового порта. Там скопились сотни тысяч тонн грузов. Все причалы, склады, эстакады были завалены ящиками, тюками, бочками. А во Владивосток начали уже прибывать грузы оборонного значения. Николай Михайлович Пегов, пригласив к себе меня и Александра Ивановича Щеголева, предупредил, что поток грузов с каждым днем будет нарастать, поэтому необходимо направить все силы, но ускорить оборачиваемость судов. Вот тогда-то и возникла мысль о комплексном соревновании.

Вместе с А. И. Щеголевым и М. И. Скубко я несколько дней провел в пароходстве, в порту, у железнодорожников. Советовались с руководителями, с опытными работниками, ветеранами производства.

Мне и раньше нравилась манера работы Щеголева: непоказная, а всегда ухватывающая самую суть. Я все больше убеждался, что он и дело хорошо знает, и с людьми тесно связан. В порту, например, не только руководители, но и моряки, механики, грузчики звали его по имени-отчеству, охотно вступали в разговор.

Выяснив на месте положение дел, мы могли приступить к организации соревнования.

Когда собрался партийный, хозяйственный и комсомольский актив транспортников, кто-то пошутил:

— Ну, какой курс указывает «флагман»?

«Флагманом» называли управление пароходства. Много лет назад архитектор, проектируя здание управления пароходства, прибег к весьма недвусмысленной символике. Он придал зданию вид огромного каменного корабля: окна круглые, как иллюминаторы, балкончики похожи на палубы, лестницы напоминают трапы...

«Флагман» взял курс на комплексное соревнование.

Совещание длилось два вечера. С докладом выступал заместитель секретаря крайкома по транспорту Дмитрий Никитич Шнуренко.

Комплексным соревнование называлось потому, что в него включились организации, коллективы, бригады, обслуживающие весь комплекс работ на кораблях и в порту. Цель соревнования — ускорить оборачиваемость судов, улучшить работу пароходства. Моряки наметили увеличить скорость судов, добиться образцовой работы механизмов. Кроме того, экипаж каждого корабля взялся своими силами разгрузить хотя бы один трюм. А это было нелегко после утомительного рейса. Работники торгового порта обещали досрочно разгружать суда, у них была возможность повысить уровень механизации разгрузочных работ. Решили перерабатывать с помощью механизмов не менее восьмидесяти пяти процентов груза. Ну, а если и железнодорожники обеспечат своевременную подачу порожняка в порт, то разгружать суда можно будет по принципу «борт — вагон», без перевалок. Железнодорожники обязались не допускать простаев вагонов, своевременно формировать и отправлять груженные составы. Работники Наркомвнешторга заверили, что будут без задержек оформлять всю документацию.

Количество грузов в порту уменьшалось с каждым днем. Сотни рабочих, служащих, домохозяек, студентов и школьников участвовали в этом большом аврале.

Массовое социалистическое соревнование трудящихся города и края дало плодотворные результаты. На очередном пленуме краевого комитета партии отмечалось, что после постановления ЦК партийная организация края успешно перестраивает свою работу, выполняют план промышленности и транспорт, улучшилось положение в сельском хозяйстве. Нам было приятно услышать в докладе крайкома о том, что значительных результатов добились городская партийная организация и все трудящиеся Владивостока.

Николай Михайлович Пегов в докладе похвалил Дальзавод. Это не могло не радовать. Ведь на прошлом пленуме завод подвергся суровой критике. Добившись в четвертом квартале значительного улучшения производства, коллектив дальзаводцев закрепил достигнутые результаты и в первом квартале 1945 года пошел вперед. Трижды завод занимал первые места во Всесоюзном социалистическом соревновании.

В докладе также отмечалось, что заводу стали лучше помогать и глубже вникать в его работу Ленинский районный и Владивостокский городской комитеты партии. Лучше стали работать Морское пароходство, торговый порт. На 1 января в порту было заморожено четыреста тысяч тонн грузов, а на 1 апреля осталось только четыреста тонн.

Мое выступление на пленуме было обращено не только к сидящим в зале. В нем я подводил итоги минувших месяцев работы и для самого себя. Доложил пленуму, что парт-организации города стали больше уделять внимания партийно-политической работе, повышена ответственность за выполнение партийных решений. Улучшились политическая учеба, марксистско-ленинское образование кадров. Это помогло улучшить массово-политическую работу среди трудящихся. Теснее стала связь с комсомолом, горком партии более конкретно руководил боевым отрядом молодежи.

С большим удовлетворением я называл цифры итогов работы городской промышленности. В марте план был выполнен на сто десять процентов, а за весь первый квартал — на сто два процента.

Чувствуя себя именинниками, мы, однако, сознавали, что впереди трудные дни, что назревают события, которые должны стать суровым экзаменом и для всей партийной организации города, и для каждого из нас.

Впрочем, бывали такие минуты, когда думать об этом просто не хотелось. Война с немецкими фашистами шла к

развязке. Да и сама природа располагала к миру. Уже по-весеннему оделись тополя на набережной...

В самый канун майского праздника нас ждала еще одна радость, опять-таки завоеванная упорным трудом. Вечером 30 апреля владивостокцы не увидели очередей на трамвайных остановках. Вместо облупленных старых вагонов по рельсам бежали нарядные трамвайные поезда. Вагоновожатые и кондукторы, все в новой форме, с улыбкой приглашали: «Проходите, товарищи!»

— Вот это подарок к празднику! — то и дело слышалось кругом.

На торжественном заседании, посвященном Первому мая, по поводу трамвая поздравлений было, пожалуй, не меньше, чем с праздником. На другой день трамваем завладели дети. Многие отцы и матери катали их, показывая праздничное убранство города.

Торжественное заседание, посвященное Первомаю, прошло особенно празднично. Рабочие, инженеры, руководители передовых предприятий и районов — герои дня. Их имена на городской Доске почета, в газетах, звучат по радио, упоминаются в докладе!

Когда в Москве куранты отбили три часа ночи, во Владивостоке улицы уже были запружены празднично одетым народом. Парад, вслед за ним многолюдная, красочная демонстрация, музыка, песни, радостный смех.

Да и как не радоваться! Был уже виден конец мировой войне, развязанной германскими империалистами. «Крушение гитлеровской Германии — дело ближайшего будущего», — говорилось в первомайском приказе Верховного главнокомандующего.

В этом была заслуга и владивостокцев — не только тех, кто в солдатской шинели с автоматом в руках далеко на западе громил фашизм, но и тех, кто сейчас шел здесь, в рядах праздничной демонстрации.

Вот они шествуют, славные воины труда — рабочие Дальзавода, моряки, портовики, железнодорожники, судостроители, металлисты, рыбаки. Ярko освещенные весенним солнцем транспаранты возвещают об их победах. Трибуны встречают их громкими здравицами.

А следующий день, 2 мая, принес долгожданную весть: советские войска овладели Берлином! С этим сообщением я выступил на митинге рабочих Дальзавода.

«Досрочно выполним полугодовой план!» — таким реше-

нием ознаменовал многотысячный коллектив завода великий ратный подвиг Вооруженных Сил Советской Родины. Этот призыв был подхвачен всеми предприятиями города. Еще большей верой в свои силы, в свои возможности прониклись трудящиеся Владивостока, когда Дальзавод и торговый порт получили за работу в апреле переходящие знамена Государственного Комитета Оборона. Владивостокское отделение железной дороги получило переходящее знамя Наркомата путей сообщения и ВЦСПС.

И надо же, чтоб в это горячее время я внезапно вышел из строя. Врачи уложили меня в постель: дала знать о себе нога, покалеченная в Севастополе. Я скучал вторые сутки в тихой белой палате. Вдруг дверь распахнулась совсем не по-больничному, и на пороге появился сияющий начальник Политуправления флота Анатолий Алексеевич Муравьев:

— Германия капитулировала!

Я не дал ему договорить:

— Сестру, врача!

Через час я был «на воле». А еще через несколько часов мы шагали на Привокзальную площадь. Город успел принарядиться. Корабли расцвелись флагами. Предприятия прекратили работу. Никто не хотел оставаться в четырех стенах, все высыпали на улицу. Гремели оркестры, звучали песни.

Громкий, торжественный голос диктора, раздавшийся из уличных репродукторов, заставил всех умолкнуть. На многолюдной площади стало тихо, как в пустой квартире.

— Говорит Москва... Одновременно работают все радиостанции Советского Союза. Внимание!

А когда умолк голос, возвестивший миру о великой победе Страны Советов над германским фашизмом, словно шквал пронесся по площади. Все смешалось: звуки победных маршей и песен, счастливые возгласы, смех людей, хлопки разноцветных ракет...

Молодая женщина, смеясь и плача, крепко прижимала к себе и осыпала поцелуями недоумевающую малышку лет четырех: «Папа теперь вернется, обязательно вернется!»

Рядом двое стариков истово, по-русски целовались, поздравляя друг друга с победой. Зараженные всеобщей радостью, рабятишки не знали удержу. С ликующими криками они носились по улицам. Военных, оказавшихся в толпе, то и дело качали.

Вот она пришла наконец, долгожданная победа, завоеванная беспримерными боевыми подвигами, добытая самоотверженным трудом, оплаченная тяжкими муками, кровью и слезами нашего народа.

В гуще ликующего народа мой взгляд выхватывал и скорбные, без улыбки лица. Это те, кому уже некого было ждать, у кого война забрала самое дорогое — родных и близких.

— Фашистское германское государство повержено в прах! Так поклянемся же светлой памятью тех, кто пролил бесценную кровь за Родину, что мы будем еще больше трудиться над укреплением военно-экономической мощи нашей Родины! — так закончил свое выступление на митинге в честь Победы Н. М. Пегов. Не ошибусь, если скажу, что эту клятву мысленно дал каждый присутствовавший на митинге.

Владивостокцы чувствовали, что близки решающие бои с империалистической Японией. Ратные и трудовые победы народа обязывали нас, руководителей города, направить энергию людей по нужному руслу. Срочно собралось бюро горкома. Были приглашены заведующие отделами горкома, первые секретари райкомов, секретарь горкома комсомола. Обсудив положение дел в городе, договорились сосредоточить внимание партийной организации на обслуживании нужд флота, оборонной работе, повышении бдительности и дисциплины.

На другой же день райкомы провели совещания секретарей парторганизаций. Еще через несколько дней собрали секретарей на специальные семинары, где детально обсудили задачи партийных организаций в новых условиях. В основу был положен опыт партийно-политической работы в городах-героях в дни борьбы с фашистскими захватчиками.

Моряки Дальневосточного пароходства, портовики и судоремонтники проявили новую патриотическую инициативу: они обратились ко всем морякам, портовикам, судоремонтникам морского флота нашей Родины с призывом шире развернуть соревнование в честь победы над гитлеровской Германией.

Второй район торгового порта организовал скоростную выгрузку парохода «Ижора». Коллектив района взялся выгрузить с этого парохода 3000 тонн грузов за 24 часа вместо полагавшихся по плану 170 часов. Фактически выгрузку закончили за 18 часов. Это был новый всесоюзный рекорд.

Ранее он принадлежал портовикам Одессы. Достижить такой высокой производительности удалось благодаря хорошо продуманной организации труда, дружной совместной работе моряков пароходства и железнодорожников. Начальник района Греку и секретарь партбюро Новосельцев умело расставили кадры специалистов и партийные силы по всем участкам, продумали буквально все мелочи. Команда «Ижоры» подготовила трюмы, грузовые средства, организовала ночное освещение, сама участвовала в разгрузке. А железнодорожники бесперебойно подавали порожняк, быстро отправляли груженные вагоны.

Бюро горкома рекомендовало руководству порта широко популяризировать опыт ижорцев. Крайком партии нас поддержал. Тогда примеру второго района последовал первый район порта. Здесь также тщательно продумали порядок скоростной разгрузки судов, разъяснили его грузчикам. Заместитель секретаря крайкома Шнуренко, а также Щеголев, Скубко и другие работники крайкома, горкома и Фрунзенского райкома партии постоянно находились в порту, помогали мобилизовать людей на ударный труд. Начальник района Потурнак и секретарь партбюро Пронин лично руководили разгрузкой. И вот результат: 6840 тонн грузов с парохода «Менделеев» были выгружены в течение 32 часов, а стоянка парохода в порту сокращена на 230 часов. Только что завоеванный на «Ижоре» всесоюзный рекорд был побит.

Газеты и радио подробно и ярко освещали ход социалистического соревнования, победы портовиков. Агитаторы в своих беседах рассказывали о примерах трудового энтузиазма и образцовой работе лучших производственников.

Но вот 26 мая коллектив второго района устанавливает новый рекорд. Он освободил трюмы парохода «Находка», в которых было более 8000 тонн грузов, за 36 часов. Срок стоянки судна под разгрузкой сократился на 11 с половиной суток. И это оказалось не пределом. 30 мая второй район поставил мировой рекорд скоростной выгрузки: 9600 тонн за 41 час! Стоянка судна была сокращена на 327 часов.

Примеру второго и первого районов последовал четвертый. Скоростным методом были разгружены пароходы «Ереван», «Псков», «Десна», «Брянск».

Производительность труда грузчиков и механизаторов достигла небывалых показателей. Бригада Чуракова выполнила нормы на 535 процентов, бригада Никифорова — на

586, Кожина — на 590, а Казарина — на 610 процентов. За 40 дней работы в мае и июне портовики сократили срок стоянки только восьми судов на 85 суток!

Настало время подытожить небывалые успехи портовиков, проанализировать их, изучить опыт, чтобы взять его на вооружение в дальнейшем. Ведь поток грузов во Владивосток непрерывно возрастал, вопрос о напряженной работе порта и железнодорожного узла не снимался с повестки дня.

Портовики основательно подготовили и с большим практическим результатом провели производственно-техническую конференцию. Начальники районов доложили о работе своих коллективов, а секретарь парткома Беляев — о роли партийных, профсоюзных и комсомольских организаций в комплексном соревновании. В конференции участвовали моряки, железнодорожники, представители общественных организаций.

Метод комплексного соревнования и скоростной выгрузки получил единодушное признание. Решено было широко внедрять и расширять прогрессивный опыт.

Достижения приморцев, их самоотверженный труд получили высокую оценку партии и правительства. Около 2000 моряков Дальневосточного бассейна, в том числе 329 работников торгового порта, за успешное выполнение заданий по доставке и обработке грузов для нужд фронта и народного хозяйства были награждены орденами и медалями. Вымпелом Государственного Комитета Обороны был отмечен теплоход «КИМ», переходящие вымпелы Наркомата морского флота вручены морякам «Аскольда», «Ташкента», «Войкова», «Пскова», «Белгорода».

Получили награды железнодорожники и энергетики Приморья. А Дальзавод в связи со своим шестидесятилетием был награжден орденом Ленина. Орденов и медалей удостоена большая группа рабочих завода.

Теперь, когда Приморский край успешно выполнял постановление ЦК партии о работе промышленности края, на очередном пленуме крайкома намечалось обсудить вопрос о ликвидации запущенности городского коммунального хозяйства, о чем также говорилось в постановлении ЦК.

В этом отношении удалось кое-чего добиться. Хотя мы и были на грани войны с Японией, но люди, воодушевленные победой в Великой Отечественной войне, уверенно смотрели в будущее, твердо знали, что скоро наступит мир-

ная жизнь. Владивостокцы стремились прибрать, украсить, благоустроить свой город. Окончив трудовой день, рабочие, служащие, моряки, солдаты выходили ремонтировать мостовые, тротуары, трамвайные пути. От них не отставала молодежь — студенты, школьники. Всем находилась работа, принимали в ней участие и секретари, члены бюро горкома партии.

С увлечением взялись жители за озеленение города. В скверах и парках появилось много новых клумб и газонов. На голых улицах поднялись аллеи молодых деревьев, протянулись пестрые цветники. Только в мае — июне владивостокцы посадили 42 тысячи деревьев и кустарников. На старом Семеновском базаре строился стадион.

Как-то в первых числах июля зашел ко мне Владимир Андреевич Молоков.

— Февраль — 472 тысячи, март — 812, апрель — 668, май — 2506 тысяч, — прочитал он и поверх очков поглядел на меня.

— Столько пассажиров перевезли наши трамваи, — пояснил Владимир Андреевич.

Отлично! На следующий день эти цифры были опубликованы в газете «Красное знамя».

Наступил день открытия пленума крайкома, на котором обсуждался наш отчет о благоустройстве города. Настроение было приподнятое. Ведь если за четыре предыдущих года объем работ по благоустройству города составил 5 миллионов рублей, то лишь за пять месяцев 1945 года было освоено уже 5400 тысяч. Переправа на Чуркинский мыс налажена, «трамвайная проблема», можно сказать, решена, здания ремонтируются, улицы озеленяются...

Об этих достижениях я и говорил преимущественно в своем докладе. Это был явный просчет. И критика, которую потом пришлось выслушать в прениях, была подобна ушату холодной воды. Товарищи неопровержимо доказали, что сделано еще мало, что многие возможности не используются. Справедливая критика помогла нам разработать и принять еще ряд серьезных мер по развитию коммунального хозяйства города и его благоустройству, по улучшению культурно-бытового обслуживания трудящихся.

Главной задачей в то время по-прежнему оставалось укрепление местной противовоздушной обороны. Командные пункты МПВО переводили в укрытия скального типа, их электрифицировали, оборудовали средствами связи и

оповещения, строили убежища, рыли щели для населения, подбирали дополнительные помещения под хлебопекарни, разыскивали и чистили заброшенные колодцы. Формирования МПВО укреплялись кадрами, проводились тренировочные сборы всех служб и команд. К учениям по местной противовоздушной обороне широко привлекалось население.

По примеру Севастополя и других фронтовых городов нашей страны на предприятиях и в учреждениях создавались вооруженные отряды коммунистов и комсомольцев. Они несли охрану предприятий, вместе с милицией и моряками патрулировали город. Четверть состава отрядов находились на казарменном положении.

К сожалению, проявлялись и настроения шапкозакидательства. Некоторые говорили: «К чему такая тщательная подготовка? Зачем нужна светомаскировка? К чему затрачивать столько сил и средств, если кругом сосредоточивается столько войск и военной техники?» Как дорого обошлась стране подобная близорукость некоторых руководителей накануне Отечественной войны!

Я записал тогда:

«Переключаюсь исключительно на мобилизационные вопросы и МПВО. Решаем вопросы на случай боевых действий: о снабжении водой, хлебом, электроэнергией; об укрытиях, эвакуации, создании вооруженных отрядов коммунистов и комсомольцев. Беседуем с каждым руководителем в отдельности... Просматриваю все севастопольские материалы. Все, что может пригодиться для обороны города, стараюсь учесть. Руководящий состав подтягивается, принимает все серьезно».

Во всех городских организациях, на предприятиях и в учреждениях, в штабах МПВО было установлено круглосуточное дежурство ответственных работников. Руководящим работникам города, районов, предприятий и учреждений запрещено было без разрешения отлучаться из Владивостока.

А тем временем через Сибирь непрерывным потоком двигались на восток воинские эшелоны. На вагонах бойцы писали: «Смерть японским самураям!» Войска рассредоточивались по границе с Маньчжурией и вместе с дальневосточными гарнизонами готовились к ликвидации последнего очага мировой войны. Не терял времени и Тихоокеанский флот. Срок осуществления соглашения, принятого на

Ялтинской конференции руководителей трёх держав, приближался.

Японская военщина чувствовала наступление роковых для нее дней. Дипкурьеры то и дело шныряли по железной дороге из Владивостока в Москву и обратно, проявляя повышенный интерес к массовому передвижению наших войск и боевой техники. Сотрудники японского консульства стали чаще появляться на улицах города.

«По-видимому все станет ясно в первые дни августа», — написал я в своей записной книжке. Далее идут такие записи:

«22.VII. Ввели частичную светомаскировку на судах Госморпароходства, Главвостокрыбпрома... Постепенно выключаем уличные огни, устанавливаем глубокие колпаки на фонарях.

23.VII. Проверяем, как будут пользоваться предприятия, учреждения и население водой без Седанского водопровода.

26—28.VII. Выключаем полностью Седанку... Пользуемся водой только из водокатек железной дороги, Мингородка, из колодцев. Готовимся к камуфляжу...»

27 июля стало известно, что главы государств Китая, Соединенных Штатов Америки и Англии обратились к Японии с ультиматумом, требуя от нее немедленной и безоговорочной капитуляции. Япония ответила отказом.

В тот же день командующий флотом адмирал И. С. Юмашев пригласил к себе меня и председателя горисполкома В. А. Молокова. У него в кабинете были член Военного совета флота генерал-лейтенант С. Е. Захаров, начальник штаба вице-адмирал А. С. Фролов и начальник Политического управления генерал-майор А. А. Муравьев. Командующий попросил нас подробно рассказать о подготовке города на случай, если начнется война с Японией. Члены Военного совета внесли ряд конкретных предложений, главным образом касающихся местной противовоздушной обороны, обслуживания нужд флота в условиях войны, эвакуации детей и женщин.

— Учтите, что все может начаться в ближайшие дни, — сказал в заключение адмирал Юмашев.

Несколько раз приглашали нас тогда и секретари крайкома Николай Михайлович Пегов и Николай Владимирович Семин. Главной темой бесед была работа промышленности и транспорта в условиях войны, обслуживание флота, работа с населением, МПВО, эвакуация. С началом войны можно

было ожидать сильной бомбежки. В памяти у меня всплывали дни обороны Севастополя — массовые разрушения, жертвы...

Собрав членов бюро и заведующих отделами горкома, секретарей райкомов, я передал содержание бесед в крайкоме и Военном совете. Мы вновь возвращались к одному и тому же: не забыли ли чего важного, все ли предприняли на случай войны?

Сильно тревожило то обстоятельство, что в городе, особенно в его центральной, густо населенной части, оставалось еще много детей, женщин, стариков. Секретарь горкома партии Макаров, секретарь горкома комсомола Кашкин вместе с представителями горздравотдела и гороно не раз выезжали в пригороды Владивостока, подбирая помещения для тех, кто будет эвакуирован.

Правда, еще весной тысячи детей были отправлены в пионерские лагеря, которых в том году было создано чуть ли не вдвое больше, чем в предыдущем. За городом находилось и большинство детских учреждений. Женщинам с детьми настойчиво советовали выезжать в районы Приморья или даже за пределы края.

Несколько раз вместе с генерал-лейтенантом Захаровым, начальником гарнизона контр-адмиралом Федоровым, командующим ПВО генерал-майором Суворовым, генерал-майорами Жилиным и Жидиловым, комендантом города подполковником Горбенко, мы собирались, проверяя готовность к обороне. В те дни особенно много военных бывало в горисполкоме. Подбирали помещения для госпиталей, для размещения частей, определяли запасы донорской крови, объем поставок необходимых материалов.

Приближалось восьмидесятипятилетие со дня основания Владивостока, и решено было тщательно готовиться к этому юбилею. Широко развернулась подготовка к дням железнодорожника и физкультурника, к встрече демобилизованных воинов Красной Армии, которые уже были в пути. Много занимались благоустройством. Эти задачи сами по себе имели значение, но одновременно помогали нам несколько замаскировать усиленную подготовку флота и города к войне с Японией и отчасти сбить с толку чересчур любопытных дипломатов.

Забегая вперед, скажу, что момент начала наступления наших войск, по крайней мере для японских дипломатов, оказался неожиданным. Они видели нашу подготовку к вой-

не чувствовали это на каждом шагу, но не смогли предугадать начало наступления. Этому в какой-то мере способствовала та шумиха, которую мы подняли вокруг юбилея города.

Владивосток с каждым днем выглядел все краше. Но на нашу беду, в самом начале августа прошли ливни, и на улицы из-за неисправности ливнестоков хлынули бурные потоки воды, нанешие камни, мусор. Ох уж эти владивостокские ливнестоки!.. Работы добавилось.

А тем временем моряки доставляли все больше грузов во Владивосток. Портовики и железнодорожники ежедневно отправляли составы всевозможных грузов для снабжения армий, сосредоточенных на границе.

7 августа во Владивостоке был еще один большой праздник, не предусмотренный календарем. В тот день в город прибыл эшелон с первой группой демобилизованных воинов — дорогих наших защитников, славных победителей.

Привокзальная площадь была затоплена нарядной, пестрой толпой. Владивостокцы вышли сюда семьями, с пышными букетами цветов. Думаю, каждый, кто был тогда на площади, пережил счастливое, глубокое чувство полного душевного слияния со всеми окружающими. Тысячи сердец бились, как одно. Тысячи глаз смотрели неотрывно в ту сторону, откуда должен был показаться дымок паровоза. Едва он появился из-за поворота, как тысячи уст одновременно выдохнули: «Идет!» Музыканты грянули туш. «Ура!» — неожиданно раздался высокий женский голос. «Ура! Ур-ра!» — немедленно подхватила вся площадь. Из окон поезда тоже махали, тоже кричали что-то. Каждого солдата, выходящего из вагона, подхватывали на руки, засыпали охапками цветов. Просто удивительно было, как матери, жены, сестры ухитрялись найти в этой радостной толкотне своих близких, протиснуться к ним и наконец-то припасть к родной груди...

— Вот вы и вернулись, родные! Спасибо вам за ваш подвиг — так или почти так заканчивалось каждое выступление на митинге в честь возвращения наших воинов.

Ответное слово держал сержант Доценко:

— Наша победа была бы невозможной без крепкого тыла, — говорил он. — Вы отдавали все силы, чтобы снабдить нас первоклассным оружием. А мы старались использовать это оружие как можно лучше...

Я неотрывно смотрел на людей, плотно окруживших трибуну. Наверное, никогда еще этой площади не приходилось вмещать столько счастья сразу. Я видел солдата средних лет,

загорелого дотемна. Он был весь прямо-таки обвешан ребятами. Рожицы сияют, и мать тоже рядом, улыбается, а слезы льются градом. А рядом пожилая женщина крепко держит за рукав гимнастерки высокого молодого солдата, будто боится, что он опять уйдет. По ее щекам катятся счастливые слезы, и она не утирает их.

Видел и другие слезы... Припав головой к чугунной ограде, навзрыд плакала молодая женщина. Ей уже некого было встречать. Смертоносными, разрушительными были битвы на фронтах Великой Отечественной войны. Советский народ вышел победителем. Наши солдаты, все советские люди горели желанием вновь приступить к мирному созидательному труду. Но, чтобы не допустить огромного кровопролития здесь, на востоке, предстояло вступить в новый бой.

Обстановка накалялась день ото дня. Даже неопытному в военном отношении глазу было видно, что войска и флот только ожидают сигнала. Боевые корабли, береговая оборона находились в полной готовности, в авиачастях, в частях противовоздушной обороны близ Владивостока было сосредоточено огромное количество военной техники.

Сотрудники японского консульства наверняка неплохо разбирались в военном деле. Во всяком случае, они усиленно интересовались такими районами города, где им совершенно нечего было делать. Невозмутимое, равнодушное выражение их лиц никого не могло обмануть: японцы нервничали. Все больше появлялось дипкурьеров. Все чаще летели в эфир радиogramмы консульства.

В своей записной книжке я сделал такую запись: «По всем данным, на днях начнутся военные действия... Ведем большие работы по маскировке домов, нефтебазы, рассредоточению судов, затемнению. Составляем и просматриваем планы на случай военных действий».

8 августа днем нас с Молоковым пригласил к себе Н. М. Пегов. Владимир Андреевич нагнал меня у входа в крайком. Глаза его за стеклами очков возбужденно блеснули.

— Неспроста обоих в одно время вызвал... Как думаешь?

Ничего, собственно, странного в этом не было. Но все мы в те дни находились в таком напряженном ожидании близких решающих событий, что придавали значение каждому, даже незначительному, факту.

Молоков не ошибся. Войдя в кабинет Пегова, мы сразу поняли, что разговор будет необычный. Николай Михайлович встал из-за стола, не предлагая нам сесть:

— Война начнется сегодня ночью. Расскажите о готовности города.

Докладывая, я мысленно оценивал сделанное и вновь перебирал в памяти: все ли предусмотрено, что можно и нужно сделать в оставшиеся часы?

— А как вы смотрите на то, чтобы не вводить в городе угрожаемое положение и светомаскировку до начала наступления? Не выключить ли свет прямо с электростанции, когда штаб флота даст команду? — спросил меня Николай Михайлович. — Ведь вы, кажется, так сделали в Севастополе?..

— Я как раз хотел предложить это.

— Ну что ж, желаю успеха. Зайдите в Военный совет и... Как это говорят моряки, когда необходимо привести все в полную готовность?

— Все на -товсь!

— Ну так вот: все на -товсь!

В Военном совете Иван Степанович Юмашев и Семен Егорович Захаров рассмотрели наше предложение со всех сторон.

— Сколько понадобится времени для выключения света по всему городу?

— От момента сигнала до полного затемнения — не больше пяти минут.

— Это, кажется, нас устраивает? — спросил командующий вице-адмирала Фролова.

— Вполне. Быстрее, чем за семь-восемь минут, японские самолеты не смогут достигнуть Владивостока... Это с самых ближайших аэродромов.

Иван Степанович тоже был возбужден. То и дело вставал и ходил по кабинету.

— Люди расставлены? Надежные?

— Все будет в порядке.

— Ну, тогда счастливо, — заключил командующий. — Остальное увязывайте с начальником гарнизона контр-адмиралом Федоровым, с командующим ПВО... Ну, а если что, то прямо к нам.

— Да, да. Не стесняйтесь, — подтвердил вице-адмирал.

Командующий флотом, член Военного совета и начальник штаба крепко пожали нам руки.

Я слушал Пегова, Юмашева, отвечал на их вопросы, говорил с Молоковым, а мысли то и дело возвращались к Севастополю, к тем дням, когда мы готовили и держали оборону.

Сравнивал обстановку, все обстоятельства там и тут, соображал, что еще может пригодиться из опыта города-героя.

Вернувшись в горком партии, я вызвал секретарей, ведущих отделами горкома, секретарей райкомов. Через полчаса все были в сборе. Так же как давеча мы с Молоковым, каждый догадывался, в чем дело. Екатерина Ивановна Ванакс, всегда собранная, энергичная, словно еще строже подтянулась. Фомичев, видимо не раз все взвесивший и продумавший, сосредоточенно и спокойно ждал сообщения. Дудоров и Щеголев переговаривались вполголоса, и я уловил, что речь идет о светомаскировке.

Как ни готовы были товарищи к тому разговору, ради которого они собрались, каждый изменился в лице, когда я рассказал о нашей беседе с товарищами Пеговым и Юмашевым. Трудно сказать, что в большей степени отразили их лица: тревогу или, напротив, чувство облегчения. Кто-то даже произнес:

— Наконец-то...

Да, наконец. Мы ведь знали, что это неизбежно. Я рассказал товарищам, что кому нужно делать сейчас и когда «это» начнется. Предупредил о необходимости строго соблюдать тайну и всю подготовку вести под видом учения. Разговор был недолгий: дорожили временем.

Затем мы собрали руководителей основных предприятий Владивостока. Пришли начальник управления Морского пароходства Мезенцев и начальник политотдела Пелипенко, директор Дальзавода Рудяк и секретарь парткома Муленков, начальник торгового порта Передерий и секретарь парткома Беляев, начальник отделения железной дороги Гулько, управляющий Дальэнерго Белов... Люди, которые приложили столько усилий, чтобы поднять, вывести в передовые доверенные им важнейшие предприятия и участки промышленности. Теперь надо было позаботиться о защите их от возможного разрушения.

— На девять вечера назначьте у себя на местах производственно-технические совещания. Проследите, чтобы присутствовал весь руководящий состав. Совещания не заканчивайте, ждите нашего звонка. Все работники МПВО ваших объектов должны быть на местах. Проверьте их, если надо, усиьте охрану. Еще раз просмотрите планы...

Я говорил скупое. В такие минуты важно было направить внимание людей на конкретное, основное, поставить четкие задачи.

— Все понятно, товарищи?

— Все...

Расходились быстро и молча. Впереди была ночь, которой суждено стать вехой в истории.

С Павлом Кашкиным я задержался. Говорили о том, какую роль в предстоящих событиях должны сыграть городские комсомольцы и он сам, их вожак. Павел по-военному подтянулся и хрипловатым голосом произнес:

— Все ясно. Сейчас же приступим.

— Только без шума, без суеты.

— Есть без шума и суеты!

Молоков уже проинструктировал своих заместителей, ведущих отделами, председателей райисполкомов. Они с начальником штаба МПВО майором Попченко давали распоряжения начальникам служб штаба и объектов. Посоветовавшись, мы поручили выключить свет по сигналу командования самому управляющему Дальэнерго Николаю Семеновичу Белову.

— Не беспокойтесь. Будет выполнено, — ответил он.

Я не беспокоился. За год работы во Владивостоке убедился в дисциплинированности и исполнительности Белова. Через несколько минут он сообщил:

— На полное выключение света по городу и его окрестностям с момента подачи команды потребуется четыре минуты. Все точно рассчитано...

Договорились с Молоковым встретиться через полчаса в штабе МПВО. Когда я остался один, можно было подумать о семье. Хорошо, что они сейчас на даче, как и семьи многих владивостокцев... Но так хотелось именно сейчас повидать их! Слишком хорошо я знал, что такое война с воздуха, что может ожидать каждого из нас через несколько часов. С этой мыслью отворил дверь своей квартиры и... не сразу опомнился от изумления. Мне навстречу выскочил Валерик, за ним торопилась жена, Людмила Ивановна.

— Вот и хорошо, пообедаем вместе! — обрадовалась она.

— Почему вы в городе?

— У Валерика сильный кашель. Надо показать врачу. А ты разве уже пообедал?

— Нет, некогда. Да и вам надо поторапливаться, чтобы засветло вернуться на дачу.

— Мы до утра останемся в городе. Сегодня день моего рождения... А ты и не поздравил, — упрекнула жена.

— Извини меня, не обижайся. Замотался совсем. Но вам надо обязательно уехать через час — полтора.

— А что такое?

— Ничего особенного...

Она не стала расспрашивать. Мы простились — я торопился в штаб. Жена, показав сына врачу, прямо из поликлиники уехала на дачу.

— Мне все было ясно, — сказала она при новой встрече, уже после того, как началась война с Японией. — Твой тон и вид были такими, как в первую ночь войны, в Севастополе...

Я, действительно, заново переживал памятный июньский день 1941 года.

На КП города работники штаба и начальники служб МПВО уже были в сборе. Система МПВО разворачивалась по-деловому, организованно. На КП перевозились наиболее важные документы горкома партии и горисполкома.

Вместе с Молоковым поехали по районам. На командных пунктах нас встречали начальники и комиссары МПВО, то есть председатели райисполкомов и секретари райкомов. Рапортовали четко, по-военному, но волнение людей все-таки пробивалось наружу. Ожидали, готовились к тому, что японская военщина будет бомбить город. Все формирования МПВО и многие работники партийных, советских и комсомольских органов были переведены на казарменное положение. По всему городу проверялась готовность убежищ.

Как и всегда по вечерам, работали кинотеатры, драматический театр, светились витрины магазинов и окна домов. Ночь надвигалась мягкая, теплая. На улицах гуляло много народу. Лишь боевые корабли и суда Морского пароходства заметно притушили огни. Больше было постов милиции и краснофлотских патрулей, но это в глаза не бросалось.

В двенадцатом часу ночи мы доложили крайкому о готовности Владивостока. Николай Михайлович Пегов связался с Маршалом Советского Союза Кириллом Афанасьевичем Мерецковым, который командовал 1-м Дальневосточным фронтом, проинформировал его о принятых мерах. Затем Пегов говорил с адмиралом Юмашевым. Из их разговора я понял, что командующего продолжает беспокоить Владивосток.

Шел первый час ночи. Мы с Молоковым в крайкоме ждали сигнала. Время от времени звонили на КП, справляясь, нет ли чего нового. В кабинет Пегова то и дело заходили работники крайкома.

Стало душно. Открыли окна. Слышны были гудки паровозов, буксиров, судов. В торговом порту выгружали прибывшие грузы. Работала ночная смена Дальзавода.

На кораблях отбили полсклянки. Половина первого...

О чем только не передумали тогда! За выключение света я не волновался. Все было отработано хорошо. Тревожило другое: уж очень много оставалось в городе детей и женщин. Надо было по тревоге быстро всех укрыть, а днем постараться двадцать — тридцать тысяч человек вывезти в пригороды.

— Уже скоро час, — вздохнул Пегов. Он снял трубку и попросил командующего флотом: адмирал Юмашев ответил, что с минуты на минуту ждут сигнала. Мы немедленно предупредили об этом майора Попченко и Белова.

Стрелки больших часов, стоявших в кабинете, как будто совсем остановились, а тиканье маятника слышалось все громче и невыносимее. Час пятнадцать... Час двадцать... Час двадцать пять.

В половине второго раздался звонок. Я быстро снял трубку.

— Сигнал принят! — послышался тревожный голос Попченко.

— Сигнал принят! — произнес я.

Все поднялись. Николай Михайлович снял телефонную трубку...

Только успели выйти из кабинета — свет в здании крайкома погас. Из окна было видно, как город, район за районом, погружается в темноту. Через две-три минуты мы уже были на КП, который находился рядом. Штабы районов и вышковые то и дело сообщали, как идет затемнение. Лишь кое-где появлялись вспышки огоньков в окнах: жители, не зная о причине выключения света, зажигали лампы, свечи.

— Хорошо, четыре минуты! — позвонил на КП командующий флотом.

— Как получилось? — через минуту спрашивал по телефону управляющий Дальэнергo Белов.

— Только что звонил Иван Степанович: четыре минуты — и похвалил. Передайте об этом всем товарищам.

Через майора Попченко мы объявили благодарность всем, кто обеспечил своевременное принятие сигнала и выключение света. В штабы районов и объектов передали, что в городе введено боевое угрожаемое положение; вся система

МПВО города, района, объектов немедленно должна быть приведена в боевую готовность.

Началось!.. Люди спешили на предприятия, в учреждения, на корабли, с синими огнями мчались машины. Телефоны звонили непрерывно...

В четвертом часу по звонкам от военных и из Москвы — там был девятый час вечера — мы узнали о переданном по радио Заявлении Советского правительства правительству Японии. Это Заявление во Владивостоке слушали лишь в шесть часов утра: наша радиостанция не работала и прозевала передачу. Казалось, все предусмотрели, а вот вышло, что нет.

«Учитывая отказ Японии капитулировать, — говорилось в Заявлении, — союзники обратились к Советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира.

Верное своему союзническому долгу, Советское правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года.

Советское правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

Ввиду изложенного Советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9-го августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

О Заявлении правительства мы сразу же оповестили райкомы, штабы МПВО, руководителей предприятий и учреждений. Бюро горкома приняло постановление «О мероприятиях в связи с вступлением СССР в войну с Японией». Райкомам партии и первичным партийным организациям предлагалось провести митинги с разъяснением Заявления Советского правительства. Поставили задачу: перестроить всю работу предприятий, учреждений, партийных, советских и комсомольских организаций на военный лад, мобилизовать все силы на помощь фронту, на повышение бдительности, на образцовую работу служб МПВО.

В эту ночь противник не отважился бомбить Владивосток.

Раньше, чем обычно, вышли утром рабочие и служащие на работу. Везде до начала дневных смен собрались митинги.

Особенно многолюдным был митинг на Дальзаводе. С большим волнением слушал я выступления рабочих.

— Мы давно ждали этого момента, и наконец он настал, — заявил мастер Панасенко. — Разве мы когда-нибудь забудем, как в годы гражданской войны японская военщина пыталась вырвать из наших рук власть, как зверски расправлялась она с нашими людьми! На ее совести и замученный председатель первого Совета Константин Суханов, и заживо сожженный в паровозной топке командир партизанских отрядов Сергей Лазо. А был ли год, когда мы могли быть спокойны за неприкосновенность наших границ?!

Пришла пора рассчитаться. Мы должны считать себя мобилизованными и всеми средствами помогать нашей Красной Армии и Военно-Морскому Флоту выполнить миссию, возложенную на них Родиной.

— Пусть Япония знает, что сейчас не 1905 год и что она имеет дело не со старой царской Россией, а с могучим Советским Союзом, — сказал старейший мастер завода Шаропов.

— Мы должны обеспечить Тихоокеанскому флоту возможность наносить быстрые и грозные удары по врагу, — призывал ветеран труда мастер Авдюков.

Прошли митинги тружеников торгового и рыбного портов, завода «Металлист», предприятий железнодорожного узла, моряков пароходства, матросов боевых кораблей, воинских частей и подразделений, расположенных во Владивостоке. Рабочие объявляли себя мобилизованными, встали на фронтовую вахту.

Вышли газеты с приказом командующего Тихоокеанским флотом адмирала Юмашева. В нем говорилось, что с 9 августа на территории города Владивостока, а также в ряде других городов объявляется военное положение; что все органы государственной власти, государственные, общественные учреждения, организации и предприятия обязаны оказывать полное содействие военному командованию в использовании сил и средств для нужд обороны страны и обеспечения общественного порядка и безопасности. Предлагалось ввести полную светомаскировку, воспрещалось уличное движение с двенадцати часов ночи до пяти утра для лиц и транспорта, не имеющих специальных пропусков.

Военный совет флота призывал всех граждан поддерживать полный порядок и спокойствие, повысить бдительность, соблюдать трудовую дисциплину, оказывать всяческое содей-

ствии Красной Армии и Военно-Морскому Флоту в выполнении стоящих перед ними задач.

В то же утро во Владивостоке было опубликовано и обращение командующего 1-м Дальневосточным фронтом Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова.

Горком партии и городской Совет по радио обратились к населению города с призывом отдать все силы на помощь фронту, соблюдать спокойствие и порядок. Всем, кто не был связан с работой, рекомендовалось эвакуироваться за пределы города. Одновременно руководителям городских и районных организаций были даны указания обеспечить эвакуированных жильем, продовольствием и врачебной помощью, предоставить транспорт.

К железнодорожным станциям, за город, на грузовых машинах и автобусах, с чемоданами и узлами двигались тысячи владивостокцев, главным образом женщины и дети. С утра везде рыли щели, приспособляли под укрытия подвалы. Кто знал, сколько времени продлится война с Японией? Красили в темные цвета здания заводов, заклеивали полосками бумаги окна, переводили в укрытия оборудование некоторых предприятий. На станции переливания крови, не дожидаясь вызовов, приходили доноры. Каждую минуту их кровь могла понадобиться для спасения раненых.

На улицах появились краснофлотские патрули. Вместе с милицией и краснофлотцами порядок охраняли вооруженные коммунисты и комсомолы. У подъездов домов дежурили бойцы МПВО.

Комсомолы и пионеры следили за соблюдением светомаскировки, помогали эвакуировать женщин и детей, учились тушить зажигалки.

Все это было так знакомо мне...

Днем состоялось собрание городского партийного актива. Доклад о задачах городской парторганизации в связи с войной сделал секретарь крайкома партии Н. М. Пегов. Сразу же после собрания большинство работников крайкома и крайисполкома выехали в города и районы края для оказания помощи местным организациям.

В полдень я зашел в Политуправление флота к Анатолию Алексеевичу Муравьеву. Он заканчивал инструктаж политработников кораблей, уходивших на выполнение боевых заданий. Освободившись, Анатолий Алексеевич рассказал:

— Ты знаешь, что три дня назад американцы сбросили на Японию атомную бомбу. Разрушен город Хиросима, погибли

тысячи мирных жителей. А сегодня — еще бомба. Еще десятки тысяч убитых, калек... Для чего это нужно? — возмущался генерал. — Все равно с нашим вступлением в войну судьба Японии предрешена...

— А что слышно с фронта?

— Войска всех трех фронтов перешли в наступление. Начали боевые действия флот, Амурская Краснознаменная и Северная Тихоокеанская флотилии. Японцы везде застигнуты врасплох. Наступление развивается успешно...

В городской и районные военкоматы приходили мужчины, юноши, женщины и девушки, просили направить их на фронт. В числе подавших заявления было много коммунистов и комсомольцев. Комсомольцы приходили в райкомы и горкомы целыми группами.

Ко мне зашел секретарь горкома комсомола Павел Кашкин:

— В Ленинский райком пришла группа девушек-комсомолок из ремесленного училища № 5, просят направить их на фронт. В райкоме им заявили, что в этом нет необходимости. Они пришли к нам, в горком. Наши разъяснения тоже не помогли. Продолжают настаивать...

Я попросил переговорить с юными патриотками заведующего отделом пропаганды и агитации горкома партии Матвея Алексеевича Акайкина. Посоветовал сказать девушкам, что при первой же необходимости их просьба будет удовлетворена. Но и это не помогло. Отправились в крайком комсомола.

В своем заявлении в крайком девушки писали:

«Мы были в Ленинском райкоме и Владивостокском горкоме ВЛКСМ, где убедительно просили послать нас в ряды действующей героической Красной Армии, но нам везде говорят одно и то же: учтем вашу просьбу. А мы ждать не можем. Ведь мы комсомолки и имеем право сражаться с ненавистным врагом. Помогите нам. Мы будем сражаться стойко и не опозорим знамя трижды орденоносного Ленинского комсомола».

Я видел этих девушек — совсем еще молоденьких, шестнадцати-семнадцати лет. Они были очень удручены, когда и в крайкоме комсомола им сказали то же самое. Я утешал их, советовал набраться терпения и подождать.

Девушки оказались удивительно настойчивыми. Позже они пытались попасть на фронт через военкомат. Когда же и там получили отказ, переключились на сбор подарков

фронтовикам, дежурили в госпиталях, работали в командах МПВО и все заслужили благодарность от командования. Я очень сожалею, что не записал фамилии этих девчат.

Вечером город погрузился в темноту и тишину. На КП подводились итоги работы в первый день войны. Слушали доклады секретарей райкомов и председателей райисполкомов.

На предприятиях новые отряды рабочих вставали на фронтовую вахту. На Дальзаводе бригада судосборщиков орденоносца Фаткулина на одном из важных объектов закончила работу намного раньше срока. Во втором районе торгового порта бригада грузчиков Майданюка выполнила дневное задание на триста процентов, а в третьем районе бригада Лобашова — на двести сорок. Рабочие паровозного депо, чтобы выполнить фронтовой заказ, трудились с утра до трех часов ночи. Только из торгового порта железнодорожники отправили за сутки триста сорок восемь вагонов различных грузов, большинство их предназначалось фронту.

Какие выводы можно было сделать после первого дня войны с Японией? Наши войска, моряки флота успешно вели наступление. Трудящиеся Владивостока и всего края проявили выдержку, высокий патриотизм, дисциплину, все силы отдавали на помощь фронту. Коммунисты, как всегда, были в первых рядах воинов и труженников тыла.

Наступила вторая ночь войны с Японией. Как и накануне, во Владивостоке все были настороже. С минуты на минуту ждали налета японских бомбардировщиков.

Вместе с Молоковым мы вновь побывали во всех районах города. Предварительные тренировки сыграли свою роль. Затемнен Владивосток был хорошо, хотя жизнь кипела повсюду. Дальзаводцы вели срочные работы на боевых кораблях, в торговом порту суда готовились к участию в военных операциях, по соседству сосредоточивались предназначенные для морских десантов войска.

Вторая военная ночь тоже прошла спокойно, если не считать стрельбы зениток, ставивших заградительный огонь. Позднее оказалось, что тревога была напрасной. Это появились в воздухе наши самолеты, сбившиеся с курса.

Утром 10 августа мы слушали сводку Совинформбюро. Советские войска 9 августа пересекли границу на широком фронте Маньчжурии, в Приморье, в районе Хабаровска, в Забайкалье. «В общем за 9 августа,— говорилось в сводке,— наши войска продвинулись от 15 до 22 километров».

Райкомы провели совещания секретарей парторганизаций об очередных задачах в связи с войной. Вечером, по окончании рабочего дня, с этой же повесткой прошли партийные собрания. Коммунисты единодушно заверяли Центральный Комитет партии и Советское правительство, что отдадут все силы на борьбу с врагом.

Эти слова подтверждались делами. В горкоме и райкомах находились лишь дежурные, все остальные начинали и кончали рабочий день на предприятиях, помогая перестраивать работу на военный лад. Секретари райкомов докладывали, что вооруженные отряды коммунистов и комсомольцев укомплектованы, четвертая часть личного состава находится на казарменном положении.

— Несколько сот комсомольцев просят послать их на фронт, — заявил Павел Кашкин. — Я тоже в их числе.

— Здесь ты не менее нужен, — ответил я. — И комсомольцы пусть пока работают. Потребуются — скажем.

Много забот было у Матвея Алексеевича Акайкина, у всех работников отделов пропаганды и агитации горкома и райкомов, у секретарей парторганизаций. Население хотело знать, что происходит на фронте, как воюет наш флот. Агитаторы по два-три раза в день проводили беседы и читки газет. В городском агитпункте, открывшемся в помещении парткабинета, с утра до ночи было полно народу. Лектор, докладчик, агитатор, каждый житель Владивостока мог получить необходимую консультацию, справку, послушать лекцию, прочесть свежую газету, узнать последние новости с фронта, получить плакаты, листовки, тексты лозунгов.

Репродукторы не выключались. Все жадно ловили каждое новое сообщение с фронта. Газеты «Красное знамя» и «Боевая вахта» были нарасхват.

Всюду чувствовалась уверенность людей в безусловной и быстрой победе над врагом. А когда 11 августа стало известно, что японское правительство заявило о своей готовности принять условия Декларации союзников от 26 июля, среди населения и даже у отдельных руководящих работников появилось настроение благодушия. Кое-где ослабили внимание к светомаскировке, стали возвращаться в город эвакуированные, пошли разговоры, что войне конец.

Зная повадки врага, мы немедленно дали партийным организациям указание повысить бдительность, развенчивать демобилизационные настроения, возвращающихся из эвакуации отправлять обратно, усилить наблюдение за светомаскиров-

кой. Пропагандисты и агитаторы разъясняли населению, что война еще не окончена и меры предосторожности крайне необходимы.

Военные действия продолжались. Наши войска с боями продвигались вперед, в глубь Маньчжурии и Кореи. Успешно вели операции корабли и части Тихоокеанского флота. 10 августа торпедные катера 1-й бригады, которой командовал капитан 2-го ранга Кухта, в корейском порту Расин потопили четыре транспорта противника, а в порту Сейсин — семь. Моряки-тихоокеанцы с боем овладели японскими базами в Корее — морскими портами Юки и Расин. Японцы потеряли еще два миноносца и четырнадцать транспортов. При налете на Расин младший лейтенант-тихоокеанец Михаил Янко повторил подвиг капитана Гастелло. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В десантных операциях отличился разведывательный отряд моряков Героя Советского Союза североморца старшего лейтенанта Леонова.

15 августа в корейский порт Сейсин была высажена 13-я бригада морской пехоты, насчитывавшая пять тысяч бойцов. 16-го прибыл новый десант, и город был полностью очищен от японцев. В тот же день в Сейсин вошли части 1-го Дальневосточного фронта.

В боевых операциях тихоокеанцев активное участие принимали моряки Дальневосточного морского пароходства. Они доставляли десантные войска, боевую технику, боеприпасы. Каждый их рейс был смертельно опасен. Но моряки с честью выходили из труднейших положений.

Вот что рассказал об одном из таких рейсов первый помощник капитана парохода «Сучан» Иван Павлович Данильцев:

«На четвертый день войны капитан парохода Вениамин Исаакович Факторович получил боевое задание — принять на борт войска, технику и следовать в корейский порт. Когда закончилась погрузка, на борт взошли войска. Моряки встретили их радушно. Среди бойцов нашлись друзья, знакомые, сослуживцы.

Капитан отдает последние распоряжения:

— Поднять трап! Отдать концы!

Начался боевой рейс. 15 августа на горизонте показался маяк вражеского порта. Навстречу «Сучану» стремительно несли советский катер-охотник.

— Следовать за мной! — подали сигнал с катера.

— Право на борт! — приказал капитан.

Вдруг слева по корме раздался взрыв. Столб воды взметнулся вверх. Судно задрожало, послышался треск и звон разбившихся приборов. Оказалось, взорвалась вражеская мина.

Когда пароход «Сучан» подходил к вражескому порту, рядом с ним взорвалась еще одна мина.

— Машина вышла из строя. Руль не работает. Рация молчит. Компасы разбиты, — доложили капитану Факторовичу.

Судно по инерции шло к берегу. Казалось, корабль неминуемо будет выброшен на скалистый берег. Только благодаря исключительному спокойствию и выдержке экипажа катастрофа была предотвращена.

С мостика раздался уверенный голос капитана:

— Спокойно! Экипажу находиться на своих местах, воинским частям — на верхней палубе...

Самообладание капитана Факторовича внушало спокойствие и остальным. Среди моряков и красноармейцев не было ни тени паники.

— Отдать оба якоря! — последовала новая команда. Судно остановилось. Бойцы напряженно прислушивались к тому, что происходило внизу, под палубой.

В это время в машинном отделении стояла нестерпимая жара. Горячий пар со свистом вырывался из лопнувших труб. Все было залито жидким топливом. Одна динамо-машина разворочена, подшипники гребного вала сломаны. Но никто из машинной команды не оставил рабочего места. Обливаясь потом, задыхаясь от пара, люди устраняли повреждения. Скорее дать ход судну! Оторвать его от вражеского берега! Благодаря мужеству и мастерству команды, умелому руководству старшего механика Бондарева и второго механика Калалникова это удалось сделать. Через сорок минут Бондарев доложил, что основные агрегаты исправлены, машина может работать. К ночи судно своим ходом отошло от берега.

Никто из десантников не подозревал, что корабль стоит на минном поле. Бригада тральщиков под командованием капитана 1-го ранга Капанадзе приступила к расчистке фарватера. Вдруг в двадцати — тридцати метрах от борта издался два сильных взрыва. Вновь послышался треск лопающихся приборов. Машина и радиостанция вышли из строя. Снова экипаж принялся за ремонт. Люди трудились, не щадя себя. Через пять часов заработала машина, старший радист Дормидонтов послал в эфир позывные.

Одиннадцать мин взорвалось в районе стоянки корабля, но «Сучан» свое задание выполнил».

Образцы мужества и выдержки показала команда другого парохода, капитаном которого был Всеволод Мартынович Башкович. Этот пароход доставлял в Сейсин подкрепления и боеприпасы. Рабочие Владивостокского порта при тщательной светомаскировке ночью погрузили боеприпасы и снаряжение, пароход принял бойцов и в сопровождении конвоя вышел в море.

В Сейсине еще продолжались ожесточенные бои. Пароход осторожно входил в порт. Внезапно с левого борта раздался сильный взрыв. Судно накренилось и потеряло ход: была повреждена главная машина.

Конвойный корабль взял пароход на буксир и поставил к пирсу. Солдаты, сойдя на берег, тут же вступили в бой. А команда судна под обстрелом выгружала боеприпасы и снаряжение, чинила машину. Полностью выполнив задание, судно вышло во Владивосток.

В эти же дни с большим патриотическим подъемом трудились рабочие Владивостока. Коллективы заводов и фабрик, торгового и рыбного портов, железнодорожного узла решили: не выполнив очередного задания командования, не уходить с работы.

Бригада судосборщиков Дальзавода пятеро суток не покидала цех, ремонтируя боевой корабль. Рабочие пассажирского депо произвели ремонт санитарных вагонов за три дня вместо отведенных девяти.

Судоверфь Главрыбпрома получила заказ срочно отремонтировать пострадавший во время боевых операций корабль. Все рабочие объявили себя мобилизованными. Бригада котельщиков, возглавляемая коммунистом Кондрашиным, выполняла нормы на 420 процентов. Мастер Титков стал на плотницкие работы и выполнял нормы выработки на 300 процентов. Заказ был сдан досрочно.

Комсомольско-молодежная бригада слесарей-монтажников Дальзавода в составе Артемиди, Власенко, Воробьева и Салая, возглавляемая Мордвиным, обратилась к передовой комсомольско-молодежной бригаде шахтеров и к ее бригадиру Кочегарову с призывом:

«Давайте соревноваться на лучшую помощь фронту! Условия соревнования мы предлагаем такие: давать каждый день по три нормы при отличном качестве... Чем лучше будем ра-

ботать, тем скорее закончится нашей победой война с японскими захватчиками».

Инициативу бригады Мордвина поддержал крайком ВЛКСМ. Сотни комсомольско-молодежных бригад приняли смелый вызов.

«Дорогие товарищи! С волнением прочитали мы ваше письмо, в котором вы вызываете нас соревноваться на лучшую помощь фронту, — отвечала бригада Кочегарова. — Ваш вызов принимаем... В оставшиеся дни августа обязуемся выдать нагору сверх государственного плана 500 тонн угля».

На владивостокском заводе «Металлист» комсомольско-молодежная бригада Грузинцева стала давать по три-четыре нормы. Токарь вагоноремонтных мастерских комсомолец Николай Белов 14 августа перевыполнил задание в восемь раз, а токарь Валя Кулакова стала ежедневно давать 400—500 процентов нормы.

Охваченные трудовым энтузиазмом, высокими патриотическими чувствами, передовые рабочие и служащие подавали заявления с просьбой принять их в партию, молодежь — в ряды комсомола.

Мы ежедневно устно и письменно информировали крайком, командование и Политуправление флота о работе промышленности и транспорта, о том, как обеспечиваются нужды фронта, о состоянии местной противовоздушной обороны, о ходе эвакуации и массово-политической работе с населением, о внутрипартийной работе.

В эти-то горячие дни Владивосток отмечал свой юбилей. Еще в первой половине июля на бюро горкома был утвержден план подготовки и празднования юбилея. Предполагалось отметить его торжественно. Это особенно важно было накануне тех больших событий, которые должны были развернуться на Дальнем Востоке. Но обстановка сложилась так, что военные действия начались раньше, и многое, что намечалось в наших планах, — торжественное заседание, парад физкультурников, различные соревнования — пришлось отменить.

Газеты «Красное знамя», «Боевая вахта» и «Тихоокеанский моряк» были заполнены материалами, посвященными юбилею. Несмотря на воскресный день, все предприятия города работали. В торговом порту, у рыбаков, на железнодорожных станциях шла погрузка и выгрузка военных материалов, заводы ремонтировали боевые корабли, изготавливали боеприпасы. Зорко несли службу части ПВО, в боевой готов-

ности находилась местная противовоздушная оборона, улицы усиленно патрулировались.

На здании гостиницы «Челюскин», где во время японской интервенции размещался возглавляемый Сергеем Лазо партизанский штаб, на здании Института эпидемиологии и бактериологии, где Лазо, Луцкий и Сибирец были арестованы, на стене Дома пионеров, где работал первый Владивостокский Совет рабочих и солдатских депутатов, в торжественной обстановке устанавливались мемориальные доски. Жители города и моряки посещали в этот день выставки, слушали доклады, беседы об истории города.

В небольшом скверике на улице Ленина собрались тысячи людей на открытие памятника организатору вооруженной борьбы с японскими интервентами в годы гражданской войны Сергею Георгиевичу Лазо.

Примечательна история создания этого памятника. Скульптор Писаревский, выполнив в гипсе модель, не дождался отливки памятника в металле и уехал на Черноморский флот. Отлить памятник на месте было не под силу. Мы пытались сделать это в Ленинграде, Свердловске или в Хабаровске. Везде получили отказ. Заводы работали на войну. Кто-то предложил еще раз обратиться к владивостокцам: пусть проверят свои возможности, посоветуются с литейщиками. Однако ни один завод не брался за этот необычный заказ.

Однажды утром в горькоме раздался телефонный звонок. Говорил председатель завкома судоремонтного завода. Он сообщил, что несколько старых рабочих-умельцев хотят попробовать свои силы.

В тот же день мы встретились с ними. Видно было, что старший мастер литейного цеха Мешков, формовщик Гонтарюк, модельщик Волков уже во всех деталях обдумали предстоящую сложную и почетную работу.

— Вы беретесь отлить памятник? — спросил я.

Мешков обвел взглядом товарищей и спокойно ответил:

— Сделаем.

— А модель видели?

— Два вечера ходили вокруг. Все обмозговали. Сделаем, — и он снова взглянул на товарищей.

Гонтарюк кивнул головой, а Волков пристукнул большой темной ладонью по столу и проговорил:

— Нельзя не сделать. Это же памятник нашему Лазо.

Директор завода Желтовский, секретарь парткома Бабаков и конструктор Бойко, которые также пришли в горком, пообещали мастерам свою помощь.

Так Мешков, Гонтарюк и Волков, слесари Сипливый, Заев и Верещак, инженеры Бойко и Рогозин взялись отлить памятник доблестному бойцу революции, человеку, дорогому для каждого владивостокца, — Сергею Лазо.

Были у них неудачи, бессонные ночи, валяющая с ног усталость. Трудности помогла преодолеть поддержка заводского коллектива.

Вскоре памятник был готов. Народ, собравшийся на митинг, окружил монумент, окутанный полотном. Вероятно, в мыслях каждого в те минуты прошла короткая героическая жизнь легендарного героя. Вот он накануне восстания без оружия и без охраны отправляется на Русский остров в школу прапорщиков, где большинство офицеров настроено против большевиков.

«За кого вы? — обратился к ним Лазо. — Русские люди, молодежь русская, за кого вы? Вот я к вам пришел один, невооруженный; вы можете взять меня заложником... Убить можете... Этот чудесный русский город — последний на вашей дороге! Вам некуда отступать: дальше — чужая страна... Чужая земля... И солнце чужое... Мы русскую душу не продавали пограничным кабакам, мы ее не меняли на золото и заморские пушки... Мы не наемными, мы собственными руками защищаем нашу землю. Мы грудью нашей, мы нашей жизнью будем бороться за Родину, против иноземного нашествия. Вот за эту русскую землю, на которой я стою сейчас, мы умрем, но не отдадим ее никому!»

После этой пламенной речи большинство офицеров школы присоединилось к восставшим...

И вот когда митинг закончился и полотно, закрывавшее памятник, соскользнуло вниз, открылся народу Сергей Лазо — во весь рост, в солдатской шинели, с обнаженной головой. В дни борьбы с японскими империалистами новую силу приобрели его слова, начертанные на памятнике: «...За эту русскую землю, на которой я стою сейчас, мы умрем, но не отдадим ее никому!»

Несмотря на то что военные действия развивались успешно, а налетов на город не было, мы не прекращали эвакуации населения. Только за четыре дня войны из города было вывезено свыше двадцати тысяч человек, из них около шестидцати тысяч детей. Всего эвакуировалось несколько десятков

тысяч человек. Работой среди эвакуированных и их обслуживанием ведала специальная комиссия горкома партии, возглавляемая секретарем горкома Василием Игнатьевичем Макаровым. Хорошо помогали комиссии комсомольские организации, работники отделов народного образования и здравоохранения, женский актив.

В город прибывали раненые моряки и солдаты. Сотни женщин и девушек пошли работать в госпитали, сдавали свою кровь, собирали для фронтовиков подарки. Делегации от трудящихся Владивостока посещали боевые корабли и авиачасти.

Делегация Ворошиловского района, возглавляемая секретарем райкома Екатериной Ивановной Ванакс, навестила раненых краснофлотцев, которые участвовали в десантных операциях при взятии городов Юки и Расин. Делегация Фрунзенского района во главе с секретарем райкома Александром Ивановичем Щеголевым побывала в гостях у героев-летчиков. Я вместе с Павлом Кашкиным и работниками Севморпути был в бригаде торпедных катеров под командованием капитана 2-го ранга Кухты. Восемьдесят два офицера и матроса этой бригады были награждены орденами и медалями Советского Союза. Побывали мы на одном из торпедных катеров, вся команда которого во главе с командиром Соколовым была награждена орденами и медалями. Рассказали морякам о том, что делает город для фронта, а они нам — о своих боевых подвигах.

Помогая действующим частям, владивостокцы в свою очередь постоянно чувствовали на себе заботу и внимание всей страны. В адрес командования, крайкома, городских организаций из близких и дальних городов и сел шли телеграммы. «Враг будет разбит. Победа будет за нами!» — этим убеждением была проникнута каждая из них. Прислали телеграммы и севастопольцы. Секретарь горкома партии Лесик, мои старые друзья — Ефремов, Сарина и другие выражали уверенность, что опыт работы в дни героической защиты Севастополя поможет нам выполнить долг перед страной. «В эти дни наш коллектив особо вспоминает тебя в период севастопольской обороны, — писали мне руководители севастопольского Морзавода. — Желаем успеха и скорой победы».

17 августа было опубликовано разъяснение начальника Генерального штаба Красной Армии генерала армии А. И. Антонова, что действительной капитуляции вооруженных сил

Японии еще нет, что японцы продолжают сопротивляться и что поэтому советские войска на Дальнем Востоке будут продолжать свое наступление.

Значит, правильно мы поступали, не дав раньше времени ослабнуть боевому напряжению. Вероломство японской военщины особенно наглядно проявилось 18 августа.

Около часу дня позвонил дежурный штаба МПВО:

— Над городом в районе Первой речки самолет противника!

— Перепроверьте. Свяжитесь со штабом ПВО..

Послышалась стрельба. Дежурный сообщил, что вражеский самолет пикирует на танкер «Таганрог» в районе нефтебазы.

Не медля ни минуты, мы направились в порт. Здесь уже находилось командование ПВО, в том числе генерал-майор Жилин. Танкер стоял в каких-нибудь ста метрах от берега.

Капитан «Таганрога» Зайцев и капитан-лейтенант Бурмистров доложили, что они заметили на небольшой высоте японский бомбардировщик. Наблюдатели ПВО приняли самолет за свой. Воздушной тревоги не было, по вражескому самолету никто не стрелял. На танкере дали сигнал тревоги. Зенитчики открыли огонь. Набрав высоту и обстреливая судно из пушек, бомбардировщик пикировал на танкер. Капитан-лейтенант Бурмистров огнем из пулемета сбил его. Объятый пламенем, японский самолет упал в море в нескольких десятках метров от судна.

Самолет подняли. У японского летчика-смертника подпоручика Уиохара Иосира нашли записную книжку. В ней было написано:

«Задача — нанести таранный удар на полном газу при скорости 550 километров. Удар нанести прямо в трубу или мостик.

До последнего момента, не смыкая глаз, хорошо прицеливаться. Если нет кораблей, выбрать в городе самый большой дом.

В случае обстрела зенитной артиллерией или встречи с вражескими истребителями помахать крыльями и выпустить шасси, выкинуть японский флаг и, сделав знаки о сдаче, продолжать любыми средствами выполнять задание по нанесению таранного удара по самому большому кораблю в порту Владивостока».

И это произошло после того, как Япония заявила о своей безоговорочной капитуляции! К тому же погибший летчик

использовал трассу, специально предназначенную для полетов японских дипломатов и военных на переговоры с нашим командованием.

Но японским милитаристам не могли уже помочь никакие ухищрения: 18 августа наши десантники овладели в Корее городом-портом Оденцином. Успешно развивались операции, предпринятые 2-м Дальневосточным фронтом, Тихоокеанским флотом и Тихоокеанской флотилией по овладению Южным Сахалином и Курильской грядой.

19 августа Советское Информбюро сообщило, что в Маньчжурии войска Квантунской армии на большей части фронта прекратили сопротивление и сдаются в плен.

«Мы рассчитывали обороняться на этом рубеже не менее полумесяца, а затем отойти в горы Северной Кореи, где могли бы в течение лет трех сдерживать наступление любых сил», — заявил сдавшийся в плен начальник штаба Квантунской армии генерал Хата Хикосабуро. Наступление советских войск было столь стремительным, что японской военщине не удалось осуществить ни этот, ни какой-либо другой план.

22 августа по Владивостоку был объявлен приказ начальника гарнизона контр-адмирала Федорова: «С сего числа в гарнизоне города Владивостока и его окрестностях светомаскировку отменяю».

Владивосток засверкал огнями. Жители с облегчением снимали с окон быстро надоевшие шторы. Это было большим облегчением для промышленных предприятий, торгового порта, железнодорожников.

На совещании руководящих работников города и районов мы предупредили, что военное положение еще не снято, что нельзя отменять круглосуточное дежурство в штабах МПВО, на заводах, в организациях и учреждениях. Бойцы МПВО, вооруженные отряды коммунистов и комсомольцев должны остаться на казарменном положении. Было предложено не торопиться с возвращением в город эвакуированных.

В то же время началась подготовка к мирной зиме, к новому учебному году в школах, вузах, техникумах.

23 августа наши войска вступили в порт Дайрен и Порт-Артур. 28-го закончилось освобождение южной части Сахалина. 1 сентября от японских войск были очищены Курильские острова.

Военное положение во Владивостоке было отменено 31 августа, и все мы с нетерпением ждали безоговорочной

капитуляции врага, чтобы достойно отметить победу над Японией и окончание второй мировой войны.

Этот день настал. 2 сентября 1945 года представители Японии подписали акт о безоговорочной капитуляции. 3 сентября было объявлено Днем победы над Японией.

Владивосток ликовал. На его долю выпало стать последним военным городом в долгой, изнурительной войне, навязанной нам фашистскими агрессорами. Враг повержен, разбит и на западе, и на востоке. Хорошо сказал об этом Лебедев-Кумач:

Сдалась японская военщина.
Победоносно кончилась война,
И новой славою увенчана
Моя великая страна.
Почувяв грозный и стремительный
Наш богатырский, русский шаг,
Склонился низко и почтительно
Дотоле непреклонный враг.

На привокзальной площади рокотало людское море. Никогда в жизни, кажется, не волновался я так, как в тот раз, открывая митинг. Один за другим поднимались на трибуну руководители края, города, воины, рабочие. Все они поздравляли Красную Армию, Военно-Морской Флот, советский народ, трудящихся Приморья и Владивостока с победой, призывали самоотверженно трудиться, чтобы скорее залечить раны, нанесенные войной.

Командование, краевые и городские организации были засыпаны поздравительными телеграммами. Не скрою, самой дорогой была для меня телеграмма из Крыма: «Трудящиеся Севастополя поздравляют трудящихся Владивостока и моряков Тихоокеанского флота с Днем победы над Японией. Желаем успеха в мирной работе».

Тысячи и тысячи матросов, солдат и офицеров Тихоокеанского флота были награждены за проявленное в боях героизм. Сорок два матроса и офицера получили звание Героя Советского Союза. Многие корабли и части флота стали гвардейскими, были награждены орденами Советского Союза. Ордена и медали получили сотни трудящихся Приморья и Владивостока, в их числе двести восемьдесят три моряка Дальневосточного морского пароходства.

Отгремели бои. Наша Родина, весь советский народ с честью вышли из тяжкого испытания, доблестно выполнили свою историческую миссию. В эту блистательную победу свой патриотический вклад внесли и владивостокцы.

Прошло много лет после Великой Отечественной войны. Осенью 1967 года, накануне пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции, мне довелось пережить еще одно волнующее событие в своей жизни. Будучи уже на пенсии, я лечился в одном из санаториев на Южном берегу Крыма. В здравницу приехала большая группа севастопольцев — представители городского комитета партии, исполкома городского Совета и других общественных организаций.

Севастопольские товарищи сообщили мне, что горком партии и исполком горсовета решили присвоить звание почетного гражданина города-героя Севастополя адмиралу Филиппу Сергеевичу Октябрьскому, участнику Великой Отечественной войны Герою Социалистического Труда бригадиру коллектива коммунистического труда Морского завода Геннадью Матвеевичу Табачному и мне. На юбилейной торжественной сессии городского Совета Ф. С. Октябрьскому и Г. М. Табачному были вручены дипломы и красно-синие (цвет государственного флага Украинской ССР) атласные ленты с надписью: «Почетному гражданину города-героя Севастополя».

В санаторий севастопольцы приехали, чтобы и мне вручить диплом и ленту почетного гражданина своего города. Происходило это в торжественной обстановке в присутствии отдыхающих и сотрудников санатория.

Теплые слова обо мне сказала Антонина Алексеевна Сарина — председатель исторической комиссии Севастопольского горкома партии. Она была по-прежнему такая же энергичная, как и в дни обороны города-героя. Выступили и другие товарищи. Я горячо поблагодарил севастопольцев за высокую честь.

Все это очень взволновало. Ночь прошла без сна. Одолевали думы, думы... Перебирал в памяти все важнейшие события на своем жизненном пути.

Самое лучшее, самое дорогое и в тоже время самое трудное в моей жизни связано с Севастополем. Там я впервые увидел море и боевые корабли, познакомился с замечательной историей города русской славы, с его традициями.

Вспомнились предвоенные дни напряженной работы на посту первого секретаря Севастопольского горкома партии, начало войны, трудные месяцы обороны города.

Памятен также 1944 год, приезд в освобожденный Севастополь. Я много бродил тогда по развалинам города, встречался с друзьями, побывал на местах боев и захоронений защитников Севастополя. В те дни и решил, что мой долг — написать о героической обороне города, о работе партийной организации, о моряках, приморцах — обо всех тех, с кем работал и защищал город.

Еще раз я побывал в Севастополе после лечения в Ялтинском институте имени Сеченова. Город постепенно восстанавливался, работали многие предприятия. Вернулся в свою родную гавань Черноморский флот. Снова встречи с боевыми друзьями — партийными, комсомольскими работниками, военными.

— Теперь-то наконец к нам? — спрашивали товарищи.

Ответить что-либо определенное я не мог. А желание работать в Севастополе было очень большое. Но в Москве получил другое назначение — во Владимир. Там меня избрали секретарем горкома партии. Затем — учеба на курсах переподготовки партийных и советских работников при Высшей партийной школе, работа в аппарате ЦК партии.

В те годы много довелось поехать по стране. Будучи в командировках на заводах и фабриках, на лесозаготовках и в колхозах, на боевых кораблях и рыболовецких судах, я встречался со многими советскими людьми, видел, как быстро восстанавливаются города и села, как идет строительство новых заводов и фабрик, как укрепляется оборонная мощь страны. Еще ближе узнал наш трудолюбивый, мужественный

народ, глубже осваивал партийную работу и всецело отдавался ей.

Никогда не оставляла меня мысль об учебе, хотя осуществить задуманное удалось лишь после войны. На шестом десятке лет я закончил заочное отделение Высшей партийной школы при ЦК КПСС, на седьмом — защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата исторических наук.

Все сильнее становилось желание начать работу над воспоминаниями о героической обороне Севастополя. Об этом не раз говорили мне знакомые журналисты, партийные работники. В свободное время стал просматривать свои записные книжки, делал наброски, переписывался с сотрудниками архивов. К 1948 году наконец закончил первый вариант рукописи. Кто знает, какая ждала ее судьба, если бы не встреча с очень щедрым и чутким писателем Петром Андреевичем Павленко.

Это было на Крымской областной партийной конференции. Петр Андреевич жил тогда в Ялте, состоял на учете в местной партийной организации и был делегатом конференции. Я же присутствовал в качестве гостя. Когда нас познакомили и я рассказал о своих литературных наметках, Павленко сразу же заинтересовался. Он долго расспрашивал, подсказал, какими должны быть воспоминания, порекомендовал связаться с редакцией журнала «Знамя», членом редколлегии которого он был.

Несколько позднее я узнал, что Петр Андреевич после встречи со мной в Симферополе послал главному редактору журнала «Знамя» Всеволоду Витальевичу Вишневному письмо, в котором писал, что нашел автора, Борисова, бывшего секретаря Севастопольского горкома партии и председателя комитета обороны города. «...Сейчас у него написано листов пять-шесть, — писал Павленко. — То, что он рассказывает, материал богатырской силы. Парень все знает и пробыл в Севастополе до последнего дня. Борис Алексеевич Борисов очень хочет сблизиться с коллективом «Знамени», посоветоваться, почитать.

Не упускай его, возьми его и владей им!..»

В Москве Всеволод Витальевич попросил показать рукопись. Вскоре я получил от него письмо:

«Может получиться повесть значительная, принципиально сильная. Из партотчета надо выводить весь материал к сво-

бодной, широкой форме живописания: давать все в лицах, давать свободно себя, Борисова, свои оценки, споры, наблюдения... Новый, живой, свободный, повествовательный метод поведет вас, тов. Борисов, к нужному результату...»

На полях рукописи Вишнеvский и Павленко сделали много замечаний. Они дали мне много ценных советов о том, как надо работать над книгой в дальнейшем.

Но у меня не хватало опыта. Помогли писатели, работники журнала «Знамя», товарищи по обороне. Наконец рукопись была сдана в редакцию. В 1950 году в апрельском, майском, июньском и июльском номерах журнала воспоминания были напечатаны. Назывались они «Подвиг Севастополя».

Воспоминания получили одобрительные отзывы читателей, особенно участников обороны Севастополя. Затем они вышли отдельной книгой в Крыму и в издательстве «Советский писатель». Дополненную рукопись принял к печати Воениздат.

Во время одной из встреч в Севастополе комсомольцы попросили меня написать книгу о деятельности комсомольской организации города-героя в дни обороны, о героической борьбе молодежи Севастополя в годы Великой Отечественной войны. С большим желанием я взялся за работу.

Узнав об этом, Петр Андреевич Павленко прислал мне из Ялты письмо: «Вы, мне кажется, могли бы взяться за другую, правда, чрезвычайно трудную тему,— «Записки секретаря горкома». Вот в этой книге нашел бы себе место еще раз военный Севастополь и Владивосток.

Рискните! Тема благороднейшая и нужнейшая. У вас для этой темы есть уже три очка:

1. Вы секретарь горкома.
2. Вы написали книгу, т. е. хватили горячего, поняли трудность рождения книги, приобрели опыт.
3. Вы отлично знаете материал, который должен лечь в основание книги.

...Нет, беритесь за «Записки секретаря горкома»! Я верю, что вы их напишете. Не легко и не сразу, но обязательно напишете...»

Трижды встречался я с Петром Андреевичем в Ялте и Москве. Последняя наша встреча состоялась весной 1951 года в его московской квартире, на улице Горького. Он рассказал о своих планах, давал советы по работе над «Записками».

Когда я вплотную взялся за книжку, сразу же возникла необходимость посоветоваться с Петром Андреевичем, которому я многим был обязан. Но его уже не было в живых...

Работая над книгами, я почти каждый год бываю в Севастополе. Не узнать сейчас наш город. Новые заводы и фабрики. Просторные, из белого камня улицы, прекрасные бульвары, сады и парки, многочисленные памятники, музеи, Панорама обороны Севастополя 1854—1855 годов, диорама штурма Сапун-горы. Радуют школы, театры, дворцы культуры, стадионы и клубы, новые больницы и поликлиники, современный городской транспорт... Но главное богатство города — его замечательные люди.

Партия и правительство, весь советский народ высоко оценили подвиг севастопольцев в годы Великой Отечественной войны. Красное знамя города-героя украшено Золотой Звездой, орденом Ленина и орденом Красного Знамени. Орденами Красного Знамени награждены славный Черноморский флот и севастопольская городская комсомольская организация. Тысячи участников обороны и освобождения Севастополя, партизан и участников героического подполья удостоены правительственных наград.

Севастопольцы и моряки-черноморцы свято хранят и приумножают традиции родного города и Краснознаменного Черноморского флота. Одними из первых в стране они включились в движение за коммунистический труд, высокую культуру и образцовый общественный порядок. Особенно радуют трудовые успехи коллектива ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени родного мне Морского завода.

Именами героев обороны и подполья названы многие улицы города. Имеются улицы Героев Советского Союза адмирала Октябрьского, генералов Петрова и Острякова, политрука Фильченкова и краснофлотцев Цибулько, Паршина, Одинцова, Красносельского, пулеметчицы Нины Ониловой, моряка Ивана Голубца, летчика Якова Иванова; улицы имени председателя горисполкома Ефремова, секретаря обкома партии Меньшикова, командира бригады морской пехоты полковника Горпищенко и командира гвардейского арtpолка Богданова, улицы имени руководителей севастопольского подполья Героя Советского Союза Ревякина и Терещенко, героев дзота № 11, комсомольских вожakov города Саши Багрия и Нади Краевой...

В Севастополе, как и во всей стране, выросло новое поколение, не знающее ужасов войны. Оно растет и воспитывается в мирной обстановке. О войне, обороне родного города молодежь знает из книг, из воспоминаний участников. Ветераны обороны города рассказывают молодым рабочим, студентам, морякам, школьникам о славных боевых, революционных и трудовых традициях Родины, города и флота. Моряки Краснознаменного Черноморского флота, комсомольцы, молодые севастопольцы, воспитанные на этих традициях, идут в первых рядах строителей коммунизма, защитников наших рубежей.

Более двух миллионов советских людей ежегодно посещают город-герой, знакомятся с его достопримечательностями, чтут память тех, кто отдал жизнь, сражаясь за Родину и родной город. Сотни, тысячи ветеранов войны приезжают каждый год в Севастополь, но особенно много их в праздничные майские дни победы над фашистской Германией. Тепло встречают севастопольцы защитников и освободителей города. Они с гордостью показывают восставший из руин Севастополь, рассказывают о своих достижениях, вместе с ветеранами посещают памятные места боев и могилы погибших.

Многих ветеранов уже нет в живых. Нет адмирала Филиппа Сергеевича Октябрьского, нет генерала армии Ивана Ефимовича Петрова, председателя горисполкома Василия Петровича Ефремова и многих, многих других. Продолжают активно трудиться Антонина Алексеевна Сарина, Николай Михайлович Кулаков, Петр Алексеевич Моргунов.

В Иванове мне пришлось побывать лишь через семнадцать лет в связи с работой над «Записками секретаря горкома». Много радостных перемен произошло и в столице края ткачей. Не узнать города. Построены новые заводы и фабрики, кварталы домов и целые жилые районы, город стал благоустроеннее, чище. За успехи в хозяйственном и культурном строительстве Ивановская область награждена орденом Ленина. К 100-летию со дня основания город Иваново удостоен ордена Октябрьской революции.

Не удалось мне после войны быть во Владивостоке. Но я постоянно слежу за жизнью этого славного города. Владивостокцы, как и все приморцы, успешно справляются с выполнением задач, поставленных партией и правительством. Растет и крепнет Тихоокеанский флот. За успехи в хозяйственном и культурном строительстве Приморский край на-

гражден орденом Ленина. Ордена Красного Знамени удостоен Тихоокеанский флот.

Растет и хорошеет Ярославль. Ярославская область также награждена орденом Ленина. Не узнать ныне поселок и фабрику «Красные ткачи», где я начинал свой трудовой путь.

Частые встречи с товарищами по партийной работе, по военным годам, выступления перед молодежью позволяют мне, даже будучи на пенсии, участвовать в общественной жизни, по мере сил помогать благородному делу воспитания советских людей. Этой цели, надеюсь, служат и мои немногие книги. Их рождению я обязан прежде всего щедрым на помощь товарищам — партийным работникам, писателям, журналистам, военным — и бесконечно благодарен им.

СОДЕРЖАНИЕ

КОМСОМОЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ	3
СЛОЖНАЯ ПРОФЕССИЯ	39
В СЕВАСТОПОЛЕ	85
ВРАГ НАС НЕ СЛОМИЛ	161
В СТОЛИЦЕ КРАСНЫХ ТКАЧЕЙ	214
КРЕПОСТЬ НА ВОСТОКЕ	295
ПОСЛЕСЛОВИЕ	360

Борис Алексеевич Борисов
ШКОЛА ЖИЗНИ

Заведующий редакцией
В. Д. Ветров

Редакторы *Б. Н. Бочков, А. Я. Лысый*

Младший редактор *М. В. Казанцева*

Оформление художника *Н. Н. Симанина*

Художественный редактор
В. И. Терещенко

Технический редактор *Е. И. Каржавина*

Сдано в набор 3 июня 1971 г. Подписано в печать 20 октября 1971 г. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская №1. Условн. печ. л. 23,37. Учетно-изд. л. 23,21. Тираж 100 тыс. экз. А11959. Заказ № 2125. Цена 1 р. 44 к.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Набрано и сматрицировано в ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Москва, М-54, Валовая, 28.

Отпечатано в ордена Ленина типографии „Красный пролетарий“, Москва, Краснопролетарская, 16. Заказ № 564.

Б.А.Борисов • ШКОЛА ЖИЗНИ

1 р. 44 к.

Б. А. Борисов • ШКОЛА ЖИЗНИ

